

Универс 420

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

И

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г

Историческая монографія

В. Н. ВИТЕВСКАГО.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ
древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ.

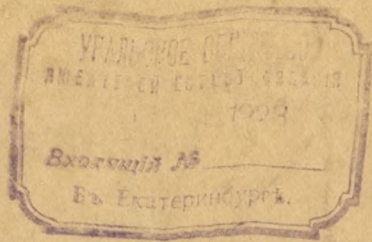
*Подробное описаніе Россіи возможно будетъ
только тогда, когда во всякой губерніи будетъ
человѣкъ искусный и прилежаніемъ подобный
Рычкову.*

Миллеръ.

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, собственный домъ.

1890.

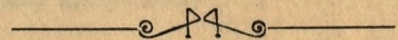
~~45674~~

И. И. НЕПЛЮЕВЪ

X XV
3-II-15.

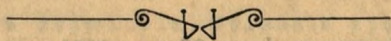
и

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕГО СОСТАВѢ ДО 1758 Г.

Историческая монографія

Р. Н. РИТЕВСКАГО.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Съ приложеніемъ двухъ литографированныхъ видовъ древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ.

Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человекъ искусный и прилежаніемъ подобный Рачкову.

Миллеръ.

~~ВЪЗРАЩАЮЩЕ~~

~~КАЗАНСКО-КРАСНОВАЯ~~

~~227~~

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія В. М. КЛЮЧНИКОВА, Большая Проломная улица, собственный домъ.

1890.

И. И. НЕПЧЮЕВЪ

N

ОБЪЕМЪ КНИЖКИ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ ЕЕ СОСТАВѢ ДО 1258 Л.

Историческая монография

В. Н. ВИНЕТСКОГО.

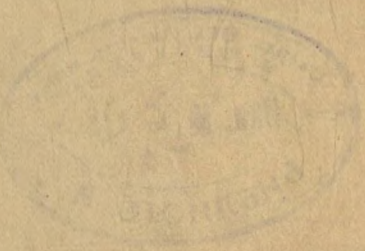
Дозволено цензурою. Июня 27 дня 1889 года. Москва.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Съ полнымъ текстомъ двухъ историко-описательныхъ выводовъ
превращающихъ описательныя хранилища

Историческое описание и опись восточныхъ рукописей
и описи рукописей, находящихся въ восточномъ отделѣ
Библиотеки Императорскаго Высшаго училища въ Москвѣ.

Издатель

В. А. АН. А.

Издатель В. А. АН. А. Восточный отделъ Императорскаго Высшаго училища въ Москвѣ.

1889

ОГЛАВЛЕНИЕ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ.

Отъ автора (вмѣсто предисловія) стр. VII—XVIII.

ГЛАВА VIII. Прибытіе Неплюева въ Оренбургъ и первоначальныя мѣры, принятыя имъ къ устройству края въ финансовомъ и стратегическомъ отношеніяхъ.—Основаніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга.—Аксаковъ и Соймоновъ.—Слѣдствіе по дѣлу Аксакова и удаленіе его отъ должности.—Волненіе крестьянъ Тевкелева.—Исходъ слѣдствія по дѣлу Аксакова . . . стр. 177—218.

Предстоявшія Неплюеву затрудненія, стр. 177—178.—Устройство укрѣпленій по р. Сакмарѣ, 179.—Внутреннее состояніе Оренбургскаго края, 180.—Укрѣпленіе и переименованіе первоначальнаго Оренбурга въ Орскъ, 181.—Карасакаль и Башлыкъ, 182.—Заботы Неплюева о финансахъ края, 183.—Укрѣпленія, основанныя Неплюевымъ по верхнему Уралу и Ую, 184.—Смерть второй жены Неплюева, 185.—Выборъ Неплюевымъ мѣста для построенія Оренбурга, 186.—Представленіе Неплюева въ Сенатъ о построеніи Оренбурга, 187.—Планъ и построеніе настоящаго Оренбурга, 188.—Укрѣпленіе и постепенный ростъ города, 189.—Древнѣйшіе храмы въ Оренбургѣ, 190.—Лучшія улицы и зданія въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, 191.—П. Д. Аксаковъ и его предки, 192.—Начало столкновеній Аксакова съ Соймоновымъ, 193.—Башкирская депутація въ Петербургъ, 194.—Результатъ депутаціи и произволъ Аксакова, 195.—Жалоба на Аксакова Мертваго и Зубова, 196.—Доношеніе Аксакова въ Сенатъ, 197.—Арестъ Зубова Аксаковымъ и освобожденіе его Сенатомъ, 198.—Преданіе Аксакова суду и доносъ Кадомцева, 199.—Начало слѣдствія и допросъ подъячлаго Гусева, 200.—Слѣдователь Люткинъ и отношеніе къ нему Аксакова, 201.—Отрѣшеніе Аксакова отъ должности и допросъ Салтанаевыхъ, 202.—Старшина Мряковъ и отношеніе Аксакова

къ слѣдователямъ, 203.—Допросъ канцеляриста Олина, 204.—Бѣглый татаринъ Имагуль Муслюмовъ, 205.—Жалоба Аксакова Неплюеву на Люткина, 206.—Фонъ-Штокманъ и дѣла, истребленные Аксаковымъ, 207.—Прекращеніе слѣдствія и распоряженіе Фонъ-Штокмана, 208.—Прекращеніе слѣдствія объ Аксаковѣ и отъѣздъ его жены въ Москву, 209.—Письма Уракова, 210.—Отъѣздъ Аксакова изъ Уфы, 211.—Поведеніе Аксакова въ деревнѣ ясачныхъ татаръ, 212.—Истребленные Аксаковымъ дѣла, 213.—Поведеніе Аксакова въ Москвѣ, по удаленіи его отъ должности, 214.—Послѣдствія аксаковского дѣла, 215.—Волненіе крестьянъ Тевкелева, 216.—Распоряженіе Сената о возмущеніи крестьянъ Тевкелева, 217.—Исходъ слѣдствія о возмущеніи крестьянъ Тевкелева, 218.

ГЛАВА IX. Образованіе Оренбургской губерніи и ея первоначальный составъ.—Внутреннее состояніе Яицкаго казачьяго войска до подчиненія его Неплюеву стр. 219—247.

Образованіе Оренбургской губерніи, стр. 219.—Составъ Оренбургской губерніи и происхожденіе Яицкаго войска, 220.—Составъ и первоначальное мѣстожителство Яицкаго войска, 221.—Присоединеніе Яицкаго войска къ Московскому государству, 222.—О времени выдачи владѣнной грамоты на рѣку Яикъ, 223.—Подтвердительныя грамоты на рѣку Яикъ, 224.—Отношеніе Московскаго правительства къ Яицкому войску, 225.—Вѣчевой характеръ внутренняго управленія Яицкаго войска, 226.—Войсковой казачій Кругъ и его значеніе въ войскѣ, 227.—Учрежденія, въ вѣдѣніи которыхъ состояло Яицкое войско, 228.—Извѣтъ Карташева и начало междоусобій среди войска, 229.—Поведеніе фискаловъ и слѣдователей въ Яицкомъ городкѣ, 230.—Ближайшія слѣдствія «извѣта» Карташева и доносъ на Рукавишникова, 231.—Значеніе въ войскѣ Рукавишникова и челобитная Петру Великому, 232.—Отношеніе Военной Коллегіи къ Яицкому войску, 233.—Инструкція полковнику Захарову, 234.—Причины переписи казаковъ, 235.—Атаманъ Меркурьевъ и полковникъ Захаровъ, 236.—Награжденіе Меркурьева и доносъ на него Гузикова, 237.—Показанія Меркурьева въ Войсковомъ Кругу, 238.—Отношенія Яицкаго войска къ атаману Меркурьеву, 239.—Прошеніе Меркурьева и отношеніе къ нему Военной Коллегіи, 240.—Распоряженіе Военной Коллегіи о бѣглыхъ на Яикъ, 241.—Причины озлобленія казаковъ противъ Меркурьева, 242.—Жалоба войска на Меркурьева и его сыновей, 243.—Протестъ Меркурьевской партіи, 244.—Слѣдователь Алякинъ и интриги Меркурьева, 245.—Исходъ слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ Меркурьева, 246.—Результаты стремленій Военной Коллегіи относительно Яицкаго войска, 247.

ГЛАВА X. Набѣги и грабежи кочевниковъ. — Проектъ Татищева о заселеніи Нижне-яицкой линіи и отношеніе къ нему Неплюева. — Укрѣпленіе этой линіи при Неплюевѣ и основаніе на ней казачьихъ форпостовъ. — Гурьевъ-городокъ и поселеніе при немъ казаковъ. — Илецкая ота-ница и мѣры Неплюева къ ея укрѣпленію и безопас-ности. — Казачьи передовые посты за Яикомъ. — Резуль-таты стратегической дѣятельности Неплюева. — Начало Сибирской линіи крѣпостей и редутовъ . . . стр. 248—292.

Набѣги и грабежи кочевниковъ, стр. 248. — Побойща Яицкихъ казаковъ съ киргизами на р. Утвѣ, 249. — Рѣка Утва и набѣги калмыковъ, 250. — Жалоба Яицкаго войска въ Военную Коллегію на калмыковъ, 251. — Набѣги кочевниковъ на казаковъ и русскія пограничныя селенія, 252. — Стратегическое значеніе Яицкаго войска, 253. — Проектъ Татищева и отношеніе къ нему Яицкаго войска, 254. — Просьба Яицкаго войска и ходатайство Неплюева, 255. — Мнѣніе Неплюева о проектѣ Татищева, 256. — Укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи, 257. — Стратегическія мѣры Неплюева къ обезопасенію линіи, 258. — Казачьи форпосты и поводъ къ усиленію гурьевскаго гарнизона, 259. — Начало поселенія въ Гурьевѣ Яицкихъ казаковъ, 260. — Комплектованіе казачьей сотни въ Гурьевъ-городкѣ, 261. — Военная Коллегія отстаиваетъ мнѣніе Неплюева, 262. — Командированіе въ Гурьевъ сотни Яицкихъ казаковъ, 263. — Время и цѣль основанія Гурьева-городка, 264. — Яицкіе казаки препятствуютъ построенію Гурьева, 265. — Заботы Неплюева объ интересахъ казаковъ и укрѣпленіе Гурьева, 266. — Укрѣпленіе Гурьева прежнее и при Неплюевѣ, 267. — Предосторожности отъ киргизовъ и наказаніе за оплошность, 268. — Илецкіе казаки и отношеніе ихъ къ Яицкому войску, 269. — Личный осмотръ Неплюевымъ Илецкаго городка, 270. — Распоряженія Неплюева о безопасности Илецкихъ казаковъ, 271. — Предосторожности Неплюева отъ пожаровъ и штатъ Илецкихъ казаковъ, 272. — Самарскій городокъ и его обитатели, 273. — Самонадѣянность казаковъ и ея послѣдствія, 274. — Казачьи хутора и зимовки за Яикомъ, 275. — Самарская, Нижне-яицкая и Самарская линіи укрѣпленій, 276. — Верхне-яицкая и Уйская линіи крѣпостей, 277. — Укрѣпленія по рѣкамъ Исети и Міясу, 278. — Ландмилицкіе полки, 279. — Поселеніе ландмилицкихъ полковъ въ Оренбургскомъ краѣ и средства къ содержанію, 280. — Источники къ содержанію ландмилицкихъ полковъ, 281. — *Оренбургское казачье войско*, 282. — Воровскіе казаки и отношеніе ихъ къ ногайцамъ, 283. — Ногайскій ханъ проситъ о построеніи городовъ на Волгѣ, 284. — Убіиство атамана Ляпуна и основаніе городовъ на средней Волгѣ, 285. — Главный

притонъ воровскихъ казаковъ и основаніе Самары, 286.—Недовольство Уруса на построение на Волгѣ русскихъ городовъ, 287.—*Самарскіе и Алексѣевскіе казаки*, 288.—*Составъ и штатъ Оренбургскаго казачьяго войска*, 289.—Устройство Сибирской линіи укрѣплений, 290.—Выборъ мѣстъ для устройства крѣпостей Сибирской линіи, 291.—Вліяніе Неплюева на проведеніе Сибирской линіи, 292.

ГЛАВА XI. Проектъ Неплюева о внутренней реорганизаціи Яицкаго войска.—Порученіе Военной Коллегіи Неплюеву и его побѣдка въ Яицкій городокъ.—П. И. Рычковъ и отношеніе къ нему Неплюева.—Положеніе и укрѣпленіе Яицкаго городка.—Штатъ Яицкаго войска, проектированный Неплюевымъ.—Очередная служба и наемка казаковъ, съ точки зрѣнія Неплюева.—Извлеченія изъ проекта Неплюева.—Отношеніе Военной Коллегіи къ проекту Неплюева. стр. 293—317.

Заботы Неплюева о реорганизаціи Яицкаго войска, 293.—Порученіе В. Коллегіи Неплюеву о Яицкомъ войскѣ, 294.—П. И. Рычковъ, его первоначальное образованіе и служба, 295.—Служба П. И. Рычкова въ Оренбургскомъ краѣ, 296.—Отношеніе Неплюева къ Рычкову и литературные труды послѣдняго, 297.—Важнѣйшій изъ литературныхъ трудовъ Рычкова, 298.—Расположеніе и укрѣпленіе Яицкаго городка при Неплюевѣ, 299.—Представленіе Неплюева о Яицкомъ войскѣ въ Военную Коллегію, 300.—Проектированный Неплюевымъ штатъ Яицкаго войска, 301.—Администрація войска и обязанности атамана, 302.—Права Войсковаго Круга и очередная служба казаковъ, 303.—Мнѣніе Неплюева о наемкѣ казаковъ, 304.—Помощь служилымъ казакамъ съ точки зрѣнія Неплюева, 305.—Значеніе «наемки» для казаковъ, 306.—Заботы Неплюева о городскомъ благоустройствѣ въ Яицкомъ войскѣ, 307.—Городскіе доходы и расходы Яицкаго войска, 308.—«Домосѣдныя деньги» и заботы Неплюева объ увеличеніи городскихъ доходовъ, 309.—Источники, указанные Неплюевымъ къ увеличенію городскихъ доходовъ, 310.—Заботы Неплюева о сбереженіи войсковыхъ суммъ, 311.—Неплюевъ заботится о развитіи грамотности въ Яицкомъ войскѣ, 312.—Отношеніе Неплюева къ сиротамъ въ Яицкомъ войскѣ, 313.—Неплюевъ запрещаетъ Яицкимъ казакамъ рубить лѣсъ, 314.—Просьба казаковъ и отвѣтъ на нее Военной Коллегіи, 315.—Исходъ дѣла по вопросу о рубкѣ Яицкими казаками лѣса, 316.—Отношеніе Сената къ проекту Неплюева о преобразованіи Яицкаго войска, 317.

ГЛАВА XII. Причины побѣговъ изъ внутренней Россіи на ея окраины и отношеніе Неплюева къ бѣглымъ на Яикъ и

раскольникахъ.—Тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Стремленія Петра Великаго къ ограниченію крѣпостнаго права.—Усиленіе крѣпостнаго права послѣ Петра.—Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными.—Волненіе среди посессионныхъ крестьянъ.—Крестьянскія войны.—Общественно-экономическія условія податнаго класса.—Тяжелое положеніе духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны.—Побѣги за рубежъ и въ украины.—Бѣглые на Яикъ и Иргизъ.—Преслѣдованіе раскольниковъ и отношеніе къ нимъ Военной Коллегіи, епископа казанскаго Луки Конашевича и Неплюева.—Значеніе Яицкаго войска въ исторіи Россіи и общій взглядъ на его судьбы до переименованія его въ Уральское . . . , стр. 318—368.

Попытка Петра Великаго къ ограниченію крѣпостнаго права, стр. 319.—Свидѣтельство Посопкова о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, 320.—Усиленіе крѣпостнаго права послѣ Петра, 321.—Истязанія крѣпостныхъ крестьянъ, 322.—Безчеловѣчное обращеніе Салтыковой съ своими крѣпостными, 323.—Слѣдствіе надъ Салтыковой и ея наказаніе, 324.—Жестокое и безстыдное обращеніе кн. Козловской съ крѣпостными, 325.—Наказаніе виновныхъ въ истязаніи крестьянъ, 326.—Свидѣтельство Полѣнова объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, 327.—Цѣны на крѣпостныхъ и побѣги крестьянъ, 328.—Уклоненіе крестьянъ отъ военной службы, 329.—Волненіе среди фабричныхъ крестьянъ, 330.—Мятежъ крестьянъ Демидова и Гончарова, 331.—Усмиреніе крестьянъ военной силой, 332.—Тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, 333.—Положеніе податныхъ крестьянъ, 334.—Слѣдствія откуповъ, монополій и рекрутчины, 335.—Причины побѣговъ, мѣста и укрыватели бѣглыхъ крестьянъ, 336.—Тяжелое положеніе духовенства и опустѣніе приходовъ, 337.—Мѣста, служившія притономъ для бѣглыхъ, 338.—Бѣглые на Яикъ и мѣры противъ нихъ правительства, 339.—Начало преслѣдованія раскольниковъ среди Яицкаго войска, 340.—Сношеніе Яицкаго войска съ казанскимъ архіепископомъ Гаврииломъ, 341.—Лука Конашевичъ и его отношеніе къ Яицкому войску, 342.—Розыскъ раскольниковъ и бѣглыхъ въ Яицкомъ войскѣ, 343.—Сношеніе Неплюева съ Военной Коллегіей о бѣглыхъ на Яикъ, 344.—Скопище бѣглыхъ и раскольниковъ на Иргизѣ, 345.—Мѣры Неплюева къ опредѣленію числа бѣглыхъ на Иргизѣ, 346.—Распоряженіе Неплюева о поимкѣ бѣглыхъ, 347.—Раскольники въ Яицкомъ войскѣ и укрывательство ихъ казаками, 348.—Намѣреніе раскольниковъ бѣжать на Кубань, 349.—Розыскъ раскольниковъ на Яикѣ, 350.—Распоряженіе Неплюева о пойманныхъ раскольникахъ, 351.—Желаніе Неплюева

прекратить розыскъ раскольниковъ, 352.—Раскольники на увѣщаніи въ Московской консисторіи и Сыскомъ приказѣ, 353.—Стремленія Луки Конашевича къ ограниченію религіозной свободы Яицкаго войска, 354.—Неплюевъ противъ принудительныхъ мѣръ Луки Конашевича, 355.—Депутація отъ Яицкаго войска къ Лукѣ Конашевичу, 356.—Допрошеніе Неплюева въ Военную Коллегію и миѣніе атамана Меркурьева, 357.—Оклады жалованья духовенству въ Яицкомъ войскѣ, 358.—Протестъ Яицкаго войска противъ намѣренія Луки Конашевича, 359.—Совѣтъ Неплюева Лукѣ Конашевичу, 360.—Вопросы епископа Луки и отвѣты на нихъ войскового духовенства, 361.—Отношеніе Неплюева къ расколу въ Яицкомъ войскѣ, 362.—Неплюевъ настаиваетъ на прекращеніи розыска раскольниковъ на Яикѣ, 363.—Командировки изъ Яицкаго войска на внѣшнюю службу, 364.—Расходы Яицкаго войска по снаряженію казаковъ на внѣшнюю службу, 365.—Причины спокойствія на Яикѣ при Неплюевѣ, 366.—Слѣдственная коммиссія и рѣзня въ Яицкомъ городкѣ, 367.—Переименованіе Яицкаго войска въ Уральское, 368.

Казань, лит. В. Ключниковъ.

Преображенскій льтній соборъ
въ Оренбургъ.

ОТЪ АВТОРА

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ КО ВТОРОМУ ВЫПУСКУ).

Издавая въ свѣтъ первый выпускъ настоящей монографіи, мы выразили *искреннее* желаніе того, чтобы люди вполне компетентные высказали *безпристрастно-строгий, но обстоятельный* отзывъ объ этомъ трудѣ, дабы потомъ можно было воспользоваться ихъ указаніями и совѣтами въ дальнѣйшей обработкѣ монографіи, но, къ сожалѣнію, надежды автора не вполне оправдались; поэтому мы считаемъ нелишнимъ и *своевременнымъ* сказать нѣсколько словъ, по поводу рецензій на первый выпускъ нашего труда.

Прежде всего для насъ не понятно то полное игнорированье, съ которымъ отнеслась къ настоящей монографіи мѣстная *казанская* пресса, дающая нерѣдко отзывъ на своихъ страницахъ о самыхъ незначительныхъ по содержанію и объему брошюркахъ: ни «*Волжскій Вѣстникъ*», ни «*Казанскій Биржевой Листокъ*», какъ говорится, «и словомъ не обмолвились» о первомъ выпускѣ монографіи, хотя авторъ своевременно доставилъ свою книгу въ редакціи обѣихъ газетъ; въ «*Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета*» и въ «*Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*» также ничего не было сказано о первомъ выпускѣ. Конечно, намъ на это могутъ возразить, что отзывъ о трудѣ, еще неоконченномъ въ печати, былъ-бы преждевременнымъ; но мы говоримъ *лишь* о *первомъ выпускѣ* и желали-бы, помимо сдѣланныхъ авторомъ и книгопродавцемъ А. А. Дубровинымъ объявленій, хотя простаго указанія на его выходъ въ свѣтъ въ мѣстной прессѣ, *правственно обязанной*, по нашему мнѣнію, *отмѣчать* на своихъ страницахъ появленіе *всѣхъ провинціальныхъ печатныхъ трудовъ въ предѣлахъ своего района*. Не смотря однакожь на полное игнорированье перваго выпуска со стороны мѣстной прессы, столичная печать не лишила своего вниманія нашъ трудъ, такъ-что *казанцы* узнали о содержаніи и значеніи его *не изъ мѣстныхъ газетъ, а изъ столичныхъ періодическихъ изданій*. Почтенный редакторъ журнала: „Русск. Старина“^{a)}, М. И. Семеvскій особенно сердечно и лестно отозвался о нашемъ трудѣ, высказавъ убѣжденіе, что трудъ свое-

^{a)} См. „Русск. Стар.“ за 1888 г., декабрск. книжку.

временно будетъ доведенъ до конца, не смотря на нѣкоторыя затрудненія, представляемыя семейнымъ и служебнымъ положеніемъ автора. Редакція „Журнала М. Нар. Просв.“, назвавъ первый выпускъ монографіи *«началомъ прекраснаго труда»*, обѣщала дать о немъ обстоятельный отзывъ^{а)}. „Историческій Вѣстникъ“, отнесшійся съ полнымъ сочувствіемъ къ нашему труду, предложилъ вниманію своихъ читателей краткій экстрактъ VI и VII главъ перваго выпуска настоящей монографіи^{б)}. Нѣсколько иначе отнеслись къ первому выпуску журналы: „Вѣстникъ Европы“^{в)} и „Русская Мысль“^{г)}, сдѣлавшіе автору, вмѣстѣ съ одобреніемъ его труда, и нѣкоторыя замѣчанія о недостаткахъ книги; на этихъ-то замѣчаніяхъ мы и остановимся.

Рецензентъ нашего труда въ „Русской Мысли“, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ виду того, что главная часть труда г. Витевскаго еще впереди, было-бы преждевременно дѣлать заключеніе о цѣломъ; дѣлаемъ эту оговорку потому, что *въ цѣломъ работа г. Витевскаго обѣщаетъ быть очень интересной*, но настоящий выпускъ нѣсколько разочаровываетъ“. Свое разочарованіе нашъ рецензентъ объясняетъ слѣдующими тремя положеніями: 1) г. Витевскій недостаточно воспользовался мѣстными архивами; 2) дѣлаетъ большія выписки, только съ легкой перефразировкой, изъ *«Истории Россіи»* Соловьева: изъ XVIII т. для III главы своего труда, а изъ XX т. для VI и VII гл. монографіи; 3) авторъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ знакомства съ изслѣдованіемъ г. Өирсова, бывшаго своего профессора: *«Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и колонизація Закамскихъ земель»*.

Насколько не основательны эти положенія, послужившія причиною разочарованія рецензента, читатель самъ увидитъ изъ нашей монографіи; здѣсь же мы ограничимся общими и небольшими замѣчаніями. Въ отвѣтъ на *первое* положеніе объ эксплуатаціи мѣстныхъ архивовъ, мы должны пояснить рецензенту, что архивныя дѣла, которыми мы пользовались, относятся почти исключительно ко времени управленія Оренбургскимъ краемъ Неплюева (1742—1758 г.); слѣдовательно, при-

^{а)} См. декабрск. кн. за 1888 г.

^{б)} См. октябрск. кн. за 1889 г.

^{в)} Февр. кн. за 1889 г.

^{г)} Майск. кн. за 1889 г.

мнѣніе ихъ въ первомъ выпускѣ было-бы неумѣстно, такъ-какъ въ немъ говорится о жизни и дѣятельности Неплюева до его назначенія въ Оренбургъ. Со вторымъ положеніемъ рецензента, по поводу выписокъ изъ «*Исторіи Россіи*» Соловьева, мы также не можемъ безусловно согласиться: «*Исторія Россіи*», по мнѣнію многихъ компетентныхъ лицъ, составляетъ какъ-бы цѣлую бібліотеку по Русской Исторіи, безъ которой едвали кто можетъ обойтись изъ занимающихся отечественной исторіей. Покойному С. М. Соловьеву были доступны всѣ столичные архивы, изъ коихъ онъ черпалъ, при помощи многихъ писцовъ, богатое содержаніе своего многолѣтняго труда часто *буквально и дословно*, цементируя обширныя выдержки изъ архивныхъ дѣлъ своимъ талантливымъ и опытнымъ перомъ; слѣдовательно, его «*Исторія Россіи*» во многомъ имѣетъ значеніе первоисточника особенно для лицъ, почему-либо лишенныхъ возможности проникнуть въ столичные архивы. Съ другой стороны, не будетъ-ли бесполезной тратой времени выиска изъ архивныхъ дѣлъ того, что уже извлечено и напечатано другими?—Не должно также забывать, что «*Исторія Россіи*» не такое дешевое и общедоступное сочиненіе, которое-бы всякій могъ имѣть подъ руками: намъ извѣстно, что далеко не всѣ и бібліотеки имѣютъ его. Кромѣ того, самый объемъ труда Соловьева таковъ, что неспеціалисту весьма трудно въ немъ и ориентироваться. Не имѣя возможности лично позаняться въ столичныхъ архивахъ, гдѣ должны храниться дѣла о дипломатической дѣятельности Неплюева, мы и обратились къ XVIII т. «*Исторіи Россіи*» Соловьева, заимствовавъ изъ него то, что нашли нужнымъ, и точно обозначивъ объемъ и страницы этихъ извлеченій, приводимыхъ нами иногда, краткости ради, съ нѣкоторой перефразировкой отъ себя. Почтенный профессоръ Новороссійскаго университета А. А. Кочубинскій въ своемъ письмѣ, отъ 15 мая 1888 г., рекомендовалъ намъ сочиненіе Alb. Vandal-я: „*Une ambassade française en Orient sous Louis XV*“ (Paris, 1887), какъ интересную и богатую содержаніемъ книгу, изъ которой можно было-бы извлечь нѣкоторыя данныя и о дипломатической дѣятельности Неплюева въ Турціи; но, къ сожалѣнію, этой книги въ Казани мы не нашли ни въ книжныхъ магазинахъ, ни въ университетскихъ, ни въ частныхъ бібліотекахъ. Желая всетаки воспользоваться книгой Vandal-я, мы рѣшили выписать ее чрезъ книгопродавца К. П. Алексѣева, заявивъ ему о томъ еще 26 іюня 1888 г.,—и книги

Vandal-я до сихъ поръ еще не выслали. Вотъ каковы условія для ученыхъ занятій въ провинціи!—Поэтому и приходится волей-не-волей ограничиваться иногда тѣмъ, что имѣется подъ руками. Заимствуя изъ XVIII т. «Исторіи Россіи» Соловьева данныя о дипломатической дѣятельности Неплюева, мы въ то же время пользовались и другими источниками, о *которомъ нашъ рецензентъ почему-то умолчалъ*. Просмотрите внимательно III-ю главу перваго выпуска нашей монографіи, и вы увидите ссылки еще на слѣдующіе источники: *Записки Неплюева, Записки Манштейна, Записки Миниха-сына, Записки Императ. Академіи Наукъ, журналы: «Атеней», «Древн. и Нов. Россія» и «Ж. М. Н. Просвѣщ.», «Дѣянія Петра Великаго» Голикова, «О поврежденіи правовъ въ Россіи» Щербатова, «Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ» Штелина, «Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи со времени смерти Петра Великаго» Вейдемейера, «Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны» Н. Н. Ѳирсова, «Татищевъ и его время» Н. А. Попова, П. Собр. Законовъ и нѣкот. другіе. Что же касается VI и VII гл. перваго выпуска; то нашъ рецензентъ совершенно несправедливо вводитъ другихъ въ заблужденіе, утверждая, что эти главы будто-бы написаны исключительно на основаніи XX-го тома «Исторіи Россіи» Соловьева: въ VI-й главѣ мы ссылаемся на Соловьева лишь на *шести* страницахъ (142, 144, 145, 147, 148 и 151), а въ главѣ VII—на *осьми* страницахъ (155—159, 168—170), остальные же *сорокъ четыре* страницы основаны на другихъ источникахъ. Кромѣ поцитованныхъ сочиненій Рычкова, Пекарскаго, Палласа, Лепехина, Хвольсона, Шпилевскаго, Левшина, Реклю, Мэкензи Уоллеса, Кастрена, Бестужева-Рюмина, Семенова, Есипова, журналовъ: «Ежемесячные Соchin. и Переводы» 1759 г., «Русск. Бесѣда», «Вѣстн. Европы» и «Russische Revue», «Истор. Гос. Росс.» Карамзина, Полн. Собр. Зак., Новгородск. и Двинск. лѣт. и др.,—мы воспользовались и мѣстными источниками, какъ-бы предугадывая замѣчаніе нашего рецензента, что «сила провинціальнаго изслѣдователя состоитъ въ эксплуатаціи мѣстныхъ источниковъ, недоступныхъ столичному ученому»: читатель найдетъ въ VI и VII гл. нашей монографіи ссылки на *Уфимскія Губер. Вѣдомости, Оренбургскій Листокъ, Памятн. книг. Оренб. губ. за 1865 и 1871 г., Пам.**

кн. Уфимской губерніи за 1873 г., брошюру Р. Г. Игнатъева: „Каракасаль, лже-ханъ Башкирин; соч. Старикова: „Откуда взялись казаки“; Адресъ-календарь Оренб. губерніи 1849 г.; „Сказаніе объ иконѣ Казанской Табынской Божіей Матери“ Гуменскаго, „Краткое обзорніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края съ 1246—1832 г.“ Жуковскаго и др. Недовольствуясь свѣдѣніями о Карасакалѣ Соловьева, мы на страницѣ 164 говоримъ: „Личность Карасакала пользовалась такою популярностію среди башкиръ, что мы считаемъ нелишнимъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ, *чѣмъ тѣ, какія находятся въ „Исторіи Россіи“ Соловьева“*. Сдѣлавъ эту оговорку, мы и обращаемся къ брошюрѣ Р. Г. Игнатъева: „Каракасаль, лже-ханъ Башкирин“, почерпая изъ нея данныя, которыхъ *нѣтъ у Соловьева* и которыя основаны или на мѣстныхъ архивахъ^{а)} или на преданіяхъ. Послѣ всего сказаннаго, относительно втораго положенія нашего рецензента, вы, читатель, можете сами судить о томъ, какъ иногда пишутся рецензіи на серьезныя и спеціальныя труды въ нашихъ наиболѣе популярныхъ журналахъ: накопится въ редакціи масса книгъ и брошюръ, о которыхъ нужно что-либо сказать въ библиографическомъ отдѣлѣ хроники; рецензенту, конечно, нѣтъ никакой возможности прочесть всякое сочиненіе и *изучить его въ подробностяхъ*, а отзывъ, какой-бы то ни было, долженъ быть сдѣланъ; рецензентъ пробѣгаетъ предисловіе, оглавленіе книги, перелистываетъ нѣсколько страницъ—и пишетъ „ничтоже сумняся“, забывая о нравственной отвѣтственности за сказанное имъ въ печати.

Перейдемъ къ послѣднему положенію рецензента, относительно сочиненія Н. А. Өирсова. Изслѣдованіе Н. А. Өирсова: „*Инопородческое населеніе прежняго Казанскаго царства*“ и проч., составляющее его докторскую диссертацию, *хорошо* намъ извѣстно: мы не только читали отмѣченную книгу Н. А. Өирсова, а имѣли удовольствіе быть и на его доктор-

^{а)} Въ распоряженіи Игнатъева были слѣдующія архивныя бумаги: 1) дѣла о сношеніи съ киргизскимъ ханомъ Абуль-Хаиромъ 1731—1739 г., по описи № 19; 2) дѣло о башкирѣ Юрматынской волости, называемомъ Каракасаль, 1735—1741 г., № 120; 3) сборники указовъ и высочайшихъ повелѣній съ 1734—1741 г. № 20, 40, 70, 79, 101, 113, 119 и 200; 4) книги постановленій Оренбургск. Комиссіи въ 1734—1742 г., № 25, 40, 60, 99, 101, 109, 302 и 311; 5) бумаги архива коммандантскихъ дѣлъ Верхнеяицкой дистанціи, хранящ. въ архивѣ Верхнеуральскаго Уѣзднаго Суда; 6) рукописи П. И. Рычкова: „Объ Оренбургскомъ краѣ и азіатцахъ“ и „О началѣ и состояніи Оренб. Комиссіи 1740—1744 г.“, хранящ. въ библіотекѣ Оренбургскаго отдѣла Импер. Русскаго Геогр. Общества.

скомъ диспутѣ, происходившемъ 7-го декабря 1869 года^{а)}; но примѣненіе этого почтеннаго труда, въ качествѣ источника, въ первомъ выпускѣ своей монографіи мы сочли излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ первой части своего изслѣдованія Н. А. Опрсовъ трактуетъ объ инородческомъ населеніи *средней* Волги, или теперешней Казанской губерніи, не входившей въ составъ Оренбургскаго края. Что же касается второй части этого труда, то мы воспользовались ею во 2 выпускѣ и, вѣроятно, еще не разъ придется ссылаться на неё въ слѣдующихъ выпускахъ монографіи. Удовлетворится ли нашъ рецензентъ настоящими поясненіями или нѣтъ, намъ неизвѣстно; но, на основаніи всего вышесказаннаго, мы думаемъ, что „разочарованіе“ его едва ли *основательно и во всякомъ случаѣ преждевременно*.

Обращаемся къ рецензії, напечатанной на первый выпускъ нашей монографіи въ „Вѣстникъ Европы“^{б)}. Здѣсь вы, между прочимъ, прочтете слѣдующее: „Къ своей настоящей задачѣ авторъ отнесся съ большою старательностію и, кромѣ архивныхъ документовъ, изучилъ и то, что могла представить печатная историческая литература. Біографію Неплюева онъ излагаетъ со всѣми подробностями, какія могъ добыть“ и проч. Затѣмъ рецензентъ слегка *остривъ*, хотя и неосновательно, надъ нашимъ опроверженіемъ несправедливаго обвиненія Неплюева со стороны Карновича въ раздѣлѣ имѣній Волынскаго, посвящая этому болѣе половины всей рецензії (61 строчку изъ 113 строкъ). Какъ видно, рецензентъ, и послѣ приведенныхъ нами несомнѣнныхъ данныхъ, въ опроверженіе мнѣнія Карновича, не вполне еще убѣдился въ его несостоятельности; онъ говоритъ: „*Быть можетъ* Карновичъ и сдѣлалъ ту ошибку, которую авторъ счелъ нравственною обязанностію опровергнуть, и взвелъ на Неплюева „несправедливое“ обвиненіе; но самъ г. Витевскій взвелъ на Неплюева другое, вѣроятно, болѣе справедливое и гораздо болѣе тяжкое обвиненіе“ и проч.; далѣе рецензентъ особенно обращаетъ вниманіе читателя на слѣдующее мѣсто въ нашей книгѣ: „Въ ужасную эпоху иноземнаго правительства въ Россіи, чтобы уцѣлѣть самому, нужно было сдѣлаться или *шутомъ*^{в)} или зло-

^{а)} Изслѣдованіе Н. А. Опрсова было напечатано еще въ 1869 году, а не въ 1871 г., какъ невѣрно утверждаетъ нашъ рецензентъ.

^{б)} См. въ февр. кн. за 1889 г.

^{в)} Курсивъ рецензента.

дѣломъ^{а)}, въ угоду и къ выгодѣ временщиковъ; кто не могъ быть шутомъ, подобно Голицыну, Апраксину и Волконскому, — тотъ дѣлался, хотя бы невольно и на время, злодѣемъ, — таково было время, таковы нравы!“^{б)} Что Неплюевъ участвовалъ въ слѣдствіи надъ Волынскимъ, хотя и по волѣ Остермана, — это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, въ какомъ-бы свѣтѣ онъ ни представлялъ Неплюева, а что Неплюевъ получилъ въ награду за участіе въ этомъ процессѣ имѣнія Волынскаго, какъ говоритъ о томъ Карновичъ, — это несправедливо, что мы и доказали, а „указать ошибки исторической книги“, по мнѣнію самого же рецензента, „обязательно для того, кто замѣтитъ эти ошибки“. Въ дополненіе къ тому, что было сказано нами въ опроверженіе мнѣнія Карновича въ IV гл. перваго выпуска, мы сошлемся еще на „Описаніе Старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго (Кіевъ, 1888 г.), гдѣ приведены новыя несомнѣнныя данныя въ подтвержденіе того, что малороссійскія деревни, пожалованныя Неплюеву правительницей Анной Леопольдовной, принадлежали раньше Менъшикову, а не Волынскому^{в)}. Намъ невольно думается, что благородное негодованіе нашего рецензента, по поводу замѣчанія на книгу Карновича, объясняется не чѣмъ инымъ, какъ популярностью этого беллетриста-историка и той формой изложенія, въ которой мы отозвались о книгѣ Карновича: „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“; укажи мы только на ошибку, сдѣланную Карновичемъ, притомъ мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи, — тогда, вѣроятно, мы избѣгли-бы и тѣхъ остротъ, которыя слились съ пера нашего рецензента, вмѣстѣ съ безсильной апологіей Карновича по данному вопросу. — Напрасное безпокойство: указаніе на ошибку Карновича въ процессѣ Волынскаго, по отношенію къ раздѣлу имѣній послѣдняго, конечно, ни сколько не умаляетъ достоинства сочиненій покойнаго Е. П. Карновича, его историческихъ разсказовъ, повѣстей и романовъ, талантливо и наглядно изображающихъ бывшя времена и бывше порядки; но чѣмъ популярнѣе извѣстное лицо, тѣмъ болѣе мы вправѣ желать отъ него той осмотрительности и осторожности, которыя рекомендуются намъ.

^{а)} Тоже.

^{б)} См. стр. 95 въ первомъ выпускѣ монографіи.

^{в)} См. „Описаніе Старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго, вып. 1 и 2, стр. 232, 233 и 425.

Рецензентъ по поводу нашего замѣчанія относительно того, что Карновичъ разумѣлъ именно основателя Оренбурга, И. И. Неплюева, а не другаго Неплюева, говоритъ: „Соображеніе совершенно излишнее, потому что *другаго Неплюева не было*“.— Удивляемся, какъ рецензентъ, дѣлая отзывъ о нашей книгѣ, не замѣтилъ, что въ той же самой книгѣ, на страницѣ 106, говорится и о „*другомъ Неплюевѣ*“, именно о Семенѣ Александровичѣ Неплюевѣ, который былъ женатъ на правнучкѣ малороссійскихъ гетмановъ Ивана Скоропадскаго и Даниїла Апостола, Евфросиньѣ Петровнѣ Скоропадской. Между нимъ и Ив. Ив. Неплюевымъ не было почти никакого родства, хотя они и происходили отъ одной вѣтви. Въ отмѣченное время С. А. Неплюевъ занималъ мѣсто одного изъ трехъ великороссійскихъ членовъ, засѣдавшихъ въ комиссіи по управленію судебною частію въ Малороссіи. Въ книгѣ М. И. Пыляева: „*Старый Петербургъ*“, отзывъ о которой сдѣланъ, кажется, нашимъ же рецензентомъ (А. П.) и въ той же февральской книгѣ „*Вѣсти. Европы*“, разсказывается еще о шутовскихъ поѣздкахъ по своимъ имѣніямъ извѣстнаго орловскаго богача, генерала Неплюева, современника Ив. Ив. Неплюева^{а)}. Итакъ оказывается, что въ отмѣченное время, кромѣ Ив. Ив. Неплюева, *были и другіе Неплюевы*. Если нашъ рецензентъ хотѣлъ сказать, что въ процессѣ Волынскаго не участвовалъ другой Неплюевъ, а именно Ив. Ив. Неплюевъ; тогда слѣдовало-бы выразаться опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе, что самъ рецензентъ, хотя и вскользь, обращаетъ вниманіе на стилистическую сторону и языкъ въ нашей монографіи.

Рецензентъ также упрекаетъ насъ въ излишествѣ ненужныхъ подробностей, какими онъ считаетъ на примѣръ „разсужденія о дворянскихъ генеалогіяхъ и дѣло о Волынскомъ“.— Но, по нашему мнѣнію, вопросъ о дворянскихъ генеалогіяхъ настолько важенъ, что мы сочли неудобнымъ пройти его совершеннымъ молчаніемъ, особенно въ виду баснословнаго сказанія о происхожденіи рода Неплюевыхъ, сообщеннаго намъ Н. Н. Неплюевымъ, тѣмъ болѣе, что *Неплюевы происходятъ отъ одного родоначальника съ нынѣ царствующимъ въ Россіи домомъ Романовыхъ*. Одинъ достопочтенный и маститый русскій ученый въ частномъ

^{а)} Пыляевъ. Старый Петербургъ съ 100 гравюрами. Изданіе А. Суворина, 1887 г., стр. 191 и 192.

письмѣ къ намъ, отъ 10 декабря 1888 г., замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Сердечно желаю, вмѣстѣ со многими, занимающимися русской исторіей, чтобы вы скорѣе довели до конца ваше сочиненіе, отличающееся еще и тѣмъ достоинствомъ, что вы не оставили безъ вниманія новѣйшихъ изслѣдованій, какъ напр. о несостоятельности мнѣнія нашихъ родословцевъ о вѣздѣ многихъ дворянскихъ родовъ изъ Пруссіи или изъ Нѣмцевъ“. — Итакъ то, что другіе считаютъ „достоинствомъ“ нашего труда, рецензентъ называетъ его недостаткомъ, — видно, о вкусахъ не спорять. — Что же касается дѣла Волынскаго, то было-бы очень странно, говоря о Неплюевѣ, умолчать о процессѣ Волынскаго, въ которомъ выпала на долю Неплюева такая хотя невольная и печальная, но видная роль ближайшаго слѣдователя и исполнителя смертнаго приговора надъ Волынскимъ и его конфидентами: Хрущевымъ и Еропкинымъ. Съ другой стороны, хотя нашъ рецензентъ и говоритъ, что „дѣло Волынскаго въ послѣднее время подробно разсказано нѣсколько разъ и очень можетъ считаться извѣстнымъ“; но въ данномъ случаѣ суть дѣла не въ подробностяхъ, отъ которыхъ мы и воздержались въ изложеніи, а въ извѣстномъ освѣщеніи фактовъ и личности самого Волынскаго, возведеннаго многими за его мученическую кончину на незаслуженный имъ пьедесталь „гражданина-патріота и честнаго человека“.

Въ заключеніе всего нашъ рецензентъ говоритъ о стилистическихъ недостаткахъ изложенія, основываясь на слѣдующихъ двухъ мѣстахъ книги: 1) онъ не понимаетъ выраженія, какъ „государственная исторія Россіи уступила мѣсто народной“, и 2) считаетъ вычурнымъ слѣдующее мѣсто: „Никто (говоримъ мы) не будетъ оспаривать того, что Россія имѣла не мало замѣчательныхъ людей въ прошедшихъ вѣкахъ ея исторіи и въ особенности въ XVIII вѣкѣ; во многихъ ея могилахъ покоится прахъ самыхъ энергичныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ на родной нивѣ“ и проч. Какое существуетъ различіе между государственной исторіей, въ тѣсномъ смыслѣ, и народной вообще, между, напр., „Истор. Госуд. Росс.“ Н. М. Карамзина и „Исторіей Россіи“ С. М. Соловьева, думаемъ, понятно всякому образованному человѣку; въ выраженіи: „во многихъ могилахъ Россіи“ и проч., которое подчеркиваетъ нашъ рецензентъ, мы тоже не видимъ особенной вычурности, затемняющей смыслъ фразы. Не раздѣляя мнѣнія своихъ рецензентовъ, авторъ все-таки

благодаренъ имъ за то, что они почтили даже начало его труда своимъ вниманіемъ; будемъ надѣяться, что и *казанская* пресса отмѣтитъ на своихъ страницахъ, по крайней мѣрѣ, появленіе *второго* выпуска, имѣющаго чисто мѣстный интересъ.

Вниманіе нашего правительства и частной русской предпріимчивости, торговыхъ и промышленныхъ силъ страны, въ настоящее время преимущественно обращено на востокъ, куда безостановочно и неудержимо стремится колонизаціонное движеніе великорусскаго племени, которому стало тѣсно и жутко внутри Европейской Россіи, гдѣ, по заявленію самихъ же переселенцевъ, „и земли стало мало, и земли повыпахались“, утративъ плодородный кремнезѣмъ. Сибирь и Средняя Азія, конечно, могутъ служить въ этомъ отношеніи надежнымъ оплотомъ экономическаго благосостоянія крестьянъ; но переселенцы должны хорошо знать, куда они идутъ и что ихъ ожидаетъ на новыхъ мѣстахъ: сколько пахотной земли, каковѣ она, сколько лѣсу, луговъ, есть-ли рѣка; будетъ ли оказана имъ какая помощь, во время переселенія; какія даны будутъ льготы и на какой срокъ^{а)} и т. п. Въ противномъ случаѣ это „добровольное“ и „темное“ блужданіе обносившихся и разорившихся крестьянъ изъ страны въ страну, изъ одной мѣстности въ другую, съ Ю. на С, и съ З. на В. будетъ только служить причиною къ увеличенію пролетаріата и къ сокращенію числа рабочихъ рукъ. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ еще недавно разорялись и гибли десятки тысячъ крестьянскихъ рабочихъ семей^{б)}, стремившихся къ В. и ЮВ. на какія-то невѣдомыя для нихъ вольныя земли, — это хорошо извѣстно и памятно многимъ; но съ отраднымъ чувствомъ за благо и счастіе родной страны отмѣчаемъ тотъ фактъ, что правительство снова взяло въ свои руки дѣло переселенія крестьянъ, которое было организовано у насъ, еще лѣтъ сорокъ тому назадъ,

а) Недавно опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о добровольномъ переселеніи на казенныя земли сельскихъ обывателей и мѣщанъ. Согласно этому мнѣнію, переселенцамъ предоставлены слѣдующія льготы: а) лица, освобожденные отъ подушной подати, не облагаются ею при перечисленіи въ мѣстности, гдѣ податъ сія существуетъ; б) всѣ переселенцы освобождаются отъ сборовъ и арендныхъ платежей за отведенныя земли, въ Европейской Россіи—въ теченіи двухъ лѣтъ, а въ остальныхъ мѣстахъ—въ теченіи трехъ лѣтъ, считая со дня новаго водворенія; въ послѣдующіе затѣмъ три года переселенцы облагаются сборами и платежами въ половинномъ размѣрѣ; в) переселенцы пользуются отсрочкою исполненія воинской повинности въ Европ. Россіи—на два года, а въ остальныхъ мѣстахъ—на три года; г) переселенцы имѣютъ право воспользоваться ссудами на продовольствіе и обсеменение полей. См. въ газетѣ: „Гражданинъ“ № 278 за 1889 г.

б) См. объ этомъ въ август. кн. „Русскаго Вѣстн.“ за 1889 г., стр. 308—323. Внутреннее обозрѣніе.

и въ подробно-разработанномъ видѣ вошло въ XII т. Свод. Зак.^{а)}, но совершенно было забыто въ недавнее время. Переселенія крестьянъ на новыя мѣста, безъ сомнѣнія, должны соотвѣтствовать не только экономическимъ, а и политическимъ видамъ государства; почему судьбы восточныхъ окраинъ Россіи и колонизація ихъ доселѣ не перестаютъ занимать вниманіе нашего правительства. Подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора В. К. Плеве, была, какъ извѣстно, организована особая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской. Коммиссія эта уже окончила свои занятія, выработавъ особый проектъ измѣненій въ нынѣшнемъ административномъ устройствѣ отмѣченныхъ областей. По этому проекту, какъ слышно, Тургайская область упраздняется, а въ замѣнъ ея будетъ образована новая степная область—Казалинская. Уѣзды Илецкій и Николаевскій Тургайской области предположено присоединить къ Оренбургской губерніи, а изъ уѣздовъ Иргизскаго и Тургайскаго, вмѣстѣ съ Казалинскимъ и Перовскимъ, входившими прежде въ составъ Сыръ-Дарьинской области, образовать новую область—Казалинскую, съ подчиненіемъ ея министерству внутреннихъ дѣлъ. До настоящаго времени этотъ обширный край находился почти въ исключительномъ пользованіи киргизовъ, которые еще не свыклись съ осѣдлой жизнью; послѣдняго, безъ сомнѣнія, возможно будетъ достигнуть только чрезъ усиленіе здѣсь русскаго элемента, посредствомъ правильно и разумно организованныхъ переселеній сюда изъ внутренней Россіи, на что, вѣроятно, и обратить должное вниманіе администрація проектированной Казалинской области, при живомъ содѣйствіи со стороны правительства. Въ виду этихъ обстоятельствъ, изученіе восточныхъ окраинъ Европейской Россіи получаетъ особенную важность; къ сожалѣнію, въ нашей исторической литературѣ доселѣ нѣтъ обстоятельныхъ изслѣдованій, которыя бы знакомили насъ съ *первоначальной* исторіей этихъ окраинъ, съ ихъ заселеніемъ, администраціей, укрѣпленіемъ и развитіемъ въ нихъ торговли и промышленности въ первое время, по присоединеніи ихъ къ Россіи. Чтобы сколько-нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, авторъ настоящей монографіи и задался цѣлію

^{а)} Изд. 1857 г.

изложить исторію Оренбургскаго края, въ прежнемъ его составѣ, начиная съ приобрѣтенія Россіей этого края до 1758 г.

Главнымъ устройтелемъ восточныхъ окраинъ Европ. Россіи былъ И. И. Неплюевъ, котораго, по справедливости, можно назвать Петромъ Великимъ, по отношенію къ Оренбургскому краю. Излагая данныя о плодотворной дѣятельности этого замѣчательнаго административнаго генія, мы сочли необходимымъ *заглянуть* и въ до—Неплюевскую исторію края, которому онъ по преимуществу посвятилъ свои силы и способности: главы VI и VII перваго выпуска знакомятъ съ дѣятельностію предшественниковъ Неплюева, именно: съ трудами Кириллова, Татищева и Урусова, а настоящій *второй выпускъ монографіи* *заключаетъ въ себя данныя о начальной дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ самого Неплюева*. Содержаніе этого выпуска лучше всего видно изъ прилагаемаго къ нему оглавленія; здѣсь же мы замѣтимъ вообще, что въ немъ говорится объ основаніи, построеніи и укрѣпленіи настоящаго Оренбурга, объ отношеніи Неплюева къ уфимскому вице-губернатору П. Д. Аксакову, отданному имъ за злоупотребленія по службѣ подъ судъ; далѣе приводятся данныя о стратегическиххъ мѣропріятіяхъ Неплюева, предпринятыхъ имъ для безопасности края, и объ его административной дѣятельности среди Яицкаго казачьяго войска, въ связи съ его отношеніями къ бѣглымъ на Иргизѣ и Яикѣ, а также и къ раскольникамъ, скрывавшимся среди Яицкаго войска. Къ настоящему выпуску прилагаются литографированные виды древнѣйшихъ оренбургскихъ храмовъ, построенныхъ и освященныхъ при Неплюевѣ; видъ же иконостаса походной церкви, во имя обновленія храма Воскресенія Христова, обѣщанный нами въ первомъ выпускѣ, будетъ приложенъ къ слѣдующему III выпуску, въ который выйдутъ данныя объ отношеніи Неплюева къ башкирамъ, калмыкамъ, нагайбакамъ и др. инородцамъ Оренбургскаго края. Предлагая вниманію общества и представляя на судъ печати настоящій *второй выпускъ* своего труда, авторъ льститъ себя надеждой, что онъ найдетъ силы къ его продолженію въ общемъ сочувствіи къ его задачѣ какъ со стороны интеллигентной части общества, такъ и со стороны нашей серьезной прессы, уже почтившей своимъ вниманіемъ первый выпускъ монографіи.

Владиміръ Витевскій.

ГЛАВА VIII.

Прибытіе Неплюева въ Оренбургъ и первоначальныя мѣры, принятыя имъ къ устройству края въ финансовомъ и стратегическомъ отношеніяхъ. — Основаніе, построеніе и укрѣпленіе настоящаго Оренбурга. — Аксаковъ и Соимоновъ. — Слѣдствіе по дѣлу Аксакова и удаленіе его отъ должности. — Волненіе среди крестьянъ Тевкелева. — Исходъ слѣдствія по дѣлу Аксакова.

„Видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, я былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ кою въ сію экспедицію прибылъ“.

Неплюевъ.

„Здоровеньки - ли, Сіятельный? — Маленькій воръ Аксаковъ челомъ бьетъ большому вору, т. е., Вашему Сіятельству“.

(Изъ письма Твердышева къ Турчанинову).

Не смотря на труды Кириллова, Татищева и Урусова, посвященные ими умиротворенію и устройству Оренбургскаго края, Неплюеву предстояло здѣсь обширное поле дѣятельности, особенно если принять во вниманіе самую пеструю смѣсь племенъ, населявшихъ этотъ край, сбродность пришлаго русскаго элемента, вошедшаго въ его составъ, постоянныя волненія среди башкиръ, взаимную вражду киргизъ и калмыковъ, грабежи тѣхъ и другихъ и обширность территоріи Оренбургскаго края, простиравшейся на 5500 в. въ окружности, при отсутствіи должныхъ укрѣпленій и удобныхъ путей сообщенія. Много требовалось терпѣнія, опытности, дипломатической мудрости, ума и энергіи отъ человѣка, на долю котораго выпало рѣшеніе сложной и трудной задачи, предначертанной Петромъ Великимъ, по отношенію къ Оренбургскому краю и Средне-азиатскимъ странамъ.

Неплюеву прежде всего необходимо было приобрести нравственное вліяніе на поселенцевъ края и снискать себѣ ихъ довѣріе, тѣмъ болѣе, что надежда на непосредственныхъ руководителей пришлаго русскаго населенія была плохая: пастыри духовнаго стада въ краѣ сами были, по большей части, люди безнравственные и сеньные за разныя преступленія, и потому сами требовали нравственной поддержки и надзора за ними.

Припомните, напримѣръ, поведеніе самарскаго протопопа Антипы Мартіанова, посаженнаго Татищевымъ за пьянство и буйство на цѣпь,^{a)} и прочтите отвѣтъ Оренбургскаго Духовнаго Правленія, отъ 5 августа 1739 года, на запросъ Казанской Консисторіи, которая пожелала узнать, каковы священники въ новоколонизуемомъ краѣ, откуда они взялись, гдѣ служатъ и сколько ихъ числомъ^{b)}. Составъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ края также заставлялъ желать очень многого: взяточничество деньгами и натурой (напр. лошадьми),^{c)} пьянство и буйство, жестокость въ обращеніи съ подчиненными, взаимныя распри, клевета и доносы^{d)} были нерѣдкими явленіями среди военнаго и чиновнаго міра въ краѣ. Положеніе новаго начальника края представляло не мало затрудненій и въ томъ отношеніи, что обязанности губернаторовъ были крайне неопредѣленны: точныхъ границъ между властью судебной, исполнительной и полицейской не было.^{e)} Въ то же время власть командировъ Оренбургскаго края была громадна. Отдаленность Оренбурга отъ административнаго центра и обширность подчиненной имъ территоріи дѣлали изъ нихъ какъ-бы независимыхъ правителей: имъ не только были подчинены въ высшей инстанціи дѣла судебныя и административныя, но отъ нихъ же непосредственно зависѣли и дипломатическія сношенія съ пограничными Средне-азиатскими народами и владѣльцами, и мѣстное законодательство; всѣ войска, расположенныя въ краѣ, были въ полномъ ихъ распоряженіи; кромѣ того имъ дана была неограниченная власть и надъ всеми обитателями обширнаго края. Какъ отнесся къ своему новому положенію Иванъ Ивановичъ Неплюевъ и что сдѣлалъ полезнаго для Оренбургскаго края, увидимъ это дальше.

Предшественники Неплюева жили, по большей части, въ Самарѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, скончались и погребены двое изъ нихъ: Кирилловъ и Урусовъ; въ Самару же долженъ былъ отправиться и Неплюевъ. Леонтій Яковлевичъ Соймоновъ, исправлявшій, по смерти Урусова, должность главнаго командира Оренбургскаго края, находился въ это время въ Мензелинскѣ. Получивъ сенатскій указъ о назначеніи Неплюева, Соймоновъ поспѣшилъ въ Самару, куда и прибылъ 10 февраля 1742 года; къ пріѣзду Неплюева онъ скомплектовалъ гарнизонный и ландмилицкій полки съ штабъ и оберъ-офицерами по баллотировкѣ и особымъ аттеста-

^{a)} Смotr. выше стр. 156 и 157.

^{b)} Этотъ отвѣтъ напечатанъ въ Пам. кн. Оренб. губ. за 1872 г., стр. 142 и д.

^{c)} См. выше гл. VII, стр. 154 и 155.

^{d)} Въ Тургайскомъ обл. архивѣ имѣется не мало дѣлъ о словосказателяхъ, взяточничествѣ, пьянствѣ и буйствѣ чиновниковъ.

^{e)} Ц. С. Зак. Указы отъ 24 февр. 1727 г. и 12 сент. 1728 г.

тамъ.^{а)} 25 апрѣля 1742 г.^{б)} Неплюевъ прибылъ въ Самару и въ началѣ мая принялъ отъ Соймонова всѣ дѣла и команду, а Соймоновъ былъ вызванъ въ Москву^{в)}, для личнаго объясненія Сенату о злоупотребленіяхъ уфимскаго вице-губернатора П. Д. Аксакова, какъ увидимъ это дальше. 4 мая того же года Неплюевъ, находясь еще въ Самарѣ, получилъ указъ, въ которомъ было разъяснено, „какимъ образомъ чинить, ежелибъ увѣдано было между башкирцами новое замѣшательство“, и подтверждено: „принявъ ему тайному совѣтнику имѣвшуюся прежде у генераль-лейтенанта Соймонова всю команду и все, что въ вѣдомствѣ онаго генераль-лейтенанта ни было, въ тѣхъ дѣлахъ поступать во всемъ съ такимъ порядкомъ, какъ имѣющіеся указы повелѣваютъ, дѣйствовать по онимъ, чиня съ крайнимъ радениемъ.“^{д)}

Въ іюнѣ Неплюевъ выѣхалъ изъ Самары въ Уфу, для личныхъ переговоровъ съ уфимскимъ вице-губернаторомъ П. Д. Аксаковымъ, а изъ Уфы онъ долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ (нынѣшній Орскъ). Въ концѣ іюня Неплюевъ прибылъ въ Переволоцкую крѣпость^{е)}, находящуюся въ вершинахъ р. Самары, и здѣсь 30 іюня собралъ изъ штаб-офицеровъ военный Совѣтъ, на которомъ были обсуждены нѣкоторыя мѣры и средства къ укрѣпленію линіи по рѣкѣ Сакмарѣ, впадающей съ правой стороны въ Уралъ. Совѣтъ, между прочимъ, постановилъ поселить на этой рѣкѣ ландмилицкій Шешминскій драгунскій полкъ^{ж)}. Подполковникъ Будкевичъ тогда же былъ отправленъ съ командою, для заготовленія въ двухъ, наиболѣе удобныхъ къ поселенію, мѣстахъ достаточнаго количества лѣса, а ниже Сакмарскаго городка, на рѣчкѣ Большой Каргалѣ была устроена „казенная пильная мельница“. Результатомъ этого было возникновенію на Сакмарѣ двухъ крѣпостей: Пречистенской и Воздвиженской и двухъ редутовъ: Желтаго и Никитскаго. Эти укрѣпленія были расположены въ такомъ порядкѣ: въ 30 верстахъ отъ Сакмарскаго городка, основаннаго и заселеннаго въ 1725 г. Яицкими казаками, вверхъ по рѣкѣ была крѣпость Пречистенская; въ 23 верстахъ отъ нея—редутъ Никитскій; въ 25 верстахъ отъ послѣдняго—крѣпость Воздвиженская, а верстѣ на 30 еще выше по Сакмарѣ—Желтый редутъ. Неплюевъ приказалъ

^{а)} Ежегсячн. Сочиненія и Перев. 1759 г., іюль, стр. 502.

^{б)} А не 1743 г., какъ напечатано въ Уфимск. Губ. Вѣдом., въ ст. Р. Игнатьева. См. № 46 за 1873 годъ.

^{в)} Сен. арх. 66, 133.

^{д)} Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, стр. 145.

^{е)} Нынѣ Переволоцкая станція на Оренбургско-Самарской желѣзной дорогѣ, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга по направленію къ Самарѣ, а не въ 22, какъ значится въ книгѣ Н. А. Ойрсова: „Инородч. населеніе прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 333.

^{ж)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 131.

обнести эти укрѣпленія заплотомъ, сдѣлать въ пристойныхъ мѣстахъ батареи и на нихъ поставить пушки. Въ Пречистенской крѣпости было поселено пять ротъ Шешминскаго драгунскаго полка и одна рота Алексѣевского пѣхотнаго полка; остальные же роты Шешминскаго и одна рота Алексѣевского полковъ поселены въ Воздвиженской крѣпости, которая была основана лично самимъ Неплюевымъ, на обратномъ пути изъ Оренбурга, въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, 14 сентября 1742 года. Командиръ Сакмарской дистанціи долженъ былъ жить въ Пречистенской крѣпости, какъ ближайшей къ Оренбургу. Въ томъ же году 20 іюля, въ день Св. Пророка Іліи, Неплюевъ положилъ основаніе на рѣкѣ Яикѣ Ильинской крѣпости; въ ней были поселены двѣ роты драгунъ и полроты солдатъ.

По прибытіи въ Уфу, въ іюлѣ того же (1742) года, Неплюевъ пригласилъ къ себѣ вице-губернатора Аксакова и подробно спросилъ его о состояніи края во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Аксаковымъ, и послѣ внимательнаго изученія состоявшихся прежде указовъ объ Оренбургскомъ край, Неплюевъ вынесъ самое безотрадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что большая часть правительственныхъ распоряженій, касательно башкиръ и другихъ инородцевъ края, оставалась покуда только на бумагѣ; должнаго административнаго порядка, который-бы могъ гарантировать спокойствіе края, не было; между башкирами было много недовольныхъ русскою властію и особенно ея представителями въ самой Башкиріи; въ расходованіи суммъ былъ найденъ страшный безпорядокъ и громадный дефицитъ; экономическое состояніе инородцевъ и русскихъ поселенцевъ Оренбургскаго края было въ самомъ плачевномъ состояніи, вслѣдствіе постоянныхъ бунтовъ среди башкиръ, злоупотребленія воеводъ и другихъ лицъ чиновнаго міра; многія деревни были опустошены или выжжены; большія пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга земледѣльца и рабочихъ рукъ; о торговлѣ и промышленности, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ, нечего и говорить: каждый караванъ пришлось-бы охранять цѣлымъ войскомъ не только отъ киргизовъ и калмыковъ, но и отъ разбойническихъ шаекъ каракалпаковъ, кашгарцевъ, хивинцевъ и другихъ средне-азиатскихъ народовъ; на громадномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и отъ Оренбурга (нынѣшняго Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрѣпленнаго пункта; самый Оренбургъ, кромѣ командирскаго дома, состоялъ исключительно изъ бѣдныхъ землянокъ; крѣпость была окружена плетнемъ, находившимся на верху землянаго вала, и охранялась небольшимъ гарнизономъ; нѣсколько лучше другихъ пунктовъ былъ укрѣпленъ Яицкій горо-

докъ, или нынѣшній Уральскъ. Понятно послѣ этого, какое обширное поле дѣятельности предстояло здѣсь Неплюеву, и какихъ громаднѣхъ трудовъ требовало оно, для его обработки, со стороны новаго командира Оренбургскаго края.

Изъ Уфы Неплюевъ отправился въ Оренбургъ (Орскъ), куда только разъ въ годъ пріѣзжали изъ Самары командиры съ многочисленнымъ конвоемъ, „а въ зимнее время“, — замѣчаетъ Неплюевъ, — „и вовсе коммуникація прекращалась“. ^{a)} По прибытіи въ Оренбургъ, Неплюевъ прежде всего пожелалъ лично осмотрѣть всѣ мѣста ввѣреннаго ему края; почему „того-же 1742 года“, — говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, — „по опытамъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя, укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточными ^{b)}... снабдя всѣ тѣ мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ, артиллерію и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовалъ Орскою, по близости рѣки того названія, (опредѣлилъ) укрѣпить валомъ съ бастіонами“. ^{c)}

Между тѣмъ башкиры все еще не могли помириться съ своимъ положеніемъ. По осени 1742 г. Неплюевъ узналъ, что „башкирецъ Казанской дороги деревни Кали-Таймакъ Муслемъ Кусюмовъ съ товарищи чинить противности, ведутъ тайные переговоры, безъ вѣдома старшинъ и безъ паспортовъ ѣздить въ степь мѣсяца на четыре“. — Вслѣдствіе этого, Неплюевъ командировалъ въ Мензелинскъ, для изслѣдованія дѣла, премьеръ-маіора ландмилицкаго Шешминскаго полка Исакова. Донося о томъ, куда слѣдуетъ, Неплюевъ просилъ прислать къ нему на помощь генераль-маіора или искуснаго бригадира, вслѣдствіе чего и былъ командированъ къ нему генераль-маіоръ Фонъ-Штокманъ ^{d)}. 15 ноября 1742 года Неплюевъ получилъ, чрезъ инженеръ-капитана Гасафеева, изъ Сената указъ, которымъ повелѣвалось содержавшагося подъ арестомъ главнаго вора изъ башкиръ Едглашу муллу, при собраніи башкирскихъ старшинъ, казнить смертію, по силѣ указа 20 августа 1739 г., а Ураза, другаго башкирскаго бунтовщика, велѣно розыскать и также казнить. Извѣстный уже намъ Карасакалъ ^{e)} также не переставалъ озабочивать правительство. Выше было сказано, что онъ скрылся въ киргизскія степи

^{a)} См. его Записки въ Р. Арх. 1871 г., стр. 658—659.

^{b)} Въ рукоп. Записк. пропускъ одного или нѣсколькихъ словъ. См. тамъ-же.

^{c)} См. тамъ же.

^{d)} Сен. Арх. 66; 275.

^{e)} Выше мы почти вездѣ называли Карасакала „Каракасалою“; но послѣднее названіе, встрѣчающееся во многихъ архивныхъ бумагахъ, вѣроятно, произошло отъ ошибки писцовъ или же объясняется простою перестановкою слоговъ *ка* и *са*, подобно тому, какъ и у насъ: *долонь* (длань) — *лодонь*.

и пропалъ безъ вѣсти^{a)}. Считаемо нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько новыхъ данныхъ, въ дополненіе къ тому, что было сказано нами о Карасакалѣ раньше. Память о Карасакалѣ и его храбрости не исчезли среди башкиръ и послѣ того, какъ онъ самъ скрылся на своемъ борзомъ конѣ въ далекую степь: о немъ слагали и пѣли пѣсни башкиры; говорили о подвигахъ его киргизы; доносились разные вѣсти о храбромъ батырѣ и до Оренбургскаго начальства; но никто не зналъ съ точностію, гдѣ онъ находится и что думаетъ. Князь В. А. Урусовъ, между прочимъ, въ іюлѣ 1740 г. доносилъ Сенату, что Карасакалъ былъ „нагнанъ киргизами, раненъ, *пойманъ и находится у Абыза*“. — Очевидно, что Урусовъ сдѣлалъ такое доношеніе на основаніи слуховъ, не провѣривши ихъ на самомъ дѣлѣ, какъ это оказалось впоследствии. Его преемникъ генераль-лейтенантъ Соймоновъ 30 ноября 1741 года писалъ въ Сенатъ, что вышедшій изъ киргизскихъ степей Иванъ Лапинъ, находившійся въ плѣну у Карасакала, заявилъ, что Карасакалъ намѣревается прибыть въ Оренбургъ съ повинною. Сенатъ, по сношеніи съ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, предписалъ Соймонову, чтобы онъ, если только Карасакалъ явится, отправилъ его, подъ предлогомъ представленія ко Двору, въ Самару и здѣсь скованнаго заключилъ въ „секретное крѣпкое мѣсто“^{b)}. — Но заявленіе Лапина не оправдалось: Карасакалъ не явился. Расчитывая на корыстолюбіе киргизъ, правительство обѣщало за голову Карасакала отъ 500 до 1000 рублей^{c)}, но и это не помогло: никто не зналъ или не хотѣлъ сказать, гдѣ находится храбрый батырь. Прошло еще три года — и о Карасакалѣ стали уже забывать и пограничныя власти; успокоились и въ Петербургѣ. Вдругъ одинъ изъ враговъ Карасакала, киргизскій батырь Башлыкъ-Коже-Берды заявляетъ, что Карасакалъ живъ, только „онъ Карасакалъ кочуетъ нынѣ отъ нихъ (киргизъ) въ дальномъ разстояніи и они съ нимъ не въ мирѣ“^{d)}. — Генерал-маіоръ Киндерманъ, узнавшій о томъ отъ полковника Зорина, 28-го февраля 1745 г. донесъ Сенату, что гренадеръ Енисейскаго полка Холкинъ, сопровождавшій съ командою зюнгорскаго посла, заявилъ, что „Башлыкъ-Коже-Берды батырь приказывалъ ему, Холкину, сказать въ крѣпости капитану, ежели Карасакала команды ево люди прикочуютъ подъ крѣпости и будутъ чинить обиды, и будетъ за ними погоня; то-де и ему Башлыку извѣстіе подали, хотя чрезъ ево людей,

^{a)} Стр. 174.

^{b)} Указы 1742 г., въ Тург. обл. архивѣ, по описи № 14, л. 1, 8 и 18.

^{c)} Тамъ же, л. 109. Указъ отъ 21 октября 1742 г.

^{d)} Указы 1745 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 18, л. 141—144.

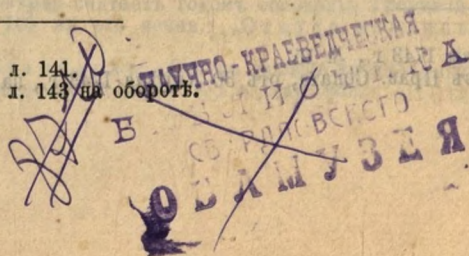
то и онъ за нимъ Карасакаломъ въ погоню пойдетъ^{а)}.—Сенатъ, получивъ доношеніе Киндермана, снесся съ Кол. Иностр. Дѣлъ и 30 апрѣля 1745 г. препроводилъ Неплюеву указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „когда ево Карасакала непріятельскія на російскія мѣста движенія увѣданы будутъ, то и кочующему съ войски не въ дальности отъ Семиналатной крѣпости кайсацкому Башлык-у-Коже-Берды батырю знать дать^{а)}.—Но Карасакалъ такъ и не являлся; по крайней мѣрѣ, въ архивныхъ бумагахъ, которыми мы располагали, нѣтъ на то указаній; слухъ о немъ съ этого времени совершенно запалъ.

Въ виду еще не вполне спокойнаго состоянія края и возможности новыхъ возмущеній, Неплюевъ всего болѣе былъ озабоченъ устройствомъ надежныхъ укрѣпленій и переселеніемъ въ Оренбургскій край русскихъ, для чего требовались, помимо другихъ условій, деньги; не даромъ еще Алкивиадъ на вопросъ афинянъ, что нужно для веденія войны, отвѣчалъ: *«золото, золото и золото»*. Между тѣмъ денегъ въ распоряженіи Неплюева почти не было; поэтому 16 декабря 1742 г. онъ обратился въ Сенатъ съ просьбой, чтобы на предстоящій 1743 годъ выслали ему на расходы по Оренбургской комиссіи 40,000 р., изъ нихъ на артиллерию и инженерныхъ служителей 3,454 р., на сѣменной хлѣбъ и переселеніе—2500 руб., на содержаніе ссыльных—1000 руб. и на строеніе Оренбурга—5000 руб.—Въ своемъ представленіи въ Сенатъ Неплюевъ указалъ и на тѣ деньги, которыя не были своевременно высланы въ Оренбургскую Комиссію изъ разныхъ мѣстъ, и просилъ, чтобы Сенатъ *«наистрожайше»* подтвердилъ о скорѣйшей высылкѣ тѣхъ недоимокъ. Изъ представленія Неплюева видно, что за Казанской Губернской Канцеляріей числилось недоимки за 1741 г. 5,306 р. и за 1742 г. 18,444 р., всего же 23,750 руб.; за Исетской Провинціальной Канцеляріей было недоимки 25,000 р., что въ сложности составляло весьма крупную цифру въ 48,750 рублей.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, гарнизоннымъ и ландмилицкимъ полкамъ, расположеннымъ въ Оренбургскомъ краѣ, велѣно было производить жалованье, въ теченіе трехъ лѣтъ, наравнѣ съ остзейскими полками, на что и было ассигновано изъ доходовъ Казанской губерніи 21,564 р. 97 к. Неплюевъ представилъ въ Сенатъ, чтобы это преимущество въ жалованьи было оставлено навсегда только за тѣми полками, которые будутъ расположены по рѣкамъ Сакмарѣ, Яику и Ую, полки же, находя-

а) Тамъ же, л. 141.

б) Тамъ же, л. 143 на оборотѣ.

щіеся внутри Башкиріи по р. Самарѣ, по мнѣнію Неплюева, не должны были пользоваться этой привиллегіей^{а)}. Сенатъ, въ отвѣтъ на представленіе Неплюева, опредѣлилъ: „недоимку за прошлые 741 и 742 годы отправить немедленно къ Неплюеву изъ имѣющихся въ наличности доходовъ (кромѣ адмиралтейскихъ и подушныхъ сборовъ), подъ опасеніемъ штрафа и взысканія всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые потерпитъ казна отъ такой неаккуратности, съ казанскаго губернатора“. Въ случаѣ же невозможности Казанской Губернской Канцеляріи выслать числящуюся за ней недоимку, Неплюевъ былъ уполномоченъ употребить необходимую для расходовъ сумму изъ доходовъ Исетской провинціи, а Казанская Губернская Канцелярія должна была представить послѣ эту сумму въ то мѣсто, куда повелѣно будетъ указами. Исетской Провинціальной Канцеляріи также было предписано выдать Неплюеву числящуюся за ней недоимку въ 25,000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ внушаетъ Неплюеву, чтобы онъ въ расходахъ былъ бережливъ и требуетъ, чтобы начатые прежде и вновь застроенные храмы были окончены, а то „прежде и большія суммы требовали“, — говорится въ указѣ, — „однако тѣ церковныя строенія и понынѣ еще продолжаются“^{а)}.

Не дожидаясь этой резолюціи Сената, послѣдовавшей уже 30 апрѣля и полученной Неплюевымъ только 31 мая 1743 г., командиръ края еще 18 января того же 1743 года донесъ Сенату, что онъ считаетъ необходимымъ лично осмотрѣть мѣста подъ строеніе крѣпостей въ Исетской провинціи, побывать въ Уфѣ для переговоровъ съ Аксаковымъ о построеніи Оренбурга, а оттуда — проѣхать въ Тюмень, для свиданія съ сибирскимъ губернаторомъ, и что онъ уже выѣхалъ для этой цѣли изъ Самары. Неплюевъ въ эту поѣздку осмотрѣлъ всѣ мѣста по верхнему Уралу и Ую на протяженіи болѣе семи сотъ верстъ, начиная отъ нынѣшняго Орска, или первоначальнаго Оренбурга. Здѣсь не было еще ни одного укрѣпленія, кромѣ Верхнеяицкой пристани (нынѣшняго Верхнеуральска). Въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ Неплюевъ лично положилъ основаніе многимъ крѣпостямъ и редутамъ, поселивъ въ нихъ гарнизоны и доставивъ все необходимое для ихъ защиты отъ набѣговъ степныхъ хищниковъ. Въ это время были основаны слѣдующіе 18 редутовъ: Калпацкій, Тераклинскій, Орловскій, Березовскій, Грязнушенскій, Сыртинскій, Ангельскій, Верхокизыльскій, Спасекскій, Свіяжскій, Ерзединскій, Подгорный, Саларскій, Ключевской, Березовскій, Луговой,

^{а)} Тамъ же. Указы 1743 г., № 15.

^{б)} Тамъ же. Указъ Прав. Сената, отъ 30 Апрѣля 1743 г., за № 2729.

Кагардыцкѣй и Озерной. Кромѣ поименованныхъ редутовъ, тогда же было положено основаніе слѣдующимъ осьми крѣпостямъ: Таналыцкой, Урдасымской, Кизылеской, Магнитной, Троицкой^{а)}, Каракульской, Крутоярской и Усть-Уйской. Во всѣхъ почти крѣпостяхъ положено было поселить двѣ роты драгунъ и полроты или роту пѣхоты. Крѣпость Усть-Уйская была построена на мѣстѣ бывшаго поселка при Далматовскомъ монастырѣ, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ монастырскомъ архивѣ^{б)}. Документы Далматовскаго монастыря объ этомъ поселкѣ, между прочимъ, сообщаютъ слѣдующее: „Исетское поселѣ за рубежемъ монастырской вотчины Усть-Уйское вверхъ по Тоболу р. на устьѣ р. Уя, отъ монастыря ѣзды дной съ шесть, построенъ дворецъ и въ дворцѣ изба. Поселѣ состояло при рыбномъ промыслѣ по рѣчкамъ и озерамъ, а на возвышенныхъ мѣстахъ имѣло уголья хмѣльня, сѣнокосныя и горныя промыслы“^{в)}

Между тѣмъ, какъ самъ Неплюевъ, помирившись съ своимъ положеніемъ и обстановкой на новомъ мѣстѣ, такъ энергично и дѣятельно принялся за устройство Оренбургскаго края и совершенно забылъ, по его выраженію, „ту прискорбность, съ кою въ сію Экспедицію прибылъ,“ — жена его, сопровождавшая мужа при обзорѣ края, не переставала скучать и грустить среди башкирѣ и другихъ инородцевъ края. Въ то самое время, какъ Неплюевъ возвращался вмѣстѣ съ нею изъ своей поѣздки по верхней линіи, „грусть,“ — говоритъ онъ, — „превозмогла жену мою, которая въ томъ же году въ Орекой крѣпости преставилась. Я спѣшилъ удалить сего мѣста, что и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.“^{с)} Не даромъ Анна Ивановна заливалась горькими слезами и приходила въ отчаяніе, когда впервые узнала, что ей придется ѣхать съ мужемъ въ далекій, дикій, варварскій край, въ Башкирію, гдѣ столько было пролито предъ тѣмъ виновной и невинной крови башкирѣ и русскихъ; она какъ бы предчувствовала, что тамъ ждетъ ее холодная одинокая могила, вдали отъ родины и родныхъ. Она умерла на 26 году своей жизни и была погребена при церкви Преображенія Господня, которая со времени своего основанія, 6 августа 1735 года, два раза пере-

^{а)} Нынѣ уѣздный городъ Оренб. губерніи Троицкѣ. Нѣкоторые приписываютъ основаніе его Кириллову (см. напр. въ Пам. кн. Оренб. губер. за 1870 г., стр. 105); но это противорѣчитъ самымъ Запискамъ Неплюева, гдѣ имѣется прямое указаніе на то, и другимъ историческимъ даннымъ (см. въ Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 149 и 150. Сравни Пам. кн. Оренб. губ. 1865 г., отд. I, стр. I), а Ф. М. Стариковъ не вѣрно считаетъ годомъ основанія Троицкой крѣпости 1744 г., вмѣсто 1743 г. См. стр. 161 въ его сочин.: „Откуда взялись казаки“. Оренбургъ, 1881 г.

^{б)} Ф. М. Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 161.

^{в)} Зап. Неплюева. Р. Арх. 1871 г., стр. 662.

носила на новое мѣсто и четыре раза горѣла. Анна Ивановна была погребена при второй уже церкви; теперь это мѣсто застроено домами. ^{a)}— Оставшись пятидесятилѣтнимъ вдовцомъ, Иванъ Ивановичъ, по-прежнему, съ покорностію Промыслу Божію, отнесся къ своему семейному горю и продолжалъ энергично работать на пользу Оренбургскаго края. Одиночество Неплюева раздѣляла только его двѣнадцатилѣтняя дочь Анна Ивановна; старшая же, Марья Ивановна Римская-Корсакова, жила съ мужемъ; старшій сынъ Адріанъ Ивановичъ служилъ посломъ въ Константинополь, а младшій Николай Ивановичъ еще учился въ Кадетскомъ корпусѣ. ^{b)}

Устраивая крѣпости и редуты, Неплюевъ также остановился на рѣшеніи вопроса, какой пунктъ избрать главнымъ между крѣпостями. Мѣсто, избранное Кирилловымъ на р. Ори и признанное неудобнымъ еще Татищевымъ, Неплюеву также показалось неудачнымъ по отсутствію близъ него лѣса; кромѣ того, оно представляло невыгодныя климатическія условія, вслѣдствіе поѣмнаго пространства мѣстности; наконецъ слишкомъ было удалено отъ центральной Россіи и представляло большія опасности для проѣзжающихъ къ той крѣпости купеческихъ каравановъ, которые подвергались грабежу отъ киргизовъ. Помимо этихъ невыгодъ, Орская крѣпость, по мнѣнію Неплюева, представляла большое неудобство и для надзора за башкирами, по причинѣ ея значительной отдаленности отъ ихъ земель, расположенныхъ внутри военной линіи. Мѣсто, указанное Татищевымъ, также не нравилось Неплюеву; вниманіе его остановилось сначала на Чернорѣченской крѣпости. ^{c)} Близость Сакмарскаго устья и обиліе лѣса по Сакмарѣ говорили въ пользу этой мѣстности; но поѣмность лѣваго берега Урала, во время весенняго половодья, могла представлять немаловажныя затрудненія для проѣзда къ городу киргизовъ и другихъ сосѣднихъ кочевниковъ, а это могло неблагопріятно отозваться на вишней торговлѣ города, который долженъ былъ сдѣлаться главнымъ торговымъ рынкомъ для всей мѣнковой торговли края и пограничныхъ съ нимъ средне-азіатскихъ ханствъ. Поэтому Неплюевъ предпочелъ Чернорѣченской крѣпости то самое мѣсто, гдѣ находится нынѣ Оренбургъ. По преданію, на этомъ мѣстѣ, отстоящемъ на 252½ версты отъ Орска и на 70 верстъ отъ Красногорской крѣпости, въ прежнее время жилъ ногайскій ханъ Басманъ ^{d)}, станъ котораго былъ извѣстенъ подъ именемъ Актюбы.

^{a)} Нынѣшній храмъ Преображенія Господня, уже четвертый по времени, построенъ на новомъ мѣстѣ и освященъ 6 декабря 1850 г., по благословенію преосвященнаго Іосифа, епископа Оренбургскаго и Уфимскаго. См. Оренб. Епарх. Вѣдомости 1874 г., № 1, стр. 27. Ср. Каракасалъ, же-ханъ Башкиріи. Р. Игнатьева, стр. 20.

^{b)} См. выше стр. 103 и 104.

^{c)} П. И. Рычковъ. Топ. Ор. губ. ч. II, 98.

^{d)} Тамъ же, стр. 10 и 12.

Избравъ новое мѣсто для построенія Оренбурга, Неплюевъ, 7 февраля 1743 г., препроводилъ въ Сенатъ копію съ общаго опредѣленія его съ уфимскимъ вице-губернаторомъ Аксаковымъ, относительно построенія города. Въ своемъ представленіи Неплюевъ просилъ резолюціи Сената: 1) о назначеніи къ строенію Оренбурга тептярей и бобылей; 2) о нарядѣ на 1743 г. тысячи башкиръ и пяти сотъ мещеряковъ на линію отъ Орска до Верхнеицкой крѣпости; 3) о переводѣ изъ Уфы въ Оренбургъ половины казаковъ; 4) о заселеніи дороги къ Оренбургу сходцами, живущими въ Уфимскомъ уѣздѣ; 5) о подвозѣ провіанта изъ Уфы, Мензелинска и Бирека къ Бердской крѣпости башкирами; 6) о передачѣ крѣпостей Табынской, Красноуфимской, Ногайбацкой и Ельдяцкой въ вѣдомство уфимскаго вице-губернатора^{а)}; 7) о мензелинскихъ и бирскихъ служилыхъ людяхъ, отставныхъ, ихъ дѣтяхъ и объ отшедшихъ въ Мензелинскъ въ вѣдомство воеводское; и 8) о переселеніи изъ Уфы купцовъ, записавшихся въ Оренбургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ просилъ Сенатъ о назначеніи, въ помощь Аксакову, особаго ассесора. Сенатъ, утвердивъ представленіе Неплюева, предписалъ оказывать башкирамъ всякую ласку и причитающуюся имъ за подвозъ провіанта плату выдавать исправно; въ случаѣ же жалобъ съ ихъ стороны, казанскій губернаторъ и лица, которыя будутъ завѣдывать этимъ дѣломъ, должны подлежать отвѣтственности предъ закономъ. Изъ купцовъ дозволено селить въ Оренбургъ только тѣхъ, которые не имѣли ни своихъ домовъ, ни казенной недоимки, притомъ „съ усмотрительностію, чтобы люди были надежны“. Дорогу отъ Уфы къ Оренбургу, начиная отъ Сакмарскаго городка, чрезъ деревню Измайлову, или Карабашеву, дозволено заселять различными сходцами съ льготою отъ податей на годъ; но при этомъ вѣлно записывать, откуда они пришли, чтобы сообщить объ ихъ новомъ поселеніи въ первоначальныя мѣста ихъ мѣстожительства, куда должны были отсылаться и собираемыя съ нихъ, по истеченіи льготнаго года, подати. Дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ, въ силу указа 5 февраля 1744 г., вѣлно высылать на прежнія мѣста ихъ жительства и къ поселенію въ Оренбургскомъ краѣ ихъ не допускать. Новокрещенныхъ инородцевъ приказано селить отдѣльными слободами, чтобы между ними не было иновѣрцевъ, построить для нихъ церковь и сноситься по ихъ дѣламъ съ Казанскою Конторою Новокрещенскихъ Дѣлъ^{б)}. Крѣпости: Табынскую, Красноуфимскую, Ногайбацкую и Ельдяцкую, согласно представленію Неплюева, Сенатъ поручилъ вѣдомству

^{а)} Въ этомъ же пунктѣ говорится о заведенныхъ при Табынской крѣпости мѣдеплавильномъ и солеваренномъ заводахъ.

^{б)} Подробности объ этомъ учрежденіи см. въ сочин. Е. А. Малова: „О Новокрещенской Конторѣ“. Казань, 1878 г.

уфимскаго вице-губернатора Аксакова, назначивъ въ помощь къ нему ассесоромъ капитана Мертваго, состоявшаго раньше товарищемъ при воеводахъ^{а)}.

Неплюевъ, между тѣмъ, приказалъ инженерамъ составить планъ положеннаго къ постройкѣ новаго Оренбурга и, когда планъ былъ готовъ, отправилъ его на высочайшее умотрѣніе. На планѣ городъ представлялъ овальную фигуру многоугольника объ одиннадцати полигонахъ, 10 бастіонахъ и двухъ полубастіонахъ у самаго берега Яика^{б)}. Въ крѣпость вели четверо воротъ: на восточной сторонѣ находились Орскія ворота въ третьемъ полигонѣ, на западной—Чернорѣченскія—въ девятомъ и Уральскія (тогда Яицкія)—въ десятомъ полигонѣ, а на сѣверной сторонѣ были Сакмарскія ворота, въ шестомъ полигонѣ. У Рычкова Чернорѣченскія ворота названы Самарскими, потому что „на Самарскую дистанцію и къ городу Самарѣ зимняя дорога туда лежитъ; а къ тому (замѣчаетъ онъ) можетъ причисленъ быть и взвозъ отъ р. Яика на гору, гдѣ положено быть сквозъ валъ же пятымъ Водянымъ воротамъ“^{в)}. Планъ города, представленный Неплюевымъ, былъ утвержденъ и городъ застроенъ^{д)}; но построение Оренбурга не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ. По свидѣтельству Рычкова, въ новостроющемся городѣ и другихъ мѣстахъ, избранныхъ подъ строеніе крѣпостей по р. Сакмарѣ, быстро распространилась цинготная болѣзнь: изъ 1350 чел., заболѣвшихъ цингой, осталось въ живыхъ лишь 719 чел., а 631 ч. умерли; особенно губительно дѣйствовала эта болѣзнь осенью. Стараясь ободрить упавшихъ духомъ новопоселенцевъ, Неплюевъ, съ свойственною ему энергіею и безропотною покорностію Промыслу, употреблялъ все мѣры къ тому, чтобы довести до конца, не смотря на препятствія, задуманное и уже начатое имъ дѣло. Онъ не желалъ, хотя бы и могъ, воспользоваться тѣми выгодами помѣщенія и обстановки, которыхъ не могли еще имѣть окружающіе его новопоселенцы: до ноября мѣсяца онъ жилъ въ обыкновенной землянкѣ, какаѣ была у

^{а)} Указы 1743 г. № 15, въ Тургайск. обл. архивѣ.

^{б)} Наименованія бастіоновъ: 1—Успенскій, 2—Неплюевскій, 3—Никольскій, 4—Фонъ-Штокманскій, 5—Галафеевскій, 6—Губернскій, 7—Воскресенскій, 8—Провіантскій, 9—Бердскій, 10—Торговый; полубастіоны: Нагорный, гдѣ находится нынѣ зимній Введенскій соборъ, и Преображенскій, который получилъ свое названіе, вѣроятно, отъ находящагося здѣсь лѣтняго Преображенскаго собора. Въ Топ. Ор. губ. Рычкова (изд. 1887 г., стр. 244) показаны еще бастіоны: Петропавловскій и Преображенскій, подъ которыми онъ, вѣроятно, разумѣлъ полубастіоны, такъ какъ отдѣльно полубастіоновъ онъ не называетъ, бастіоновъ же считаетъ также десять. — Сравни планъ города Оренбурга, составленный въ 1828 году, за подписью инженеръ-генераль-маіора Бикбулатова и оберъ-квартирмейстера генераль-маіора Милорадовича.

^{в)} Топ. Оренб. губ. изд. 1887 г., стр. 245. Водяныя ворота сохранились до сихъ поръ и находятся при спускѣ къ пѣшеходному мосту чрезъ Уралъ на Бухарскую сторону.

^{д)} П. С. Зак., т. XI, № 8630, стр. 674—675.

послѣдняго рабочаго; имѣя только для своей двѣнадцатилѣтней дочери (Анны Ивановны) кибитку, и, лично распоряжаясь и надзирая за работами, Неплюевъ не прежде переселился въ отстроенный для него домъ, какъ всѣ обитатели землянокъ получили возможность перейти въ свои дома, а гарнизонъ—въ казармы. Удивительная самоотверженность для общаго блага, и какая сила воли!—Съ переселеніемъ жителей въ свои дома, работы по устройству города пошли быстрѣе. Построивъ для новыхъ поселенцевъ зданія на счетъ казны, Неплюевъ вызывалъ купцовъ изъ Уфы, Самары и другихъ мѣстъ на различныхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Заботясь о безопасности жителей, Неплюевъ постарался обнести городъ рвомъ и валомъ съ каменною стѣною и снабдить его достаточнымъ къ оборонѣ гарнизономъ. Валъ имѣлъ въ окружности пять верстъ 192 сажени; высота его равнялась на ровныхъ мѣстахъ 12 футамъ, на высокихъ была менѣе, а на низкихъ болѣе 12 ф.^{а)}; ширина рампара=6 с., глубина рва=12 ф., а его ширина=35 фут.^{б)} Ширина города по интервалу равнялась 570 с., а длина=677 саж. За валомъ, противъ Неплюевского и Преображенскаго полигоновъ, была застроена Каза чья слобода, или нынѣшній форштадтъ; здѣсь, начиная отъ Неплюевского бастіона, положено было устроить на протяженіи 388 саж. ретраншаментъ съ тремя бастіонами и съ однимъ редантомъ къ рѣкѣ Яику. Берегъ р. Яика, противъ самаго города, имѣлъ на протяженіи 275 саж. брустверное укрѣпленіе съ однимъ редантомъ, для обороны города съ рѣчной стороны, причемъ имѣлось въ виду, чтобы „крутость горы, коя изъ природнаго камня, современемъ обрѣзать“. Сна-
ружи крѣпость была вся облицована плитнымъ камнемъ. Какъ быстро возрасталъ Оренбургъ, можно отчасти судить потому, что въ сентябрѣ 1747 г., т. е. чрезъ 4 года послѣ его основанія, въ немъ было уже 837 дворовъ, 4 церкви, гауптвахта, казенные номера, аптека, пороховой погребъ, магазинъ, таможня, 44 лавки въ Гостинномъ дворѣ и 131 лавка на Мѣновомъ ^{в)}; къ 1760 г. въ Оренбургѣ считалось уже 2866 домовъ, кромѣ находившихся за городомъ землянокъ ^{д)}; церковей же во всемъ городѣ и съ тѣми, что за городомъ въ Каза чьей слободѣ и за р. Яикомъ на Мѣновомъ дворѣ, было девять, изъ которыхъ Петропавловская церковь, находившаяся на главной (Губернской) улицѣ, и два собора: Преображенскій и Введенскій были каменные и со сводами. По замѣчанію Рычкова, храмы эти по ихъ размѣрамъ и архитектурѣ „достойны

^{а)} Жалкіе остатки этого нѣкогда грандіознаго вала можно теперь видѣть на восточной сторонѣ города, между Преображенскимъ соборомъ и прекраснымъ зданіемъ Духовной семинаріи.

^{б)} П. С. Зап. т. XII, № 9444. Ср. Топогр. Ор. губ. Рычкова, ч. II, стр. 14.

^{в)} П. С. З., № 9444.

^{д)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 245.

особливаго примѣчанія“; особенно же Введенскій соборъ, „который, какъ главный, украшенъ презряднымъ иконостасомъ и богатою жъ церковною утварью, покрытъ весь бѣлымъ листовымъ желѣзомъ и куполы какъ на церкви, такъ и надъ колокольнею, вызолочены“.

Изъ храмовъ, построенныхъ въ Оренбургѣ при Неплюевѣ, доселѣ еще существуютъ два собора: зимній, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и лѣтній, во имя Преображенія Господа Нашея Иисуса Христа. Оба храма каменные и находятся на возвышенномъ берегу р. Урала. Въ Преображенскомъ соборѣ сохранилась и надпись о времени его освященія. Надъ входомъ отъ входныхъ западныхъ дверей храма на задней стѣнѣ имѣется слѣдующая надпись, сдѣланная славянскимъ шрифтомъ подъ титлами: *«Совершился же и освятися (храмъ сей) по благословенію Преосвященнаго Луки, епископа Казанскаго и Свіяжскаго, тицаніемъ высокопревосходительнаго господина дѣствительнаго тайнаго совѣтника і кавалера Ивана Ивановича Неплюева 1750 года померія во 12 день на память иже во святыхъ отца нашего Иоанна Милостиваго»*. Надпись эта сдѣлана, повидимому, на окрашенномъ въ черную краску холстѣ, натянутомъ на деревянную раму, вмазанную въ штукатурку; прописанныя буквы написаны красной, а строчныя — желтой краской. Въ томъ же храмѣ на южной стѣнѣ, подъ первымъ окномъ отъ западнаго входа, есть еще надпись славянскими же буквами, высѣченными горельефомъ на вѣланномъ въ стѣну кругломъ выпукломъ камнѣ, — эта надпись гласитъ слѣдующее: *«Здѣсь почитается тѣло в бозѣ усопшаго пятилѣтняго младенца Елисаветы Дмитріевны дщери господина статскаго совѣтника і Оренбургской губерніи губернатора Дмитрія Васильевича Волкова. Преставилась 1763 г. октября 26 дня, погребена того же октября 27 дня»^{а)}*.

Входить въ подробное описаніе этихъ храмовъ здѣсь было-бы неумѣстно, — это, вѣроятно, сдѣлаетъ современемъ Гр. Еф. Королевъ-Антошечкинъ, занимающійся въ настоящее время, съ разрѣшенія преосвященнаго Макарія, епископа Оренбургскаго и Уральскаго, разборомъ дѣлъ архива Оренбургской Духовной Консисторіи^{б)}; Гр. Еф. Королевъ-Антошечкинъ задался, между прочимъ, и мыслію составить по архивнымъ документамъ *«Исторію храмовъ города Оренбурга»*, къ чему уже и приступилъ^{в)}.

Такъ-какъ и въ настоящее время соборы, построенные при Неплюевѣ,

^{а)} 30 августа 1887 г., во время литургіи, я самъ видѣлъ и читалъ эти надписи; но снять ихъ тогда не могъ, почему и обратился съ просьбой о томъ къ правителю дѣлъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русск. Геог. Общества, А. И. Оводову, который, благодаря любезному содѣйствію ключаря собора П. И. Львова, доставилъ мнѣ эти надписи, при отношеніи отъ 28 окт. 1888 г. за № 124.

^{б)} См. 1 и 2 протокол. Оренб. арх. уч. Комм. за 1889 г.

^{в)} См. „Орен. Епар. Вѣд.“, 1889 г., № 16, стр. 507—513.

Казань. Лит. В. Ключникова

Введенскій зимній соборъ
въ Оренбургъ.

уже нуждаются въ капитальномъ ремонтѣ, а современемъ ихъ могутъ и совершенно разобрать и перестроить, придавъ имъ другой видъ; то мы и сочли за полезное приложить къ настоящему труду литографированные виды этихъ храмовъ, какъ живыхъ, хотя и безмолвныхъ, свидѣтелей плодотворной дѣятельности И. И. Неплюева, основателя и устроителя настоящаго Оренбурга. Изъ городскихъ улицъ въ Оренбургѣ лучшими были: Губернская, Орская, Яицкая, Уфимская, Пензенская, Самарская, Петропавловская, Троицкая, Воскресенская, Преображенская, Успенская, Никольская, Садовая, Артиллерійская, Нижняя, Коммисская, Посадская и Гостиная. Среди самаго города на площади была устроена гауптвахта съ нѣсколькими покоями и съ куполомъ надъ ними, гдѣ находились городскіе часы съ небольшими колоколами, а на самомъ верху купола — государственный гербъ. Изъ казенныхъ городскихъ зданій особенно были замѣчательны по своей величинѣ и архитектурѣ: двухъ-этажный домъ Губернской Канцеляріи, нижній этажъ котораго назначался „для архива и денежной казны“; губернаторскій домъ, состоявшій первоначально изъ двухъ флигелей; цейхгаузъ и артиллерійскій дворъ; почтовый и аманатный дворъ; гарнизонная и полковая канцелярія; провіантскіе и соляные магазины, а также и госпиталь, при которомъ состояли докторъ, аптекаръ, лѣкаръ и нѣсколько подлѣкарей и учениковъ^{а)}.

Но въ то время, какъ на берегу быстрого Урала возникалъ нынѣшній Оренбургъ, въ Уфѣ обнаружались большія злоупотребленія со стороны уфимскаго вице-губернатора Аксакова. Личность Аксакова, его произволъ и отношенія къ башкирамъ, равно какъ и слѣдствіе надъ нимъ, произведенное по распоряженію Неплюева, составляютъ весьма важный эпизодъ въ исторіи Оренбургскаго края, тѣсно связанный съ башкирскимъ вопросомъ, а потому мы считаемъ должнымъ изложить здѣсь тѣ данныя, которыя намъ извѣстны по настоящему дѣлу. Этотъ любопытный эпизодъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что о немъ, сколько намъ извѣстно, доселѣ ничего не имѣется въ печати, кромѣ небольшой брошюрки^{б)} покойнаго Р. Г. Игнатьева, которая при томъ не чужда пробѣловъ и *ошибокъ* и составляетъ библиографическую рѣдкость, такъ-какъ она была напечатана въ незначительномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу, кажется, не поступала.

Ближайшимъ родоначальникомъ Аксаковыхъ былъ Иванъ Тео-

^{а)} Рычковъ. Топогр. Орен. губ. Изд. 1887 г., стр. 246. О Гостиномъ и Мѣновомъ дворахъ, принадлежавшихъ также къ лучшимъ строеніямъ Оренбурга, будетъ сказано дальше въ главѣ о торговлѣ въ Оренбургскомъ краѣ.

^{б)} „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“; въ 16 дол. лист., всего 62 стр. Изд. Уфимск. Ст. Ком. 1875 г.

доровичъ Вельяминовъ, по прозванію Оксакъ^{а)}, жившій въ княженіе Іоанна III Васильевича. Онъ имѣлъ четыре сына: Ивана, Александра, Дмитрія и Василия. Отъ втораго изъ нихъ Александра происходитъ родъ извѣстнаго писателя Сергія Тимоѣевича Аксакова, мужа Ольги Семеновны Заплатиной^{б)} и отца знаменитаго публициста, славянофила и поэта Ивана Сергѣевича Аксакова^{в)}, а отъ третьяго сына Оксакъ Дмитрія происходилъ въ VI колѣнѣ Петръ Дмитріевичъ Аксаковъ, уфимскій вице-губернаторъ, отданный Неплюевымъ подъ судъ. Предки Петра Дмитріевича служили воеводами и царскими стольниками. Отецъ его Дмитрій Семеновичъ, какъ и братья послѣдняго Иванъ и Петръ Семеновичи, были стольниками (1686—1692) царицы^{д)} Прасковьи Ѳеодоровны. О первоначальной службѣ Петра Дмитріевича Аксакова, до назначенія его въ Уфу, намъ ничего не извѣстно; знаемъ только, что онъ былъ предъ тѣмъ полковникомъ^{е)} и оберъ-кригсъ-коммиссаромъ, а 6 ноября 1740 года былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ вице-губернаторомъ въ Уфу, вмѣсто генераль-маіора Петра Воейкова^{ж)}, съ жалованьемъ по чину^{з)}. П. Д. Аксаковъ отличался остроуміемъ и знаніемъ законовъ, въ смыслѣ опытнаго подъячаго; даже дѣловыя бумаги его не лишены ѣдкаго сарказма. Намъ уже извѣстно, каковъ былъ уфимскій воевода Шемякинъ^{и)}, посланный за лихоимство, подлоги и притѣненіе башкиръ въ Сибирь, но Аксаковъ превзошелъ и Шемякина своимъ произволомъ, незнавшимъ границъ. По указу 9 іюля 1741 года, Уфимская провинція по башкирскимъ дѣламъ была подчинена вѣдомству Башкирской Комиссіи и Оренбургскаго Генералитета, съ которыми Аксаковъ и долженъ былъ имѣть

^{а)} „Аксак“ чисто татарское слово и означаетъ *хромой*, но Аксаковы въ старину писались Оксакъ. Родоначальникомъ ихъ, по древнимъ родословнымъ книгамъ, былъ знатный варягъ Симонъ Африкановичъ, племянникъ короля норвежскаго Гакона Слѣпаго, прибывшій въ Кіевъ въ 1027 году и соорудившій въ Кіево-Печерской Лаврѣ церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ онъ и погребенъ. Отъ него же производятъ свой родъ Вельяминовы, Воронцовы-Вельяминовы и нѣкоторыя др. дворянскія фамиліи. См. Родословн. Сборникъ русск. двор. фамилій В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, Спб. 1886 г., т. I, стр. 20.

^{б)} Дочь генераль-маіора Семена Григорьевича отъ брака его съ плѣнною турчанкою Игелъ-Сюмъ; слѣдовательно, Константинъ, Иванъ и Григорій Сергѣевичи Аксаковы — внуки турчанки по матери.

^{в)} Род. 26 сент. 1823 г., въ селѣ Надежинѣ, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи, ум. 27 января 1886 года и погребенъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, съ восточной стороны алтара Успенскаго Собора Лавры. Ив. С. былъ женатъ на Аннѣ Ѳеодоровнѣ Тютчевой, дочери поэта О. И. Тютчева; дѣтей не имѣлъ.

^{д)} Руммель. Родосл. Сборн., т. I, стр. 24.

^{е)} Барановъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 7991 (С. А. СХХХIII; 86).

^{ж)} Тамъ же. — Въ „Род. Сборн.“ Руммеля (т. I, стр. 25) сказано неврѣно, что П. Д. Аксаковъ былъ опредѣленъ уфимскимъ вице-губернаторомъ лишь въ 1743 г., а на стр. 30-й того же „Сборника“, вѣроятно, онъ же показанъ губернаторомъ Оренбургской губерніи въ 1740 г., когда еще и не существовало Оренб. губерніи, въ смыслѣ административномъ: Оренб. губернія была открыта, какъ мы знаемъ, въ 1744 г. и первымъ ея губернаторомъ былъ И. И. Неплюевъ.

^{з)} Барановъ. Опис. Сен. арх., т. III, № 7991 (С. А. СХLI; 145).

^{и)} См. выше стр. 156.

сношенія по всеѣмъ дѣламъ, касающимся башкиръ, а въ случаяхъ экстренныхъ повелѣвалось: „чинить по воинскимъ регуламъ и указамъ и изобрѣтеніямъ лучшихъ способовъ, по своему искусству и разсужденію будущихъ въ командѣ его вице-губернатора штабъ-офицеровъ, усматривая, чтобы высочайшимъ интересамъ поврежденія и подданнымъ ни малаго разоренія причиниться не могло“^{а)}. Не смотря на этотъ указъ, Аксаковъ бралъ взятки и, оказывая полное неуваженіе къ правосудію и закону, ни въ чемъ не хотѣлъ слѣдовать указаніямъ и совѣтамъ предшественника Неплюева, генераль-лейтенанта Леонтія Яковлевича Соймонова, запретивъ исполнять требованія послѣдняго даже своимъ подчиненнымъ. Многіе изъ башкиръ злobiliсь на Соймонова, какъ жестокаго усмирителя бунта и безпощаднаго предсѣдателя Судной Коммиссіи надъ бунтовщиками-башкирами въ Мензелинскѣ. Аксаковъ, воспользовавшись злобою башкиръ на Соймонова, объявилъ себя покровителемъ башкирскаго народа и защитникомъ его интересовъ. Башкиры, не понимая эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ расчетовъ бригадира, стали обращаться къ Аксакову съ жалобами на Соймонова; Аксаковъ давалъ ходъ этимъ жалобамъ, представляя ихъ прямо въ Сенатъ. Отъ Соймонова потребовали объясненія. — Соймоновъ сначала приказалъ схватить главнаго сторонника Аксакова башкирскаго старшину Арака съ его товарищами; но это только еще болѣе озлобило башкиръ, которые даже покушались на жизнь Соймонова. Опасаясь отвѣтственности, Соймоновъ не могъ смотрѣть на поведеніе Аксакова, какъ говорителю, сквозь пальцы и не разъ жаловался на него въ Сенатъ; но благодаря связямъ и протекціи, которыя имѣлъ Аксаковъ въ Петербургѣ, Сенатъ всегда оставлялъ безъ послѣдствій жалобы Соймонова. Узнавъ, что въ Петербургѣ держатъ сторону Аксакова, Соймоновъ не рѣшался даже выѣхать изъ Мензелинска въ Самару, для принятія дѣлъ главнаго командира Оренбургскаго края, и думалъ управлять краемъ отсюда, разсылая свои предложенія, предписанія и запросы Аксакову, доносы и жалобы на него въ Сенатъ. Аксаковъ не оставался въ долгу: давая рѣзкіе отвѣты Соймонову, онъ въ то же время посылалъ и свои объясненія въ Сенатъ, въ которыхъ старался доказать полную неспособность Соймонова къ управленію столь обширнаго края. Наконецъ Соймоновъ, въ сопровожденіи чиновниковъ бывшей Судной Коммиссіи надъ башкирами и подъ охраною сильнаго конвоя, рѣшился выѣхать въ Самару. Между тѣмъ Аксаковъ, видя безуспѣшность жалобъ на него Соймонова, началъ еще болѣе злоупотреблять своею властью, усиливая тѣмъ безпорядки въ краѣ. Вражда, начавшаяся между нимъ и Соймоновымъ, про-

^{а)} Пам. кн. Уф. губ. 1873 г., ч. II, 145.

ника и въ среду башкиръ, раздѣливъ ихъ на двѣ противоположныя партіи: одни примкнули къ Аксакову, другіе—къ Соймонову. Началась полная беззурядица среди башкиръ, поддерживаемая и еще болѣе разжигаемая взятками и произволомъ Аксакова. Соймоновъ наконецъ былъ вынужденъ проситься въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, по поводу его столкновений съ Аксаковымъ и злоупотребленій послѣдняго. Получивъ отпускъ, онъ въ февралѣ 1742 года выѣхалъ изъ Мензелинска въ столицу, а вѣлѣдъ за нимъ отправились въ Петербургъ и преданные ему башкирскіе старшины, подъ предлогомъ поздравленія Императрицы Елизаветы Петровны съ вступленіемъ ея на престолъ. Депутація состояла изъ 22 человекъ. Кромѣ 12 служилыхъ башкиръ и мещеряковъ, въ числѣ депутатовъ находились представители всѣхъ четырехъ дорогъ, на которыя дѣлились тогда башкиры: отъ Казанской дороги старшина Мухаммедъ Шерипъ Мряковъ; отъ Осинской дороги мулла Ельдяцкой волости Ахмеръ Асановъ; отъ Сибирской дороги—старшины Кудейской волости Шайталъ и Шиганай и старшины Сунларской волости Якупъ и Мурзинъ; отъ Ногайской дороги—старшина Каратабынской волости Кидрясъ Муллакаевъ; кромѣ нихъ, здѣсь были: мещерякскій старшина Янышъ, мещерякскій сотникъ Иткай Кильмаевъ и башкирскій сотникъ Ибрашъ Кутцевъ^{а)}.

Аксаковъ, вѣроятно, все это предвидѣлъ и во время позаботился предупредить о томъ вліятельныхъ и преданныхъ ему въ Петербургѣ лицъ; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что Соймоновъ еще на пути изъ Мензелинска въ Самару встрѣтилъ курьера, который вручилъ ему указъ о назначеніи на его мѣсто Неплюева и о томъ, чтобы онъ явился въ Сенатъ, уже по сдачѣ своихъ дѣлъ и команды новому командиру Оренбургскаго края Неплюеву. Соймоновъ, какъ мы уже знаемъ,^{б)} 10 февраля 1742 г. прибылъ въ Самару, для встрѣчи Неплюева, и только въ маѣ получилъ возможность отправиться въ столицу.—Между тѣмъ Аксаковъ, не теряя времени, успѣлъ направить дѣло такъ, что остался цѣлъ и невредимъ, а башкирскихъ старшинъ, сторонниковъ Соймонова, наградили въ Петербургѣ деньгами, саблями и сукномъ, на что было употреблено 470 руб. 60 к.^{в)} Получивъ подарки, особую грамоту и кормовыя деньги,^{г)} депу-

^{а)} См. указъ 27 августа 1742 года въ Тург. обл. арх.

^{б)} Смотр. выше стр. 178 и 179.

^{в)} Старшины получили деньгами отъ 20 до 30 рублей; сотники по 10 р.—Сабли были различной цѣнности, начиная отъ 21 руб. и до 32 руб. за штуку; всего на сабли было израсходовано 74 руб. Старшина Сунларской волости Якупъ, вмѣсто подарковъ, былъ награжденъ чиномъ. Простые башкиры получили каждый по 5 арш. красного сукна; всего на сукно было употреблено 150 руб.

^{г)} Кормовыхъ денегъ было выдано 66 руб. 60 коп. на 45 дней, полагая по 1 р. 48 коп. на день.

таты были отправлены на тридцати подводахъ въ Уфу, въ сопровожденіи каптенармуса Казанскаго драгунскаго полка, Ивана Варыпаева. По прибытіи въ Уфу, депутаты должны были вручить данную имъ грамоту уфимскому вице-губернатору, т. е., Аксакову, на котораго они ѣздили жаловаться, а себѣ могли взять съ нея только копію за подписью того же Аксакова^{а)}. Въ такомъ положеніи было дѣло Аксакова до его перваго свиданія и знакомства въ Уфѣ съ Неплюевымъ.

Отправляясь въ Оренбургскій край, Неплюевъ, безъ сомнѣнія, нуждался въ людяхъ, которые-бы могли познакомить его съ этимъ краемъ, а петербургскіе патроны Аксакова, конечно, не опустили благоприятнаго случая обратить вниманіе Неплюева на Аксакова, занимавшаго притомъ видный административный постъ въ Башкиріи. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Неплюевъ, по прибытіи въ Самару, принявъ дѣла и команду отъ Соймонова, который, безъ сомнѣнія, сообщилъ ему и о поступкахъ Аксакова, прежде всего отправился въ Уфу, чтобы распросить Аксакова о нуждахъ и состояніи Оренбургскаго края. Надѣясь имѣть въ Аксаковѣ полезнаго сотрудника по управленію башкирцами, Неплюевъ, какъ мы видѣли^{б)}, передалъ въ его вѣдомство, по предварительномъ сношеніи съ Сенатомъ, крѣпости: Табынскую, Красноуфимскую, Ногайбацкую и Ельдяцкую; по ходатайству Неплюева же былъ данъ Аксакову и помощникъ въ лицѣ ассесора Мертваго. Неплюевъ, какъ мы уже знаемъ^{в)}, совѣтуется съ Аксаковымъ и относительно построенія Оренбурга и совмѣстно съ нимъ составляетъ проектъ о заселеніи города, который и былъ представленъ имъ 7 февраля 1743 г. на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената^{г)}. Но не прошло послѣ того и года, какъ стали обнаруживаться произволъ и злоупотребленія Аксакова.—Понравились ему два писаря изъ солдатъ Уфимскаго гарнизона: Олинъ и Кадомцевъ, — и Аксаковъ взялъ ихъ къ себѣ въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію, переименовавъ Кадомцева въ губернскіе регистраторы, а Олина—въ канцеляристы. Начальникъ полка, въ которомъ Кадомцевъ и Олинъ числились солдатами, довелъ о томъ до свѣдѣнія Военной Коллегіи, незамедлившей сообщить о поступкѣ Аксакова Сенату. Находя такой поступокъ противозаконнымъ, Сенатъ опредѣлилъ: лишить Кадомцева и Олина ихъ канцелярскихъ чиновъ и возвратить на прежнюю службу въ Уфимскій гарнизонъ. Аксаковъ, не смотря на указъ Сената и распоряженіе Военной

^{а)} Указы 1742 г. въ Тург. обл. арх., л. 89—91.

^{б)} Смот. выше стр. 187.

^{в)} Смот. стр. 184.

^{г)} Тамъ же, стр. 187 и 188.

Коллегіи, медлил высылкой своихъ излюбленныхъ писарей—чиновниковъ въ гарнизонъ, а послѣднимъ это, понятно, было, какъ говорится, на-руку. Особенно не хотѣлось снова быть солдатомъ Кадомцеву, который успѣлъ было нажить и деньги и даже купилъ себѣ крѣпостныхъ людей^{а)}. Между тѣмъ ассесоръ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, Теодоръ Мертваго 10 октября 1743 года, донесъ въ Сенатъ, что Аксаковъ „въ присутствіи“ вовсе его не слушаетъ, вмѣняя его мнѣніе ни во что, кричитъ на него и угрожаетъ ему; различные указы и распоряженія правительства сообщать своему секретарю у себя на дому; завелъ въ своей квартирѣ какую-то тайную канцелярію, въ которую опредѣлилъ прапорщика Демидовыхъ Утянина да омагометанившася изъ чувашъ толмача Уракова и держать у себя подъ арестомъ башкирскихъ старшинъ, а за что—онъ (Мертваго) не знаетъ^{б)}. Вслѣдъ за этой жалобой Мертваго, въ Сенатъ былъ полученъ новый доносъ на Аксакова. Секретарь Уфимской Провинціальной Канцеляріи, Семенъ Зубовъ, на котораго былъ возложенъ и прокурорскій надзоръ, 25 сентября того же (1743) года доносилъ Сенату, что Аксаковъ взялъ болѣе тысячи казенныхъ денегъ „и всегда беретъ, а въ указныя мѣста рапортуетъ наличными“; забранные имъ въ жалованье 183 р. деньгами и 10 четвертей овса, которыя велѣно съ него взыскать, не платитъ; кромѣ того, перебралъ болѣе 200 ведеръ казеннаго вина, не заплативъ за нихъ денегъ; забираетъ въ свою канцелярію невинныхъ и бьетъ ихъ; велѣлъ у счетчика взять деньги и запечатать ихъ канцелярскою печатью; держать у себя *«п.лута»* переводчика Уракова, который беретъ взятки и *«наровитъ»* ему; держитъ на гауптвахтѣ и бьетъ приказныхъ служителей; канцелярскія дѣла, вопреки указамъ Генеральнаго Регламента, забираетъ въ квартиру, гдѣ также принимаетъ прошенія и сочиняетъ протоколы; полученные изъ Сената указы держать у себя; расходуетъ безъ указа казенныя деньги на покупку для новокрещенныхъ изъ инородцевъ платья и обуви, на что уже издержалъ болѣе 127 рублей; воровъ изъ инородцевъ не подвергаетъ ответственности по закону, а, окрестивъ, освобождаетъ отъ всякаго наказанія и даже награждаетъ платьемъ и обувью на счетъ казны, безъ всякаго на то разрѣшенія.—Въ заключеніе всего, Зубовъ проситъ произвести въ квартирѣ Аксакова опись *«дѣламъ и письмамъ»* и говорить: *«слезно покорнѣйше прошу* за оными непорядками, до изслѣдованія объ ономъ, меня ему не вѣдать, ибо ежели онъ

^{а)} Игнатъевъ. *Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ*, стр. 12. Запрещеніе покупать крѣпост. крестьянъ людямъ не дворянскаго происхожденія послѣдовало только 24 марта 1746 г. П. С. З. № 9267.

^{б)} Ст. въ Тург. обл. арх. Указы 1744 г., № 17, л. 26—27.

сіе мое представленіе увѣдасть, а отъ команды его отрѣшенъ не буду; то онъ *по здѣшней власти меня можетъ* (отъ чего Боже сохрани!) и *до смерти убить* какимъ-нибудь случаемъ, или отъ его сильныхъ угрозъ въ безуміи своемъ самъ себя смерти не предаль-бы“. ^{а)}

Не смотря на то, что представленіе секретаря Зубова было написано двумя недѣлями раньше жалобы ассесора Мертваго ^{б)}, оно получено въ Сенатъ тремя днями позже послѣдней: на доношеніи Мертваго помѣчено: «*получено 12 ноября 1743 г.*», а на представленіи Зубова: «*получено 1743 г. ноября 16.*» — Судя по ходу дѣла, можно предположить, что Мертваго и Зубовъ дѣйствовали сообща и прежде, чѣмъ рѣшились обратиться съ жалобой на Аксакова въ Сенатъ, имѣли между собою по этому дѣлу совѣщаніе. Написавъ свою жалобу на Аксакова, Зубовъ, вѣроятно, прочиталъ ее и Мертваго, а послѣдній, желая предупредить доносъ секретаря, поспѣшилъ на-скоро написанное имъ представленіе отправить въ Сенатъ съ нарочнымъ ^{в)}, жалоба же Зубова могла быть послана съ почтой. На солидарность и совмѣстность дѣйствій Зубова и Мертваго указываетъ, между прочимъ, и слѣдующее мѣсто въ доношеніи Сенату Зубова: «а товарищъ и я уже отъ его угрозъ въ канцелярію боямся ходить, потому, что при присутствіи ежели что по силѣ указовъ представишь; то всегда неподобными словами ругаетъ и грозить, а и товарища ниодинова уже злобными словами поносишь“ и проч. Аксаковъ, между тѣмъ, не дремалъ и самъ: 20 октября того же (1743) года онъ донесъ Сенату, что въ письмахъ башкирскаго старшины Шерыпа Мрякова найдена черновая челобитная, писанная рукою бывшаго канцеляриста Семена Ветошникова, отрѣшеннаго отъ службы за кражу денегъ; что въ этой челобитной рукою секретаря Уфимской Провинціальной Канцеляріи Зубова написано «*почерпный*», чгобы Шерыпу Мрякову быть главнымъ командиромъ надъ всѣми старшинами Уфимскаго уѣзда, дать ему офицерскій рангъ и положить определенное жалованье. Донося объ этомъ, Аксаковъ замѣчаетъ, что „все то несогласно съ высочайшими интересами“ и сдѣлано Зубовымъ изъ корыстолюбивыхъ побужденій, дабы разорить башкирскій народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ сообщаетъ, что на Зубова подана жалоба во взяткахъ, а если онъ (Аксаковъ) и рекомендовалъ его въ секретари, то сдѣлалъ это потому,

^{а)} Тамъ же, л. 28—33.

^{б)} Представленіе Зубова написано 26 сентября, а жалоба Мертваго 10 октября 1743 г., какъ это видно изъ самыхъ подлинниковъ, хранящихся въ дѣлахъ Тургайскаго обл. архива. См. Указы 1744 г., № 17, лист. 27 на обор. и л. 32 на обор.

^{в)} На доношеніи Мертваго въ концѣ встрѣчается слѣдующая приписка: „Подаль Уфимскаго драгунскаго полка каптенармусъ Алексѣй Жалинъ“.

что Зубовъ послѣ публичнаго наказанія его плетью при Татищевѣ^{а)}, велѣ себя порядочно, теперь же оказалось, что держать его на этой должности нельзя^{б)}, тѣмъ болѣе, что онъ отвѣтчиковъ не призываетъ къ допросу по три мѣсяца и болѣе, а если послѣдніе сами явятся, то столько же времени ихъ не допрашиваетъ; пошлины по челобитнымъ дѣламъ собираетъ и записи имъ ведетъ неисправно, къ дѣламъ не радивъ и т. п. Пополнивъ свой первый доносъ на Зубова новымъ представленіемъ въ Сенатъ, отъ 31 октября того же года, Аксаковъ приказалъ арестовать Зубова и скованнаго отправилъ его подъ конвоемъ въ Петербургъ, а имущество его отобралъ и „дворъ“ запечаталъ^{с)}. 12 декабря^{д)} того же года въ Сенатъ были заслушаны жалобы Мертвого, Зубова и оба доношенія Аксакова. Сообщая о томъ Неплюеву, Сенатъ приказалъ отправить въ Уфу слѣдователемъ особаго полковника и о результатахъ слѣдствія донести, съ присовокупленіемъ своего мнѣнія; Зубова велѣно до времени освободить изъ-подъ ареста и отправить къ Неплюеву для допроса, а его имущество, отобранное у него и запечатанное Аксаковымъ, приказано возвратить ему подъ росписку; прогонныя деньги, издержанныя Варыпаевымъ^{е)} и троими солдатами, сопровождавшими Зубова въ Петербургъ^{ф)} и обратно въ Уфу, а равно и жалованье, причитающееся за все это время Зубову, велѣно взыскать, въ пользу потерпѣвшаго, съ Аксакова, такъ-какъ „вицъ и явныхъ уликъ противъ Зубова Сенатъ не нашелъ^{г)}“. Нужно замѣтить, что Неплюевъ и раньше всячески старался избѣгать личныхъ пререканій съ Аксаковымъ, а когда онъ не сходилъ съ нимъ въ мнѣніяхъ, то представлялъ дѣло на разсмотрѣніе Сената, который предписывалъ Аксакову: „обовсемъ, кромѣ партикулярныхъ дѣлъ и сбора податей съ башкиръ Уфимской провинціи, сноситься съ Неплюевымъ^{з)}“. Получивъ указъ Сената о производствѣ слѣдствія надъ Аксаковымъ, Неплюевъ назначилъ

^{а)} Аксаковъ приложилъ къ своему доношенію въ Сенатъ отъ 31 октября и копию съ указа 19 февраля 1738 г., о наказаніи плетью Зубова и о разжалованіи его въ кописты.—Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., № 16, л. 38.

^{б)} Тамъ же, л. 36 и 37.

^{с)} Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 36 и 37. Покойный Р. Г. Игнатьевъ въ своей брошюрѣ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“ (стр. 12) говоритъ: „неизвѣстно, вслѣдствіе чьихъ доносовъ и жалобъ, Сенатъ велѣлъ арестовать и представить къ себѣ секретаря Зубова“ и проч. Изъ приведенныхъ нами данныхъ, заимствованныхъ изъ подлиннаго указа Сената, отъ 22 декабря 1743 г. за № 9560, на имя Неплюева, видно, что не Сенатъ приказалъ арестовать Зубова, а самъ Аксаковъ донесъ на Зубова и арестовалъ его, *Сенатъ же напротивъ приказалъ освободить Зубова изъ-подъ ареста*.

^{д)} Это видно изъ помѣтки числа на самыхъ подлинникахъ.

^{е)} А не „Ульяновымъ“, какъ значится въ вышеотмѣченной брошюрѣ Р. Г. Игнатьева.

^{ф)} У Игнатьева сказано невѣрно: „въ Москву“.

^{г)} Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 22—25.

^{з)} Указы 1743 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 10-й л. 42—45. Сравни тамъ же указъ 30 апрѣля 1743 г.

слѣдователемъ по этому дѣлу полковника Люткина, занимавшего временно должность комманданта Ставропольской крѣпости, а самъ обратился въ Сенатъ съ просьбой о дозволеніи ему отправиться въ Москву, на что 18 января 1744 г. и получилъ разрѣшеніе, съ условіемъ вернуться въ Оренбургъ по послѣднему зимнему пути; дѣла же и обязанности по управленію краемъ велѣно ему поручить, на время отсутствія, генераль-маіору фонъ-Штокману, назначивъ въ помощь къ нему одного изъ оберъ-офицеровъ, котораго Неплюевъ самъ найдетъ того достойнымъ^{а)}. Между тѣмъ Аксаковъ не унимался. Когда въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію былъ присланъ указъ изъ Главнаго Коммиссиріата о взысканіи съ Аксакова прогонныхъ денегъ, израсходованныхъ на конвой, сопровождавшій Зубова въ Петербургъ и обратно въ Уфу, Аксаковъ, получивъ этотъ указъ изъ рукъ регистратора Кадомцева, утаилъ его у себя, что онъ обыкновенно дѣлалъ со всякой бумагой, почему—либо непріятной ему. Кадомцевъ, предвидя, что ему рано или поздно предстоитъ возвращеніе изъ привольнаго житія въ гарнизонные солдаты, вдругъ началъ домогаться, чтобы Аксаковъ возвратилъ ему этотъ указъ.—Неустранимый и смѣлый до дерзости въ своихъ поступкахъ, Аксаковъ почему-то на этотъ разъ почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и просилъ Кадомцева молчать о передачѣ ему указа; когда же Кадомцевъ оказался непреклоннымъ, Аксаковъ приказалъ запереть его въ одиночную камеру при канцеляріи, строго запретивъ давать ему чернилъ и бумаги и кого-либо допускать къ нему. Узнавъ, что къ Кадомцеву приходила мать, Аксаковъ распорядился арестовать дежурнаго капрала. Не смотря однако на всѣ предосторожности со стороны Аксакова, Кадомцевъ и въ одиночной тюрьмѣ ухитрился написать доносъ на Аксакова и передать его чрезъ свою крѣпостную Оедосью Иванову ассесору Мертваго, который препроводилъ его къ Неплюеву. Въ своемъ доносѣ Кадомцевъ обвинялъ Аксакова въ многихъ злоупотребленіяхъ власти, въ лихоимствѣ, въ растратѣ казенныхъ суммъ, въ намѣренномъ уничтоженіи многихъ документовъ и дѣлъ и въ утаеніи указа Главнаго Коммиссиріата, относительно взысканія съ Аксакова прогонныхъ денегъ. Узнавъ о назначеніи слѣдствія надъ Аксаковымъ, Кадомцевъ просилъ, что если нельзя его отпустить на свободу, то пусть онъ будетъ арестованъ при Слѣдственной Коммиссіи, чтобы Аксаковъ окончательно не погубилъ его. Неплюевъ, получивъ доносъ Кадомцева, поручилъ Слѣдственной Коммиссіи дознаться о всѣхъ вообще дѣйствіяхъ Аксакова.

^{а)} Указъ 18 янв. 1744 г. за № 622. См. Указы 1744 г. въ Тург. обл. арх., по описи № 17, л. 39.

Въ архивѣ Тургайскаго Областнаго Правленія, въ числѣ дѣлъ бывшей Оренбургской Губернской Канцеляріи, хранится: «*Дѣло о выкраденныхъ регистраторомъ Иваномъ Кадомцевымъ изъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи дѣлахъ, и произведенное слѣдствіе 1744 г.*» Это „Дѣло“, на основаніи котораго покойный Р. Г. Игнатьевъ и составилъ свою брошюру: «*Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ*», — знакомить съ подробностями самаго слѣдственнаго процесса, который мы и считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ существенныхъ его чертахъ. Узнавъ о доносѣ Кадомцева, Аксаковъ немедленно послалъ на него въ Сенатъ жалобу, въ которой писалъ, что Кадомцевъ, неизвѣстно съ какою цѣлю, истребилъ много дѣлъ и документовъ, за что онъ арестовалъ его и приказалъ произвести слѣдствіе. Спустя два мѣсяца^{а)}, Аксаковъ въ томъ же духѣ написалъ о Кадомцевѣ и Неплюеву. Началось слѣдствіе. — Слѣдователи прежде всего постарались собрать необходимыя свѣдѣнія о Кадомцевѣ: когда онъ былъ взятъ Аксаковымъ на службу въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію; за что и когда посаженъ въ одиночную тюрьму и какъ изъ нея переслалъ доносъ къ ассесору Мертваго; какимъ образомъ подъявій Гусевъ, у котораго чрезъ отверстіе въ двери арестантской камеры Кадомцевъ просилъ табакъ, получилъ отъ него доносъ на Аксакова и доставилъ его домашнимъ Кадомцева и т. д. Позвали и спросили Гусева, который сначала сталъ отрекаться отъ всякаго пособничества Кадомцеву; но слѣдователи вынудили у него признаніе *подъ батогамъ* въ самомъ «*присутствіи*» канцеляріи; допрошены были и всѣ повѣтчики и писцы Уфимской Провинціальной Канцеляріи, относительно указа Главнаго Коммиссіаріата о прогонныхъ деньгахъ, которыя долженъ былъ уплатить Аксаковъ; но всѣ заявили, что никакого коммиссіаріатскаго указа имъ изъ присутствія или регистратуры въ повѣть не передавалось. Въ то же время Аксаковъ, независимо отъ Слѣдственной Коммиссіи, потребовалъ отъ Кадомцева показанія о передачѣ доноса на него къ Мертваго, и потомъ свой допросъ Аксаковъ передалъ Слѣдственной Коммиссіи; такимъ образомъ, вышло какъ-бы два слѣдствія по одному и тому же дѣлу. Когда слѣдователь Люткинъ замѣтилъ Аксакову, что онъ не долженъ быть судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ, и что онъ, Люткинъ, долженъ поступать по сущей правдѣ; то Аксаковъ гнѣвно отвѣчалъ ему: „Я подлежу суду Правительствующаго Сената, — и только ему да еще губернатору дамъ отвѣтъ, а не тебѣ и ни твоимъ друзьямъ и похлѣбникамъ: Мертваго и Зубову“. — Вскорѣ послѣ этого, Аксаковъ написалъ письмо Неплюеву, въ которомъ жаловался на притя-

^{а)} Сенату Аксаковъ донесъ 30 марта, а Неплюеву 4 іюня 1744 г.

занія со стороны Люткина и набрасывалъ неблаговидную тѣнь на его отношенія къ Мертваго и Зубову. На запросъ Неплюева по этому письму Люткинъ объяснилъ, что онъ никакихъ притязаній въ отношеніи Аксакова не предъявлялъ; что съ Мертваго и Зубовымъ у него отношенія лишь служебныя; что онъ только замѣтилъ Аксакову о его незаконномъ дѣйствіи быть судьей въ томъ дѣлѣ, для котораго назначена особая Коммиссія и въ которомъ самъ Аксаковъ является отвѣтчикомъ. Между тѣмъ разгнѣванный Аксаковъ, какъ вице-губернаторъ, распорядился, чтобы Люткину не давали подводу для отправленія его пакетовъ въ Оренбургъ. Люткинъ, сообщивъ о томъ Неплюеву, сталъ посылать пакеты на драгунскихъ лошадяхъ Уфимскаго драгунскаго полка до самой границы Уфимской провинціи, а далѣе по Оренбургскому уѣзду, на который не простиралась административная власть Аксакова, ихъ отправляли уже на ямскихъ лошадяхъ. Въ то же время Аксаковъ не хотѣлъ возратить Зубову шпаги и нѣкоторыхъ отобранныхъ у него, во время ареста, бумагъ, запечатанныхъ и хранившихся въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи. Неплюевъ, узнавъ о томъ чрезъ Люткина, приказалъ Аксакову отдать шпагу и письма Зубову. Аксаковъ не слушался. Люткинъ, донося о томъ Неплюеву, просилъ удалить Аксакова отъ занимаемой имъ должности, но крайней мѣрѣ, на время производства слѣдствія. Послѣ этого Неплюевъ предписалъ Люткину принять отъ Аксакова воеводскія дѣла и быть уфимскимъ воеводой, о чемъ тогдаже донесъ и Сенату. Аксаковъ не хотѣлъ подчиниться этому распоряженію и, запечатавъ всѣ дѣла, послалъ отъ себя донесеніе въ Сенатъ, а Неплюеву написалъ, что онъ имѣетъ очень важное дѣло, о которомъ желалъ-бы лично доложить Сенату, и потому просилъ отпустить его въ Петербургъ.—Неплюевъ отвѣтилъ на это строгимъ подтвержденіемъ немедленно сдать воеводскую должность Люткину. Тогда Аксаковъ распечаталъ дѣла и безъ всякой описи отдалъ ихъ Люткину.

Не смотря на отрѣшеніе отъ должности, Аксаковъ жилъ въ казенной вице-губернаторской квартирѣ, близъ Смоленскаго Собора, получая жалованье и разъѣзжая по Уфѣ на шести лошадяхъ съ гайдуками и скороходами; Кадомцевъ же, по-прежнему, содержался въ одиночной камерѣ, а Олинъ и Гусевъ—сидѣли подъ арестомъ въ колодничьей палатѣ, или общей арестантской при Уфимской Провинціальной Канцеляріи. Слѣдователь Люткинъ донесъ военному вѣдомству, что Кадомцевъ и Олинъ не могутъ быть переведены въ Уфимскій гарнизонъ до окончанія надъ ними слѣдствія. Аксаковъ 25 іюня 1744 г. снова обратился къ Неплюеву съ просьбой объ отпускѣ его въ Сенатъ, присовокупивъ: „а теперь (писалъ Акса-

ковъ) благоволите Ваше Высочайшее Превосходительство дать мнѣ къ моему дому военный караулъ и до Москвы чтобы провожалъ меня конвой, ибо я *окруженъ злодѣями, которые покушаются на мою жизнь*, а канцеляристъ Олинъ, неизвѣстно съ какимъ намѣреніемъ, постоянно ходитъ вокругъ моего дома".^{a)}—Неплюевъ приказалъ приставить къ Аксакову караулъ изъ 6 солдатъ, при особомъ капралѣ. Между тѣмъ изъ Сената полученъ былъ указъ объ удаленіи Аксакова отъ должности, который и былъ объявленъ Аксакову съ роспискою въ его прочтеніи чрезъ Уфимскую Провинціальную Канцелярію. Такимъ образомъ Аксаковъ былъ отстраненъ отъ мѣста и самая должность вице-губернатора въ Уфѣ была уничтожена. Но Аксаковъ не переставалъ своевольничать и послѣ этого. Покуда слѣдователи разбирали дѣла за время управленія Уфимской провинціей Аксакова, озлобленный бригадиръ зазвалъ къ себѣ двухъ братьевъ Кутуя и Галея Салтанаевыхъ, башкиръ изъ деревни Бураевой Казанской дороги Уфимскаго уѣзда, и приказалъ ихъ арестовать при своей квартирѣ. При содѣйствіи своего кліента, переводчика князя Уракова, Аксаковъ старался склонить Салтанаевыхъ на свою сторону, еслибы ихъ спросили слѣдователи объ отношеніи его къ башкирамъ. Пять недѣль просидѣли Салтанаевы подъ арестомъ, подвергаясь нерѣдко побоямъ и наказанію голодомъ, пока Люткинъ не узналъ о томъ и не освободилъ ихъ.—Когда Салтанаевыхъ спросили, за что держалъ ихъ подъ арестомъ и мучилъ Аксаковъ и чего домогался отъ нихъ переводчикъ Ураковъ; то Салтанаевы высказали, въ видѣ догадки и предположенія, что, можетъ быть, за то, что имъ извѣстно укрывательство Аксаковымъ въ домѣ Уракова одного важнаго бѣглеца изъ Петербурга, иновѣрца Имагула, о чемъ они слышали отъ старшины Казанской дороги Мрякова, человека честнаго и преданнаго правительству; Мряковъ также говорилъ, что будто-бы у Аксакова хранятся какія-то тайныя бумаги, которыя онъ хочетъ послать въ Сенатъ и ко Двору. Слѣдователи догадались, что Салтанаевы, напуганные арестомъ и побоями, боятся говорить все.—Обязавъ Салтанаевыхъ подпиской о невыѣздѣ изъ Уфы, слѣдователи научили ихъ подать на Аксакова жалобу, а сами тотчасъ же послали нарочнаго за Мряковымъ и бросились съ обыскомъ въ квартиру Уракова; но ни его, ни Имагула уже не было: прислуга Уракова объяснила, что князь, вмѣстѣ съ Имагуломъ, уѣхалъ въ Москву. Между тѣмъ явился Мряковъ и подтвердилъ все, сказанное Салтанаевыми, присовокупивъ, что у Аксакова въ домѣ скрытъ высочайшій секретный указъ 15 марта 1744 г.: *«О илѣннѣ лучшей предосторож-*

^{a)} Р. Г. Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 22.

ности къ охраненію вѣрноподанныхъ Ея Императорскаго Величества какъ башкирскаго народа, такъ и прочихъ». Мряковъ просилъ слѣдователей отправить его къ Неплюеву, которому онъ могъ бы лично передать все, что ему только извѣстно о дѣйствіяхъ Аксакова. Слѣдователи, заинтересованные секретнымъ указомъ 15 марта 1744 года, спросили всѣхъ повѣтчиковъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, и всѣ они (11 человѣкъ) показали, что о такомъ секретномъ указѣ они даже и не слыхали. Слѣдователи, донося о томъ Неплюеву, писали, что хотя Аксакову вѣлно сдать всѣ дѣла и управленіе Уфимскою провинціей полковнику Люткину; но Аксаковъ сдалъ только тѣ дѣла, которыя были запечатаны имъ въ шкапахъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, и притомъ безъ описи, многія же секретныя дѣла, именныя высочайшіе и сенатскіе указы утаилъ у себя на дому. Люткинъ жаловался и на то, что ему ничего неизвѣстно о состояніи Уфимской провинціи, и потому онъ не знаетъ, какъ и управлять ею.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „вы на то и слѣдователи: примите мѣры и отберите все отъ Аксакова, а Мряковъ пусть пріѣдетъ ко мнѣ, въ Оренбургъ“^{а)}. Въ то же самое время Аксаковъ прислалъ Неплюеву четыре пакета на имя Сената и снова просилъ, чтобы ему было позволено выѣхать изъ Уфы въ Москву; вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ писалъ, что конвоя, даннаго ему для безопасности, недостаточно и потому онъ желалъ-бы имѣть при себѣ постоянно еще одного оберъ-офицера изъ Уфимскаго гарнизона. Неплюевъ, отправивъ пакеты Аксакова въ Сенатъ, распорядился, чтобы при Аксаковѣ находился «неотлучно» поручикъ Уфимскаго гарнизона Михайловъ, который потомъ и поселился въ квартирѣ Аксакова, сдѣлавшись его домашнимъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ адъютанта. Окруживъ себя конвойными, Аксаковъ свободно разъѣзжалъ по знакомымъ и принималъ у себя гостей. Слѣдователи все еще не рѣшались идти съ обыскомъ въ квартиру Аксакова, а отправили къ нему канцеляриста Ивана Гурьева, вручивъ ему официальную бумагу, въ которой просили Аксакова выдать всѣ дѣла и указы, хранящіеся у него на дому и касающіеся управленія Уфимскою провинціей. Аксаковъ не принялъ пакета и выгналъ Гурьева; канцеляристъ, отдавъ „должный респектъ Его Высочородію“, почтительно снова спросилъ Аксакова, какое со стороны „Его Высочородія“ послѣдуетъ распоряженіе. „Убирайся къ...!“ закричалъ разсерженный бригадиръ: „я знаю Сенатъ и оренбургскаго губернатора“. Когда же Гурьевъ осмѣ-

^{а)} Р. Г. Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 25.

лился замѣтить, что онъ явился по распоряженію начальства; то Аксаковъ не постѣснился употребить и непечатныя выраженія: „Пошелъ...! за это рыло бьютъ“! и т. п. Когда Гурьевъ возвратился съ пакетомъ къ Люткину, послѣдній снова отправилъ его въ квартиру Аксакова, сказавъ: „отдай пакетъ Михайлову, если не принимаетъ самъ Аксаковъ“.—Гурьевъ явился къ Михайлову, который, принявъ пакетъ, понесъ его въ кабинетъ къ Аксакову, откуда скоро вернулся съ пакетомъ въ рукахъ и съ отвѣтомъ, что „Его Высокородіе“ пакета не принимаетъ.—Послѣ этого слѣдователи составили особое постановленіе и, пріобщивъ къ дѣлу, донесли о томъ Неплюеву.

Оставивъ Аксакова до времени въ покоѣ, слѣдователи принялись за канцеляриста Олина, который сначала не хотѣлъ ничего говорить о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Аксакова; но подъ *батошьемъ* и угрозою смертной казни Олинъ заговорилъ другое: онъ обвинялъ Аксакова въ поборахъ съ башкиръ и другихъ инородцевъ, при назначеніи ихъ на работы въ ново-строющійся Оренбургъ, и въ утайкѣ многихъ секретныхъ дѣлъ и высочайшихъ указовъ; Олинъ также заявилъ, что гораздо болѣе его знаетъ о дѣйствіяхъ Аксакова канцеляристъ Михаилъ Петровъ; что Аксаковъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Ураковымъ, у котораго скрывается важный бѣглець изъ Петербурга; что Ураковъ передалъ Аксакову какія-то секретныя письма чрезъ капрала Уфимскаго гарнизона Михаила Усолцева, и что Аксаковъ, какъ ему извѣстно, находится въ секретной перепискѣ съ самимъ генераль-прокуроромъ, княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, съ княземъ Черкасскимъ и кабинетъ-секретаремъ Ея Величества Бахиревымъ; но о чемъ велась ими переписка, онъ не знаетъ, такъ-какъ Аксаковъ писалъ тѣ письма или собственноручно, или же отдавалъ переписывать ихъ на-бѣло канцеляристу Михаилу Петрову. Нужно замѣтить, что Петровъ предъ тѣмъ нѣсколько времени не ходилъ въ канцелярію на службу, а когда слѣдователи пожелали его видѣть и допросить, то оказалось, что и онъ уѣхалъ въ Москву. Обо всемъ, что было сказано Олинымъ, Люткинъ не замедлилъ донести Неплюеву.

Мы замѣтили, что Неплюевъ приказалъ слѣдователямъ прислать къ нему, въ Оренбургъ, башкирскаго старшину Мрякова, который самъ изъявилъ желаніе лично разсказать Неплюеву о дѣйствіяхъ Аксакова. Отправляясь въ Оренбургъ, Мряковъ сообщилъ Люткину слѣдующія свѣдѣнія о бѣгломъ изъ Петербурга татаринѣ Имагулѣ, котораго Аксаковъ скрывалъ въ домѣ Уракова. Имагулъ, по фамиліи Муслимовъ, былъ ясачный татаринъ изъ деревни Старой-Адистеревой Ногайской дороги Уфимскаго уѣзда, и занимался плотничьимъ ремесломъ.

Незадолго до 1735 г. онъ былъ взятъ на службу во флотъ и опредѣленъ плотникомъ на Петербургскую верфь. Когда начался башкирскій бунтъ при Кирилловѣ, Муслюмовъ бѣжалъ на родину; но видя, что башкиры относились къ татарамъ враждебно, Муслюмовъ боялся явиться въ свою деревню и жилъ въ разныхъ мѣстахъ, бывалъ и въ самой Уфѣ, гдѣ его поймали и отправили въ Петербургъ, откуда онъ снова бѣжалъ въ Уфу и, съ вѣдома Аксакова, былъ помѣщенъ въ домѣ Уракова. Братья Салтанаевы: Кутуй и Галей знали объ этомъ, и Аксаковъ неоднократно поручалъ имъ отвозить въ Москву къ разнымъ лицамъ его письма. вмѣстѣ съ тѣмъ Мряковъ показалъ, что Имагуль Муслюмовъ въ Москву съ Ураковымъ не уѣзжалъ, какъ заявила прислуга послѣдняго, а скрывается въ Башкиріи и желаетъ самъ явиться съ повинною. Муслюмовъ дѣйствительно скоро явился вмѣстѣ съ своей женой, и они оба подтвердили показанія Мрякова. — Изъ распросовъ Имагула выяснилось, что Аксаковъ скрывалъ его, въ угодность Уракову, и общалъ исходатайствовать ему (Муслюмову) не только прощенье, но и освобожденіе отъ службы, въ которую онъ былъ взятъ будто несправедливо^{а)}. Мряковъ, бывшій раньше сторонникомъ Аксакова, зналъ все его дѣла; онъ назвалъ по именамъ всѣхъ башкиръ и другихъ инородцевъ, съ которыхъ Аксаковъ бралъ взятки, за освобожденіе ихъ отъ работъ во вновь строившемся Оренбургѣ; многіе изъ поименованныхъ имъ лицъ проживали въ это время въ Казанской губерніи, почему слѣдователи предложили допросить ихъ Казанской Губернской Канцеляріи, а сами приступили къ допросу башкиръ, жившихъ въ Уфимской провинціи. Допрошенные заявили, что Аксаковъ дѣйствительно дѣлалъ большія имъ притѣсненія, по поводу наряда ихъ на работы во вновь строящейся Оренбургъ. Люткинъ, руководимый такими опытными дѣльцами, какъ Мертваго и Зубовъ, все болѣе и болѣе освѣщалъ злоупотребленія и произволъ Аксакова: Кадомцевъ, по его настоянію, указалъ, какіе именно документы и дѣла онъ уничтожилъ и сжегъ, по приказанію Аксакова. Въ самую полночь 20 іюля 1744 года, Аксаковъ внезапно явился въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію. Спросивъ у кописта Зрякова, дежурившаго въ канцеляріи, чернила, перо и бумагу, Аксаковъ тутъ же написалъ заявленіе, что онъ отстраняетъ Люткина отъ производства слѣдствія, а почему, о томъ донесетъ Неплюеву и Сенату. Утромъ 21 іюля слѣдователи, явившись въ канцелярію и прочитавъ бумагу Аксакова, положили прі-

^{а)} Тамъ же, стр. 30 и 31.

остановить производство слѣдствія до назначенія новаго презуса Слѣдственной Коммисіи.

Прося Неплюева о назначеніи, вмѣсто Люткина, другаго слѣдователя, Аксаковъ обвинялъ его въ неосвидѣтельствованіи дѣлъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи; въ недопросѣ секретаря Зубова и канцелярскихъ служителей о бывшихъ въ ихъ рукахъ дѣлахъ; въ непорядочныхъ поступкахъ Люткина при распечатаніи дома Зубова; въ недопросѣ Зубова, по его, Аксакова, на него извѣту; въ томъ, что, при вступленіи въ воеводскую должность, Люткинъ не потребовалъ отъ капитана Демидова, прапорщика Ульянова, князя Уракова и канцеляриста Петрова порученныя имъ отъ него, Аксакова, башкирскія дѣла. Въ своемъ донесеніи Неплюеву Аксаковъ говоритъ и о дѣлѣ бригадира Тевкелева^{a)}, обвиняя Люткина въ пристрастномъ отношеніи къ Тевкелеву, и жалуется, что канцеляристъ Гурьевъ, явившійся къ нему, по приказанію Люткина, надѣлалъ ему дерзостей; что ассесоръ Мертваго приходилъ къ нему въ домъ и съ настойчивостію требовалъ выдачи секретныхъ дѣлъ, дѣйствительно имѣющихся у него и запертыхъ въ особомъ сундукѣ, но что онъ не могъ отдать этихъ дѣлъ потому, что донесъ о нихъ Сенату и ожидаетъ отвѣта, кому Сенатъ прикажетъ передать ихъ. Въ заключеніе всего Аксаковъ опять, уже въ четвертый разъ, просилъ Неплюева отпустить его въ Москву. Неплюевъ, получивъ это донесеніе, уважилъ просьбу Аксакова, но самымъ тонкимъ образомъ. Назначивъ презумомъ Слѣдственной Коммисіи надъ Аксаковымъ генераль-маіора фонъ-Штокмана, Неплюевъ приказалъ Люткину продолжать ревизію дѣлъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи за время вице-губернаторства Аксакова, т. е., давать матеріалъ фонъ-Штокману для слѣдствія надъ Аксаковымъ, который такимъ образомъ, попрежнему, оставался въ рукахъ энергичнаго и, какъ видно, прямаго человѣка, какимъ былъ Люткинъ, старавшійся раскрыть истину. Неплюевъ, какъ искусный политикъ, въ вѣжливыхъ выраженіяхъ извѣстилъ Аксакова, что просьба его уважена: Люткинъ отъ слѣдствія отстраненъ и, вмѣсто него, назначенъ генераль-маіоръ фонъ-Штокманъ; что же касается поѣздки Аксакова въ Москву, то это исключительно зависитъ отъ Сената, но что онъ готовъ и о томъ ходатайствовать. Не желая возстановлять противъ себя Аксакова, подобно Соймонову, Неплюевъ вовсе не былъ намѣренъ и щадить необузданнаго бригадира; но старался направить дѣло о немъ такъ, чтобы исполнителями его желаній были другіе.

^{a)} См. конецъ настоящей главы.

Генераль-маіоръ фонъ-Штокманъ, безъ сомнѣнія, получилъ отъ Неплюева должныя наставленія, какъ ему дѣйствовать. Посылая фонъ-Штокмана на слѣдствіе въ Уфу, Неплюевъ просилъ его кончить дѣло поскорѣе и, кромѣ того, поручилъ ему понаблюдати и за дѣйствіями Люткина и Уфимской Провинціальной Канцеляріи, такъ какъ въ Уфимской провинціи, по заявленіи самого же Люткина, была ужасная беззурядица, благодаря злоупотребленіямъ Аксакова. Люткинъ писалъ Неплюеву: „Я не знаю, надъ чѣмъ управляю: я, воевода, не знаю, сколько у меня жителей, сколько селеній, сколько казенныхъ доходовъ, какія нужды жителей всѣхъ сословій, какія слѣдуетъ взыскать недоимки и на какую сумму; Аксаковъ не сдалъ мнѣ Уфимской провинціи; надъ чѣмъ я—воеводой, самъ не знаю, но какъ я за все въ отчетѣ предъ Царицей и закономъ, то и доношу Вашему Высокопревосходительству“^{а)}.

По прибытіи въ Уфу, фонъ-Штокманъ сначала ограничился собраніемъ и группировкой обвинительныхъ пунктовъ противъ Аксакова, при содѣйствіи Люткина, Мертваго и Зубова, не требуя къ допросу самого Аксакова. На требованіе фонъ-Штокмана, предъявленное Аксакову о сдачѣ хранившихся у него секретныхъ дѣлъ хотя-бы частію, послѣдній отвѣтилъ, какъ и должно было ожидать, отказомъ. Между тѣмъ злоупотребленія Аксакова все болѣе и болѣе обнаруживались. Допрошено было болѣе 400 башкиръ и другихъ инородцевъ, которые всѣ показали, что Аксаковъ бралъ съ нихъ взятки, чтобы избавить ихъ отъ службы по крѣпостямъ или отъ работъ въ строящемся Оренбургѣ, куда слѣдовало послать до 3600 челов. Слѣдователи также узнали, что Аксаковымъ или, по его приказанію, Кадомцевымъ *было истреблено 670 важныхъ дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ*; эти дѣла были о казенныхъ постройкахъ, подрядахъ, о продовольствіи войскъ и всего болѣе было уничтожено дѣлъ о приобрѣтеніи башкирскихъ земель разными лицами, вслѣдствіе разрѣшенія того указомъ 1736 года; много также было уничтожено дѣлъ по купчимъ крѣпостямъ, по казеннымъ сборамъ, по городскому хозяйству и торговлѣ; истреблены были и многія дѣла слѣдственные, судныя и таможенныя. Оказалось, что Аксаковъ бралъ не только деньгами, а и натурой: слѣдователи не могли доискаться, куда дѣвались поставленные съ подряда, заключеннаго въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, для продовольствія войскъ въ краѣ, 16,321 четв. муки, 1000 четв. крупъ, 718 четв. овса и 508 четв. жита^{б)}. Слѣдователямъ оставалось теперь

^{а)} Игнатьевъ. „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 37 и 38.

^{б)} Тамъ же, стр. 40.

дознать о растратѣ казенныхъ суммъ, по показанію Кадомцева; но, познакомившись съ дѣломъ, они увидѣли, что если допрашивать всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, притомъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, то слѣдствіе можетъ затянуться очень на долго; а Неплюевъ желалъ кончить его поскорѣе. Въ это самое время фонъ-Штокманъ, вслѣдствіе распоряженія Неплюева, получилъ указъ изъ Оренбургской Губернской Канцеляріи, присланный съ канцеляристомъ Башкировымъ. Фонъ-Штокману предписано было немедленно явиться въ Оренбургъ, а слѣдственное дѣло объ Аксаковѣ, запечатавъ, отдать канцеляристу Башкирову съ тѣмъ, чтобъ дѣло, подъ его отвѣтственностью, хранилось въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, впредь до особаго распоряженія, и чтобы къ нему былъ приставленъ особый „пристойный“ караулъ. — Фонъ-Штокманъ, отъѣзжая въ Оренбургъ, письменно объяснилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи причину своего отъѣзда и сдѣлалъ распоряженіе относительно Аксакова, согласно полученному имъ указу. Выѣстъ съ тѣмъ фонъ-Штокманъ предписалъ, чтобы канцелярія немедленно распорядилась: 1) арестовать Аксакова въ его квартирѣ и никого къ нему изъ постороннихъ лицъ не допускать; писемъ отъ него, а тѣмъ болѣе официальныхъ бумагъ для отправленія куда-либо запечатанными не принимать, а принимать ихъ не иначе, какъ вскрытыми, и если которыя бумаги или частныя письма могутъ быть отправлены по назначенію; то посылать ихъ съ нарочными на счетъ Аксакова, впрочемъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія исправляющаго должность воеводы полковника Люткина, что *«на его полковничье разсмотрѣніе предоставляется»*; 2) Аксакова въ канцелярію не допускать, хотя онъ и просилъ, чтобы ему было позволено присутствовать при ревизіи его дѣлъ, для необходимыхъ, по его мнѣнію, объясненій; 3) дѣла по гарнизонной части, хранившіяся у Аксакова, взять находящемуся въ Уфѣ баталіонному командиру Нижегородскаго полка майору Чалѣву и капитану Жукову или же капитану Чемодурову и поручику Скадовскому; имъ же могутъ быть заявляемы всякаго рода претензіи на Аксакова по военной части^{а)}; 4) собранныхъ въ Уфу башкиръ и другихъ инородцевъ, у которыхъ Аксаковъ вымогалъ деньги, куницъ, лисицъ и др. мѣха, допросить и немедленно отпустить по домамъ, такъ-какъ они „проживаютъ въ Уфѣ многое время, оставя свои дома и занятія, и чрезъ то пришли въ крайнее состояніе“; 5) сдѣлать строгій разборъ бѣглыхъ, поселившихся на башкирскихъ земляхъ, и для того послать

^{а)} Всѣ войска, расположенныя въ Уфимской провинціи, находились въ вѣдѣніи Аксакова до преданія его суду.

рыщиковъ и слѣдить за ними самому полковнику Люткину; 6) имѣть доброе попеченіе о башкирахъ и другихъ инородцахъ, наблюдая въ управленіи ими порядокъ и справедливость, и строго „назирать“, чтобы между башкирами не было никакихъ тайныхъ сборищъ и попытокъ къ бунту, „на что они, по шаткости своей, весьма склонны“; если же что-либо подобное окажется—немедленно доносить Оренбургской Губернской Канцеляріи, а для прекращенія противозаконныхъ сходовъ посылать военныя команды, ловить виновныхъ и представлять къ суду. Въ заключеніе всего фонъ-Штокманъ сообщилъ канцеляріи, что слѣдствіе объ Аксаковѣ, впредь до особаго распоряженія оренбургскаго губернатора, производимо не будетъ, и потому дѣятельность Слѣдственной Комиссіи до времени прекращается, а если бы явились новыя обвиненія на Аксакова, то слѣдовать по нимъ не иначе, какъ донести о томъ предварительно Оренбургской Губернской Канцеляріи и ожидать на то отъ нея указа.

Предъ самымъ отъѣздомъ фонъ-Штокмана, Аксаковъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ просилъ его разрѣшить ему свиданіе съ посторонними приходящими къ нему людьми, хотя бы въ присутствіи находившагося при немъ офицера. Фонъ-Штокманъ препроводилъ это письмо, при рапортѣ, къ Неплюеву; Неплюевъ написалъ Аксакову вѣжли-вое письмо, но просьбы его все-таки не удовлетворилъ, а затѣмъ донесъ Сенату о послѣднемъ своемъ распоряженіи по дѣлу Аксакова. Между тѣмъ Аксаковъ не унывалъ; секретныхъ гарнизонныхъ дѣлъ онъ не отдалъ ни маіору Чалѣеву, ни другимъ офицерамъ Нижегородскаго полка, явившимся къ нему по распоряженію фонъ-Штокмана; караулъ для Аксакова какъ-бы не существовалъ: онъ уѣзжалъ дня на два и на три въ подгородныя русскія и инородческія деревни, а караульный офицеръ и солдаты упорно молчали объ этихъ отлучкахъ Аксакова изъ дому. Наконецъ вѣсть о томъ какъ-то дошла до Люткина, который тайно удостовѣрился въ справедливости слуховъ и даже успѣлъ перехватить письмо къ Аксакову Уракова, написанное на татарскомъ языкѣ; кромѣ того, Люткинъ узналъ, что въ одну изъ такихъ отлучекъ изъ Уфы Аксаковъ взялъ съ собой свою жену^{а)} и оставилъ ее въ имѣніи помѣщика Муравина, близъ Уфы, откуда Аксакова уѣхала въ Москву, а мужъ возвратился домой. Уфимская Провинціальная Канцелярія, донося о томъ Оренбургской Канцеляріи, препроводила подлинное письмо Уракова и письмо старшины Мрякова объ отъѣздѣ въ Москву жены

^{а)} П. Д. Аксаковъ былъ женатъ на Матренѣ Іосифовнѣ Селивановой. Румель и Голубцовъ. Родословный Сборникъ, т. I, стр. 25.

Аксакова, приложивъ и русскій переводъ этихъ писемъ, изложенныхъ на татарскомъ языкѣ. Письмо Уракова было адресовано на имя Мрякова, котораго Ураковъ, по-прежнему, считалъ преданнымъ Аксакову, такъ-какъ раньше, при Соймоновѣ, Мряковъ дѣйствительно былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ «аксаковцевъ»; но теперь Мряковъ находился въ числѣ противниковъ и обличителей Аксакова. — Воспользовавшись довѣріемъ Уракова, который еще не успѣлъ узнать объ измѣнѣ Аксакову многихъ его сторонниковъ, Мряковъ доставилъ его письмо Лютину.

Ураковъ, между прочимъ, писалъ, что онъ благополучно доѣхалъ до Москвы, и на третій день явился съ письмами Аксакова во Дворецъ, гдѣ имѣлъ счастье видѣть Ея Императорское Величество и слышать изъ устъ Ея милостивое слово; и что Государыня приказала ему поселиться въ покояхъ ландграфа князя Людвигъ Гессенъ-Гомбургскаго, а когда Государыня изволила отъѣхать въ Троицкую Лавру, то его помѣстили въ придворномъ караульномъ покоѣ, вмѣстѣ съ бывшими тогда въ караулѣ офицерами Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, и что онъ былъ удовольствованъ тамъ разными кушаньями и напитками, а по городу постоянно ходилъ въ сопровожденіи трехъ солдатъ, о чемъ-де онъ самъ просилъ, опасаясь своихъ враговъ и въ Москвѣ. Въ концѣ своего письма Ураковъ увѣрялъ, что дѣло Аксакова приметъ самый благоприятный оборотъ. Нужно замѣтить, что Слѣдственная Коммиссія давно уже сообщила Московской полиціи о высылкѣ въ Уфу Уракова и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Аксакова лицъ: — Впрочемъ, полиція напрасно стала бы искать канцеляриста Петрова въ Москвѣ: онъ, какъ оказалось, въ Москву и не ѣздилъ, а скрывался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; когда же узналъ, что Аксаковъ не пропадетъ, онъ явился въ Уфу, и Аксаковъ взялъ его къ себѣ, не выдавая Уфимской Канцеляріи. Завѣренія Уракова не замедлили оправдаться: дѣло Аксакова скоро приняло неожиданный нѣкъ оборотъ. Еще не успѣла доѣхать до Москвы жена Аксакова, Матрена Осиповна, которую онъ могъ послать для личныхъ объясненій съ самой Государыней, какъ Неплюевъ получилъ предписаніе отъ генераль-фельдмаршала и генераль-фельдцейхмейстера, князя Людвигъ Гессенъ-Гомбургскаго, который объявлялъ Неплюеву Высочайшую волю, чтобы Аксаковъ немедленно явился въ Москву, для личныхъ объясненій, въ Сенатъ, о чемъ Сенату также было сообщено. Неплюеву предписывалось выдать Аксакову прогоны и подъемныя деньги по чину; о выѣздѣ же Аксакова изъ Уфы приказано было Уфимскому воеводѣ рапортовать прямо его свѣтлости, князю Гессенъ-Гомбургскому. Вскорѣ полученъ былъ въ Оренбургъ

и Уфѣ указъ Сената, отъ 4 сентября 1744 года, которымъ повелѣвалось выдать Аксакову прогоны и подъемныя деньги и значилось, что онъ вызывается въ Сенатъ, для личныхъ объясненій, по Высочайшей волѣ. Неплюевъ немедленно извѣстилъ о томъ Аксакова чрезъ нарочнаго, и предписалъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи выдать Аксакову прогонныя и подъемныя деньги. Аксаковъ торжествовалъ и особою бумагой сообщилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, что всѣ находящіеся у него важныя секретныя дѣла онъ беретъ съ собою въ Сенатъ, почему и просилъ дать ему для охраны военный конвой до Казани, а также—отпустить съ нимъ для письмоводства канцеляристовъ Петрова и Олина. Назначивъ Аксакову конвой изъ 8 солдатъ и одного капрала, Уфимская Канцелярія не согласилась на отпускъ съ Аксаковымъ въ Москву Петрова, а потребовала, чтобы Петровъ былъ присланъ въ канцелярію съ имѣющимися у Аксакова важными дѣлами для передачи ихъ маіору Чалѣву и другимъ лицамъ, согласно предписанію генералъ-маіора фонъ-Штокмана; относительно же Олина, находившагося въ тюрьмѣ, канцелярія отвѣтила, что онъ, по указамъ Сената и Военной Коммисіи, долженъ быть возвращенъ, по прежнему, въ Уфимскій гарнизонъ. Аксаковъ заявилъ, что онъ можетъ сдать только гарнизонныя дѣла, какъ до Сената неотносящіеся.—Канцелярія рада была и этому,—и Аксаковъ передалъ эти дѣла, по описямъ и въ порядкѣ, маіору Чалѣву, который, принявъ ихъ, донесъ о томъ Неплюеву и Уфимской канцеляріи.

Въ половинѣ сентября 1744 года Аксаковъ, получивъ 800 р. прогоновъ и подъемныхъ денегъ, выѣхалъ изъ Уфы, какъ знатный вельможа, съ почетнымъ и охраннымъ конвоемъ, съ цѣлой ватагой крѣпостной дворни, съ походной кухней и поварами; на особой фурѣ везли хранившіеся у Аксакова секретныя дѣла, о востребованіи которыхъ такъ усердно, но тщетно хлопотали слѣдователи и Оренбургское начальство. Аксаковъ взялъ съ собою и преданнаго ему канцеляриста Петрова, не смотря на несогласіе на то Уфимской провинціальной канцеляріи. Оренбургская губернская канцелярія написала казанскому, нижегородскому и московскому губернаторамъ, чтобы Аксакову было оказываемо всякое содѣйствіе „въ дачѣ подводъ и квартиръ“ и т. п. Пріѣхавъ въ одну татарскую деревню, гдѣ приходилось смѣнить лошадей, Аксаковъ остановился въ домѣ старшины ясачныхъ татаръ, Абдулкарима Балтисова, котораго дома въ этотъ разъ не было. Воспользовавшись отсутствіемъ старшины Балтисова, Аксаковъ въ послѣдній разъ захотѣлъ показать себя ходатаемъ и покровителемъ башкиръ, которыхъ такъ безцеремонно обиралъ во время своего вице-губернаторства въ Уфѣ. Онъ приказалъ собрать сходъ, на которомъ торжественно

объявилъ, чтобы въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда онъ будетъ возвращаться въ Уфу, были собраны изъ всѣхъ деревень, подвѣдомственныхъ Балтисову, представители и главари домовъ, для объявленія имъ милости Государыни о снятіи съ нихъ ясака, или податей. Народъ былъ въ невыразимой радости; довѣрчивые и довольные татары провожали Аксакова всевозможными пожеланіями счастія, благополучія и скорого возвращенія его въ Уфу. Аксаковъ уѣхалъ.—Народъ, собранный предъ домомъ Балтисова, еще не успѣлъ разойтись, какъ прискакалъ старшина Балтисовъ, бывший по дѣламъ службы въ одной изъ подвѣдомственныхъ ему деревень. Узнавъ о причинѣ сходимки, Балтисовъ приказалъ всѣмъ разойтись по домамъ и ждать царской милости, а самъ тотчасъ-же отправилъ рапортъ о случившемся въ Уфимскую канцелярію, которая препроводила его въ Оренбургскую губернскую канцелярію, оставивъ у себя копію съ рапорта Балтисова за удостовѣреніемъ секретаря Зубова и канцеляриста Андрея Панаева. Вмѣстѣ съ тѣмъ особымъ рапортомъ, отъ 18 сентября 1744 г., Уфимская канцелярія сообщила Оренбургской губернской канцеляріи, что Аксаковъ, отъѣзжая изъ Уфы, взялъ съ собою *самовольно* важныя секретныя дѣла и канцеляриста Петрова; что Аксакову на прогоны и подъемъ выдано 800 рублей, а начета на немъ, какъ открылось при ревизіи, было 2614 руб. 64¹/₄ к., въ томъ числѣ 44 р. 64 к.—въ Главный Коммиссиріатъ за прогоны секретаря Зубова, самъ же Зубовъ подалъ прошеніе въ канцелярію о возвратѣ ему 124 руб. 23¹/₄ коп., такъ какъ онъ, Зубовъ, ѣхалъ на свой счетъ не одинъ, а съ офицеромъ и конвойными. Когда же Уфимская канцелярія стала требовать съ Аксакова эти деньги, то Аксаковъ заявилъ положительно, что онъ платить не желаетъ. Но теперь Оренбургская губернская канцелярія на всѣ донесенія объ Аксаковѣ отвѣчала молчаніемъ, вѣроятно, ожидая, какъ отнесутся къ нему въ Сенатѣ.

Въ то время, какъ Аксаковъ ѣхалъ въ Москву, съ надеждой на друзей и покровителей, Олинъ и Кадомцевъ сидѣли подъ арестомъ; слѣдственное дѣло хранилось въ Уфимской канцеляріи за карауломъ солдатъ, подъ отвѣтственностью канцеляриста Башкирова, а неутомимый Люткинъ, при содѣйствіи Мертваго и Зубова, продолжалъ рыться въ дѣлахъ, отыскивая новыя обвиненія противъ Аксакова. Наконецъ слѣдователи нашли одну весьма важную вину за Аксаковымъ, о которой они раньше не знали: оказалось, что Аксаковъ не исполнилъ Высочайшаго манифеста о сложеніи штрафовъ и недоимокъ, по случаю восшествія на престолъ Государыни Елизаветы Петровны, взыскивая деньги, конечно, въ свою пользу. Пошло новое донесеніе въ Оренбургъ, но отвѣта и на него не послѣдовало. Преступленіе Аксакова, его произволъ и взятки съ населенія Уфимской про-

винціи, кража казенныхъ денегъ и уничтоженіе многихъ важныхъ дѣлъ и денежныхъ документовъ не подлежали никакому сомнѣнію; но въ Петербургѣ его берегли и вслѣдствіе старались оборонить отъ заслуженнаго имъ наказанія. Взятки, казнокрадство, произволъ и самодурство были въ понятіяхъ тогдашняго служилаго класса явленіями столь обыкновенными и обыденными, что они казались обстоятельствомъ менѣе чѣмъ второстепеннымъ въ дѣлѣ Аксакова; но нельзя было сказать того-же объ уничтоженіи Аксаковымъ 670 важныхъ дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ, — вотъ отъ отвѣтственности въ этомъ — то и старались особенно избавить Аксакова его патроны. Такая заботливость о виновномъ Аксаковѣ со стороны его сильныхъ друзей невольно рождастъ вопросы: не были ли его защитники сами прикосновенны къ этому дѣлу? — Не съ ихъ ли вѣдома были уничтожены Аксаковымъ многія судныя дѣла, денежные документы, дѣла по купчимъ крѣпостямъ, по подрядамъ, торговыя и таможенныя, дѣла по приобрѣтенію башкирскихъ земель и др.? — Какъ бы то нибыло, только суть дѣла отъ Государыни была скрыта и самое дѣло, представленное ей совершенно въ иномъ видѣ, вѣрно было предать забвенію, а Аксакова считать только уволеннымъ отъ службы. Неплюевъ получилъ указъ о прекращеніи дѣла и объ увольненіи Аксакова отъ службы, а канцеляристъ Петровъ, по распоряженію Сената, возвратился въ Уфу съ дѣлами, увезенными Аксаковымъ, и въ февралѣ 1745 года сдалъ ихъ, по описямъ въ цѣлости и порядкѣ, въ Уфимскую провинціальную канцелярію. Дѣло объ Аксаковѣ было освобождено отъ караула и увезено Башкировымъ въ Оренбургъ, гдѣ было распечатано и сдано въ архивъ. Кадомцевъ и Олинъ были возвращены въ Уфимскій гарнизонъ съ увѣдомленіемъ командира о томъ, что дѣло о нихъ прекращено, по указу Сената, вслѣдствіе Высочайшей воли. Существуетъ преданіе, что самъ Аксаковъ, въ избѣжаніе отвѣтственности, былъ отлашенъ сумасшедшимъ и такимъ жалкимъ, заслуживающимъ состраданія существомъ, что великодушная и милосердная Государыня Елизавета Петровна пожалѣла и помиловала Аксакова. Извѣстно, что въ то время шуты и шутихи еще не вышли изъ моды, а про Аксакова сказали Государыни, что *„онъ и съ безуміи своемъ кротокъ, безвреденъ, шутиливъ, милъ и остроуменъ“*^{а)}. Аксаковъ поселился въ Москвѣ, гдѣ тогда много жило подобныхъ ему людей, *„огорченныхъ по службѣ,“* и прослылъ за шута. Нужно замѣтить, что Аксаковъ не щадилъ въ своихъ шуткахъ и людей сильныхъ и знатныхъ, а шутки его были таковы, что кололи, какъ говорится, „не въ бровь, а

а) Игнатьевъ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 56.

прямо въ глазъ;“ морщились вельможи отъ его шутокъ, но прощали человѣку, огорченному по службѣ и притомъ же полусумасшедшему. Извѣстный заводовладѣлецъ И. Б. Твердышевъ, встрѣчавшій Аксакова нерѣдко въ бытность свою въ Москвѣ, писалъ о немъ, 10 декабря 1750 г., владѣльцу Верхнеисетскаго завода Турчанинову слѣдующее: „Аксаковъ, что на Уфѣ обрѣтался, въ Москвѣ проживая, дурь, шутовство на себя напустилъ, паче молвить—*юродствуесть*; какъ начнетъ шутить—нѣту никому спуска: все, подъ видомъ шутовства, на-прямки, какая бы ни была персона, мужская или женская, такъ-таки на-прямки, кто бы какого высокаго ранга ни былъ; да шуту, да безумцу, да юроду все прощаемо, такъ оно и съ Аксаковымъ. Онъ же Аксаковъ въ дерзновеніи своемъ, подъ видомъ шутовства, во очію прямо его сіятельству, такой высокой персонѣ, встрѣтя его, сказалъ: „*здоровеньки-ли сіятельный?—маленькій-де воръ Аксаковъ челомъ бьетъ большому вору, вашему, то есть, сіятельству.*“—И ничего: такая первая, такая высокая особа только смѣху далась; другаго бы всякаго за такія продерзости (онъ же Аксаковъ другія многія рѣчи про другихъ говорилъ), за вся сія въ Стуколовъ монастырь^{а)} отсылають,—только не Аксакова. Вижу я Аксакова почасту: карета диковинная, раскрашенная и размалеванная шутовски, висящая на желѣзныхъ цѣпяхъ, чтобы тѣ цѣпи побольше грома дѣлали, а кучера въ шутовскихъ балахонахъ, а лошади разношерстные—какая чалая, какая вороная, какая иная. Да сказываютъ, онъ же Аксаковъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, на потѣху Москвы, ѣздилъ по люднымъ улицамъ, поставивъ большую лодку на колеса, и на этой лодкѣ самъ сидѣлъ, да еще посадилъ музыкантовъ; а онъ самъ Аксаковъ сидѣлъ въ разномъ кафтанѣ: одна пола красная, а другая желтая, а на головѣ калпакъ, какъ у китайцевъ рисуютъ. Такъ-то ѣздилъ Аксаковъ, а все *отъ притворства и хитрости*. Не любитъ онъ больно, кто свиститъ: на того Аксаковъ бросается ругаться, даже драться *и разъ, будучи у обѣдни, выходя изъ церкви, слышалъ, что кто-то засвисталъ, такъ онъ, Аксаковъ—то, разсвирепѣлъ, что и шпагу вынулъ, да только виноватаго не нашелъ, а то-бы, пожалуй, пырнулъ“^{б)}.*

Это письмо, найденное покойнымъ Р. Г. Игнатьевымъ въ 1870 г. въ архивѣ Верхнеисетскаго завода^{в)} Пермской губерніи, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на поведеніе Аксакова въ Уфѣ и на его жизнь въ отставку.

^{а)} Такъ называли москвичи Тайную Канцелярію.

^{б)} Р. Г. Игнатьевъ. Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ, стр. 59—61.

^{в)} А не Нижнеисетскаго, какъ напечатано въ Уф. Губ. Вѣд. за 1873 г. № 49 что ввело и меня въ ошибку. См. „Неплюевъ и Оренбургъ“, стр. 312.

Аксаковъ, поощряемый другими, изъ корыстныхъ расчетовъ, къ взяткамъ съ башкиръ и произволу надъ ними, попалъ подѣ судѣ, можетъ быть, за интересы тѣхъ, которыхъ называлъ, прикрываясь шутовствомъ, „*большими ворамъ*“, не боясь попасть въ руки палача Тайной Канцеляріи, Осипа Стуколкова. Аксакова спасли его сильные друзья, оберегая себя; но Аксакову, конечно, не того хотѣлось: онъ, безъ сомнѣнія, рассчитывалъ за свои услуги сильнымъ лицамъ на повышеніе по службѣ и награды; обманувшись въ своихъ расчетахъ, онъ озлобился и, оглашенный сумасшедшимъ, подѣ видомъ шутства и юродства, вымѣщалъ свою злобу надъ сильными вельможами ѣдкими остротами и бранью. Но въ то время, какъ Аксаковъ проживалъ на свободѣ и шутовствомъ вымѣщалъ злобу на другихъ, дѣлу по обвиненію имъ бывшихъ командировъ Оренбургскаго края былъ данъ ходъ. 20 Ноября 1745 г. состоялся именныи указъ объ учрежденіи при Высочайшемъ дворѣ комиссіи, для изслѣдованія безпорядковъ и злоупотребленій бывшихъ командировъ надъ башкирцами, съ назначеніемъ въ эту комиссію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генераль-прокурора, князя Никиты Трубецкаго, тайнаго совѣтника князя Алексѣя Голицина, бригадира Ивана Глѣбова, капитанъ-командора Артемія Толбухина и статскаго совѣтника Василя Демидова.^{а)} Въ тотъ же день данъ былъ членамъ этой комиссіи другой указъ, отъ имени Ея Величества, которымъ повелѣвалось рассмотреть доношеніе бывшаго уфимскаго вице-губернатора Аксакова о противозаконныхъ поступкахъ и притѣсненіяхъ башкирскому народу, со стороны бывшихъ надъ нимъ командировъ.^{б)} — Но дѣло, видимо, затянулось: указомъ 1 марта 1748 г. Императрица Елизавета требовала ускорить окончаніемъ дѣла, по представленіямъ Аксакова, и донести ей о дѣйствіяхъ учрежденной въ 1745 году слѣдственной по башкирскимъ дѣламъ комиссіи.^{в)} Между тѣмъ Аксакову, вѣроятно, наскучило юродствовать, и онъ сталъ искать себѣ какого-либо занятія, которое, благодаря его связямъ, скоро и нашлось: ему поручили разобрать кабинетныя дѣла, со временъ Петра Великаго, и старыя дѣла с.-петербургской крѣпости, и составить имъ опись при содѣйствіи совѣтника Ивана Тауберта^{г)}. — 16 августа 1760 г. Аксаковъ именнымъ указомъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники^{д)}, а съ 14 ноября 1761 г. онъ былъ опредѣленъ членомъ экс-

^{а)} Барановъ. Описям. сен. арх., т. 3, № 9491 (С. А. 73, 79, 80).

^{б)} Тамъ же № 9492 (С. А. 81; 1).

^{в)} Тамъ же № 9741 (С. А. 81; 3).

^{г)} Тамъ же № 11133 (С. А. 91; 148).

^{д)} Тамъ же № 11664 (С. А. 94; 72).

педичіи о колодникахъ, продолжая заниматься разборомъ порученныхъ ему архивныхъ дѣлъ до 1768 г. ^{а)}.

Одновременно съ дѣломъ Аксакова Неплюевъ поручилъ Люткину произвести дознаніе и о дѣйствіяхъ бригадира Тевкелева, по случаю возмущенія его крестьянъ.—Мы отчасти уже говорили о Тевкелевѣ въ VI-й главѣ настоящей монографіи, гдѣ было указано на его роль въ присоединеніи къ Россіи Малой Киргизъ-Кайсацкой орды ^{б)}. За свои труды Тевкелевъ былъ награжденъ чиномъ бригадира, землями и крестьянами въ Уфимской провинціи, а впослѣдствіи дослужился и до генеральскаго чина. Опираясь на свое значеніе въ краѣ и увлекаемый примѣромъ другихъ, Тевкелевъ такъ же, какъ и Аксаковъ, не прочь былъ эксплуатировать инородческое населеніе въ краѣ, въ свою пользу, допуская иногда незаконные поборы, взятки и злоупотребленія относительно башкиръ и другихъ инородцевъ Оренбургской губерніи; но произволъ Тевкелева особенно былъ чувствителенъ для его крѣпостныхъ крестьянъ. Наконецъ дѣло дошло до открытаго возстанія, которое нельзя было скрыть отъ правительства. Ясачные татары деревень Болтасевой и Мордвинкиной, принадлежавшихъ Тевкелеву, захотѣли вовсе отложиться отъ своего владѣльца. Съ этою цѣлю, нѣкоторые изъ нихъ, оставивъ свои жилища, поселились на рѣчкѣ Селеушѣ въ глухомъ лѣсу, откуда дѣлали воровскія нападенія на прочія деревни Тевкелева и разоряли ихъ, угрожая жизни и самому Тевкелеву. Уфимская Провинціальная Канцелярія, по жалобѣ Тевкелева, предписала недовольнымъ изъ его крестьянъ, чтобы они возвратились въ свои дома и явились для допроса въ Уфу, но татары не слушались. Тогда отправлена была къ нимъ на винтеръ-квартиры военная команда, подъ начальствомъ прапорщика Казанскаго полка Тихомирова,—татары оказали сопротивленіе. Въ то же время на рѣчку Селеушъ былъ командированъ изъ Казани поручикъ Измайловъ, состоявшій у розыскныхъ дѣлъ, который и захватилъ большую часть татаръ, скрывавшихся въ глухомъ лѣсу, убѣжавшіе же отъ него тридцать человекъ были переловлены командою Тихомирова; впрочемъ, трое татаръ успѣли скрыться въ лѣсной чащѣ, въ числѣ ихъ былъ и предводитель партіи недовольныхъ Хабивулла ^{в)}.

Неплюевъ, опасаясь усиленія мятежа и отвѣтственности, донесъ о томъ 31 августа 1744 г. Сенату и просилъ, чтобы ему дана была ин-

^{а)} Руммель и Голубцевъ. Род. Сборн. двор. фамил. т. 1, 25.

^{б)} См. выше стр. 137.

^{в)} Указъ Сената отъ 22 января 1744 г., за № 188 въ Тург. обл. арх., по описи № 18, л. 40 и 42.

струкція „какимъ образомъ съ тѣми противниками ему поступить“ на будущее время. Прошло четыре мѣсяца, а отвѣта на запросъ Неплюева не было. Принявъ возможныя мѣры предосторожности къ охраненію имѣній Тевкелева, Неплюевъ 29 декабря того же года снова писалъ въ Сенатъ о возмущеніи крестьянъ въ деревняхъ Болтасевой и Мордвинкиной, при-совокупивъ на этотъ разъ, что крестьянинъ деревни Мордвинкиной Елдашъ Ишимбаевъ, во время проѣзда изъ Уфы въ Москву бригадира Аксакова, выѣзжалъ къ послѣднему на дорогу и объявилъ, что у нихъ имѣется указъ, данный ихъ предкамъ Девлику и Бахтіару отъ Московскихъ великихъ государей, и татарское письмо; что этимъ указомъ воспрещено мурзамъ имѣть у себя ихъ въ крестьянствѣ, а изъ письма видно, что ихъ предки „припустили пришлыхъ людей къ владѣнію своей вотчинной землей, со взятіемъ себѣ оброку, кой-де указъ и татарское письмо остались въ рукахъ у бригадира Аксакова“.—Елдашъ Ишимбаевъ былъ допрошенъ о томъ въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи: куда онъ былъ доставленъ пойманнымъ и арестовавшимъ его однимъ башкирскимъ старшиной. Сенатъ на этотъ разъ не замедлилъ отвѣтить Неплюеву: 1) вызвать въ Уфу для допроса въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи крестьянъ изъ деревень Болтасевой и Мордвинкиной, „кои отъ крестьянства бригадиру Тевкелеву отрицаются“; 2) дознать о виновныхъ, кои не допустили прапорщика Тихомирова съ его командой на винтеръ-квартиры; 3) съ противниками этого распоряженія поступать, какъ съ злодѣями; 4) употребить всѣ мѣры къ отысканію и поимкѣ „атамана“ недовольныхъ Хабивуллы и его товарищей^{a)}. Получивъ этотъ указъ, Неплюевъ 23 февраля того же года написалъ въ Сенатъ, что дѣло о бригадирѣ Тевкелевѣ съ его крестьянами не можетъ быть производимо до полученія изъ Сената показаній Аксакова, относительно его разговора съ Ишимбаевымъ.—Между тѣмъ Сенатъ еще 15 февраля вызывалъ Аксакова въ присутствіе и взялъ отъ него росписку, что онъ никакого указа и письма отъ Ишимбаева не получалъ, о чемъ было сообщено Неплюеву 1 апрѣля 1745 г.^{b)}, а 4 мая того же года Неплюевъ «накратко» подтвердилъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, чтобы дѣло о Тевкелевѣ съ его крестьянами, какъ можно, скорѣе было кончено.

Дѣло о Тевкелевѣ могло еще болѣе обнаружить злоупотребленія Аксакова, который дѣлилъ съ Тевкелевымъ незаконные поборы и взятки съ башкиръ, татаръ и др. инородцевъ Уфимской провинціи; но слѣдователи,

^{a)} См. въ Тург. област. архивѣ. Указы 1744 г. по описи № 18, л. 40—45.

^{b)} Тамъ же, л. 114—115.

имѣя, вѣроятно, въ виду благопріятный исходъ дѣла Аксакова, нашли Тевкелева невиннымъ въ вводимыхъ на него проступкахъ и въ этомъ смыслѣ донесли Оренбургской Губернской Канцеляріи. Неплюевъ утвердилъ рѣшеніе Слѣдственной Коммисіи и представилъ дѣло въ Сенатъ, который и согласился съ его заключеніемъ^{а)}. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Неплюевъ нашелъ въ Тевкелевѣ полезнаго себѣ помощника по управленію краемъ, и поручалъ ему, на время своихъ отлучекъ въ Москву и Петербургъ, главное управленіе Оренбургской губерніей^{б)}. Съ удаленіемъ изъ Уфы Аксакова, Неплюеву предстояло много хлопотъ и трудовъ по устройству Уфимской провинціи, деморализованной Аксаковымъ. Что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи мудрый администраторъ, увидимъ дальше, а теперь перейдемъ къ изложенію событій среди Лицкаго войска, которое очень многимъ было обязано Неплюеву, цѣнившему его боевыя способности и хорошо понимавшему его важное значеніе для Оренбургскаго края въ стратегическомъ отношеніи.

^{а)} Игнатъевъ: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, стр. 35 и 55.

^{б)} Въ дѣлахъ „Секретной Экспедиціи“, хранящихся въ архивѣ Тургайскаго обл. правленія, имѣются, между прочимъ, „Указы Походной Экспедиціи“, относящіеся къ 1751—1753 годамъ, когда Неплюевъ жилъ въ С.-Петербургѣ, а Тевкелеву было поручено непосредственное управленіе Оренбургскимъ краемъ. „Указы Походной Экспедиціи“, переплетенные въ три довольно большіе фолианта, составляютъ 493 полулиста, или 986 стр. текста. Въ составъ этихъ матеріаловъ входитъ и переписка Неплюева съ Тевкелевымъ по разнымъ вопросамъ, касающимся Оренбургскаго края.

ГЛАВА IX.

Образованіе Оренбургской губерніи и ея первоначальный составъ.—Внутреннее состояніе Яицкаго казачьяго войска до подчиненія его Неплюеву.

„Не можемъ сего принять: понеже войско Яицкое поселилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей“!

„Живите, братцы, пока Москва не узнала“!

(Яицкіе казаки).

Главное управленіе Оренбургскимъ краемъ при Кирилловѣ называлось «Извѣстною», а потомъ «Оренбургскою Экспедиціей», при Татищевѣ же и Урусовѣ—«Оренбургскою Коммиссіей». Въ 1744 году Неплюевъ, находясь въ Москвѣ, вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о переименованіи Оренбургской Коммисіи въ *Оренбургскую губернію*, и Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Неплюева. Въ инструкціи, данной Неплюеву, были означены границы и кругъ дѣятельности губернаторской власти; въ ней, между прочимъ, говорилось: „быть въ Оренбургѣ губерніи и именоваться Оренбургская губернія и въ ней—губернаторомъ тайному совѣтнику Неплюеву, а въ оной губерніи вѣдомымъ быть всѣмъ тамошнимъ по той Оренбургской Коммисіи вновь построеннымъ и кои нынѣ строятся крѣпостямъ, опредѣленнымъ въ нихъ регулярнымъ и нерегулярнымъ войскамъ и прочимъ поселившимся людямъ, которымъ указами позволено, да той губерніи подъ вѣдомствомъ состоятъ, попрежнему, Исетской провинціи и съ за-уральскими башкирами; да нынѣ вновь въ вѣдомство той губерніи подчинить Уфимскую провинцію, со всѣми башкирскими дѣлами, такимъ порядкомъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ провинціи приписаны, и въ вышеписанную Уфимскую и Исетскую провинціи опредѣлять воеводъ и ихъ товарищей по разсмотрѣнію сенатскому, какъ и въ прочія провинціи оныя опредѣляются, и состоятъ имъ подъ указами Оренбургской губерніи, а *особо той Уфимской провинціи и въ ней вице-губернатору не быть*, также и Оренбургской Коммисіи дѣламъ вѣдомымъ быть въ той же губерніи, а особливою Коммисіею не именоваться; ему же губернатору вѣдать и Киргизъ-Кайсацкій народъ и та-

мошнія пограничныя дѣла, какъ понынѣ въ Оренбургской Комиссіи находятся,“^{а)}

Такимъ образомъ изъ этой инструкции видно, что оренбургскій губернаторъ долженъ былъ вѣдать башкиръ, киргизъ, пограничныя дѣла, всѣ линіи внѣшнихъ и внѣшнихъ крѣпостей и редутовъ въ краѣ, провинціи Исетскую и Уфимскую, а потомъ вскорѣ въ его же вѣдомство поступили Ставропольскіе крещенные калмыки и Яицкое казачье войско. Раньше, когда еще не существовало Оренбургской губерніи, всѣ, составлявшія ее потомъ части: Самара, Уфа, Яицкій городокъ и др. были приписаны частію къ Казанской, частію къ Астраханской губерніи; къ послѣдней былъ приписанъ и Яицкій городокъ^{б)}. Такъ-какъ Яицкое казачье войско занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи колонизаціи и охраны Оренбургскаго края до Неплюева и при немъ, то мы считаемъ совершенно умѣстнымъ познакомить нашихъ читателей, хотя въ общихъ чертахъ^{в)}, съ внутреннимъ состояніемъ и устройствомъ Яицкаго войска до подчиненія его оренбургскому губернатору, а потомъ уже перейдемъ и къ мѣропріятіямъ Неплюева, по отношенію къ Яицкимъ казакамъ, которыхъ онъ цѣнилъ, какъ *«легкій, полезный и весьма надежный къ оборонѣ корпусъ»*.

Яицкіе казаки происходятъ отъ Донскихъ, которые сами первоначально образовались отъ Азовскихъ около половины XVI вѣка^{д)}. Начало организаціи Яицкаго (нынѣ Уральскаго) войска, на основаніи историческихъ данныхъ^{е)}, мы относимъ къ концу XVI в., именно къ послѣднимъ годамъ царствованія Іоанна Грознаго (1584); о службѣ же Яицкихъ казаковъ въ первый разъ упоминается въ актахъ подъ 1591 годомъ, когда астраханскимъ воеводамъ князю Ситцкому и Пушкину повѣлено было отправить войско противъ „царскаго непослушника“ Шахмала; тогда же было приказано взять въ походъ 500 Яицкихъ казаковъ^{ж)}. Въ началѣ число Яицкихъ казаковъ не превышало 40 человекъ; затѣмъ

^{а)} П. С. З., т. XII, № 8900.

^{б)} Н. Поповъ. Татищевъ и его время, стр. 354. — По духовнымъ дѣламъ Оренб. край находился въ вѣдѣніи Сибири и внутреннихъ смежныхъ губерній: такъ нынѣшніе уѣзды Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій до конца XVIII в. (1799 г.), когда была открыта Оренб. епархія, состояли подъ вѣдомствомъ Тобольскихъ архіереевъ, а нынѣшняя Уфимская епархія, отдѣленная отъ Оренбургской только въ 1865 году, и прочіе уѣзды Оренбургской губерніи были причислены то къ Вятской, то къ Казанской епархіи. См. Пам. Каз. Оренб. губ. 1870 г., V, 14.

^{в)} Подробности смотр. въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“, напечат. въ „Русск. Арх.“ за 1879 г., кн. 1, 2, 3.

^{д)} Н. М. Карамзинъ. И. Г. Росс. т. VIII, стр. 86, 180 и 181. Мордовцевъ Д. невѣрно относитъ выдѣленіе Яицкаго войска изъ Донскаго къ XV ст. См. въ От. Зап. 1868 г. апрѣль, стр. 450.

^{е)} Которыя мы приводимъ въ своемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“.

^{ж)} Акты Истор. I, № 230.

эта горсть смѣлыхъ людей постепенно умножалась бѣглыми изъ русскихъ и инородцевъ, которымъ плохо жилось на Руси или по причинѣ ихъ широкаго и разгульнаго характера, или по бѣдности и велѣдствіе притѣсненія воеводъ и другихъ властей, а потомъ и велѣдствіе гоненій, направленныхъ противъ ревнителей старины и „старой“ вѣры. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы вступающій въ нихъ былъ христіанинъ и давалъ обѣтъ безъ пощады губить басурманъ, Яицкіе казаки не пренебрегали никѣмъ и отличались нѣкоторою даже вѣротерпимостью, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно приходили на Яикъ и селились между ними, съ общаго войсковаго согласія; плѣнныхъ же они обыкновенно старались обращать въ христіанство^{а)}. Закаливъ себя въ борьбѣ съ природою и врагами, Яицкіе казаки требовали, чтобы и всякій, желавшій поступить въ ихъ общину и сдѣлаться казакомъ, былъ смѣлымъ, дѣятельнымъ и предприимчивымъ; „увальней“ и лѣнтыевъ они, учили труду да уму-разуму“, а если „наука въ толкъ не шла“, то выгоняли такихъ вонъ изъ своей общины. По выраженію самихъ уральцевъ, на берега привольнаго Яика шель „народъ ловкій, смѣлый, храбрый, гордый,—народъ съ амбиціей, который искалъ вольностей, простора, независимости“.—Дѣйствительно, Яицкое войско является въ исторіи смѣлымъ, храбрымъ, предприимчивымъ и ловкимъ, но въ то же время стойкимъ въ своихъ стремленіяхъ и обычаяхъ до *упорства*, особенно когда задѣвались ихъ старинныя права и привилегіи.

Главное мѣсто первоначальнаго поселенія Яицкихъ казаковъ было не тамъ, гдѣ нынѣшній Уральскъ, а верстахъ въ трехъ отъ верхняго Кошевскаго устья по теченію р. Яика^{б)}, на мѣстѣ остатковъ такъ называемаго *Голубаго Городища*. Впослѣдствіи казакамъ не понравилась эта мѣстность, и они переселились къ Краснымъ Кирсановскимъ ярамъ, нѣсколько ниже Орѣшной луки, гдѣ теперь находится Кирсановскій форпостъ, отстоящій на 85 в. отъ Уральска по направленію къ Оренбургу. Частыя столкновенія съ кочевниками и нѣкоторыя климатическія невыгоды этой мѣстности заставили казаковъ покинуть и Кирсановскіе яры: въ половинѣ XVII в.^{в)} городъ былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ находится и теперь, т. е. къ устью р. Чагана, впадающей съ правой стороны въ Уралъ и принимающей въ себя р. Деркулъ; слѣдовательно, настоящій Уральскъ существуетъ около 250 лѣтъ.

^{а)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 23, стр. 11.

^{б)} Кн. Больш. Чертеж. Изд. 1838 г., Сиб. стр. 69.

^{в)} См. показанія казака Матвѣя Томачкова полковнику Захарову. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 20, стр. 6, столб. 1.

Главнѣйшимъ источникомъ продовольствія Яицкаго казачества, безъ сомнѣнія, издавна служилъ Яикъ, который тогда особенно былъ богатъ рыбою и который Яицкіе казаки такъ удачно называли въ своихъ пѣсняхъ «золотымъ доньшкомъ съ серебряной покрывшей». Кромѣ того, занявъ огромныя луговныя и степныя пространства по Яику, казаки безъ особеннаго труда, но съ большимъ успѣхомъ, могли заниматься и скотоводствомъ, которое и доселѣ, послѣ рыболовства, составляетъ у нихъ весьма важную и выгодную статью народнаго богатства. Но, находясь вдали отъ заселенныхъ мѣстъ, казаки не всегда имѣли возможность вымѣнивать на рыбу, икру и клей — хлѣбъ, одежду и т. п. необходимыя для жизни предметы. Недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей они, помимо торговли и мѣны, пополняли грабежомъ и разбоемъ въ аулахъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, киргизовъ и калмыковъ, а также на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, что у нихъ называлось «промысломъ», въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Изъ доношенія Неплюева въ Военную Коллегію видно, что Яицкіе казаки, «отбивъ нападеніе на ихъ городокъ татаръ Золотой Орды, послѣ долго еще жили независимо отъ Московскаго государства; наконецъ, собрався, учинили совѣтъ и послали отъ себя двухъ человѣкъ: одного русскаго, а другаго татарина, блаженныя памяти къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы они приняты были подъ власть его Царскаго Величества, служить ему Великому Государю и его наслѣдникамъ, и по тому ихъ прошенію дана была имъ на р. Яикѣ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угоды, отъ вершинъ той рѣки до устья, его Великаго Государя жалованная грамота, чтобы имъ на этой рѣкѣ жить и владѣть, и ему Великому Государю служить казачью службу и набираться на житье вольными людьми; также же та грамота въ давнихъ годѣхъ, въ пожарное время, сгорѣла, а изъ котораго приказа дана была, того нынѣ на Яикѣ никто не помнитъ^{а)}. Между тѣмъ раньше, равно какъ и позже^{б)}, Яицкіе казаки относили выдачу этой грамоты то къ царствованію Алексѣя Михайловича^{в)}, то ко времени сына его Ѳеодора Алексѣевича, то къ правленію

^{а)} См. въ чернов. бумагахъ І. И. Желѣзнова по описи его бумагъ № 3, л. 3 на оборотѣ.

^{б)} Напр. въ февралѣ 1770 г., когда Яицкое войско просило императрицу Екатерину II освободить его отъ легіонной службы. Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 30 и 33.

^{в)} Въ выпискѣ изъ Оренбургской Секретной Коммиссіи. (См. Чт. Моск. Общ. истор. и древн. 1859 г., кн. 3), говорится, что Яицкіе казаки, въ числѣ 500 чел., избравъ мѣсто нынѣшняго поселенія, принесли повинную царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго и получили владѣнную грамоту, а также крестъ и бороду, причемъ положено было выдавать имъ по четверти муки и по полфунту свинцу и пороху на каждаго въ годъ.

царевны Софіи. Такъ въ декабрѣ 1720 г., челобитчики къ Петру Великому отъ Яицкаго войска, прося восстановленія своихъ правъ на р. Яикъ, говорили, что прежняя грамота, которая была выдана войску „въ прошлыхъ годѣхъ, чему будетъ лѣтъ съ сорокъ“^{а)}, сгорѣла и что башкиры, калмыки и самаряне, узнавъ о томъ „чинять войску изневажество немало“ и имъ, казакамъ, „противиться стало не по чему“.

Такимъ образомъ Яицкое войско не могло съ точностію опредѣлить ни времени, ни мѣста выдачи ему „владѣнной“ на р. Яикъ грамоты; ни къ чему положительному не привели справки и въ архивахъ тѣхъ учреждений, въ вѣдѣніи которыхъ находились Яицкіе казаки.

Основываясь на грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ которой говорится о прежнихъ службахъ Яицкаго войска со временъ царя Михаила, мы склонны думать, что „владѣнная“ была выдана Яицкимъ казакамъ при царѣ Михаилѣ; тогда же, вѣроятно, казаки признали надъ собою и власть Московскаго государя, такъ какъ въ 1629 г. они уже участвуютъ въ войнѣ съ крымскими татарами, подъ начальствомъ князя Солнцева—Засѣкина и Благова. Такое мнѣніе тѣмъ большее имѣетъ значеніе, что Московское правительство, не зная еще богатства Яицкой территории ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи, не имѣло и повода къ тому, чтобы откаать казакамъ въ просимой ими грамотѣ на владѣніе всѣмъ Яикомъ, при томъ же оно само было еще не въ состояніи обезопасить восточную окраину отъ сосѣднихъ кочевниковъ, да и не сознавало еще всей важности ея для государства въ торговомъ и политическомъ отношеніи^{б)}.

Верховья р. Яика, правда, еще раньше принадлежали башкирцамъ и, въ царствованіе Іоанна Грознаго, были утверждены за ними особою грамотою^{в)}; но это не могло стѣснять Московскаго правительства въ выдачѣ жалованной грамоты Яицкому войску, которое особенно дорожило южною половиною рѣки^{г)}. Правительство, какъ извѣстно, впоследствии селило здѣсь разныхъ людей, не справляясь, кому принадлежать эти земли.—Этотъ-то приливъ населенія, если только онъ не былъ въ интересахъ

^{а)} Слѣдов. въ 1680 г. См. самую челобитную въ „Р. Архивѣ“ 1879 г., кн. I, стран. 414—416.

^{б)} Н. А. Ойрсовъ. Инородч. насел. прежн. Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. Казань, 1869 г., стр. 318.

^{в)} См. копію съ этой грамоты у Рябинина (Уральское казачье войско, ч. II. примѣчаніе I). Изъ этой грамоты видно, что башкирцамъ пожалованы были многія изъ тѣхъ земель, на которыя предъявляли свои права Яицкіе казаки. Впрочемъ, Рябининъ сомнѣвается въ подлинности этой грамоты, хотя и бездоказательно. См. у него стр. 17 въ I ч.

^{г)} Н. А. Ойрсовъ: „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 318.

самихъ казаковъ, равно какъ и захватъ сосѣдними поселенцами казачьихъ угодій, естественно могъ возбудить въ Яицкихъ казакахъ желаніе, чтобы Московскіе цари, вступая на престолъ, подтверждали особыми грамотами владѣльческія права Яицкаго войска, дарованныя ему первоначально царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Вслѣдствіе такого стремленія къ гарантіи своихъ природныхъ богатствъ, Яицкое войско могло получать „владѣнные“ подтвердительныя, подобно Донскому^{а)}, и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и при его сынѣ Ѳеодорѣ, и въ правленіе Софьи, пожаръ же, бывшій въ концѣ XVII ст. и уничтожившій Войсковую Избу, гдѣ хранилась „владѣнная“, заставилъ Яицкое войско въ 1720 году просить таковую же грамоту и у Петра Великаго, дабы „всѣкому изневажеству было почему противиться“. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается, по всей вѣроятности, причина, а равно и разгадка того разнорѣчія, на которое мы указали выше, относительно времени полученія Яицкимъ войскомъ „владѣнной“, или жалованной казакамъ грамоты на рѣку Яикъ. — Признавъ добровольно надъ собою власть Московскаго Государя, Яицкое войско почти цѣлое столѣтіе находилось въ весьма слабой зависимости отъ Московскаго правительства, которое, вслѣдствіе своихъ еще неокрѣпшихъ силъ, не могло принять дѣятельнаго участія въ казачьихъ распорядкахъ. Казаки, по-прежнему, ходили на свои *«промыслы»*, въ сосѣдніе аулы и смежныя русскія селенія, принимая дѣятельное участіе и въ бунтахъ, бывшихъ на Руси.

Когда же сынамъ Яика-Горыныча случалось попадать въ тиски къ царскимъ воеводамъ и войскамъ, они приносили повинную, раскаявались, слѣдуя пословицѣ: „повинную-де голову не сѣкутъ, не рубятъ“, и выражали готовность заслужить свои вины предъ Великимъ Государемъ, участвуя въ походахъ и войнахъ Россіи, предпринимаемыхъ ею въ разное время. Впервые Московское правительство познакомилось поближе съ Яицкимъ войскомъ въ Смутное время^{б)}, когда Яицкіе казаки, бывшіе на сторонѣ воровскихъ людей, дали у себя пріютъ Маринѣ Мнишекъ и ея послѣднему наперстнику Ивану Заруцкому^{в)}, который старался возмутить противъ Москвы весь При-Каспійскій край, заставляя присягать сыну Марини, рожденному отъ Тушинскаго вора. Марина Мнишекъ и Заруцкій укрывались отъ царскихъ стрѣльцевъ на Медвѣжьемъ островѣ,

^{а)} Такъ, 10 марта 1746 года, Императрица Елизавета Петровна пожаловала Донскому войску грамоту въ замѣнъ той, которая сгорѣла вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ Великимъ. Грамотою Елизаветы подтверждались прежнія, данная ея отцомъ, за вѣрность Донскихъ казаковъ, оказанную ими во время астраханскаго бунта 1705 г. (См. въ Отеч. Зап. 1868 г., № 10) „Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны“ Ешевскаго, ст. 3, стр. 24.

^{б)} Акты арх. экспед. II, № 74 и 170.

^{в)} Акты истор. III, 257.

гдѣ 24 іюня 1614 г. и были найдены; Заруцкій и сынъ Маринны были преданы позорной казни, а сама Марина умерла въ темницѣ; главный казачій атаманъ Баловень былъ схваченъ и повѣшенъ, другіе бунтовщики разосланы по тюрьмамъ^{а)}. Впрочемъ, Яицкіе казаки и послѣ этого не переставали беспокоить Московское государство: они грабили не только русскихъ, но и персидскихъ подданныхъ, особенно же разнуждалъ неудержимую склонность къ наживѣ въ Яицкихъ казакахъ бунтъ Разина^{б)}. Между тѣмъ, обстоятельства складывались такъ, что положеніе казацкой самостоятельной общины въ Русскомъ государствѣ, въ составъ котораго она теперь входила, должно было измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ подвергнуться перемѣнамъ общественный и экономическій бытъ казаковъ. Центральная власть прибрѣтала все больше силы и устойчивости и не желала дальше мириться съ такими порядками этой общины, которые, игнорируя ея указанія и стремленія, служили въ ущербъ общему государственному строю. Въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ казачьими землями, стали утверждаться царскіе воеводы и служилые люди, которые требовали отъ казаковъ безусловнаго повиновенія царской власти. Усмиривъ Разинскій бунтъ, въ которомъ участвовали и Яицкіе казаки, Московское правительство стало сильно и на нижнемъ Яикѣ. Въ 1670 году оно подчинило Яицкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на вѣншую службу^{в)}. Во внутреннемъ, такъ сказать, домашнемъ своемъ распорядкѣ и устройствѣ Яицкое войско представляло родъ республики или вѣрнѣе — характеръ древне-вѣчеваго устройства. Всѣ члены общины были равны между собою; всѣ подчинялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому имѣвшимъ силу и значеніе обычнаго права. Внутреннее домашнее правленіе у казаковъ было выборное, какъ и въ Донскомъ войскѣ, которому старались подражать и Яицкіе казаки. Существуетъ даже указаніе на то, что Яицкіе казаки не имѣли права „вершить большихъ дѣлъ“, безъ вѣдома Донскаго войска^{г)}.

^{а)} Медвѣжій островъ на р. Яикѣ (Уралѣ), нѣсколько выше Кулагиной крѣпости. На ландкартѣ 1745 г., составленной геодезистомъ Чичаговымъ, выше Кулагиной крѣпости означено „Маринкино Городище“; противъ него-то и находился Медвѣжій островъ. Ср. Акт. Истор. т. III, № 32, подъ 1614 г.

^{б)} Уральцы особенно не любятъ, когда ихъ называютъ „Разинны дѣти“, или „Разино отродье“. См. соч. Г. И. Желѣзнова: Уральцы, т. I, стр. 66. Первое изданіе.

^{в)} О походахъ Яицкихъ казаковъ на вѣншую службу будетъ сказано дальше въ главѣ XII.

^{г)} В. Г. Дружининъ. — Расколъ на Дону въ концѣ XVII в. Спб. 1889 г., стр. 34. См. пр. 102: „И въ государственномъ Посольскомъ приказѣ... войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ допрашивая, и въ распросѣ сказалъ: Яицкіе де казаки издавна Донскому войску въ послушаніи и обо всякихъ дѣлахъ межъ себя пересылку имѣютъ и большихъ дѣлъ безъ всякаго ихъ права у себя не вершатъ, а присылаютъ къ нимъ на Донтъ“ Разсир. рѣчи 10 января 1690 года. Донск. дѣл., св. XVIII, 1689 г., № 21, л. 66.

Главу общины, войскового атамана, равно какъ и всѣхъ должностныхъ лицъ, Яицкіе казаки вольными и согласными голосами выбирали изъ своей среды и давали имъ власть производить судъ и расправу надъ собой, но въ тѣхъ предѣлахъ, какіе допускались обычнымъ правомъ общины — не болѣе. Дѣла обыкновенныя, ежедневныя, напр. ссоры, различныя тяжбы и т. п. разбирались и рѣшались атаманомъ и его помощниками, войсковыми старшинами; дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ всего общества, или дѣла уголовныя обсуждались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ Войсковомъ Кругу, имѣвшемъ характеръ Славянского Вѣче, гдѣ каждый казакъ имѣлъ право голоса. Наканунѣ собранія Круга, одинъ изъ приближенныхъ къ атаману лицъ^{а)}, одѣтый въ роскошное платье^{б)}, съ жезломъ въ рукахъ, на богато убранной лошади развѣзжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, громко зывалъ къ народу: *«Послушайте, атаманы и все Донско-Яицкое воинство! Не пейте зелена вина, ни дароваго, ни купленнаго: завтра — Кругу быть»*. Извѣщенные своимъ герольдомъ и предупрежденные на счетъ чарки зелена вина, казаки, съ трезвыми и непохмѣльными головами, въ назначенный день должны были собраться на площадь къ Войсковой Избѣ.

Когда казаки всѣ были въ сборѣ, изъ Войсковой Избы выходилъ атаманъ, въ сопровожденіи старшинъ, походныхъ атамановъ и есауловъ. Вотъ атаманъ вступаетъ въ средину перилъ^{в)}, ограничивающихъ Кругъ, снимаетъ съ себя шапку, его помощники дѣлаютъ то же; атаманъ кладетъ къ ногамъ наѣлку, или булавку — знакъ атамскаго достоинства, — низко кланяется во всѣ стороны и начинаетъ говорить казакамъ о дѣлѣ, для котораго они собраны. Изложивъ дѣло, онъ, спустя нѣкоторое время, спрашивалъ: *«любо-ли вамъ это, атаманы-молодцы, или не любо?»* — Казаки отвѣчали: „любо“! или „не любо“! — Въ случаѣ же, когда голоса раз-

^{а)} Замѣнявшій нынѣшняго адъютанта, или чиновника особыхъ порученій.

^{б)} Яицкіе казаки, по разсказамъ стариковъ, одѣвались такъ: бешметъ бирюзоваго, пунцоваго, малиноваго или желтаго цвѣта, — преимущественно изъ сукна или шелковой матеріи; кругомъ низкаго воротника и по борту — галуны; на бешметѣ надѣвался суконный малиновый или синій кафтанъ съ очень низкимъ воротникомъ, который оставался незастегнутымъ и шелъ до половины груди открытымъ, такъ-что бешметъ было видно; съ половины груди шли прорѣхи, куда продѣвались руки, а самые рукава закладывались назадъ и завязывались шнурками или тесьмами; воротникъ кафтана, борты и прорѣхи подъ мышками обшивались широкимъ или узкимъ галуномъ, смотря по чину: у старшинъ широкимъ, у низшихъ чиновъ — узкимъ. Поверхъ бешмета надѣвалась азиатская сабля, а на португезю накладывался кушакъ, украшенный серебромъ или камнями; тутъ же привѣшивались принадлежности огнестрѣльнаго оружія: сумка для пуля, сумка для пороха и др. Галуны на кафтанѣ нашивались и сзади по швамъ, начиная отъ плечъ, и шли по всей таліи. Шаровары были широкіе и завертывались въ сапоги; шапка была въ родѣ уланской, потомъ стали дѣлать ее высокою съ закругленными ушами. См. въ чернов. бумагахъ І. И. Желѣзова, по описи № 18, стр. 79. Ср. его: „Уральцы“, часть 2, стр. 19 (Первое изданіе).

^{в)} Въ городѣ мѣсто собранія Круга обносилось перилами, а когда Кругъ собирався въ полѣ, то нерѣдко толпа народа сама составляла изъ себя цѣнь на подобіе круга, какъ бы вмѣсто перилъ, которыхъ не было.

дѣлялись, атаманъ подавалъ знакъ разойтись — и казаки немедленно расходились на двѣ части; затѣмъ смотря, по большинству казаковъ въ той или другой партіи, рѣшеніе Круга приводилось въ исполненіе. Но чѣмъ многочислѣе становилось войско, тѣмъ труднѣе было вершить дѣла подобнымъ образомъ. „Понятно, что при такихъ собраніяхъ (замѣчаетъ г. Анучинъ) порядокъ не всегда могъ быть соблюдаемъ; не рѣдко случалось, что недовольные старшинами казаки бросались на нихъ и стаскивали съ рундука Войсковой Избы, и тутъ же выбирали новыхъ старшинъ и даже атамановъ, по своей волѣ, отставляли, что у нихъ продолжалось до 1723 г.“^{а)} Сроковъ службы у Яицкихъ казаковъ не было: если выбранный начальникъ хорошо и честно исполнялъ свои обязанности, съ народной точки зрѣнія, то сохранялъ за собою возложенную на него должность долгое время, а иногда и всю жизнь, пользуясь въ то же время нравственнымъ вліяніемъ на казаковъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ со стороны народа. Но если кто изъ выборныхъ чиновъ, хотя бы то былъ и самъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа, то казаки сами лишали его власти и обращали въ прежнее состояніе, — и тогда бывший начальникъ, котораго прежде боялась и уважала община, нисходилъ въ разрядъ обыкновенныхъ казаковъ. Такимъ образомъ Яицкое войско всѣхъ необходимыхъ для него начальниковъ выбирало изъ своей же среды, а потомъ, когда они становились для него ненужными, а тѣмъ болѣе вредными, поглощало въ себя же. Такой порядокъ вещей, по замѣчанію І. И. Желѣзнова, былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ, — былъ, что называется, по душѣ имъ.

Московскіе государи являются въ исторіи собирателями Русской земли; на долю же имперіи, созданной Петромъ Великимъ, выпала другая задача — сплотить различныя части Русскаго государства въ стройное цѣлое и подчинить ихъ общей системѣ управленія. Петръ не желалъ, чтобы кака-либо изъ частей государства была совершенно независима въ своихъ дѣйствіяхъ отъ центральной власти, и относилась къ общему строю государства враждою или дружелюбно, руководясь исключительно своими личными выгодами, взглядами и убѣжденіями. Между тѣмъ до Петра Великаго Яицкое войско, какъ мы видѣли, жило и дѣйствовало именно такимъ образомъ, преслѣдуя лишь свои выгоды, иногда даже въ ущербъ выгодамъ общественнымъ и государственнымъ. Проницательный взоръ Преобразователя Россіи проникъ и на берега быстрого Яика. Петръ обратилъ осо-

^{а)} Съ 1685 г. по 1723 г., т. е. въ теченіе 37 лѣтъ, казаки смѣнили 12 атамановъ, — вотъ ихъ имена: Семенъ Прокофьевъ, Иванъ Бѣлоусовъ, Яковъ Васильевъ, Осипъ Бѣлоусовъ, Варооломей Сергѣевъ, Феодоръ Сѣмenniковъ, Иванъ Щербакъ, Григорій Меркурьевъ, Иванъ Бородинъ, Феодоръ Араповъ, М. Мионовъ, Иванъ Ивановъ. См. „Происшествія на Яикѣ въ 1772 г.“ въ журналѣ „Современникъ“ 1864 г., № 4.

бенное вниманіе на Яицкое войско съ Булавинскаго возмущенія и измѣны Мазепы. Въ 1623 году Яицкое войско, равно какъ и Донское, подчинено было вѣдомству Посольскаго Приказа^{а)}. Съ 1680 г. и до учрежденія въ 1711 г. Сената Яицкое войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа^{б)}; но это подчиненіе казаковъ ограничивалось, по большей части, только командировками ихъ на внутреннюю и вѣдную службу. Съ учрежденіемъ Сената, Яицкіе казаки вѣкорѣ перешли въ его вѣдомство, въ которомъ состояли до 24 декабря 1719 года, когда завѣдываніе ими было поручено Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а 10 марта 1721 года Яицкое войско поступило въ вѣдомство Военной Коллегіи^{в)}. Независимо отъ этого, Яицкіе казаки по сыскнымъ дѣламъ, по взаимнымъ доносамъ ихъ другъ на друга и вообще по дѣламъ уголовнымъ, подлежащимъ обсужденію въ Войсковомъ Кругу, были подчинены астраханскому губернатору, и въ Астрахани производились надъ ними первоначальные розыски, а до того—въ Казани; когда же доносъ соединился съ государевымъ „словомъ“, тогда какъ доносчикъ, такъ и всѣ оговоренныя имъ лица отсылались въ Москву, гдѣ ихъ и допрашивали. Указъ о подчиненіи Яицкаго войска вѣдомству астраханскаго губернатора состоялся 22 декабря 1720 г.^{г)}; затѣмъ въ 1744 г. оно было подчинено оренбургскому губернатору; въ 1782 г. Уральское войско по земскимъ дѣламъ было отчислено отъ оренбургскаго губернатора къ астраханскому^{д)}, а въ началѣ настоящаго столѣтія оно снова было подчинено оренбургскому генералъ-губернатору, въ вѣдѣніи котораго и находилось до самаго уничтоженія оренбургскаго генералъ-губернаторства^{е)}.

Всѣ писавшіе объ Уральскомъ войскѣ полагали, что переводъ его изъ вѣдѣнія коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдомство Военной Коллегіи былъ главною причиною возмущенія казаковъ,—такого мнѣнія держались, между прочимъ, поэтъ А. С. Пушкинъ, Рябининъ и Анучинъ. Они говорятъ, что Яицкіе казаки, опасаясь за свою свободу, взволновались, зажгли Яицкій городокъ и уже собирались бѣжать въ киргизскія степи, но къ этому времени подоспѣлъ полковникъ Захаровъ, которому было поручено произвести перепись Яицкихъ казаковъ и усмирить ихъ. Но такое мнѣніе не имѣетъ за себя достаточныхъ основаній и скорѣе принадлежитъ къ области догадокъ.

^{а)} Броневскій. Истор. Донскаго войска, ч. 1, гл. III.

^{б)} П. С. Зак., № 3616.

^{в)} Тамъ же, №№ 3472 и 3750.

^{г)} П. С. Зак., № 3694.

^{д)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 33 Ср. черновыя бумаги І. И. Желѣзна, по описи № 68.

^{е)} Последнимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Н. А. Крыжановскій, относившійся съ особеннымъ уваженіемъ къ дѣятельности Неплюева, какъ и одинъ изъ его предшественниковъ, графъ Сухотелецъ, вѣчно незабвенный для Оренбургскаго края.

Нужно замѣтить, что нерасположеніе Яицкихъ казаковъ къ Военной Коллегіи было подготовлено издавна; волненія и междоусобія среди Яицкаго войска открылись еще въ то время, когда войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа. За шесть лѣтъ до пріѣзда на Яикъ полковника Захарова, къ казакамъ являются фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностію и взятками кладутъ первыя семена раздора среди Яицкихъ казаковъ. Появленіе же фискаловъ и сыщиковъ, или слѣдователей, на берегахъ быстрого Яика объясняется внутренними безпорядками, возникшими среди самихъ казаковъ, независимо отъ посторонняго вліянія. Сюда относится, между прочимъ, доносъ или, какъ значителъ въ дѣлѣ, «*извѣтъ*» яицкаго казака Ив. Карташева на войсковаго атамана Григорія Меркурьева, который первый изъ яицкихъ атамановъ назначенъ былъ въ войсковые атаманы по царскому указу, а потомъ сдѣлался и пожизненнымъ атаманомъ, пока не лишился этого мѣста за разныя злоупотребленія. „Извѣтъ“ Карташева имѣлъ важныя послѣдствія, послужившія главною причиною внутренняго разстройства, упадка и преобразования Яицкаго войска послѣ Петра Великаго.

Сущность доноса Карташева состояла въ томъ, что Меркурьевъ и его сторонники не хотѣли отдавать помѣщикамъ, въ томъ числѣ и князю А. Д. Меншикову, бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на Яикѣ, а когда казаки противной партіи совѣтовали имъ это сдѣлать, сторонники Меркурьева грозили „перобить ихъ смертію“ и отобрать у нихъ имущество; что Меркурьевъ, взявъ съ бѣглыхъ крестьянъ взятку въ 400 руб., при содѣйствіи казака Θεодора Силишнікова, приказалъ всѣхъ бѣглыхъ людей, являющихся на Яикъ, принимать и верстать въ казаки, какъ это дѣлалось прежде. Въ январѣ 1717 г. распространилась молва, что атаманъ Меркурьевъ приказалъ „побивать до смерти всѣхъ, кто похвалится ѣхать въ Казань или другіе города о чемъ бить челомъ Государю“. Карташевъ заявилъ также, что Меркурьевъ отправилъ въ Петербургъ выборныхъ съ ходатайствомъ о дозволеніи оставить бѣглыхъ на Яикѣ, а осенью 1717 года онъ, Меркурьевъ, отпустилъ въ Хиву четверыхъ юртовыхъ татаръ, но какъ зовутъ тѣхъ татаръ и съ какою цѣлію они отправлены въ Хиву, того, кромѣ атамана Меркурьева и казака Никиты Зѣвакина, никто не знаетъ; что старинные казаки и бывшіе атаманы, вѣрные государевы слуги, опасаются, нѣтъ-ли у нихъ какого злаго умысла и согласія съ хивинцами; что совѣтники Меркурьева похваляются во все войско: «*мы-де найдемъ и другую воду*»^{а)}

^{а)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 40, стр. 5.

и т. п. Вслѣдствіе этого доноса, въ 1718 году изъ Казани былъ отправленъ на Яикъ поручикъ Наумовъ, который долженъ былъ взять и привести съ собою атамана Меркурьева, а также его сторонниковъ и противниковъ. Наумовъ, по прибытіи въ Яицкій городокъ, взялъ съ казаковъ 200 руб. деньгами „да харчемъ и питьемъ на 60 руб. и 10 алтынъ“ и возвратился въ Казань, вмѣстѣ съ Меркурьевымъ и другими причастными къ дѣлу казаками. Въ Казани извѣтчикъ Карташевъ, отвѣтчики и свидѣтели въ числѣ 37 человекъ были сданы Наумовымъ въ повѣсть подъячему Ѳеодору Сухареву, который (какъ потомъ показали казаки) взялъ съ нихъ „нападкою“ 200 р. деньгами „да харчемъ и одеждою на 100 р., кромѣ 20 р., полученныхъ имъ съ казака Перфилья Никифорова“. Вскорѣ Ѳеодора Сухарева смѣнили его брать, Алексѣй Сухаревъ, которому казаки принуждены были отдать едва ли не послѣдніе 10 р.^{а)} Въ мартѣ 1719 г. отправляется изъ Казани въ Яицкій городокъ поручикъ Егоръ Кротковъ для „розысковъ“, по доносу Карташева. Кромѣ солдатъ, сопровождавшихъ Кроткова, 17 апрѣля съ тою же цѣлію явились на Яикъ: фискаль Михаилъ Путиловъ, самарскій дворянинъ Евдокимовъ, двое подъячихъ: Мансуровъ и Овчинниковъ, фискальный дѣлецъ Соболевъ, прикащикъ помѣщика Никифора Макарова да отъ казанскаго архіерея священникъ Семенъ и нѣкоторые другіе. Сыщики и слѣдователи распоряжались на Яикѣ безотвѣтно, попирая права чести, собственности, свободы и даже жизни казаковъ. Кротковъ прожилъ на Яикѣ три мѣсяца; за это время содержаніе Слѣдственной Комиссіи, во главѣ которой стоялъ Кротковъ, обошлось Яицкому войску въ 1500 р.^{б)}, кромѣ 260 р., данныхъ казаками Наумову, и 100 р., волчьей шубы въ 20 р. и двухъ кумачей, взятыхъ съ казаковъ самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, пріѣзжавшимъ на Яикъ въ 1717 г. съ указомъ о крестьянахъ князя Меншикова, а въ 1718 г. сопровождавшимъ въ Яицкій городокъ поручика Наумова. Вотъ чего стоилъ пока казакамъ доносъ Карташева, а розыскъ еще только начинался! При этомъ нужно замѣтить, что всѣ лица, являвшіяся съ цѣлію розыска на Яикъ, получали содержаніе, освѣщеніе и отопленіе отъ казаковъ же. Всѣ расходы подобнаго рода должны были записываться на счетъ виновныхъ, для взысканія съ нихъ впослѣдствіи, но въ дѣйствительности ихъ несли не столько виновные, сколько невинные. Между тѣмъ поручикъ Кротковъ, набивъ карманы и силою при-

^{а)} Тамъ же, № 47, стр. 7.

^{б)} Подробности см. въ Р. Архивѣ (1879 г., кн. I, стр. 405—406) въ моей статьѣ: „Яицкое войско до появленія Пугачева“.

своиѣ себѣ нѣсколько казачьихъ семействъ, по возвращеніи въ Казань, представилъ дѣло о произведенномъ имъ слѣдствіи въ Казанскую губернскую канцелярію, которая препроводила его, вмѣстѣ съ извѣтчикомъ Карташевымъ, атаманомъ Меркурьевымъ и другими подсудимыми, въ Преображенскій Приказъ, куда казаки прибыли 28 августа 1720 г., но ихъ вскорѣ отправили въ Астрахань, а отсюда колодниковъ снова возвратили въ Яицкій городокъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 50 солдатъ, подъ командою поручика Кустова. Въ то же время Астраханская губернская канцелярія предписала комманданту г. Сызрана, майору Воейкову, отправиться на Яикъ для новыхъ розысковъ, при помощи Кустова^{а)}. Такимъ образомъ Карташевъ заткалъ ту сѣть, въ которой очутились потомъ многіе изъ Яицкихъ казаковъ. Чтобы выпутаться изъ этой сѣти, казаки должны были платить деньгами, „харчемъ“ и одеждою разнымъ фискаламъ, поручикамъ и другимъ сыщикамъ, явившимся на Яикъ или сопровождавшимъ ихъ въ Казань, Астрахань, Москву и Петербургъ. Дѣло по извѣту Карташева еще болѣе осложнилось доносомъ казаковъ Ивана Елисеѣва и Аванася Назарова на казака Θεодора Рукавишникова, который стоялъ во главѣ недовольныхъ дѣйствіями слѣдователей и сыщиковъ^{б)}, явившихся на Яикъ. Θεодоръ Рукавишниковъ отличался замѣчательной энергіей, здравой русской смѣлкой и преданностію Яицкому войску. Происходя изъ сибирскихъ каторжниковъ, онъ былъ достойнымъ предшественникомъ извѣстнаго впоследствии своей неукротимостью и способностями Хлопуши, одного изъ сподвижниковъ Пугачева. Рукавишниковъ (онъ же и Крашенинниковъ)^{в)} скоро приобрѣлъ сильное вліяніе на казаковъ, которые не разъ отправляли его атаманомъ въ зимовыя станицы отъ войска въ Петербургъ, и, благодаря этому, безграмотный Рукавишниковъ узнавалъ всякія нужныя вещи и все подходы, а впоследствии сдѣлался лично извѣстенъ и Петру Великому. Яицкое войско всегда покорно и послушно относилось къ нему, уважало и цѣнило его способности и совѣты, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная смѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ пользовался такимъ авторитетомъ въ войскѣ, что и въ его отсутствіе, по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, войсковые атаманы предавали смертной казни

^{а)} Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 47, стр. 8.

^{б)} Подробности смотр. въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“. (Р. Арх. 1879 г., кн. I, стр. 410 и далѣе).

^{в)} Яицкіе казаки, желая скрыть бѣглыхъ, измѣняли иногда имя и фамилію бѣжавшихъ къ нимъ людей, конечно, съ согласія послѣднихъ; поэтому Θεодоръ Рукавишниковъ, какъ бѣжавшій съ каторги, можетъ быть, и носилъ еще другую фамилію Крашенинникова. Соч. Пушкина, изд. 1859 г., т. VI, стр. 207.

тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ Рукавишниковъ почему-либо считалъ вредными для войска. Понятно, что, при такомъ значеніи Рукавишникова среди Яицкаго войска, бунтъ казаковъ, если-бы онъ дѣйствительно былъ въ это время на Яикѣ, какъ писалъ о томъ Пушкинъ, а за нимъ повторяли и другіе, извѣстенъ былъ бы и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ небольшого Яицкаго городка. Рукавишниковъ, избранный атаманомъ зимовой станицы по осени 1720 г., отправился въ Петербургъ, взявши съ собою челобитную отъ Яицкаго войска, къ которой вмѣсто войсковаго атамана Ивана Иванова и всего Яицкаго войска (2600 рядовыхъ казаковъ) подписался священникъ Алексѣевскія Церкви^{а)} Іовъ Клементьевъ. Въ этой челобитной, помѣченной 8-мъ октября 1720 г., войско Яицкое просило Государя о подтвержденіи за нимъ правъ на р. Яикъ и о выдачѣ новой «*владѣнной*» грамоты, вмѣсто сгорѣвшей, дабы имѣть законное основаніе противиться тому «*изневажеству*» которое причиняли казакамъ „градскіе самарскіе жители, башкиры, калмыки и киргизы“^{б)}. — Петръ Великій, въ награду за службу Яицкаго войска, подтвердилъ прежнія его привилегіи^{в)}. Рукавишникову, какъ и всему войску, хотѣлось, чтобы дѣла по „извѣтамъ“ казаковъ были переведены въ Петербургъ; они скорѣе были готовы заплатить за производство слѣдствія въ Петербургѣ и въ одинъ разъ, чѣмъ кормить цѣлыя комиссіи слѣдователей, пріѣзжавшихъ въ ихъ городокъ и, кромѣ того, давать взятки въ Казани, Астрахани, Самарѣ и Сызранѣ подъячимъ и сыщикамъ. Казаки тѣмъ болѣе рассчитывали на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, что въ милостивцахъ у нихъ недостатка не было: чиновники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ давно имъ были знакомы, а обычные презенты съ рыбою и икрой въ зимнее время могли пособить этому дѣлу. Но гораздо труднѣе было расположить къ себѣ Военную Коллегію, въ вѣдѣніе которой было передано Яицкое войско въ мартѣ 1721 года. Не жалуя казацкаго самоуправленія, Военная Коллегія стремилась преобразовать внутренній строй Яицкаго войска и сдѣлать изъ казаковъ постоянную военную силу, на которую-бы можно было всегда положиться. Съ помощію этой силы, Военная Коллегія надѣялась всѣ отдѣльныя части государства ввести въ общую систему государственнаго управленія; уничтожить всякое отдѣльное право, нарушающее пре-

^{а)} Церковь во имя Св. Алексѣя, Митрополита Московскаго, теперь уже отдѣльно не существуетъ, а вошла, какъ придѣлъ, въ составъ Казанской епархіальной церкви. См. о ней подробности въ моихъ статьяхъ: 1) „Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ“; и 2) „Сводныя о православныхъ и единоотрческихъ церквахъ въ Уральскомъ войскѣ“, напечатанныхъ въ Оренб. Епарх. Вѣдом. за 1878 годъ.

^{б)} См. Челобитную въ „Русск. Архивѣ“ (1879 г., кн. I, стр. 414—416) и въ „Уральск. Войск. Вѣдом.“ за 1869 г., № 33.

^{в)} Чт. Общ. Истор. и Др. Росс. 1859 г., т. 3, стр. 108.

имущества верховной власти, чтобы слить всѣ отдѣльныя общины въ одну массу вѣрноподданныхъ Государю, — вотъ задача, которую желала рѣшить Военная Коллегія и на осуществленіе которой направлены были всѣ ея усилія въ теченіе цѣлаго столѣтія. Но Яицкіе казаки, страшась, какъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, несогласныхъ съ ихъ правами и обычаями, не хотѣли уступить желанію Военной Коллегіи, съ ироніей, исполненной грусти, казаки часто повторяли другъ другу: *„живите, братья, пока Москва не узнала“*. Между тѣмъ, Военная Коллегія, преслѣдуя свои цѣли, начинаетъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, казавшимися на первый взглядъ незначительными, мелкими, въ сущности же прямо клонившимися къ ограниченію казацкаго самоуправленія. Казаки хотя и протестовали, но въ то же время инстинктивно чувствовали, что старый вѣчевой строй ихъ общины долженъ современемъ рушиться. Всякій разъ, протестуя противъ какихъ-либо нововведеній, казаки прямо и ясно говорили: *„Не можно сего принять, понеже войско Яицкое поселилось на Яикъ изъ волныхъ людей“*! Или: *„Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ Царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять“*. Случалось, что иногда казаки на требованія Военной Коллегіи отвѣчали и уклончиво: *„Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не быватъ и у насъ!“* Или съ энергіей заявляли: *„Терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, незаобычайное“* и т. п. — все въ томъ же духѣ^{а)}.

Главнымъ, существеннымъ побужденіемъ къ подобнаго рода протестамъ у Яицкаго войска было желаніе: не слѣдовать никакимъ, хотя-бы въ сущности и мелочнымъ, указаніямъ Военной Коллегіи, дабы *«впредь ей не было повадно»*. — Изъ этого уже видно, на сколь Яицкіе казаки дорожили положеніемъ вольнаго, самостоятельнаго члена общины и какъ страшились вмѣшательства въ ихъ старинныя права центральной власти. Не смотря на это, Яицкіе казаки скоро должны были сознаться, что *«Москва и ихъ узнала»*. — Яицкое войско, въ лицѣ своихъ депутатовъ, неоднократно выражало желаніе, чтобы на Яикъ былъ присланъ для розыска кто-либо „изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ отъ пресвѣтлыя державы Государя“.

Вслѣдствіе этого, 30 іюня 1721 г. Военная Коллегія положила отпра-
 вить на Яикъ полковника Ергольскаго, приготовивъ ему и особую

^{а)} См. въ черновыхъ бумагахъ покойнаго І. И. Желѣзнова, по описи № 92, стр. 10.

инструкцію; но поѣздка его на Яикъ почему-то не состоялась, какъ и предполагавшаяся командировка туда же полковника Ив. Вас. Болтина. Наконецъ, 7 сентября 1722 г. рѣшено было отправить въ Яицкій городокъ, для производства слѣдствія, полковника Казанскаго гарнизона Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ „заполонныхъ“ (сверхкомплектныхъ) казаковъ маіора Якова Протасова и капитана Астраханскаго гарнизона Никиту Коробова^{а)}. Всѣ бумаги, касавшіяся дѣла Карташева, были посланы изъ Военной Коллегіи въ Казань къ Захарову съ канцеляристомъ Ильею Тарабынинымъ, который долженъ былъ отправиться съ Захаровымъ на Яикъ и состоять при немъ до окончанія слѣдствія; Тарабынину были подчинены и казанскіе подъячіе. Захарову была дана особая инструкція, въ силу которой онъ обязывался: 1) предъ отъѣздомъ изъ Казани на Яикъ, въ присутствіи губернатора, принять присягу; 2) взять съ собою двѣ роты драгунъ или одну роту драгунъ, а другую пѣхоты; 3) если оговоренные казаками офицеры и фискаль Путиловъ сознаются во взяткахъ и другихъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, то, не отправляя ихъ на Яикъ, держать подъ арестомъ въ Казани; имущество ихъ конфисковать, а о производствѣ надъ ними слѣдствія представить экстрактъ въ Военную Коллегію; 4) въ случаѣ же ихъ упорства и заперательства „пытать накрѣпко“, особенно фискала Путилова, если будутъ явныя улики; 5) тѣхъ, которые и послѣ пытки не сознаются, взять на Яикъ, а имущество ихъ описать; 6) по прибытіи въ Яицкій городокъ, не приступая еще къ производству слѣдствія, атамана, старшинъ и рядовыхъ казаковъ привести къ присягѣ; 7) къ производству слѣдствія по „извѣту“ Карташева и другихъ приступить немедленно и, если понадобится, „пытать накрѣпко“; 8) подозрительныхъ изъ казаковъ и иногороднихъ арестовать и немедленно донести о томъ въ Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ; 9) *произвести перепись казаковъ*; 10) составить именныя списки ихъ и прислать въ Военную Коллегію „за своею рукою“, 11) запретить казакамъ пріемъ бѣглыхъ, *подъ опасеніемъ смертной казни*; 12) по окончаніи розыска, донести обо всемъ въ Военную Коллегію и оставаться на Яикѣ до полученія особаго указа; 13) увѣдомить Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ о времени начала слѣдствія въ Казани, о времени выѣзда изъ Казани, о прибытіи на Яикъ и другихъ дѣлахъ, касающихся слѣдствія и его производства; 14) выданные изъ Военной Коллегіи 300 р. „держать съ запискою и росписками иманно“; бумагу,

^{а)} Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 45, и 1870 г., № 44. Коробовъ раньше сопровождалъ извѣтника Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани въ Преображенскій Приказъ.

чернила, свѣчи и дрова брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикѣ изъ Войсковой Избы; 15) на отправленіе курьеровъ по тракту отъ Казани до Яицкаго городка требовать на станціяхъ определенное число лошадей; 16) квартиры на Яикѣ для себя, приказныхъ людей и драгунскихъ ротъ занимать по своему усмотрѣнію; 17) драгунъ и солдатъ содержать на счетъ казаковъ, объяснивъ послѣднимъ, что все расходы, необходимыя для этого, будутъ взысканы съ виновныхъ. Вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе инструкции, данной Захарову, которая заканчивается слѣдующими словами: „въ прочемъ во всемъ чинить по сей инструкціи, какъ въ вышеписанныхъ Военной Коллегіи приговорахъ и въ вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не пароя, ниже посягая на кого, со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ, добрымъ офицерамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ воинскаго суда“^{а)}.

Въ то же время Военная Коллегія отправила на Яикъ „послушную“ грамоту, въ которой старалась уяснить и доказать Яицкому войску, что перепись казаковъ, которую велѣно сдѣлать Захарову, направлена къ общей пользѣ войска, такъ-какъ жалованье до сихъ поръ отпускается, по прежнему, только на 600 человекъ; если же окажется, что въ дѣйствительности казаковъ больше, то и жалованье будетъ увеличено, соразмѣрно дѣйствительному числу Яицкаго войска. Далѣе Военная Коллегія ставитъ на видъ войску и то обстоятельство, что розыскъ по „извѣсту“ Карташева приказано произвести Захарову, вѣдствие челобитья самого же Яицкаго войска: „Понеже Его Императорскому Величеству вѣдомо учинилось, что отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губерніи Яицкому войску многая обида и разореніе причинялись, того ради Его Императорское Величество, всемилостивѣйше милосердуя ко всему Яицкому войску, указомъ отправить на Яикъ полковника Захарова повелѣлъ; и ежели онъ, Карташевъ, явится виновенъ, велѣно его на Яикѣ казнить смертію, чтобы атаманъ и все Яицкое войско, взирая на такое къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыскѣ и переписи показали вѣрность, и ежели конхъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобы такихъ, взявъ, держали скованными за крѣпкимъ карауломъ до пріѣзда къ нимъ полковника Захарова, и о томъ-бы къ нему въ Казань и на сію грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланнаго къ нимъ офицера немедленно. И какъ вамъ ся Наша Императорскаго

^{а)} Инструкция подписана княземъ Александромъ Меншиковымъ, Лефортомъ и еще троими лицами, фамилія которыхъ трудно разобрать.

Величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардіи Нашего Семёновскаго полку капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ прїѣдутъ, и вамъ-бы, атаману и казакамъ, быть имъ во всемъ послушнымъ безъ всякаго прекословія“^{а)}.

Григорій Меркурьевъ, бывшій въ это время войсковымъ атаманомъ, донося Военной Коллегіи о полученіи грамоты, между прочимъ, писалъ: „Во всемъ вѣрное извѣстіе показать желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ, а при Яицкомъ войскѣ возмутителей и воровъ не явилось, а доноситель Карташевъ на кого и на сколько человекъ покажетъ и какое дѣло, о томъ мы Яицкимъ войскомъ не извѣстны“^{б)}. Въ мартѣ 1723 года, Захаровъ отправился изъ Казани на Яикъ при одной ротѣ во 127 чел. драгунъ и другой—пѣхоты, состоявшей изъ 182 чел., кромѣ девяти чел. деньщиковъ, изъ которыхъ шестеро состояли при Захаровѣ и трое—при Протасовѣ. По прибытіи въ Яицкій городокъ, Захаровъ немедленно приступилъ къ слѣдствію: виновные были наказаны, а Григорій Меркурьевъ, изъ-за котораго началось дѣло по извѣту Карташева, въ томъ же году высочайшею грамотою былъ утвержденъ въ должности войсковаго атамана. Такъ кончился розыскъ по „извѣту“ Карташева, стоившій большихъ матеріальныхъ затратъ для Яицкаго войска и многочисленныхъ арестовъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ пришлось поплатиться имуществомъ и казацкою вольностію, а другимъ—отправиться въ отдаленную Сибирь^{в)}, главный же доносчикъ Карташевъ, по всей вѣроятности, былъ казненъ смертію: будь онъ живъ, онъ снова-бы заявилъ о своемъ существованіи, между тѣмъ съ этого времени слухъ о немъ положительно запалъ. Въ сентябрѣ того же (1723) года Захаровъ приступилъ къ переписи казаковъ. Согласно данной ему инструкціи, онъ приказалъ наклеить въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города особые листы, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы „Яицкіе казаки у переписи въ сказкахъ своихъ писали противъ указу сущую правду безъ утайки“. Атаманъ Меркурьевъ представилъ Захарову именныя списки казаковъ. Но Захаровъ еще не успѣлъ приступить къ дѣлу, какъ уже болѣе 200 казаковъ бѣжали да 88 человекъ умерли, во время самой переписи. Всего по переписи Захарова въ Яицкомъ войскѣ оказалось 5771 казакъ и 353 пришлыхъ людей изъ другихъ мѣстъ, которые живутъ своими домами, всего же (казаковъ и пришлыхъ) 6124 чел. муж. пола. Захаровъ раздѣлил все войско на сотни и де-

^{а)} Русскій Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 423.

^{б)} Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 48.

^{в)} Опредѣл. В. Коллегіи отъ 23 марта 1725 г.

сятки, назначивъ въ годъ жалованья 1500 руб. на всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ и по осьминѣ хлѣба на каждаго казака^{а)}. Перепись Захарова и его слѣдствіе надъ казаками возбудили въ нихъ сильное озлобленіе противъ него, такъ-что казаки покушались даже убить его; но, благодаря предусмотрительности атамана Меркурьева, Захаровъ остался цѣль и невредимъ, за что Меркурьевъ, вопреки желанію войска, былъ назначенъ, по указу Императрицы Екатерины I-й, пожизненно войсковымъ атаманомъ и получилъ въ награду портретъ Государыни, золотой ковшъ, саблю и сто рублей денегъ^{б)}. Казаки, конечно, сильно были недовольны Меркурьевымъ и всячески старались вредить ему, чтобы такъ или иначе лишить его атаманскаго достоинства и власти.

Въ 1730 г. обличителемъ атамана Меркурьева является казакъ Денисъ Гузиковъ, который показалъ, что Меркурьевъ изъ-за взятокъ принимаетъ бѣглыхъ людей и опредѣляетъ ихъ на службу въ крѣпость Св. Креста^{в)}. Сначала Гузиковъ былъ допрашиваемъ въ Казани, а оттуда былъ отправленъ въ Москву, при особомъ доношеніи въ Сенатъ и въ Военную Коллегію. Въ февралѣ 1731 года Гузиковъ сказалъ за собою государево „слово и дѣло“ по второму пункту объ измѣнѣ Яицкаго атамана Григорія Меркурьева, который „сочиняетъ отъ всего Яицкаго войска бунтъ“. Сенатъ, допросивъ Гузикова, нашелъ его же виновнымъ, и потому Военная Коллегія распорядилась отправить словосказателя въ Преображенскій Приказъ, гдѣ Гузиковъ, согласно резолюціи Сената, былъ „битъ кнутомъ“^{г)}.

Въ то же время Военная Коллегія потребовала отъ Яицкаго войска объясненія по доносу Гузикова. Казаки, собравшись въ Кругъ, пригласили Меркурьева и потребовали отъ него объясненія по „извѣсту“ Гузикова. Меркурьевъ обѣщался представить войску подробное изложеніе дѣла, но просилъ на нѣкоторое время отстрочки,—это было въ маѣ 1731 года. Прошло три мѣсяца, а Меркурьевъ и не думалъ даннаго имъ обѣщанія приводить въ исполненіе, изыскивая, вѣроятно, всевозможныя средства къ своему оправданію. Въ половинѣ августа Яицкое войско получило подтвержденіе изъ В. Коллегіи по дѣлу Гузикова съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта. Меркурьевъ, узнавъ о томъ, ви-

^{а)} Всего служилыхъ казаковъ было 3196 чел., включая сюда и атамана.

^{б)} Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 3.

^{в)} Крѣпость Св. Креста была заложена собственноручно Петромъ Великимъ 20 сентября 1722 г. во время Персидскаго похода, на томъ мѣстѣ, гдѣ р. Аграганъ отдѣляется отъ р. Сулака, въ 20 верстахъ отъ его устья. Названіе свое крѣпость могла получить оттого, что Греки называли эту мѣстность „Ставрополъ“; окрестные же татары называютъ эту крѣпость Хучь (или Качь), что значитъ также крестъ. См. Голикова, т. IX.

^{г)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., № 37.

дѣлъ, что болѣе медлить было нельзя и заявилъ, что обѣщанное объясненіе по доносу Гузикова онъ представитъ войску въ самомъ непродолжительномъ времени. Наконецъ 26 сентября того-же года казаки собрались въ Кругъ, чтобы выслушать оправданіе своего атамана. Меркурьевъ, между прочимъ, показалъ слѣдующее: „Когда отправлялись отъ насъ войска Яицкаго въ Низовый^{а)} корпусъ на службу, и тогда приходили ко мнѣ пришлые люди съ нашими казаками и объявляли себя донскими (казаками) и поляками, башкирцами, финскими и мордовскими новокрещены, а иные объявляли, что-де были они при переписи на Яикѣ господина полковника Захарова, въ томъ числѣ было и пришлыхъ малое число татаръ и калмыкъ, которые самовольно обѣщались Ея Императорскому Величеству вѣрно служить.—И я по ихъ сказкамъ таковыхъ въ Низовый корпусъ служить идти казаковъ за себя, для малолѣтства своего, посылать въ службу въ пятисотное число въ дополнку велѣлъ; и, по нашему обыкновенію, оные на питье и денегъ по малому дѣлу, по отѣздѣ своемъ, за честь давали“^{б)}. Гузиковъ также обвинялъ Меркурьева въ томъ, что „онъ, атаманъ Меркурьевъ, когда отправляетъ въ Москву изъ войска казаковъ для челобитья о жалованьи и въ станицахъ на ярморки изъ войска отпускаетъ такихъ, кто ему дачу даетъ рублей по семи и по десяти, о чемъ вѣдаетъ атаманъ Алексѣй Калмыковъ и все Яицкое войско; да оной же атаманъ отправляетъ изъ войска казаковъ по указамъ на службу и, въ то число, онъ, атаманъ, изъ взятокъ же рядовыхъ казаковъ производить въ чины, а кто взятку не даетъ, тѣхъ посылаетъ въ рядовые“^{в)}. Въ опроверженіе этого, Меркурьевъ заявилъ въ Кругу слѣдующее: „Также, когда отправляются отъ насъ войска Яицкаго въ Москву зимовья и легкія станицы, и оныя ко мнѣ рыбою и мясомъ приносили за честь на питье и денегъ за честь давали же, а на ярморки которыя посылаются, съ оныхъ не бирывалъ“. Такимъ образомъ Меркурьевъ, не отрицая самого факта, что онъ бралъ съ казаковъ деньги, мясо и рыбу, старался оправдать себя тѣмъ, что ему казаки и пришлые люди „давали за честь“, добровольно, по установившемуся въ войскѣ обычаю, а „ненападкою“, не вымогательствомъ и силою. Яицкое войско, выслушавъ показанія своего атамана, пожелало ихъ провѣрить и съ этою

^{а)} Службою казаковъ въ Низовомъ корпусѣ называлась ихъ служба на Кавказѣ вообще и, въ частности, служба въ крѣпости Св. Креста. Яицкіе казаки начали службу въ Низовомъ корпусѣ съ 1724 г. и продолжали ее до Кучукъ-Кайнаржійскаго мира (1774), что совпадаетъ съ усмиреніемъ Пугачевского бунта. См. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 37, замѣч. на стр. 6. Ср. Истор. Россіи С. М. Соловьева, т. XVIII, стр. 45 и 50.

^{б)} Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 37. См. Русск. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 430.

^{в)} Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 37.

цѣлю, собравшись 10 октября въ Кругъ, пригласило старшину Алексѣя Калмыкова, на котораго сослался Гузиковъ, какъ на свидѣтеля взятковъ Меркурьева. Калмыковъ показалъ, что Меркурьевъ дѣйствительно включилъ въ Низовый корпусъ нѣсколько человекъ „изъ пришедшихъ на Яикъ людей“, и что онъ, Калмыковъ, „получилъ письмо отъ походнаго атамана Михаила Купреянова, смѣнившего его въ Низовомъ корпусѣ, и что при письмѣ приложенъ и реестръ пришедшихъ на Яикъ бѣглыхъ людей, которыхъ Меркурьевъ „отправилъ съ нимъ, Купреяновымъ, изъ взятковъ“. Калмыковъ представилъ войску и копію съ помянутаго реестра бѣглыхъ, изъ котораго видно, что въ отрядѣ Купреянова бѣглыхъ, зачисленныхъ въ казаки, было 68 человекъ, съ коихъ Меркурьевъ взялъ 310 рублей, полагая отъ 4 до 7 рублей на каждого. На основаніи показаній Меркурьева и Калмыкова, Яицкое войско составило отвѣтъ на запросъ Военной Коллегіи и препроводило его съ особой депутаціей, состоявшей изъ десяти человекъ^{а)}. Вручивъ депутатамъ копію съ письменнаго объясненія Меркурьева и съ „именнаго списка“ (реестра бѣглыхъ) Купреянова, войско, между прочимъ, доносило Военной Коллегіи: „какъ оной войсковой атаманъ Меркурьевъ пришедшихъ бѣглыхъ людей ставилъ въ казаки и посылалъ въ службу въ Низовый корпусъ изъ взятковъ, мы старшины и все Яицкое войско о томъ неизвѣстны. — Нынѣ онъ, по прибытіи своемъ изъ Москвы, съ посланнымъ атаманомъ Иваномъ Щелкинымъ, который отправленъ нынѣшняго 1731 году въ май мѣсяцъ въ Низовый корпусъ на смѣну атамана Купреянова, безъ нашего старшинскаго совѣту и всего войска, отправилъ же изъ пришедшихъ бѣглыхъ людей, изъ которыхъ и пойманы сидятъ подъ карауломъ въ Сызранѣ и Саратовѣ; да какъ отъ насъ, Яицкаго войска, отправлены бывають въ Москву зимовья и легкія станицы и которые казаки въ оныхъ станицахъ посылаются, съ оныхъ беретъ взятки, не смотря на то, хотя кто изъ оныхъ и заслужить“.

Далѣе въ доношеніи войска говорится о командировкахъ и службѣ Яицкихъ казаковъ въ Низовомъ корпусѣ, начиная съ 1724 г. Командировки Яицкихъ казаковъ на Кавказъ, какъ видно, были не рѣдки, и служба въ Низовомъ корпусѣ не легка: изъ тысячи человекъ, отправившихся въ 1724 г. съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, на Яикъ вернулось 748 человекъ, а 252 „побиты и померли“, да изъ пришедшихъ около ста человекъ *«осрамъли и померли-же»*; изъ 500 человекъ, коман-

^{а)} Депутатами были избраны: станичный атаманъ Василій Андреевъ, войсковой старшина Петръ Гавриловъ, есаулъ Силантій Матвѣевъ и семь рядовыхъ казаковъ.

дированныхъ въ 1729 г., при атаманѣ Ив. Турьбринѣ, возвратилось 310 человекъ, а 190 были или убиты или померли. Въ то самое время, какъ Яицкое войско отправило свой отвѣтъ въ Военную Коллегію, Григорій Меркурьевъ находился въ Петербургѣ. Депутация выѣхала изъ Яицкаго городка во второй половинѣ октября мѣсяца 1731 г., а 25 ноября того же года Меркурьевъ явился въ Военную Коллегію и подалъ прошеніе ^{а)} на Высочайшее имя. Указавъ въ своемъ прошеніи на заслуги отца и свои собственныя, Меркурьевъ довольно основательно опровергаетъ обвиненія, взыденныя на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того, что казаки дѣйствительно „за честь“, а „пенападкой“ дарили Меркурьева рыбой, мясомъ и деньгами. Между тѣмъ, Военная Коллегія, получивъ изъ рукъ депутатовъ доношеніе Яицкаго войска, распорядилась произвести слѣдствіе по этому дѣлу чрезъ генералъ-маіора Еропкина, которому было предписано спросить всѣхъ „обрѣтающихся въ Низовомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ, кто изъ нихъ пришлые и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовый корпусъ съ общаго-ль войскового совѣта наряжены и отправлены и, при томъ отправленіи, войсковою атаманъ за что съ кого взятки бралъ или они въ почестъ ему приносили“. Еропкинъ отвѣтилъ, что походный атаманъ Яицкаго войска Купреяновъ, доставившій списокъ бѣглыхъ старшинѣ Калмыкову, отправился вмѣстѣ съ командою въ Яицкій городокъ еще до полученія указа Военной Коллегіи, а на его мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яицкихъ казаковъ, которые и были допрошены, согласно указу Военной Коллегіи. Донося объ этомъ, Еропкинъ отправилъ въ Военную Коллегію самыя показанія атамана Щелкина, равно какъ и отвѣты казаковъ его команды ^{б)}.

Изъ слѣдствія, произведеннаго Еропкинымъ, оказалось, что въ командѣ Щелкина „пришлыхъ на Яикъ разныхъ чиновъ людей, послѣ переписи полковника Захарова, было 33 человекъ, а именно: 8 человекъ дворцовыхъ крестьянъ, 4 монастырскихъ и 6 помѣщичьихъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 8 человекъ изъ чувашъ, мордвы и черемисъ и 5 человекъ разныхъ націй“. Всѣ эти лица, какъ доносилъ Еропкинъ, при допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войскового атамана Григорія Меркурьева, за что давали ему „въ взятку“ рубля по четыре и больше, а всего дали 251 р. 50 к. Когда Военная Коллегія сообщила объ

^{а)} См. его въ Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Ср. Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 432—434. Кн. Каз. пов. 8, стр. 436.

^{б)} См. въ черновыхъ бумагахъ И. И. Желѣзнова (по описи его бумагъ № 51), копію съ указа В. Коллегіи 2 апрѣля 1734 г., извлеч. изъ архив. В. Колл., кн. 8-я Казачьяго Повѣстья, стр. 567. Слич. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 5.

этомъ Меркурьеву, то послѣдній заявилъ, что пришедшихъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взятковъ съ нихъ не биралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній въ «почетъ», а если въ командѣ Щелкина оказались пришедше изъ бѣглыхъ, то произошло безъ его вѣдома, такъ-какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова^{a)}, если же онъ не навелъ справокъ о времени ихъ прихода на Яикъ, то сдѣлалъ это «сз простоты и недознанія своего» и въ томъ приносить Ея Императорскому Величеству вину. Результатомъ этого было слѣдующее распоряженіе Военной Коллегіи: 1) пришедшихъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывести съ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ Военную Коллегію рапортовать; 2) а которые пришедше же люди, солдатскіе дѣти, шведы^{b)} и татары записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 указа, „быть на Яикѣ“. Далѣе въ пунктѣ третьемъ своего распоряженія Военная Коллегія замѣчаетъ, что такъ-какъ Меркурьевъ не сознался въ приверстываніи бѣглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то „довлѣло еще потому слѣдованіе продолжать, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ подлежить, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочнаго съ командою, ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ Низовомъ корпусѣ тысяча человекъ, а остальные непрестанно обращаются противъ каракалпаковъ и киргизъ-кайсаковъ и неуспокоенныхъ калмыкъ въ партіяхъ: того ради по нынѣшнимъ конъюктурамъ (обстоятельствамъ) можетъ оное слѣдованіе оставлено, а войсковаго атамана Меркурьева вина, за прежнюю его вѣрность, отпущена быть; понеже онъ въ прошломъ 1725 году, увѣдавъ о зломъ намѣреніи нѣкоторыхъ казаковъ, полковнику Захарову доносилъ, и тотъ доносъ

^{a)} Всѣ пришедше на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли навсегда оставаться въ предѣлахъ его территоріи.

^{b)} Эти шведы-финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ „Свейскихъ походовъ“, въ которыхъ принимали участіе Яицкіе казаки. Здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣются походы 1701, 1703, 1704 и 1707 годовъ; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6 и 7.

его явился правый; а впредь пришедших принимать имъ на Яикѣ отнюдь не велѣть, подь опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, какъ и Донскимъ казакамъ пришедших принимать запрещено, и для того оному атаману и будущимъ при немъ старшинамъ и казакамъ въ Военной Коллегіи объявить указомъ съ запискою, дабы впредь невѣдѣніемъ не отговаривались, и, сверхъ того, послать на Яикъ о непріемѣ тамъ бѣглыхъ подтвердительную грамоту^{а)}. Военная Коллегія представила свое заключеніе по этому дѣлу на разсмотрѣніе въ Сенатъ, требуя указа и резолюціи, — и Сенатъ постановилъ: „быть по тому Военной Коллегіи мнѣнію“^{б)}.

Атаманъ Григорій Меркурьевъ, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, охотно принималъ бѣглыхъ и за деньги версталъ ихъ въ казаки, что и было доказано на слѣдствіи по доносу казака Гузикова. Считая пріемъ бѣглыхъ людей издавна установившимся обычаемъ на Яикѣ, Меркурьевъ, вѣроятно, и не предполагалъ, чтобы сами же казаки стали обвинять его въ этомъ, и казаки, конечно, не сдѣлали-бы того, если бы они не видѣли въ Меркурьевѣ сторонника Правительства и, въ частности, Военной Коллегіи, стремившейся ограничить произволъ и самостоятельность Яицкаго войска. Но Меркурьевъ, какъ мы видѣли, благодаря своей изворотливости, опытности и расположенію къ нему Военной Коллегіи, остался на своемъ посту, вопреки желанію войска, представившаго съ своей стороны довольно вѣскія указанія на его злоупотребленія. Дальнѣйшія событія на Яикѣ доказали, что неудачный исходъ дѣла по *«извѣсту»* на Меркурьева казака Дениса Гузикова не могъ заглушить въ казакахъ желанія удалить Меркурьева съ занимаемаго имъ мѣста войскового атамана. Мы знаемъ, что одно уже назначеніе Меркурьева въ войсковые атаманы оттолкнуло отъ него большую часть войска; злоупотребленія Меркурьева раздули эту ненависть войска къ своему атаману, а отмѣченный неудачный исходъ борьбы окончательно вооружилъ казаковъ противъ Меркурьева, который, выигравъ дѣло, сталъ еще болѣе и смѣлѣе злоупотреблять своею властію, надѣясь на расположеніе къ нему Военной Коллегіи и покровительство, оказываемое ему Правительствомъ. При такомъ положеніи дѣла, нельзя было рассчитывать на спокойствіе внутри войска: озлобленіе противъ Меркурьева сдѣлалось почти всеобщимъ.

Въ ноябрѣ 1737 года Военная Коллегія получила новую жалобу на Меркурьева и его сыновей: Ивана и Андрея Меркурьевыхъ. На

^{а)} Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6.

^{б)} Тамъ же. Ср. Р. Архивъ 1879 г., кн. I, стр. 435 и 436.

этотъ разъ жалоба была подана почти отъ всего войска: старшины, сотники, десятники и 2700 довѣренныхъ рядовыхъ казаковъ^{а)} жаловались Военной Коллегіи, что Меркурьевъ отправилъ зимовую станицу „не по совѣту и приговору войска, а по своей власти, и дѣлаетъ съ своими единомышленниками, по своимъ легкомысленнымъ прихотямъ, и отпически посылаетъ именемъ войсковымъ, яко бы отъ войска, ложно“. Далѣе изъ жалобы видно, что въ ноябрѣ 1737 г. Меркурьевъ сообщилъ В. Н. Татищеву, „яко-бы среди войска Яицкаго имѣется «замѣшаніе», причѣмъ Меркурьевъ представилъ Татищеву и реестръ тѣхъ казаковъ, которые смѣло и открыто заявляли въ Кругу о понесенныхъ ими обидахъ. Войско опровергаетъ въ своей жалобѣ ложность этого доноса, ссылаясь на иногороднихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Яицкій городокъ, и замѣчаетъ: „у насъ можетъ всякій казакъ о дѣлѣ своемъ говорить, что намъ войску отъ Государственной Военной Коллегіи не запрещается“. — Казаки не ограничились жалобой на одного атамана, — на этотъ разъ они не пощадили и его сыновей, равно какъ и тѣхъ лицъ, которые почему-либо пользовались довѣріемъ и расположеніемъ Меркурьева. Такъ казаки жаловались, что Иванъ Меркурьевъ, въ отсутствіе своего отца, выкосилъ всѣ сѣнные покосы, вопреки указамъ Военной Коллегіи; безъ позволенія войска, ловить подъ учугомъ рыбу; собираетъ силою съ каждаго казака по 35 коп., ссылаясь на то, что войско задолжало его отцу 900 рублей; городскіе вѣсы самовольно отдалъ на откупъ Ивану Лобину и Никитѣ Акутину за 160 руб., въ ущербъ войсковымъ доходамъ. Другой сынъ атамана Меркурьева, есаулъ Андрей Меркурьевъ, явившись ночью на учугъ, гдѣ всякая ловля рыбы строго воспрещена, избилъ до полусмерти часового, оберегавшаго учугъ, причѣмъ ему помогали въ этомъ «смертномъ боѣ» деньщикъ его брата (Ивана) Ѳеодоръ Шумихинъ^{б)}. Вмѣстѣ съ тѣмъ войско жаловалось на Турыбрина, который, отправляясь въ 1737 г. походнымъ атаманомъ въ Низовый корпусъ съ 500 казаковъ, получилъ изъ Военной Коллегіи по рублю на каждаго казака, а выдалъ по 60 к., остальные же деньги удержалъ у себя. Когда войско стало требовать отъ него отчета, куда онъ употребилъ удержанныя имъ 200 рублей, то „Турыбринъ, скача съ рундука, сказалъ, что имѣется въ нихъ недоброе“.

Между тѣмъ, противная партія, — партія Меркурьева, не смотря

^{а)} См. въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова (по описи № 22). Извлечение изъ книгъ Казач. Повѣст., № 33, стр. 258.

^{б)} Третій сынъ Г. Меркурьева, Илья Меркурьевъ, по смерти своего отца, былъ войсковымъ атаманомъ, а Иванъ Меркурьевъ еще въ 1732 г. былъ замѣшанъ, какъ увидимъ дальше, въ дѣлѣ о разграбленіи каравана хивинца Абыза и бухарца Джабора. См. въ чернов. бумагахъ І. И. Желѣзнова (по описи № 31) выписку изъ кн. Казач. пов. № 9, стр. 386.

на свою малочисленность, не оставила вышеприведенной жалобы безъ возраженія. На сторонѣ Меркурьева оказалось 88 старшинъ^{а)}, которые 10 декабря того же 1737 года отправили въ Военную Коллегію прошеніе на Высочайшее имя. Старшины указывали въ своемъ прошеніи на тѣ безпорядки, которые происходятъ, при обсужденіи дѣлъ, въ Войсковомъ Кругу; главнымъ виновникомъ всѣхъ неурядицъ въ войскѣ, агитаторомъ народной партіи старшины выставили старшину же Ивана Логинова: „а нынѣ въ войскѣ Яицкомъ“,—говорится въ прошеніи,—„совѣтники Ивана Логинова Михайло Куклюевъ, Аонасій Черноноговъ и Иванъ Торшиловъ съ товарищи учинили не малое разглашеніе, отчего въ народѣ нашемъ учинилось великое несогласіе“. Упоминаемыя здѣсь лица, какъ видно изъ прошенія старшинъ, распространили въ народѣ слухъ, что съ Григорья Меркурьева, въ бытность его въ Военной Коллегіи, *«жалованныя патреть и сабля сняты»*^{б)}, а что самъ Меркурьевъ находится подъ арестомъ. Народная партія, нелюбившая Меркурьева, подъ влияніемъ этихъ слуховъ, ликовала и еще смѣлѣе и энергичнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями старшинъ: въ Кругу постоянно слышался шумъ, крикъ; о повиновеніи атаману и старшинамъ не могло быть и рѣчи. Старшины жаловались Императрицѣ, что *«въ такомъ ихъ самовольномъ крику никакого присутствія производитъ стало невозможно»*; вмѣсто отцовъ, стали являться въ Кругъ дѣти и братья, чего прежде не бывало; правильное рѣшеніе дѣлъ стало невозможнымъ; наконецъ, замѣчаютъ старшины, *«между собою стало чиниться смертное убійство»*^{в)}. Старшины, сторонники Меркурьева, составили реестръ *«такихъ самовольниковъ»* и отправили его въ Военную Коллегію съ Григоріемъ Меркурьевымъ, который посѣщилъ въ Петербургѣ, въ сопровожденіи четырехъ депутатовъ изъ старшинъ приверженной къ нему партіи: Якова Матвѣева, Тимоѣя Кириллова, Василя Севрюгина и Ивана Григорьева. Военная Коллегія получила это прошеніе старшинъ 27 января 1738 года, а 4 марта того же года на Яикъ былъ отправленъ указъ Императрицы, съ приложеніемъ копии съ доношенія Яицкаго войска, на имя майора Казанскаго гарнизона Алекина, находившагося въ Яицкомъ городѣ съ сентября 1737 года, для разбора войсковыхъ несогласій и умиротворенія враждующихъ сторонъ. Алекину было предписано немедленно произвести слѣдствіе, согласно указамъ и данной инструкціи, такъ, чтобы въ мартѣ же

^{а)} Имена и фамилии всѣхъ этихъ старшинъ значатся въ подписи къ прошенію. См. чернов. бум. 1. И. Желѣзова, № 22, стр. 23—26.

^{б)} Смотр. выше стр. 237.

^{в)} Подробности см. въ Р. Архивѣ (1879 г. кн. I, стр. 440),—въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“.

мѣсяцѣ того же года дѣло могло быть представлено на разсмотрѣніе въ Военную Коллегію. Въ случаѣ надобности, Алекину вѣльно обращаться за помощью и совѣтами къ начальнику Оренбургской Экспедиціи, В. Н. Татищеву, которому также было о томъ сообщено особымъ указомъ, а казакамъ, подъ угрозой жесточайшаго наказанія, строго воспрещалось *„чинить безчинный крикъ и драки“*, во время слѣдствія *„о продерзкихъ проступкахъ“*.

Предписавъ маіору Алекину произвести слѣдствіе, Военная Коллегія приказала до окончанія дѣла устранить Меркурьева отъ должности атамана и поручить ее временно другому, кого изберетъ само войско. Казаки, собравшись въ Кругъ, избрали въ атаманы *„вольными и согласными голосами“* Андрея Карпова, сторонника народной партіи. Но Меркурьевъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы устранить избраннаго атамана отъ дѣлъ: онъ убѣдилъ Татищева въ политической неблагонадежности Карпова, который былъ арестованъ и отправленъ къ Татищеву въ Самару, а вмѣсто него былъ назначенъ станичный атаманъ Прытковъ, человекъ вполне преданный Меркурьеву; онъ, арестовавъ Карпова и старшину Семена Землянушинова, приказалъ заковать ихъ въ кандалы и подъ конвоемъ отправить въ Самару. Послѣ этого, дѣла Меркурьева пошли лучше и обвиненія, взводимыя на него казаками, стали оказываться бездоказательными. Этому помогло и то обстоятельство, что счетная часть велась у казаковъ на словахъ или на лоскуткахъ бумаги, которые легко было уничтожить во всякое удобное время. Казаки, подъ вліяніемъ интригъ Меркурьева и его сторонниковъ, раздѣлились на двѣ партіи: одни были за Меркурьева, другіе стояли за Логинова. Наконецъ Алекинъ представилъ въ Военную Коллегію экстрактъ о произведенномъ имъ слѣдствіи по этому дѣлу, а Военная Коллегія, при особомъ мнѣніи, передала его въ Верховный Кабинетъ Ея Величества. Изъ этого экстракта, представленнаго Алекинымъ, видно, что Меркурьевъ обвинялся: 1) въ томъ, что онъ удержалъ у казаковъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья 12355 рублей; 2) что не хотѣлъ давать никакого отчета въ расходованіи сборныхъ войсковыхъ суммъ; 3) что изъ положеннаго на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы. Старшина Логиновъ, зацѣвало противной Меркурьеву партіи, обвинялся: 1) въ томъ, что не могъ основательно доказать взведеннаго имъ на Меркурьева обвиненія, будто бы послѣдній удержалъ у казаковъ деньги за хлѣбное жалованье на 1724 годъ; 2) отрекся отъ своего показанія, будто Меркурьевъ не отдалъ 200 казакамъ, командированнымъ въ Оренбургъ, 700 р.; 3) что Меркурьевъ удержалъ около 450 р.

у 250 казаковъ, бывшихъ въ Низовомъ корпусѣ, и отказался дать о томъ отчетъ, когда его потребовали въ войсковой судъ; 4) въ томъ, что у казака Погребешина удержалъ жалованье и, кромѣ того, 4 р., взятые имъ у Погребешина на сбереженіе. Указавъ на эти обвинительные пункты, Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркурьева лишить чина и взыскать съ него удержанныя у казаковъ деньги 12355 рублей; съ старшины Логинова удержанныя имъ деньги также взыскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе Военной Коллегіи, 24 августа 1740 года состоялся именной высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Понеже оное между ними (казаками) несогласіе чрезъ много время продолжается и съ обѣихъ сторонъ по слѣдствію вины явились, отчего прочимъ казакамъ не малая обида и убытокъ причинены и дабы впредь такихъ обидъ тамошніе командиры ^{а)} не чинили и надлежащихъ на раздачу казакамъ денегъ не удерживали и ими не корыстовались и по своимъ прихотямъ казаковъ обижать не могли, и казаки-бъ въ такомъ случаѣ на своихъ атамановъ судъ и управу сыскать могли, того ради указали мы учинить слѣдующее: 1) атамана Меркурьева, за учиненныя имъ казакамъ обиды, атаманства лишить, а за службы отца его, тако-жъ и его показанныя извѣстныя вѣрности, отъ взысканія вышеупомянутой положенной на него, по мнѣнію Военной Коллегіи, суммы освободить; а Логиновъ, хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежить штрафу, однако-жъ чиненныя отъ Меркурьева Яицкому войску обиды чрезъ него открылись, и для того и его Логинова отъ штрафа освободить же и все то дѣло оставить и уничтожить. И чтобы между ними памятозлобія, а отъ того впредь вражды быть не могло, того ради обоимъ ихъ съ Яика вывести и поселить жить въ тамошнихъ же городкахъ порознь, и именоваться имъ обоимъ тѣхъ городковъ, гдѣ они будутъ жить, старшинами ^{б)}“. Далѣе въ указѣ говорится о томъ, чтобы впредь назначеніе атамана было предоставлено Высочайшей волѣ, Яицкое же войско обязывалось избирать на эту должность трехъ кандидатовъ *„изъ заслуженныхъ, богобоязливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ искусныхъ людей“*; обиженнымъ предоставлялось право являться съ жалобою въ Военную Коллегію; но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то поступать съ ними по всей строгости законовъ. Кромѣ того, указъ предписываетъ также ввести въ войскѣ прихода-расходныя книги за шнуромъ и войсковою печатью, а Военной Коллегіи поручено собрать свѣдѣнія о Яицкихъ казакахъ и составить

^{а)} Кабинетъ, видимо, былъ недоволенъ и дѣйствіями Татищева, державшаго сторону Меркурьева.

^{б)} П. С. Зак., т. XI, стр. 226—227, № 8215.

новый проект объ управленіи войскомъ. Но демократическая воля въ Лицкомъ войскѣ до того была сильна, что они, попрежнему, не хотѣли слѣдовать указаніямъ Военной Коллегіи, и продолжали вести неусыпную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства ^{а)}. Постановленія 1740 года не приводились въ исполненіе: Яицкіе казаки продолжали слѣдовать старымъ обычаямъ, а по восшествіи на престолъ, 24 ноября 1741 г., Елизаветы Петровны, всѣ указы и постановления предшествовавшего правительства Брауншвейгской фамиліи были уничтожены или объявлены недействительными. Такимъ образомъ прежнее устройство Яицкаго войска, ко времени вступленія въ управленіе Оренбургскимъ краемъ Неплюева, оставалось въ полной своей силѣ.

^{а)} Щаповъ. Земство и расколъ, ст. 1-я, стр. 361.

ГЛАВАХ.

Набѣги и грабежи кочевниковъ.—Укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи.—Прозвѣтъ Татищева о заселеніи Нижне-яицкой линіи и отношеніе къ нему Неплюева.—Укрѣпленіе этой линіи при Неплюевѣ и основаніе на ней казачьихъ форпостовъ.—Гурьевъ — городокъ и поселеніе при немъ казаковъ.—Илецкая станція и мѣры Неплюева къ ея укрѣпленію и безопасности.—Казачьи передовые посты за Яикомъ.—Результаты стратегической дѣятельности Неплюева.—Начало сибирской линіи крѣпостей и редутовъ.

„Круты бережки, низки долушки
У нашего славного Яikuшки
Костями бѣлыми казачьими усеяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючьими слезами материнскими поливаны.“

(Изъ пѣсни Уральскихъ казаковъ).

Со времени подчиненія Яицкаго казачьяго войска вѣдомству оренбургскаго губернатора, начинается и укрѣпленіе Нижне-яицкой линіи.— До Неплюева по нижнему теченію рѣки Яика, начиная отъ Разсыпной крѣпости и до Гурьева—городка, на протяженіи болѣе 600 верстъ, были только два укрѣпленія: Яицкій—городокъ, или нынѣшній Уральскъ, и Гурьевъ—городокъ, находившійся на самомъ устьѣ Яика.—Такая беззащитность Нижне-яицкой линіи отъ сосѣднихъ кочевниковъ давала киргизамъ полную возможность свободно переходить на правую сторону рѣки, выше и ниже Яицкаго городка, и производить грабежи и угонъ скота у самихъ Яицкихъ казаковъ и у кочевавшихъ по рѣкамъ Яику и Волгѣ калмыковъ. Киргизы сторожили казаковъ не только на лѣвой, такъ называемой, Бухарской сторонѣ Урала, но и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, по дорогамъ въ Самару и Сызрань. Въ 1713 году партія каракалпаковъ и киргизовъ, въ числѣ 800 человекъ, напала на возвращавшихся изъ Сызрана съ хлѣбомъ казаковъ, изъ которыхъ одни были убиты, а другіе взяты въ плѣнъ и увезены въ степь. Подобное же несчастіе случилось въ 1725 году и съ казаками, которые везли изъ Самары хлѣбъ^{а)}.

^{a)} Уральск. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 30.

Въ 1723 году шайка киргизъ и каракалпаковъ, состоявшая изъ 300 человекъ, явилась подъ самый Яицкій городокъ; захватила въ плѣнъ пятерыхъ казаковъ и угнала нѣсколько головъ скота. — Въ погоню за ворами отправились 150 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ивана Тимофеева, но киргизы и сообщники ихъ, каракалпаки, успѣли скрыться въ свои улусы и погоня вернулась ни съ чѣмъ. На обратномъ пути въ Яицкій городокъ, отрядъ казаковъ встрѣтился на р. Утвѣ съ новой толпой киргизъ, состоявшей изъ 300 человекъ, и вступилъ съ ними въ упорный бой; но казаки были разбиты и пятеро изъ нихъ попали въ плѣнъ къ киргизамъ, что, между прочимъ, видно изъ доношенія въ Военную Коллегію яицкаго казака Михаила Бородина, захваченнаго въ это время въ плѣнъ и проданнаго киргизами въ Хиву, откуда послѣ выкупилъ его прикащикъ казака Ивана Сидорова Лобика, татаринъ Мамбетъ Мергеневъ за полтараста рублей^{а)}. Изъ архивныхъ бумагъ XVII в. видно, что у Яицкихъ казаковъ на рѣкѣ Утвѣ, а также и за Утвою, побоища съ киргизами бывали не рѣдко.

Воспоминаніе объ утвинскихъ побоищахъ Яицкихъ казаковъ съ киргизами доселѣ сохранилось въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ Уральскаго казачьяго войска; особенною популярностію пользуется на Уралѣ слѣдующая пѣсня, отличающаяся плавнымъ, заунывнымъ напѣвомъ:

„Какъ за славною за рѣкой

За Утвою,

За Утвинскими-то было

За горами,

Да распахана тамъ пашня

Яровая.

Пашня пахана не плугомъ,

Не сохою,

А распахана та пашня —

Яровая

Муръ киргизскихъ да хивинскихъ

Копіями;

Выборонена та пашня

Яровая

Лишь копытами киргизскихъ

Дикихъ коней;

Уральскія Войсковыя Вѣдомости за 1869 г., № 32. Слѣд. въ „Русск. Архивъ“

за 1879 г. (кн. 2, стр. 388, примѣчаніе 1) мое изслѣдованіе: „Яицкое войско до появленія Пугачева“.

И засѣяна не житомъ,
 Не пшеницей,
 А засѣяна та пашня
 Яровая
 Удалыхъ нашихъ казаковъ
 Головами.
 Добрый молодецъ засѣялъ,
 Самъ уѣхалъ.
 Ты расти, молъ, моя пашня,
 Зеленѣйся,
 На поливочку ужъ ты, молъ,
 Не надѣйся!
 Кто полетѣть тебя?—Развѣ что
 Съ неба дождикъ,
 Иль истѣчить горьки слезы
 Мать родная!^{a)}

Рѣка Утва, о которой здѣсь говорится, находится въ киргизской степи и впадаетъ въ Уралъ съ лѣвой стороны между Илецкимъ городкомъ и Уральскомъ; протяженіе ея около 300 верстъ; берега поросли тальникомъ и камышемъ. Киргизы думаютъ, что въ Утвѣ есть золотой камень, но открыто объ этомъ не говорятъ изъ опасенія, что русскіе сами поселятся на Утвѣ осѣдлою жизнію и овладѣютъ ея богатствомъ. Кстати замѣтимъ, что Утва дѣйствительно удобна для поселенія: по сторонамъ ея—прекрасные луга, а въ самой рѣкѣ довольно рыбы^{b)}.

Нерѣдко Яицкіе казаки терпѣли непріятности и отъ кочевавшихъ близъ Урала калмыковъ, особенно отъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ улусахъ хана Черендундука, владѣльца Доржи—Назарова и его сына Лобжи.—Калмыки особенно донимали казаковъ отгономъ лошадей и рогатаго скота.—Въ 1735 г. Яицкіе казаки, выведенные изъ терпѣнія набѣгами калмыковъ, обратились съ слѣдующею жалобою въ Военную Коллегію: „Сего 735 году подбѣгають подъ насъ нижайшихъ казачій городокъ, лѣтнимъ и осеннимъ временемъ, воровскіе калмыки и отгоняють конные и скотинные табуны многократно, а именно: въ нынѣшнюю весну 735 году отогнали коннаго табуна съ *пять сотъ лошадей*

^{a)} См. пѣсни Уральскихъ казаковъ, записанныя М. И. Иванинымъ, въ Отч. Зап. 1848 г., № 4, Смѣсь, стр. 142. Замѣчательно, что Утвинскія побойща представляются въ образѣ жизни земледѣльской, какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „Черна земля подъ копытами, косями она была засѣяна, а кровію полита; туюю выдоша по Русской земли“.

^{b)} Изъ черновыхъ бумагъ І. И. Желѣзнова.

да коровьяго скота до *четыреста коровъ*; да еще, которые калмыки сидятъ на низъ по рѣкѣ Яику, рыбною ловлею насъ обижаютъ и казаковъ нашихъ, которые отпускаются отъ насъ за звѣревою охотою и за рыбною ловлею, воровскіе калмыки таковыхъ казаковъ нашихъ грабятъ и на смерть побиваютъ и разоряютъ безъ остатку, а безъ повелительнаго Вашего Императорскаго Величества указа надъ оными ворами *военнаго промысла* чинить не имѣемъ. Того ради Государственную Военную Коллегію мы всенижайше войскомъ Яицкимъ просимъ, дабы милостивымъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было надъ оными воровскими калмыками чинить намъ *военный промыслъ*, понеже мы низжайшіе отъ такого калмыцкаго воровства пришли въ крайнюю скудность и разореніе^{а)}. Военная Коллегія 16 февраля 1736 г. спрашивала Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, „можно-ль онымъ казакамъ позволить противъ показанныхъ воровскихъ калмыковъ воинскимъ обычаемъ отпоръ чинить“, а 9 марта того же года получила слѣдующій отвѣтъ: „Во время на Яицкій городокъ и казаковъ воровскихъ калмыкъ нападенія, Яицкимъ казакамъ отпоръ отъ себя чинить и оныхъ воровъ побивать и ловить можно, чтобъ, видя то, и другіе калмыки такого воровства не чинили и отъ того унялись; а чтобъ въ отмщеніе обидъ надъ калмыцкими улусы (какъ войско Яицкое проситъ) чинить имъ надъ оными калмыки военный промыслъ, того Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ апробовать не можетъ, и какъ Военная Коллегія разсудитъ изволитъ, что отъ такого позволенія можетъ произойти между ними явная война; а надлежитъ войску Яицкому объ обидахъ своихъ, какія имъ калмыки сдѣлають, писать къ астраханскому губернатору и къ полковнику Беклемишеву, съ явными о томъ доказательствами, а они, губернаторъ и полковникъ Беклемишевъ, калмыцкимъ владѣльцамъ о томъ представлять и сатисфакцій требовать указы имѣють, а нынѣ къ нимъ, въ подтвержденіе прежнихъ, указы посланы будутъ“.

Охраняя свою жизнь и имущество, Яицкіе казаки, по самому своему положенію, какъ пограничная военная сила, должны были защищать и другихъ поселенцевъ обширнаго Оренбургскаго края, входившихъ въ составъ Московскаго государства. Въ 1736 г. и въ началѣ 1737 г. киргизы, напавъ на Волжскихъ калмыковъ, многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ; въ 1738 г. повторилось то же, при чемъ были захвачены въ плѣнъ и русскіе^{б)}. Въ 1739 г. пострадали отъ киргизовъ рыболовы на Каспійскомъ

^{а)} Прошеніе писано 25 ноября 1735 г. и послано съ атаманомъ зимовой станицы Никитой Трифоновымъ. См. бумаги І. И. Желѣзнова, по описи № 19. Извлечен. изъ книгъ Казачьяго Повѣтя, № 9, стр. 115.

^{б)} Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсад. ордъ, ч. II, стр. 127 и 131.

морѣ^{а)}; велѣдъ за тѣмъ улусъ калмыцкаго владѣльца Бая должны были выдержать нападеніе 2700 киргизовъ^{б)}; въ томъ же году на калмыковъ напали каракалпаки въ числѣ десяти тысячъ человекъ^{в)}, а киргизы, оставивъ на время въ покоѣ калмыковъ, грабившихъ въ свою очередь русскія селенія близъ Саратова^{д)}, продолжали беспокоить Илецкихъ казаковъ и башкиръ^{е)} и, увлекая за собою послѣднихъ, снова обращались къ грабежу русскихъ селеній, какъ это, напримѣръ, было въ 1740 г.^{ж)}, или же угоняли скотъ у Яицкихъ казаковъ, а иногда захватывали въ плѣнъ и самихъ владѣльцевъ скота. Но особенно много привелось вынести горя отъ киргизъ пограничнымъ русскимъ селеніямъ въ 1743 г., когда толпы киргизъ, заключавшія въ себѣ по тысячѣ и по двѣ человекъ, нападали на русскихъ и увлекали за собою все, что только не могло спастись отъ нихъ или быть истреблено ими^{з)}. Главнымъ подстрѣкателемъ киргизовъ въ это время былъ Абулъ-Хаиръ ханъ, который желалъ, чтобы его сынъ Хаджи-Ахметъ, бывшій аманатомъ въ Россіи, былъ возвращенъ къ отцу и замѣненъ его побочнымъ сыномъ Чингизомъ; но русское правительство отказало ему въ этомъ и тѣмъ самымъ еще больше усилило ненависть Абулъ-Хаира противъ русскихъ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что жизнь на р. Яикѣ (Уралѣ) въ прежнее время далеко была не безопасна и требовала постоянной, неусыпной бдительности и осторожности какъ пограничнаго начальства, такъ и самихъ казаковъ. Отмѣченные нами хищническіе набѣги кочевниковъ служатъ фактическимъ доказательствомъ того, что у Яицкихъ казаковъ, помимо внутреннихъ, не мало было и внѣшнихъ враговъ, съ которыми приходилось вести не только оборонительную, но иногда и наступательную борьбу, при чемъ, безспорно, достаточно было пролито и казачьей крови; не даромъ же поютъ и доселѣ Уральскіе казаки:

„Круты бережки, низки долушки
У нашего славнаго Яикушки
Костями бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою ушитаны,
Горючѣмъ слезами материнскими поливаны“.

а) Грамота Воен. Колл. отъ 16 янв. 1739 г. Изъ черн. бумагъ Г. И. Желѣзнова № 6. Ср. Уральск. В. Вѣд. 1868 г. № 23, стр. 5.

б) Указъ Татищева 30 апр. 1739 г., за № 2123.

в) Грамота Воен. Колл. 25 мая 1739 г., за № 132.

д) Указъ Оренб. канцел. 25 мая за № 4211.

е) Грамота Воен. Кол. 31 мая 1739 г., за № 184. Ср. указъ отъ 9 сент. 1739 г.

ж) Указъ Урусова 24 янв. 1740 г.

з) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсац. ордъ и степей, ч. II, стр. 158.

Или: „Гдѣ кость лежитъ,—
 Тамъ шиханъ стоитъ;
 Гдѣ кровь лилась,—
 Тамъ вязель сплелась;
 Гдѣ слеза пала,—
 Тамъ озеро стало“.

Въ этихъ родныхъ звукахъ для Уральскихъ казаковъ мы видимъ выраженіе печальнаго прошлаго, исторически вѣрнаго положенія оберегателей русскихъ границъ на востокъ; эта пѣсня—правдивый завѣтъ предковъ потомкамъ.

Яицкіе казаки, какъ пограничная военная сила, должны были не только защищать себя, но и отражать набѣги киргизовъ, каракалпаковъ, калмыковъ и башкиръ на русскія селенія, а также не допускать эти народы и до взаимныхъ столкновеній. Кромѣ постоянной службы внутри Яицкаго городка, имъ не рѣдко приходилось снаряжать особыя команды или отряды и на линію: такъ въ 1739 году они должны были защищать башкиръ Ногайской дороги отъ киргизовъ, при чемъ ими было убито 10 чел., 50 чел. взято въ плѣнъ и отбито до 1000 лошадей^{а)}. Въ 1740 году былъ командированъ новый отрядъ Яицкихъ казаковъ, подъ командою атамана Ивана Осипова и есаула Андрея Бородинна, на низъ Яика «за воровскими киргизъ-кайсаками»; а въ слѣдующемъ году тотъ же Бородинъ отправленъ былъ на нижнюю дистанцію «за прошедшими на волжскихъ калмыкъ» киргизами^{б)}. Бывали даже такія тяжелыя времена, когда не доставало силъ у однихъ Яицкихъ казаковъ, для защиты края отъ кочевниковъ и требовалась помощь со стороны ихъ старшихъ братьевъ—Донскихъ казаковъ или драгунскихъ ротъ: такъ велѣдствіе предписанія кн. Урусова, отъ 23 окт. 1739 г., была командирована рота драгунъ Астраханскаго гарнизона, чтобы удержать киргизовъ отъ нападенія на калмыковъ. Все это, при отсутствіи должныхъ укрѣпленій по линіи, осложняло обязанности Яицкихъ казаковъ и увеличивало ихъ отвѣтственность за спокойствіе края. Поэтому правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы сберечь лучшія военныя силы края, тѣмъ болѣе, что число Яицкихъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, простиралось до трехъ съ небольшимъ тысячъ человекъ. Имѣя въ виду малочисленность казаковъ и сознавая трудность обороны линіи отъ

^{а)} Указъ Оренб. канцеляріи 11 сент. 1739 г. за № 4463.

^{б)} Приговоръ Яицкаго войска о выборѣ въ атаманы Андрея Бородинна. Изъ черн. бумагъ І. И. Желѣзнова, по описи № 1.

кочевниковъ, В. Н. Татищевъ подалъ проектъ о поселеніи по р. Яику, съ цѣлю его обороны, ниже Яицкаго городка, Казанскаго драгунскаго полка и подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ Татищева былъ утвержденъ Петербургскимъ Кабинетомъ 21 января 1739 года, но за нѣкоторыми препятствіями рѣшеніе его нѣсколько лѣтъ не было приводимо въ исполненіе. Между тѣмъ Яицкое войско, опасаясь, что новыя поселенцы нанесутъ ему ущербъ въ рыболовствѣ, а также желая удержать за собою и нижнее теченіе рѣки, подало просьбу, въ которой обязывалось построить близъ урочищъ Калмыкова и Кулагина яра двѣ крѣпости и охранять какъ ихъ, такъ и всю линію до Гурьева-городка своими силами, прося лишь одного, чтобы на этомъ пространствѣ не заводили предполагаемаго поселенія драгунъ и дворянъ, уволили войско отъ внѣшнихъ командировокъ и отворили бы ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга по осьми сажень съ cadaго.

Надобно замѣтить, что на четыре версты ниже нынѣшняго Гурьева, на мѣстѣ, называемомъ Брандвахтою, былъ устроенъ казенный учугъ, или перебой изъ бревенъ поперегъ всей рѣки; этотъ учугъ былъ сдѣланъ рыбопромышленниками, которымъ были отданы въ аренду гурьевскіе рыбныя промыслы. Первоначально въ этомъ учугѣ съ обѣихъ сторонъ его были открыты ворота, шириною отъ 6 до 8 сажень; но впослѣдствіи, вѣроятно, откупщиками ворота эти были заперты, такъ-что рыба изъ моря могла проходить въ Уралъ только его боковыми устьями—рукавами, которыхъ въ то время было довольно и нѣкоторые изъ нихъ были очень глубоки. Къ этому-то учугу, а не къ уральскому, существующему и теперь, относятся разсказы о необыкновенномъ изобиліи рыбы въ то время. По преданію, сохранившемуся среди казаковъ, рыба такъ напирала на учугъ, что ее должны были разгонять пушечными выстрѣлами^{а)}. Эти учуги, какъ увидимъ, сдѣлались потомъ причиною частыхъ и большихъ споровъ и ссоръ, весьма затруднительныхъ для начальства, при разбирательствѣ дѣлъ между Яицкими казаками и астраханскими рыбопромышленниками. Казаки весьма недовольны были уже и тѣмъ, что гурьевскіе учуги были заперты, особенно когда боковыя устья рѣки мелѣли, по случаю малой прибыли воды въ Уралъ; теперь же, когда правительство было намѣрено перевести на берега Урала самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ, казаки особенно пріуныли.—На сколько было непріятно для нихъ это предполагаемое поселеніе драгунъ и дворянъ,

^{а)} Данилевскій. Исслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи. Спб. 1860 г., т. III (Уральское рыболовство), стр. 28.

можно судить изъ того, что въ своей просьбѣ они, между прочимъ, говорятъ: „Отъ такого заселенія мы прійдемъ въ крайнюю нищету и разореніе и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ, и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся: *ибо за такимъ поселеніемъ рыба до нашего городка за тѣмъ, что всегда будетъ нужна, проходить уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла или огнища, или же кто не въремя одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ*“^{а)}. — „Нелѣпость словъ этихъ“, — замѣчаетъ Данилевскій, — „очевидна: если такое препятствіе, какъ гурьевскій учугъ, не могло задержать прохода рыбы въ Уралъ и она доходила до Яицкаго городка въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству самихъ же казаковъ, они отъ рыболовства *«все свое пропитаніе имѣли»*; то какимъ же образомъ могла остановить ходъ рыбы вверхъ по рѣкѣ поимка одной рыбы въ какое бы ни было время года или одинъ оружейный выстрѣлъ?! Все это, разумѣется, были не болѣе, какъ выдумки и довольно простоватыя, чтобы только отклонить предположенное поселеніе дворянъ и драгунъ и въ нихъ-то кроется, вѣроятно, начало той мысли, составляющее и до сихъ поръ коренное убѣжденіе большей части уральцевъ, что не только всякое судоходство, но даже всякій малѣйшій шумъ или огонь на берегу Урала пугаетъ рыбу“^{б)}.

Не предпрѣлая вопроса о томъ, что было бы лучше для края, — приведеніе ли въ исполненіе проекта Татищева или удовлетвореніе просьбы Яицкаго войска, — мы изложимъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла при Неплюевѣ, которому Яицкіе казаки обязаны очень многимъ, какъ увидимъ дальше. Неплюевъ представилъ въ 1743 году въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ указываетъ на то, что предположенное заселеніе по нижнему теченію Яика дворянъ и драгунъ совершенно разорило-бы казаковъ, тогда какъ, по его выраженію, такой-де *«сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма не полезно»*. Ссылаясь на просьбу Яицкаго войска, Неплюевъ находилъ выгоднымъ удовлетворить желаніе войска по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) тогда не потребуется отъ казны особыхъ расходовъ на устройство промежуточныхъ оборонительныхъ пунктовъ; 2) при осуществленіи проекта Татищева, на содержаніе драгунскаго полка и другихъ поселенцевъ необходимо было бы расходовать большія

^{а)} Рябининъ. Уральское казачье войско, ч. II, стр. 28—29. Слич. П. С. Зок., т. X, стр. 788—789.

^{б)} Данилевскій. Ислѣдов. о состояніи рыболовства въ Россіи, ч. III, стр. 29. Какъ извѣстно, по всему теченію Урала до сихъ поръ нѣтъ ни судоходства, ни пароходства; попытка же братьевъ Ванюшиныхъ завести пароходное сообщеніе Оренбурга съ Уральскомъ кончилась неудачно.

суммы казенныхъ денегъ, тогда какъ въ способѣ, предлагаемомъ отъ войска, расходъ будетъ равняться только доходу отъ учуговъ и при томъ вознаградится еще тѣмъ, что тогда Яицкіе казаки придутъ въ лучшее положеніе, а слѣдовательно могутъ оттого принести своею службою и больше пользы государству; 3) Казанскій драгунскій полкъ, самарскіе и Алексѣевскіе дворяне могутъ быть съ выгодною употреблены на службу при Оренбургской Комиссіи; 4) тѣхъ трудностей, которыхъ можно было бы опасаться, при поселеніи Казанскаго полка, въ доставленіи провіанта, фуража и полковой аммуниціи, тогда не будетъ; 5) разработка гурьевскихъ учуговъ и улучшение рыболовства усилятъ промышленность и торговлю, а слѣдовательно, 6) принесутъ казнѣ чистый барышъ, посредствомъ умноженія $\frac{1}{10}$ части рыбныхъ сборовъ въ Самарѣ и Сызранѣ, чрезъ которые обыкновенно возили рыбу во внутренніе города Россіи^{а)}. Это мнѣніе Неплюева энергично поддерживала и Военная Коллегія. Между тѣмъ, Неплюевъ написалъ и къ Татищеву, какъ главному виновнику этого проекта, стараясь доказать и ему непрактичность его плановъ. Татищевъ, принимая въ соображеніе доводы Неплюева и незначительность выгодъ^{б)}, получаемыхъ казною отъ гурьевскаго учуга, не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но предложилъ отдать гурьевскій учугъ Яицкому войску вмѣсто жалованья, предоставивъ ему право сломать учугъ или оставить его въ свою пользу, что впоследствии и подало казакамъ поводъ къ просьбѣ объ отдачѣ имъ гурьевскаго учуга на откупъ, какъ увидимъ дальше, въ главѣ о промышленности въ Оренбургскомъ краѣ. Такимъ образомъ, благодаря доводамъ Неплюева, Яицкое войско осталось полнымъ хозяиномъ на своей родной и кровной землѣ: Императрица Елизавета Петровна отменила резолюцію Кабинета, состоявшуюся еще 21 января 1739 года, и особою грамотою 23 апрѣля 1743 г., данною на имя войскового атамана и всего Яицкаго войска, пожаловала ихъ отвореніемъ гурьевскаго учуга на 8 сажень съ каждой стороны, для прохода рыбы изъ моря вверхъ по Яику, „дабы чрезъ то казаки въ службы Ея Величества являлись исправны“. Казакамъ позволено было селиться ниже Яицкаго городка сначала только въ двухъ избранныхъ ими пунктахъ, именно около урочищъ Калмыкова яра и Кулагина яра, съ обязательствомъ устроить здѣсь крѣпости и содержать въ нихъ по пятисотенной командѣ, въ первое время ежегодно перемѣняемой, а потомъ какъ въ упомянутыхъ крѣпостяхъ, такъ и въ промежу-

^{а)} Рябининъ. Уральское казачье войско, ч. I, стр. 35. Сравни ч. II, въ прилож. стр. 29—30, Х. Слѣд. II. С. 3. т. XII, № 8620.

^{б)} Въ два года, съ 1740—1742 г., доходъ этотъ составилъ 5037 р. 66 к. слѣдовательно, годовой доходъ отъ гурьевскихъ учуговъ равнялся 2519 р. 16 к.

точныхъ пунктахъ «*основаться фундаментальными жилищами*» и своими разбѣздами между обѣими крѣпостями и, начиная отъ нихъ, въ одну сторону до Яицкаго городка, а въ другую до Гурьева—охранять границу, не допуская до перелазовъ кочующихъ по берегамъ рѣки калмыковъ и киргизъ. Слѣдствіемъ этого было основаніе и устройство двухъ крѣпостей: Калмыковской и Кулагинной^{а)}, положившихъ въ свою очередь начало форпостамъ Нижне-яицкой линіи и образовавшихъ цѣлую цѣпь укрѣпленныхъ поселеній, передовые посты или казацкіе пикеты которыхъ находились на лѣвой сторонѣ Яика.

Укрѣпляя Нижне-яицкую линію и стараясь обезопасить ее отъ кочевниковъ, Неплюевъ всегда старался дѣйствовать согласно съ мнѣніемъ, желаніями и доводами самихъ казаковъ, которымъ лучше была извѣстна мѣстность по р. Яику и нравы сосѣднихъ кочевниковъ-барантачей^{б)}. Такъ, когда полковникъ Пальчиковъ, при особомъ рапортѣ, сообщилъ Оренбургской канцеляріи мнѣніе Яицкаго войска относительно того, что особенно нуждается въ наилучшемъ укрѣпленіи и наибольшемъ числѣ казаковъ мѣстность около и ниже Индерскихъ горъ; то Неплюевъ отвѣчалъ: „означенное ваше мнѣніе по разсмотрѣніи, для показанныхъ отъ васъ обстоятельствъ, здѣсь апробуется“^{в)}. Мнѣніе это состояло въ слѣдующемъ: такъ какъ, по наблюденіямъ казаковъ, киргизы чаще всего перобирались на правую сторону Яика, особенно въ лѣтнее время, около Индерскихъ горъ и ниже ихъ къ Гурьеву, а зимой проходили даже ниже устья рѣки по льду; то Пальчиковъ доносилъ, что Яицкое войско считаетъ необходимымъ увеличить комплектъ сторожевыхъ казаковъ въ той части линіи, которая находится между Индерскими горами и Гурьевымъ, представляя притомъ, что „если тѣ форпосты поставить до Гурьева въ семи мѣстахъ, команду по сту человѣкъ поровну; то видится весьма можетъ быть неудобно; къ тому-жъ, ежели по ровной дистанціи по сту верстъ тѣ команды поставить, то въ проѣздъ чрезъ Яикъ воровъ никакого препятствія быть не можетъ, ибо-де тѣ команды чрезъ сто, или хотя въ срединѣ чрезъ пятьдесятъ верстъ, скоро поспѣшить не могутъ“^{г)}. Неплюевъ, согласившись съ мнѣніемъ войска, предписалъ, чтобы, какъ только будутъ назначены опредѣленные пункты для форпостовъ, войско немедленно указало ихъ кондуктору Куликову, который долженъ былъ измѣрить разстояніе между форпостами, описать мѣстность каждаго изъ нихъ въ отношеніи удобства, составить

^{а)} Кулагина крѣпость наход. во 120 в., а Калмыкова въ 200 в. отъ Гурьева.

^{б)} Баранта—набѣгъ, грабежъ, особенно изъ мести.

^{в)} Указъ 19 марта 1746 г. См. у Рябинина ч. II, стр. 11 и 12. Прилож. VI (а не IV, какъ означено въ „Р. Архивѣ“ 1879 г. кн. II, стр. 395).

^{г)} Тамъ же, стр. 12.

ландкарту и учинить реестръ поверстнаго ихъ разстоянія.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ распорядился, чтобы и на лѣвой сторонѣ Яика имѣлись караулы и „въ степь подѣзды“, желая черезъ то предотвратить возможность неожиданной атаки со стороны киргизовъ. При всѣхъ форпостахъ велѣно было устроить на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ „маяки высокіе“ и обвязать ихъ камышемъ или другою какою сухою травой. При появленіи хищническихъ шаекъ, если онѣ только были довольно значительны числомъ, маяки эти зажигали одинъ за другимъ и въ нѣсколько часовъ давали знать всей полинейной стражѣ о приближавшемся нападеніи киргизовъ. Форпосты, заключающіе въ себѣ не менѣе ста человекъ, должны были имѣть по одной пушкѣ и какое-либо укрѣпленіе, а въ двѣ крѣпости Неплюевъ приказалъ дать по двѣ пушки со всѣми снарядами, чтобы, въ случаѣ нападенія сильнаго отряда, можно было безопасно и съ большимъ успѣхомъ вести оборону. Казакамъ приказано: „всякое стараніе имѣть быть доброконнымъ, а во время нужды о дву-конѣ, ибо киргизы на воровство всегда поднимаются не меньше, какъ о дву или о трехъ-конѣ,—такъ безъ доброконныхъ лошадей надъ ними учинить и ничего невозможно“^{а)}. Сѣвернѣе Яицкаго городка, гдѣ также нерѣдко появлялись киргизы, Неплюевъ приказалъ до самаго Илецкаго городка въ удобныхъ мѣстахъ сдѣлать зимовки, учредить и содержать при нихъ постоянный караулъ зимой и лѣтомъ. Мѣста для такихъ зимовокъ и карауловъ должны были указать сами казаки, а кондуктору Куликову велѣно описать тѣ мѣста, измѣрить ихъ взаимное разстояніе и составить имъ ландкарту.—Изъ этихъ-то зимовокъ и возникли впоследствии такъ называемыя реданки^{б)} и трети, расположенныя по правому^{в)} и лѣвому^{г)} берегу Урала. На реданкахъ и третяхъ въ прежнее время всегда находилось нѣсколько казаковъ изъ линейной стражи, какъ передовой караулъ; они-то и зажигали маяки, въ случаѣ нападенія киргизовъ. Вслѣдствіе этихъ распоряженій со стороны Неплюева возникла слѣдующая цѣпь форпостовъ, существующихъ доселѣ: Сарайчиковъ^{е)}, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевой, Зеленый Колокъ, Гребенщиковъ, Кошъ-Яикъ^{ж)}, Харькинъ, Красный Яръ, Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки (пикетъ Каленовскій), Сахарный, Мергеневъ, Сундаевъ, Кожаха-

^{а)} Тамъ же, стр. 13.

^{б)} Реданка строилась на половинѣ разстоянія отъ одного форпоста до другаго, а треть—между реданкой и форпостомъ; слѣдовательно, по обѣимъ сторонамъ каждой реданки наход. по трети, или третнему пикету.

^{в)} Отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева городка на протяженіи 400 верстъ.

^{г)} Отъ Бударинскаго форпоста вверхъ по Яику до Илецкихъ дачъ.

^{е)} На мѣстѣ развалинъ стариннаго городка Сарайчика.

^{ж)} Кошъ-Яикъ противъ Индерскихъ горъ, въ 555 верстахъ отъ Оренбурга.

ровъ, Бударинъ, Кошъ-Яикъ^{а)}, Чаганскій^{б)} и крѣпости: Кулагинская и Калмыковская, называвшіяся городками^{в)}. Во всѣхъ поименованныхъ форпостахъ казаки постоянно обязаны были содержать два полка въ полномъ комплектѣ, при чемъ число всѣхъ казаковъ, вмѣстѣ съ старшинами, должно было равняться 1016 чел. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ форпостовъ были обращены въ крѣпости, такъ на «картѣ *Нижней Яицкой дистанціи*» Красиленникова, составленной въ 1755 году, форпосты: Баксаевъ, Тополевой, Сахарный, Кошъ-Яицкій, противъ Индерскихъ горъ, и Сарайчиковскій показаны и названы крѣпостями^{д)}, хотя Рычковъ въ своей „Топографіи Оренб. губ.“ оставилъ за ними первоначальное названіе форпостовъ^{е)}.

Въ то самое время, какъ заселялась и укрѣплялась Нижнеяицкая линія, на самомъ южномъ краю ея, въ Гурьевъ-городкѣ, потребовалось усиленіе внутренняго гарнизона; поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Зимой 1747 г. сильная партія киргизовъ, обойдя яицкіе форпосты моремъ, напала на русскія селенія и калмыковъ, кочевавшихъ по лѣвому берегу Волги и произвела «*великое разореніе*». Въ предотвращеніе подобныхъ несчастій на будущее время, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ предислала Неплюеву и астраханскому губернатору, д. камергеру Брылкину, войти во взаимное соглашеніе, относительно обсужденія мѣръ предосторожности отъ набѣговъ киргизъ. Неплюевъ и Брылкинъ, обсудивъ сообща этотъ вопросъ, нашли необходимымъ увеличить Гурьевскій гарнизонъ сотней казаковъ; но они расходились въ мнѣніи касательно источника, изъ котораго могла бы быть скомплектована эта сотня. Неплюевъ, за малолюдствомъ Яицкихъ казаковъ, предлагалъ сформировать эту сотню изъ Волжскихъ казаковъ внутренней Царицинской линіи, а Брылкинъ, ссылаясь на малочисленность послѣднихъ, находилъ болѣе удобнымъ переселить въ Гурьевъ сто семей изъ Донскихъ казаковъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ оба эти мнѣнія, въ промеморіи Военной Коллегіи сообщила, что она вполне раздѣляетъ въ принципѣ мнѣніе Неплюева и Брылкина объ увеличеніи Гурьевскаго гарнизона, состоящаго изъ 120 чел. солдатъ, сотней конныхъ казаковъ и притомъ находить необходимымъ

^{а)} Противъ озера Грязнаго, въ 326 верстахъ отъ Оренбурга.

^{б)} Форпосты поименованы здѣсь въ восход. порядкѣ, начиная отъ Гурьева къ Яицкому городку (Уральску). См. въ приложеніи № 25.

^{в)} Кулагинскій—городокъ наход. между Зеленымъ Колкомъ и Гребенниковымъ форпостами, а Калмыковскій—городокъ между Котельнымъ и Антоновымъ форпостами.

^{д)} См. Оренб. губ. съ прилежащими къ ней мѣстами по „Ландкартамъ“ Красиленникова и „Топографіи“ П. И. Рычкова, 1755 г. Изд. Оренб. Отд. Импер. Геогр. Общ. Оренбургъ 1880 г., карта 10.

^{е)} Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г. Оренб., стр. 295.

укрѣпить слободу, въ которой поселятся казаки, «*обнеся острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ*». Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не нашла возможнымъ принять мнѣнія Неплюева и Брылкина, относительно источника скомплектованія сотни казаковъ. Мнѣніе Неплюева не было принято потому, что съ выселеніемъ въ Гурьевъ сотни Волжскихъ казаковъ ослабилось бы положеніе Саратова, Димитріевска, Чернаго Яра и другихъ волжскихъ городовъ. Что же касается до выселенія Донскихъ казаковъ, предложеннаго Брылкинымъ; то, по мнѣнію той же Коллегіи, на Донскихъ казакахъ должна была лежать обязанность охраненія границъ отъ Крымскихъ и Кубанскихъ татаръ, при томъ же изъ Донцевъ, — говорится въ промеморіи, — бывають частыя командировки къ Персидскимъ границамъ и въ другіе дальніе походы. Отрицая такимъ образомъ оба мнѣнія, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ спрашивала Военную Коллегію: не найдетъ ли она возможнымъ и болѣе удобнымъ выселить въ Гурьевъ Дубовскихъ казаковъ, или, въ случаѣ препятствій съ этой стороны, изъ Яицкаго войска. Военная Коллегія положила спросить о томъ Яицкое войско. Между тѣмъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ препроводила 23-го сентября того же года указъ, изъ котораго видно, что 30 мая и 22 іюня 1747 г. Брылкинъ представлялъ, что въ 1746 году имъ было командировано въ Гурьевъ Красноярскихъ и Астраханскихъ казаковъ 50 чел., а вмѣсто ихъ на форпосты были употреблены Донскіе казаки. Но Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ приказала Брылкину Донскихъ казаковъ отпустить, а Неплюеву было предписано, до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, содержать въ Гурьевѣ въ зимнее время 50 чел. изъ Яицкаго войска попеременно и нѣсколько человекъ изъ Астраханскихъ городскихъ казаковъ, о чемъ было сообщено и Брылкину, если только ему „тамошняя конъюнктура (обстоятельство) дозволить“^{а)}. Такимъ образомъ, сверхъ 1016 чел., расположенныхъ на форпостахъ по нижнему теченію Яика, начиная отъ Яицкаго городка, Яицкое войско должно было каждую зиму, впредь до новаго указа, посылать въ Гурьевъ 50 чел. да въ новоучрежденный форпостъ близъ Илецкаго городка — 20 чел., итого 1086 чел. Но дѣло о поселеніи при Гурьевѣ казаковъ этимъ не окончилось.

Брылкинъ, въ отвѣтъ на опредѣленіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, полученное имъ 11 ноября 1747 г., сообщилъ въ Военную Коллегію 18 ч. того же ноября мѣсяца, что онъ, въ силу указа Коллегіи Ино-

^{а)} См. Указы 1747 г. въ Тург. обл. архивѣ, по описи № 19, лист. 163 и 164. Здѣсь находит. подлинный указъ Колл. И. Д. за № 466, за подписью графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, гр. Михаила Воронцова, переводч. Александра Турчанинова и подканцеляриста (рукою котораго указъ и писанъ) Петра Попова.

странныхъ Дѣлъ, отъ 23 сент. 1747 г., полученнаго имъ 14 октября, несмотря на недостатокъ въ Астрахани казаковъ, опредѣлилъ отправить въ Гурьевъ изъ Астраханскихъ и Красноярскихъ казаковъ 25 чел. подъ команду гурьевскаго комманданта, поручика Боборыкина, который долженъ былъ дать имъ наставленія, „какъ разъѣзды чинить и во время прихода киргизъ-кайсаковъ поступать“. Брылкинъ при этомъ увѣдомилъ также Военную Коллегію и о томъ, что онъ писалъ Неплюеву, дабы послѣдній въ опредѣленный срокъ отправилъ въ Гурьевъ 50 человекъ „доброконныхъ и оружейныхъ казаковъ, при одномъ старшинѣ и съ надлежащимъ на зимніе мѣсяцы, пока они тамъ пробудутъ, провіантомъ, а на лошадей—овсомъ“. 9 февраля слѣдующаго 1748 г. Военная Коллегія донесла Сенату, что она находитъ возможнымъ на первый разъ поселить въ Гурьевъ 70 человекъ, назначивъ для того изъ Саратовскихъ и Дмитріевскихъ казаковъ 20 человекъ, изъ Царицинскихъ и Черноярскихъ—15 чел., изъ Астраханскихъ и Красноярскихъ—15 чел. и изъ Волжскихъ, или Дубовскихъ—20 чел., а недостающее число до ста послать съ перемѣною изъ Яицкаго войска.—При этой сотнѣ, по мнѣнію Военной Коллегіи, должно быть одному сотнику, двумъ урядникамъ, одному хорунжему и двумъ капрамамъ; жалованье имъ полагалось производить наравнѣ съ Астраханскими казаками, а именно: сотнику 12 р. деньгами, муки и овса по 12 четвертей; хорунжему 10 р. и по 10 четвертей муки и овса; урядникамъ по 9 р., муки по 5 четв., овса по 8 четвертей; капрамамъ по 8 руб., муки по 4 ч., овса по 7 четв.; рядовымъ по 8 руб., муки по 3 ч. и овса по 6 четв. Сверхъ того, по примѣру переселенныхъ съ Дона на Волгу казаковъ, положено было выдать на каждую казачью семью по 12 р. на постройку домовъ, также по 6 ч. муки и по 3 четв. овса и крупъ для ихъ содержанія. На это представленіе Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, 15 февр. 1748 г., отвѣчала, что она считаетъ невозможнымъ поселить въ Гурьевъ означенныхъ казаковъ, такъ-какъ по справкѣ въ Военной Коллегіи оказалось, что въ Астраханской губерніи числится только 500 казаковъ^{а)} и тѣ всѣ заняты: при калмыцкихъ дѣлахъ^{б)} 200 чел.^{в)}, при соляныхъ дѣлахъ 150 чел., остальные 150 чел. содержать почту и караулъ при Силистренскомъ Ахтубинскомъ городкѣ:

^{а)} Которые были распределены такъ: въ Саратовъ 200 ч., въ Дмитріевскъ—50, въ Царицинъ—100, въ Черномъ Яру—100 и въ Красномъ Яру—50. Въ книгѣ Н. Попова: „Татищевъ и его время“ (стр. 647) показаны цифры нѣсколько большія.

^{б)} Копія съ указовъ Верх. Тайн. Сов. 1727 г. и Каб. министровъ 1739 г. въ черновыхъ бумагахъ Г. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 54.

^{в)} Саратовскихъ 100, Дмитріевскихъ 25, Царицинскихъ 45 и Черноярскихъ 30 человекъ.

отправляютъ подводы, употребляются въ конвояхъ, разъѣздахъ и другихъ посылкахъ. Въ Астрахани казаковъ изъ новокрещенныхъ калмыковъ и русскихъ оказалось 219 человекъ, изъ нихъ 97 конныхъ и 122 пѣшихъ: 40 человекъ находилось при Гурьевѣ для кошенія сѣна и сторожевыхъ разъѣздовъ, 100 человекъ были на форпостахъ за Краснымъ Яромъ, а остальные 79 чел. отправлялись въ конвояхъ къ Кизляру и въ Черный Яръ. Что же касается Волжскихъ казаковъ, или Дубовскихъ, то ихъ числилось 1157 человекъ^{а)}. Вслѣдствіе такого мнѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатъ приказалъ: „При Калмыцкихъ дѣлахъ въ Астрахани, въ командѣ полковника Спицина, быть казакамъ, по силѣ указовъ 1727 и 1739 годовъ, 200 человекъ съ переменною погодно, какъ то въ 1742 г. опредѣлилъ бывшій астраханскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, а при подполковникѣ Чемодуровѣ^{б)} опредѣлить 150 человекъ изъ оставшихся за назначеніемъ въ команду Спицина, также изъ Царичинскихъ, Красноярскихъ, Черноярскихъ и Димитріевскихъ казаковъ, а чего неостанетъ, пополнить изъ Волжскихъ казаковъ атамана Персидскаго „доброконныхъ, непрестарѣлыхъ и немалолѣтнихъ“. Въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ, велѣно было употребить къ оборонѣ извѣстную часть изъ числа казаковъ, состоявшихъ при подполковникѣ Чемодуровѣ^{в)}, о чемъ Сенатъ и препроводилъ указы въ В. Коллегію, Чемодурову и въ Астраханскую губернскую канцелярію 9 января 1748 года^{д)}.

Военная Коллегія, какъ видно, сильно отстаивала мнѣніе Неплюева, что изъ Яицкаго войска не слѣдовало бы брать еще 100 казаковъ, для службы въ Гурьевѣ, представляя, между прочимъ, въ основаніе и тотъ фактъ, что „Яицкіе казаки во всегдашнихъ въ разныя мѣста раскомандированіяхъ обращаются и два городка собою содержатъ, такожъ и для поисковъ за непріятелями во всегдашнія партіи употребляются и предъ другими, по необходимости, весьма службою отягощаемы бываютъ, однакожь оную добропорядочно и ревностно отправляютъ“. Пригласивъ въ присутствіе совѣтника Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Бакунина^{е)}, Воен. Коллегія, согласно мнѣнію послѣдняго, постановила взять для поселенія при Гурьевѣ 19 человекъ изъ Астраханскихъ казаковъ, 15—изъ Царичинскихъ и Черноярскихъ, 10—изъ Краснаго Яра, 4—изъ Саратова и 2—изъ Димитріевска, всего 50 человекъ.

^{а)} См. „Татищевъ и его время“ Н. Попова, стр. 640 и слѣд.

^{б)} Чемодурову было поручено заготовленіе соли изъ Элтонскаго озера для Саратовскаго и Димитріевскаго соляныхъ магазиновъ.

^{в)} П. С. З. т. XIII, № 9594; 9725; 9729.

^{д)} См. прѣмеморію В. Колл. 20 мая 1748 г.

^{е)} П. С. З. т. XIII, № 9640.

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ должна была войти въ сношеніе съ упомянутыми городами и довести о результатахъ до свѣдѣнія Военной Коллегіи. Между тѣмъ изъ Сената послѣдовалъ указъ, въ которомъ было сказано: „Когда при Гурьевѣ-городкѣ поселится изъ Яицкихъ казаковъ сто семей, или, сверхъ учрежденной для форпостовъ тысячной команды, войско будетъ содержать при самомъ Гурьевѣ по 100 чел. добродѣльныхъ и оружныхъ, опредѣлено будетъ, сверхъ уже положеннаго жалованья^{а)}, отпускать на содержаніе этихъ 100 чел. по 2000 р. въ годъ“^{б)}. Штатсъ-контора должна была выдать эти деньги въ распоряженіе Военной Коллегіи, а Неплюеву было предписано, чтобы онъ представилъ въ Военную Коллегію свѣдѣнія относительно того, сколько должно находиться при этой сотнѣ чиновъ и какіе слѣдуетъ опредѣлить оклады жалованья какъ чинамъ, такъ и простымъ казакамъ. Штатсъ-контора обратилась въ Военную Коллегію съ запросомъ, съ какого времени должно начать отпускъ суммы въ 2000 р. на усиленіе Гурьевской сторожевой роты, такъ-какъ въ прежнемъ указѣ объ этомъ не было упомянуто. — Военная Коллегія, не зная, была-ли командирована къ Гурьеву сотня Яицкихъ казаковъ, спросила о томъ Неплюева, который и препроводилъ въ В. Коллегію полученный имъ отъ Яицкаго войска рапортъ, гдѣ, между прочимъ, было сказано: „означенное число изъ рядовыхъ казаковъ при атаманѣ Иванѣ Портновѣ, при одномъ есаулѣ, сотникѣ, хорунжемъ, писарѣ, толмачѣ и 94 рядовыхъ, всего 100 ч. добродѣльныхъ и оружныхъ въ Гурьевѣ-городкѣ въ команду къ Гурьевскому коменданту командированы и 6 марта 1749 года въ путь выступили“. — Получивъ доношеніе Неплюева, Военная Коллегія предписала Штатсъ-конторѣ немедленно выдать 2000 р. войсковому атаману Меркурьеву, находившемуся въ Петербургѣ съ зимовой станицей, а 19 іюля того же года Яицкое войско получило изъ Военной Коллегіи указъ, въ которомъ, послѣ подробнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, было сказано, чтобы войско, по возвращеніи атамана Меркурьева, обсудило, какъ оно найдетъ болѣе удобнымъ: „или и впредь оное число казаковъ въ тотъ Гурьевъ посмѣнно и ежегодно командировать, или же фундаментально поселить при ономъ сто казачьихъ семей“^{в)}.

^{а)} 4138 р. 30 к. См. П. С. З. т. XII, №№ 8689 и 8918. Слич. Топогр. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 86.

^{б)} По смѣтѣ же Военной Коллегіи 9 февраля 1748 года требовалось больше, а именно: на 100 человекъ казаковъ при одномъ сотникѣ, одномъ хорунжемъ, 2 урядникахъ и двухъ капралахъ, 856 руб. деньгами, 340 четв. муки, 652 четв. овса и на первоначальное заведеніе: 1200 р. деньгами, 600 четв. муки, 300 четв. овса и 300 четв. крупъ.

^{в)} См. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова, по описи его бумагъ № 54; здѣсь находятся копія съ промеморій и указовъ В. Коллегіи, извлеченныя изъ кн. Казачьяго Пов. № 72. Слич. ст. Корина: „Гурьевѣ-городокъ и гурьевскіе учуги“ въ Уральск. Войск. Вѣдомост. за 1872 г., № 30.

Не входя въ дальнѣйшія подробности поселенія при Гурьевѣ сотни Яицкихъ казаковъ, мы и изъ этого краткаго очерка можемъ видѣть, что Неплюевъ, заселяя и укрѣпляя Нижнеяицкую линію, не только отстоялъ существованіе казачьей Яицкой общины, но наравнѣ съ самими казаками заботился объ ихъ интересахъ и шадилъ силы казаковъ, энергично отстаивая свое мнѣніе, что *«Яицкіе казаки противу прочихъ различными службами отягощаемы бывають»*. Но въ данномъ случаѣ обстоятельства сложились такъ, что Яицкимъ же казакамъ пришлось сторожить и Гурьевъ, хотя, какъ мы знаемъ, и не безъ вознагражденія; впрочемъ, какъ увидимъ это дальше, поселеніе Яицкихъ казаковъ въ Гурьевѣ послужило къ ихъ же выгодамъ. Объ основаніи Гурьева-городка находятся слѣдующія свѣдѣнія въ доношеніи оренбургскаго губернатора, кн. Волконскаго графу Аракчееву^{а)}: „Гурьевъ городокъ построенъ первоначально не отъ казны, но купцомъ изъ великороссійскихъ народовъ, Михайлоу Гурьеву мѣ, гораздо прежде заселенія Уральской линіи нынѣшними казаками, еще во времена варварства, когда татары Золотой Орды были владѣльцами въ имѣвшемся отъ Гурьева, вверхъ по рѣкѣ Уралу, татарскомъ городкѣ Сарайчикѣ. Купецъ Гурьевъ былъ привлеченъ къ сему мѣсту выгодами рыбной промышленности. Сначала онъ платилъ подать татарскимъ владѣльцамъ за дозволеніе производить безопасно рыболовство въ устьѣ р. Урала и при берегахъ Каспійскаго моря; но приведши въ Гурьевѣ крѣпостное строеніе въ оборонительное состояніе, онъ отказался отъ платежа дани и, защищая свою собственность, такъ усилился, что промыслы свои могъ производить безпрепятственно, заимствуясь необходимыми для того людьми изъ Астрахани и другихъ мѣстъ“^{б)}.

Такимъ образомъ, первоначальное основаніе, которое нѣкоторые относятъ къ концу первой половины XVII ст.^{а)}, и заселеніе Гурьева городка было результатомъ желанія частнаго лица обезопасить рыбные промыслы отъ нападений и грабежей сосѣднихъ кочевниковъ и татаръ; слѣдовательно,

^{а)} Въ началѣ текущаго столѣтія Гурьевъ почти весь былъ уничтоженъ пожаромъ, почему военный министр, гр. Аракчеевъ, вмѣсто возобновленія Гурьева, думалъ было построить крѣпость, въ 57 верст. отъ города, выше по Уралу, на мѣстѣ древняго Сарайчика, какъ представлялъ генералъ-инженеръ Князевъ; но Аракчеевъ счелъ за полезное спросить сначала мнѣніе о томъ оренбургскаго губернатора. Князь Волконскій въ ноябрѣ 1810 г. заявилъ, что, по его мнѣнію, лучше не дѣлать никакихъ укрѣпленій и отдать Гурьевъ въ полное распоряженіе Уральскихъ казаковъ, которые обязались возобновить городъ, возвести въ немъ нужныя укрѣпленія на свой счетъ и содержать въ городѣ постоянно 200 челов. казаковъ, что и было принято и утверждено особымъ указомъ. См. въ черн. бумаг. І. И. Желѣзнова, по описи его бум. № 68.

^{б)} Тоже самое говоритъ объ основаніи Гурьева и Рычковъ. См. Топогр. Оренб. губ., ч. II стр. 22.

^{в)} Н. А. Фирсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 320. Ср. І. И. Желѣзнова: „Уральцы“, ч. II, стр. 66.

основателю его, какъ замѣчаетъ кн. Волконскій, — не могло придти и въ голову тѣхъ затрудненій, которыя должно было испытать Московское правительство, принявшее впоследствіи Гурьевъ въ казну, относительно расположенія въ немъ „воинскихъ командъ“. Со времени поступленія Гурьева въ казну и причисленія его къ Астраханской губерніи, при самомъ устьи Яика, въ пяти верстахъ отъ города была устроена брандвахта ^{а)}, или отводный караулъ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы въ морѣ не было „грабительства, неуказаннаго рыболовства и проѣзжихъ судовъ безъ вида“; въ самомъ же городѣ была расположена рота Астраханскаго гарнизона, для защиты рыбопромышленниковъ отъ киргизъ и другихъ кочевниковъ. Подъ прикрытіемъ Гурьева, былъ устроенъ на устьи Яика учугъ, или перебой изъ бревенъ поперекъ всей рѣки, чтобы черезъ то преградить путь морской рыбѣ вверхъ по Яику.

Яицкіе казаки очень хорошо сознавали всѣ невыгоды, какія имъ придется испытывать съ построеніемъ Гурьева и особенно его учуговъ, наносившихъ значительный ущербъ рыболовству казаковъ; почему они вначалѣ всячески старались воспрепятствовать построенію Гурьева, но безъ успѣха. Изъ актовъ видно, что еще въ 1649 году Яицкіе казаки мѣшали построенію Гурьева: „атаманъ Кондыревъ съ товарищи городовые многіе запасы погромили и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло припасать вверхъ по Яику рѣкѣ не дали“ ^{б)}. Въ 1667 г., подъ командою Васьки Касимова, они спустились по Яику, разграбили Гурьевъ и ушли въ Каспійское море, гдѣ на разныхъ островахъ и дѣлили добычу или, по ихъ выраженію, *«дуванъ дуванили»*. Главными ихъ притонами здѣсь были острова: Камынинъ, Каменный, Святой и Песчаный; особенно казаки любили островъ Камынинъ ^{в)}. Этотъ островъ упоминается и въ пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ; такъ въ концѣ пѣсни: „Яикъ ты нашъ, Яикушка“... говорится:

„За Гурьевымъ впадалъ ты,
Нашъ Яикушка,

^{а)} Въ августѣ 1770 г. брандвахта была уничтожена, вслѣдствіе распоряженія оренб. губернатора Рейнсдорна. См. его рапортъ, отъ 5 авг. 1770 г., въ черновыхъ бумаг. І. И. Желѣзнова, № 34, стр. 14.

^{б)} Акты Историч., IV, № 40.

^{в)} Островъ Камынинъ имѣетъ въ длину около 2 верстъ, а въ поперечникѣ отъ 30 до 40 саж. Берега его съ восточной стороны обрывисты. Грунтъ острова составляетъ преимущественно ракуша и только по срединѣ острова тянется илистая полоса, не болѣе какъ въ 30 кв. саж., поросшая камышомъ. Съ восточной стороны Камынина есть небольшая бухта, проходъ въ которую глубиною въ 5 футовъ; въ эту бухту нерѣдко набирается много сазана. Съ юго-восточной оконечности о-ва идетъ подводная коса, а въ концѣ ея шалыга, имѣющая въ окружности приблизительно до 35 саж. и возвышающаяся болѣе чѣмъ на 4 фута надъ уровнемъ моря. См. Урал. Войск. Вѣд. 1877 г.; № 9, стр. 3, столб. 2. Ср. Доп. къ Акт. Истор., т. VII, № 48, стр. 249 и дал.

Въ батюшку сине-море,
 Какъ до славнаго острова,
 До острова Камынина.
 На островъ Камынинъ,
 Братцы, старики живутъ;
 Старики, братцы, старожилы, —
 Они по девяносту лѣтъ;
 Съ покоренной Золотой Ордой
 Старики, братцы, во ладу живутъ“.

Здѣсь они иногда зимовали и заготовляли себѣ струги, въ которыхъ разгуливали по Каспійскому морю и нападали на персидскія прибрежныя селенія. Случалось, что «удалые казаченки», небожавшіеся «синя-моря Хвалыискаго», попадали въ руки персіанъ и, для спасенія своей жизни, принимали даже ихъ вѣру, или, по выраженію актовъ, «обасурманивались», какъ это, напримѣръ, было въ 1678 году, когда двадцать казаковъ, выброшенные бурей на берегъ въ Баку, попали въ плѣнъ къ персидскому Шаху^{a)}. Московское правительство, усмиривъ Разинское возмущеніе, въ которомъ принимали участіе и Яицкіе казаки, стало сильно и на нижнемъ Яикѣ. Въ 1670 г. оно подчинило, какъ мы уже знаемъ, Яицкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на виѣшнюю службу. Яицкіе казаки исправно и съ отличіемъ несли возлагаемыя на нихъ военныя командировки, но Гурьевъ съ его учугами былъ у нихъ, по прежнему, „бѣльмою на глазу“. Наконецъ, благодаря содѣйствію и энергіи Неплюева, имъ удалось добиться и того, что гурьевскіе учуги, какъ мы уже видѣли, были отворены съ обѣихъ сторонъ на 8 саж. и Яицкому же войску, препятствовавшему вначалѣ возникновенію Гурьева, пришлось охранять его отъ набѣговъ и грабительства киргизовъ, а потомъ и совершенно завладѣть имъ. Намъ уже извѣстно, что Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ выразила желаніе, чтобы „Гурьевская слобода“, въ которой поселятся казаки, была обнесена острогомъ или другимъ какимъ укрѣпленіемъ, поэтому Неплюеву предстояло теперь позаботиться объ укрѣпленіи Гурьева.

Въ настоящее время Гурьевъ-городокъ не имѣетъ никакихъ укрѣпленій, но въ старину онъ былъ окруженъ каменною стѣною^{b)} съ башнями по угламъ, которая въ 1753 году, когда Гурьевъ былъ включенъ въ составъ Яицкаго войска и подчиненъ вѣдомству оренбургскаго губернатора,

^{a)} Дополн. къ Актамъ Историч., т. VII, № 48, стр. 260.

^{b)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ., ч. II, стр. 23.

вся обвалилась^{а)}; почему Неплюевъ положилъ устроить новое укрѣпленіе, и въ 1754 году поручилъ инженеръ-капитану Назимову осмотрѣть Гурьевъ и узнать, какъ идутъ тамъ работы по устройству городской стѣны. Назимовъ, по пріѣздѣ въ Гурьевъ, донесъ Неплюеву, что, за недостаткомъ строительнаго матеріала и недоставленіемъ отправленнаго изъ Оренбурга, работы даже не были и начаты до его пріѣзда, и что при немъ только приступлено къ постройкѣ разобранныхъ прежде каменныхъ стѣнъ по плану, утвержденному Неплюевымъ. — Мѣстность, на которой находился тогда Гурьевъ-городокъ, Назимовъ называетъ нездоровою и полагая, что производство работъ можетъ сильно обременить подвижныхъ солдатъ, которымъ было поручено возвести укрѣпленіе, онъ просилъ Неплюева, чтобы въ Гурьевъ было командировано или назначено еще нѣсколько казаковъ^{б)}. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Неплюева и распорядительности инженера Назимова, Гурьевъ былъ обнесенъ высокимъ и частымъ полисадомъ, по четыремъ угламъ котораго возвышались каменные барбетъ или фланги (какъ ихъ называли казаки)^{в)}, вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ полисадѣ, какъ и въ прежде бывшей стѣнѣ, было устроено четверо воротъ, изъ которыхъ одни, обращенныя къ берегу Яика, назывались Спасскими^{г)}. Надъ этими воротами прежде находилась каменная церковь, во имя Нерукотвореннаго Спаса, съ двумя придѣлами: одинъ въ честь Св. Аѳанасія и Св. Кирилла Александрійскихъ, а другой во имя Алексѣя, Божія челоуѣка; но при перестройкѣ стѣнъ, при Неплюевѣ, эта церковь, какъ пришедшая въ полную ветхость, была замѣнена деревянной, во имя Свитителя и Чудотв. Николая. — Прежде въ дѣловыхъ бумагахъ Гурьевъ назывался Яикъ-Гурьевымъ городкомъ, а Гурьевская канцелярія — Яицкой-Гурьевской коммандантской канцеляріей^{д)}. Чтобы имѣть нѣкоторое представленіе о томъ, какой видъ имѣлъ Гурьевъ предъ временемъ его поступленія въ вѣдомство Неплюева, приведемъ отзывъ о немъ капитана Залѣскаго, который принялъ его 1 января 1753 г. въ составъ Оренбургской губерніи отъ капитана Астраханскаго гарнизона Племянникова^{е)}: „Городъ каменный весьма ветхой въ трехъ стѣнахъ и въ восьми башняхъ и больверкахъ, кои до половины развалились, и вновь сдѣланы цѣлымъ и половиннымъ кирпичемъ, а четвертая часть

^{а)} Сборн. статист. и археолог. свѣд. Уфа 1868 г., отд. II, стр. 90.

^{б)} Уральск. Войск. Вѣд. 1872 г., № 30.

^{в)} Такъ наз. ихъ и Рычковъ. Топ. Оренб. губ., ч. II, 23.

^{г)} Топ. Оренб. губ. Рычкова, ч. II, стр. 23. Въ настоящее время отъ всего этого почти ничего не осталось, кромѣ небольшой валобразной возвышенности, огибающей на подобіе квадрата одинъ кварталъ города съ площадью, гдѣ былъ старый городъ.

^{д)} Рычковъ. Топ. Ор. губ., ч. II, стр. 23.

^{е)} Тамъ же, стр. 24.

стѣны противъ коммандантскаго дому рушилась, у онаго города одни ворота, называемыя Спасскія, да одна калитка. Величина его по длинѣ отъ Спасскихъ воротъ до Терской башни 132 саж., а поперегъ отъ средней стѣнной башни до башни же Макарьевской—128 саж.“^{а)}

Принявъ на себя охрану Нижне-яицкой линіи и Гурьева-городка, Яицкіе казаки обязаны были не допускать до перелазовъ на противоположный берегъ киргизъ и калмыковъ, раздѣленныхъ нижнемъ теченіемъ рѣки Яика; тѣмъ и другимъ позволялось кочевать не ближе, какъ на 20 верстъ отъ береговъ рѣки въ степь. Въ видахъ гарантіи этого распоряженія, Неплюевъ нашелъ полезнымъ, чтобы въ осеннее время вся степь по лѣвую сторону Яика была выжигаемая до самаго Каспійскаго моря, что и было утверждено особымъ указомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 8 августа 1748 года^{б)}. Астраханскій губернаторъ Брылкинъ предлагалъ выжигать степь по обѣ стороны р. Яика, но Неплюевъ нашелъ нужнымъ сожигать подножный кормъ для скота только на киргизской сторонѣ,—и Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ согласилась съ его мнѣніемъ. Въ случаѣ, если казаки встрѣчали у киргизовъ или калмыковъ отогнанныхъ лошадей или плѣнниковъ, то имъ позволялось не только отнимать ихъ добычу, но и убивать виновныхъ „на страхъ другимъ, дабы и тайныхъ перелазовъ не чинили, скотъ не отгоняли и людей не захватывали“. Когда же казаки замѣчали появленіе сильныхъ и многочисленныхъ партій калмыковъ или киргизъ въ недалекомъ разстояніи отъ береговъ Яика, или получали только извѣстіе о приближеніи такихъ скопищъ; то они должны были, сколько возможно, „пересылками съ ними удерживая ихъ или безъ всякаго азарту препятствуя имъ“, тотчасъ же посылать вѣстовыхъ въ Яицкій городокъ къ войсковому атаману, который давалъ немедленно приказъ ударить въ набатный колоколъ, чтобы все, способные владѣть конемъ и оружіемъ, сейчасъ же скакали на выручку форпостныхъ казаковъ, коимъ угрожала опасность; за нарушеніе этого распоряженія виновные подвергались наказанію. Такъ полковникъ Егоръ Матвѣевъ и есаулъ Феодоръ Усовъ разжалованы были въ рядовые казаки до выслуги лѣтъ за то, что не предупредили о наступленіи киргизовъ на калмыкъ въ 1746 г.^{в)} Въ 1750 г. полковникъ Сильвестровъ лишенъ былъ чина и записанъ въ рядовые за то, что отпустилъ съ Антонова форпоста „одного казака съ подводами“, котораго киргизы утопили въ рѣкѣ и напали на Котельный форпостъ.

^{а)} Тамъ же.

^{б)} Указы 1748 г. въ Тург. обл. архивъ, листъ 161.

^{в)} Указъ В. Колл. 16 мая 1748 г. за № 4625. См. въ Тург. обл. арх. указы 1748 г., л. 121—123.

Командиръ форпоста хорунжій Задніцынъ, сотники: Пеуновъ и Курохтинъ и писарь Заколышинъ за оплошность, допущенную ими при нападеніи киргизовъ, были лишены чиновъ и, при собраніи Войскового Круга, „нещадно“ наказаны плетью; рядовые казаки, бывшіе въ ихъ командѣ, также были наказаны плетью; но особенно досталось хорунжему Задніцыну, изъ-за котораго, какъ видно изъ дѣла, пострадали и другіе, *безъ вины виноватые*: его, по наказаніи плетью въ Войсковомъ Кругу, опредѣлили въ каторжную работу^{а)}.

Принимая всѣ предосторожности къ обезопасенію линіи, Неплюевъ строго запретилъ казакамъ обижать и киргизъ съ калмыками. Полковымъ старшинамъ настрояйше было приказано смотрѣть за подчиненными, чтобы „они безъ ихъ вѣдома никуда отъ команды не отлучались и кочующимъ иногда по близости киргизъ-кайсакамъ и калмыкамъ обидѣ и никакого воровства изъ-подъ улусовъ ихъ не чинили, и напрасно-бы на нихъ худыхъ дѣлъ не затѣвали, чего ради отъ форпостовъ на звѣровство и ни на какіе промыслы далѣе десяти верстъ ихъ не отпускать“. Выбѣжавшихъ изъ калмыцкихъ улусовъ или киргизскихъ ауловъ плѣнниковъ велѣно, послѣ подробныхъ предварительныхъ распросовъ, „не чиня имъ никакихъ обидъ“, отсылать къ войсковому атаману, который долженъ былъ, при случившейся надежной оказіи, препроводять ихъ въ мѣсто жительства и доносить о томъ въ Оренбургскую канцелярію.

Яицкіе казаки, кромѣ низовой линіи и Гурьева, должны были заботиться и объ Илецкой станицѣ и ея казакахъ. Неплюевъ вмѣнилъ въ обязанность всему Яицкому войску и особенно войсковому атаману смотрѣть за Илецкими казаками, чтобы они были „небезконны и безоружны и въ городѣ-бъ добрый порядокъ и осторожность содержали, понеже Илецкая станица, какъ извѣстно, понинѣ еще слабаго состоянія и, въ случаѣ какого на нее немалого воровскаго приходу, не токмо и недопущенію онаго до намѣренія ихъ и въ войску надъ ними, но и охраненію себя еще ненадежно“^{б)}.

Поручивъ Яицкому войску заботиться объ Илецкихъ казакахъ, Неплюевъ не могъ удовлетвориться этимъ; „слабое состояніе“ Илецкой станицы не переставало его беспокоить, и поэтому, возвращаясь изъ Яицкаго городка въ 1748 году, онъ пожелалъ лично осмотрѣть эту станицу. Время основанія Илецкаго городка, котораго не нужно смѣшивать

^{а)} Указъ В. Колл. 19 іюля 1750 г. за № 6023. См. въ Тургайск. област. арх. указы 1750 г., л. 97—98. Тамъ же указъ Неплюева Яицкому войску 9 августа 1750 г. за № 13, л. 99—100.

^{б)} Рябининъ. Уральск. каз. войско, ч. II, въ прилож. № VI.

съ Илецкой Соляной Защитой^{а)}, относится къ 1737 году, когда двое изъ Яицкихъ казаковъ Черкаскаго рода, Иванъ Никифоровъ Изюмскій и Андрей Денисовъ Черкасовъ обратились въ канцелярію Оренбургской Экспедиціи съ просьбой о дозволеніи имъ построить на устьи р. Илека городокъ, что имъ и было дозволено особымъ указомъ 5 февраля того же года^{б)}. Въ силу этого указа, они могли заселять городокъ уфимскими мещеряками, калмыками, татарами и другими инородцами, неположенными въ подушной окладъ; Изюмскій былъ назначенъ атаманомъ, а Черкасовъ — есауломъ. Но въ общинѣ Илецкихъ казаковъ не было и тѣни яицкаго элемента: Илецкіе казаки организовались изъ людей, не отличавшихся ни энергіей, ни удалствомъ, ни молодечествомъ, — изъ людей, незакаленныхъ въ борьбѣ съ вратами, какъ-то: изъ крестьянъ, чувашъ, ясачныхъ татаръ, мордвы, инвалидовъ солдатъ и т. п. Поручая Илецкихъ казаковъ попеченію Яицкаго войска, Неплюевъ желалъ, чтобы оно, такъ сказать, оказало ихъ по-яицки. Посѣтивъ лично Илецкую станицу, Неплюевъ счелъ первымъ долгомъ осмотрѣть самое мѣстоположеніе крѣпости и ея окрестностей, вникая при этомъ во все до мельчайшихъ подробностей. — Результатомъ этого осмотра были слѣдующаго рода мѣры и распоряженія Неплюева. Такъ-какъ положеніе крѣпости на лѣвой сторонѣ Яика подвергало Илецкихъ казаковъ большой опасности со стороны киргизовъ, которые нерѣдко увозили казаковъ съ пашни и покосовъ въ свои аулы; то Неплюевъ намѣренъ былъ прежде всего переселить казаковъ на правый берегъ рѣки Яика, но казаки заявили, что это потребуетъ большихъ расходовъ и значительныхъ усилій съ ихъ стороны, а потому просили, чтобы имъ позволено было остаться на прежнемъ мѣстѣ. Неплюевъ согласился на это, но обязалъ казаковъ подпиской, что они пашни и луга, находившіеся также на лѣвой сторонѣ рѣки и притомъ въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, впредь будутъ имѣть на правой сторонѣ Яика; здѣсь же долженъ былъ пастись и скотъ, чтобы чрезъ то затруднить отгонъ его киргизами. Чрезъ р. Яикъ велѣно было устроить мостъ, для свободнаго проѣзда съ возами и прогона скота; въ рабочую пору въ самой станицѣ должна была оставаться треть всего числа казаковъ, съ цѣлью обороны, въ случаѣ внезапнаго нападенія киргизовъ. Если кто пожелалъ бы заводить хутора на правой сторонѣ рѣки, „такъ овнмъ не воспрещать“. Прежде казачьи гумна, овины и при нихъ всякій хлѣбъ

^{а)} Илецкій городокъ въ 124 верст. отъ Оренбурга къ Уральску, а Илецкая Защита въ 60 верст. отъ Оренбурга, въ Киргиз. степи.

^{б)} Въ черн. бумаг. І. И. Желѣзнова (по описи № 14) имѣется копія съ этого указа.

находились въ значительномъ разстояніи отъ станицы и расположены были въ разбросъ, такъ что иногда могли служить удобнымъ мѣстомъ для укрывательства подъѣзжавшихъ къ станицѣ воровъ; почему Неплюевъ распорядился, чтобы „всѣ казачьи гумна, овины и при нихъ хлѣбъ имѣть въ одномъ мѣстѣ, а именно: съ восточной стороны, съ въѣзду въ городокъ, кромѣ Яику, такъ чтобы они могли быть подъ прикрытіемъ пушекъ и не далѣе съ половины города закрывали, гдѣ каждый про себя какъ и кому надобно построить и огородить можетъ, а около тѣхъ имѣть плетень для внезапнаго нападенія“^{а)}. Старыя гумна Неплюевъ приказалъ сломать „и, по прежнему, въ разсыпной ихъ не имѣть“; огороды также велѣно было заводить около станицы, „чтобы случающіеся тутъ люди въ виду караульныхъ и подъ прикрытіемъ же были“. Осматривая батареи, Неплюевъ нашелъ, что онѣ не были покрыты и не такъ крѣпко устроены, какъ бы слѣдовало, почему онъ приказалъ: „онны предъ будущимъ лѣтомъ сдѣлать лучше, срубя ихъ изъ здороваго и нетолстаго лѣсу, и подѣлать на нихъ крѣпкіе полы и крыши по тому примѣру, какъ онны въ Разсыпной крѣпости сдѣланы, и содержать всегда въ надлежащей опрятности“. Лафеты подъ пушками также оказались весьма плохими, а казаки, приставленные къ пушкамъ, не умѣли дѣйствовать должнымъ образомъ, почему Неплюевъ положилъ „послать изъ Оренбурга отъ артиллерійской команды одного унтеръ-офицера, чтобы онъ при себѣ подъ онны пушки такъ установилъ и нумерей обучилъ, чтобы онѣ и къ стрѣлянью всегда дѣйствительны и къ защищенію города способны были“^{б)}.

Между тѣмъ, чтобы не задержать производства работъ, казакамъ приказано было заготовить и засушить лѣсу для устройства лафетъ и батарей. Оплотъ, которымъ была обнесена крѣпость, когда обветшаетъ или обвалится, казаки обязались исправлять сами; у всѣхъ воротъ въ лѣтнее время и на батареяхъ долженъ былъ содержаться караулъ, а ворота, обращенныя въ киргизскую степь, велѣно на глухо запереть. Изъ числа той трети казаковъ, которая должна была оставаться въ станицѣ на рабочее время, Неплюевъ приказалъ отдѣлить часть для содержанія двухъ форпостовъ, предположенныхъ къ постройкѣ на рѣчкахъ Заживной и Кинделѣ^{в)}. Казаки обязались построить въ этихъ мѣстахъ „землянки и соплоты“ (заплоты), „только камышемъ не крыть, имѣть въ нихъ по пушкѣ

^{а)} Рябининъ. Уральск. каз. войско, ч. II, въ прилож. № VII, стр. 16 и 17.

^{б)} Тамъ же.

^{в)} Рѣки: Заживная и Кинделя начинаются въ предѣлахъ Оренб. войска и входятъ въ Уральскую область, первая близъ Мухрановскаго форпоста, а вторая у хутора Новокиндельскаго. Обѣ рѣчки впадаютъ въ Уралъ съ правой стороны между Кинделинскимъ и Бородинскимъ форпостами.

и содержать по 20 человекъ“. Каждую недѣлю два раза, а если потребуется—и ежедневно, Илецкіе казаки, въ числѣ пяти человекъ, должны были дѣлать разъѣзды по двумъ направленіямъ: къ Разсыпной крѣпости и къ Иртеку до половины пути, съѣзжаясь съ разъѣздами, высылаемыми изъ Разсыпной крѣпости и Иртецкаго форпоста. Иртецкій форпостъ находится въ 99¹/₂ в. отъ Уральска, а Разсыпная крѣпость—въ 167¹/₂ в.; слѣдовательно, разъѣзды Илецкихъ казаковъ обнимали собою пространство отъ 35 до 40 верстъ въ длину. Въ аулы киргизовъ казаки могли ѣздить только по особому распоряженію Оренбургской канцеляріи; въ степь позволено было отъѣзжать не болѣе, какъ на 20 верстъ отъ крѣпости, для звѣроловства и рыбныхъ промысловъ, „и ѣздили бы компаніями съ оружіемъ и немалолюдно, смотря, чтобъ имъ отъ киргизъ вреда не было, а при тревогахъ какъ въ городкѣ, такъ и въ форпостахъ давать сигналы изъ пушки“. По р. Илеку за лѣсомъ позволялось ѣздить и далѣе 20 в., но также вооруженными компаніями и съ непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы каждый казакъ, отправляясь на промыселъ, нанималъ за себя другаго для отправленія за него своей очереди, „дабы она за тѣмъ не стояла и другимъ-бы изъ того тяжести не было“.

Но заботясь о безопасности Илецкихъ казаковъ, Неплюевъ однакожъ не позволялъ имъ, какъ и Яицкимъ казакамъ, безъ причины обижать и киргизовъ: онъ обязалъ казаковъ подпиской, чтобы „киргизамъ, которые по ихъ казачьей сторонѣ будутъ ѣздить для звѣроловства, или для чего другаго, а не ради воровства, онымъ никакихъ обидъ не чинить и въ улусы ихъ для воровства не ѣздить“. Атаману и его совѣтникамъ-старшинамъ приказано, подъ угрозою штрафа, за всѣмъ смотрѣть и наблюдать. Въ избѣжаніе опасныхъ послѣдствій отъ пожаровъ, Неплюевъ распорядился, чтобы дома были крыты лубьемъ или тесомъ, а тѣ крыши, которыя сдѣланы были изъ соломы, при наступленіи весны, велѣно сбросить; кромѣ того, Неплюевъ приказалъ имѣть въ крѣпости пожарные инструменты и „надлежащее для того учрежденіе“. Стараясь улучшить въ стратегическомъ отношеніи Илецкую станицу, Неплюевъ обратилъ вниманіе и на внутренній строй Илецкихъ казаковъ. Между прочимъ, онъ установилъ штатъ, по которому положено быть: одному атаману, одному есаулу, пяти сотникамъ; писарю и 464 рядовымъ казакамъ, изъ которыхъ „выбирать, съ переменною погодно, лучшихъ и надежныхъ людей, хорунжихъ 5 да урядниковъ 9; а изъ сотниковъ одному всегда и у всѣхъ дѣлъ присутствовать по очереди при атаманѣ и больше вышеписаннаго никакихъ старшинъ не имѣть, и всѣ они должны къ службѣ Ея Императорскаго Величества добрыхъ лошадей имѣть и во всемъ надлежащую справку, какъ то: исправное ружье,

сайдакъ и, по крайней нуждѣ, доброе длинное копье имѣть^{а)}. Казакамъ строго были воспрещены *«пьянство, тунелдство, воровство и другія непотребства»*, а также — *«пріемъ бѣглыхъ»*. — Каждый казакъ долженъ былъ заниматься хлѣбопашествомъ, звѣриными и рыбными промыслами, наблюдая во всемъ экономію. Въ вознагражденіе за труды, атаману, есаулу и писарю назначено было жалованье: первому 24 руб., а есаулу и писарю по 12 руб. въ годъ; главный контроль надъ расходою войсковыхъ суммъ былъ порученъ Яицкому войсковому атаману, который разъ въ годъ обязанъ былъ отправлять одного изъ старшинъ на ревизію въ Илецкую станицу. Недовольные рѣшеніемъ дѣлъ своего атамана должны были аппелировать Яицкому войсковому атаману.

Устраивая Сакмарскую линію, Неплюевъ позаботился дать подобное же устройство, какъ въ Илецкомъ городкѣ, и Сакмарскому казачьему городку, основанному выходцами изъ Яицкаго войска еще въ 1725 г., въ 30 верстахъ отъ устья Сакмары, на высокомъ и прекрасномъ мѣстѣ, „а притомъ“ — замѣчаетъ Рычковъ, — „и отъ природы весьма на крѣпкомъ мысу, который съ двухъ сторонъ неприступенъ, и никакого укрѣпленія не требуетъ, а гдѣ надлежитъ, имѣть деревянное укрѣпленіе и особливую свою артиллерію“^{б)}. Въ Сакмарскомъ городкѣ было до 200 русскихъ казаковъ и до 50 изъ иноземцевъ, которые были употребляемы по разнымъ нарядамъ и дѣламъ въ Оренбургѣ. Они имѣли особаго станичнаго атамана, подчиненнаго Яицкому войсковому суду; но за отдаленностію отъ Яицкаго городка не участвовали въ службѣ Яицкихъ казаковъ. Главнымъ источникомъ къ существованію у нихъ служило хлѣбопашество, а также и лѣсной промыселъ: рубка и сплавка лѣса (котораго по близости къ нимъ было достаточно) въ Оренбургъ и т. п. Такимъ образомъ, благодаря Неплюеву, различныя казачьія поселенія, не имѣвшія раньше прочной между собою связи, были соединены въ одно цѣлое подъ главнымъ управленіемъ Яицкаго войскаго атамана, подчиненнаго въ свою очередь оренбургскому губернатору.

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ Неплюева нельзя не признать благоразумной и опытной его предусмотрительности на пользу казаковъ, которые, подъ вліяніемъ своей самонадѣянности, мало заботились о стратегическомъ положеніи своихъ жилищъ, а потому нерѣдко попадали въ ловушку, хитро и ловко поставленную для нихъ, киргизами, а иногда и сами обижали ихъ, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній. Въ сен-

^{а)} Тамъ же, ч. II, стр. 18.

^{б)} Топогр. Оренб. губ., изд. 1887 г., стр. 256.

тябрь 1755 г. поручикъ Ураковъ, занимавшій должность начальника дистанціи, донесъ Неплюеву, что Яицкіе казаки, отправляясь за рыбою, ночуютъ иногда въ лугахъ человѣка по два, по три и по четыре, безъ всякой осторожности и караула, и что когда онъ, Ураковъ, встрѣчая такіе ночлеги, сталъ требовать, „чтобы они при форпостахъ, или бы совокупясь человѣкъ по десяти и болѣе ночевали; то казаки не только не учтиво, но даже съ крикомъ и бранью ему отвѣчали, что слушать его не хотятъ и дѣла до того якобы ему нѣтъ, да и драться были готовы“^{а)}. Неплюевъ, въ отвѣтъ на это доношеніе Уракова, приказалъ: „сыскавъ виновниковъ, за такое своеволие и грубость, на страхъ имъ и другимъ, учинить въ Кругу наказаніе плетью“. Слѣдствіемъ такихъ поступковъ со стороны казаковъ было строжайшее подтвержденіе того распоряженія, по силѣ котораго казаки въ такомъ малолѣдствѣ никуда не должны были ѣздить, а *«всегда бы ѣздили компаніями и вооруженные»*; нарушителей этого постановленія и *«потаковщиковъ»* ихъ приказано ловить и представлять, при особомъ конвоѣ, къ Яицкому войску для наказанія въ Войсковомъ Кругу. Къ этому же времени относится распоряженіе Неплюева, чтобы за солью на Индерское озеро казаки ѣздили *«партіями не менѣ 50 человекъ и съ исправнымъ оружіемъ»*. Отмѣченный фактъ отношенія казаковъ къ Уракову можетъ служить свидѣтельствомъ того, что казаки иногда оказывались не только непредусмотрительными, но, по меньшей мѣрѣ, и странными: распоряженія и заботы объ ихъ же безопасности вызываютъ въ нихъ недовольство и грубость. Конечно, такая самонадѣянность или казацкое *ухарство* не всегда даромъ проходили казакамъ: не мало было убито ихъ и захвачено въ плѣнъ киргизами. Если и гораздо позже, въ степи на Самарской сторонѣ, могло совершиться убійство братьевъ Бакировыхъ, захватъ въ плѣнъ Струняшева, сопровождавшаго хивинскій караванъ въ Астрахань, разграбленіе самаго каравана и убійство сопровождавшихъ его казаковъ, недалеко отъ Гурьева, — и если такіа печальныя явленія и происшествія представляютъ собою, по рассказамъ самихъ же казаковъ, два изъ весьма многихъ и нерѣдко повторявшихся случаевъ^{б)}; то послѣ этого нельзя не подивиться самоувѣренности казаковъ, надѣлавшихъ грубости Уракову. Впрочемъ, можетъ быть, причина грубости и дерзости казаковъ скрывается здѣсь въ личности самого Уракова, мало намъ извѣстной, а не въ самомъ распоряженіи о безопасности казаковъ,

^{а)} См. Ур. В. Вѣд. за 1868 г. № 23. Ср. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова, по описи № 16.

^{б)} Уральск. Войск. Вѣд. 1868 г., № 23. Слич. І. И. Желѣзнова: „*Картины казакской жизни*“, стр. 31, 124; его же: „*Саймачики*“, (стр. 211—228) и „*Василій Струняшевъ*“.

но фактъ все-таки остается фактомъ. Изъ рапорта Неплюеву того же Уракова видно также, что Яицкіе казаки имѣли за р. Яикомъ хутора и зимовки, которыя были заведены, какъ можно предполагать, безъ предварительнаго разрѣшенія на то начальства.—Ураковъ какъ дистанчный начальникъ, опасаясь ответственности, въ случаѣ нападенія на эти хутора и зимовки киргизовъ, между прочимъ, писалъ Неплюеву: „ежели паче всякаго чаянія онымъ вредъ какой причинится, того форпостнымъ учинить никакъ не возможно, въ каковомъ бы случаѣ и ему, Уракову, чего не причлось, а у походнаго де вашего войска полковника никакого о томъ предметѣ наставленія не нашлось“^{а)}. Вслѣдствіе этого Неплюевъ предписалъ, чтобы Яицкое войско обсудило этотъ вопросъ, совмѣстно съ капитаномъ Роговымъ, поручикомъ княземъ Ураковымъ и Харьковымъ и о мѣрахъ, какія признаются необходимыми, для огражденія имѣющихся за Яикомъ хуторовъ и зимовокъ отъ киргизовъ, немедленно донести. Изъ послѣдовавшаго потомъ отношенія Неплюева въ Военную Коллегію по этому дѣлу видно, что Яицкое войско сильно отстаивало эти хутора и зимовки, расположенныя вверхъ и внизъ по Яику на протяженіи ста верстъ; при этомъ казаки просили, чтобы для безопасности хуторовъ и зимовокъ, имъ было позволено „отъѣзжіе караулы на степной сторонѣ полюдиѣ содержать“. Неплюевъ, согласившійся на просьбу казаковъ, писалъ: „хутора же, которые вы безопасными признаете, то они до дальняго въ томъ усмотрѣнія, для показанныхъ вами необходимыхъ нуждъ, по-прежнему, остаются, ибо ежели изъ сего что предосудительное произойдетъ, въ томъ отвѣтственны остаетесь уже сами вы; но съ тѣмъ, чтобы вы, имѣя отъѣзжіе караулы, хуторовъ пустыми не оставляли и никакимъ бродягамъ и раскольникамъ въ нихъ пристанища не давали“^{б)}. Яицкое войско, получивъ этотъ указъ, командировало 60 казаковъ, которые были разставлены въ шести избранныхъ мѣстахъ между Бударинскимъ и Январцевскимъ форпостами^{в)}. Вообще Неплюевъ, устраивая Нижне-яицкую линію укрѣпленій, старался дѣйствовать согласно мѣстнымъ условіямъ края и нуждамъ его поселенцевъ; онъ во все входитъ самъ и лично давалъ разныя полезныя указанія и наставленія.

Такимъ образомъ, благодаря стратегическимъ заботамъ Неплюева и частію его предшественниковъ, Оренбургскій край сдѣлался „довольно оборонительнымъ“ и безопаснымъ отъ опустошительныхъ набѣговъ и грабежей киргизъ-кайсаковъ, каракалпаковъ, зюнгоровъ и другихъ кочующихъ

а) Чернов. бум. I. И. Желѣзнова, по описи № 16.

б) Указъ Неплюева 28 сент. 1754 г. за № 416.

в) Урал. В. Вѣдом. 1868 г., № 23.

ордѣ. Вся Башкирія и другія части Оренбургской губерніи были защищены нѣсколькими линіями военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ отъ безпокойныхъ сосѣднихъ ордѣ и склонныхъ къ бунтамъ башкирцевъ. Центральнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ сдѣлался настоящій Оренбургъ, отъ котораго на западъ шла Самарская линія крѣпостей, на югъ — Нижне-яицкая, на сѣверъ — Сакмарская и Орекая дистанція Верхне-яицкой линіи, на востокъ — Красногорская дистанція Верхне-яицкой же линіи и Уйская линія, соединявшаяся съ западной Сибирью.

Самарская линія соединяла Нижне-яицкую съ Волгой и отдѣляла башкирцевъ отъ калмыковъ, кочевавшихъ въ степяхъ между рѣками Яикомъ, Самарой и Волгой. Въ составъ ея, кромѣ Самары и пригорода Алексѣевского, входило 8 крѣпостей и три редута, которые были расположены въ такомъ порядкѣ по направленію къ Оренбургу: кр. Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, ред. Погромный, кр. Токская, Сорочинская, р. Крестовый, кр. Новосергіевская, р. Плотавскій и крѣпость Переволоцкая^{а)}. Всѣ эти крѣпости, какъ мы уже знаемъ^{б)}, были заведены еще Кирилловымъ, за исключеніемъ Ольшанской, застроенной въ 1741 г. княземъ Урусовымъ, и Новосергіевской, основанной еще В. Н. Татищевымъ въ 1738 г.

Нижне-яицкая линія, начинаясь Чернорѣченской крѣпостью въ 18 верстахъ^{в)} отъ Оренбурга, простиралась до самаго Каспійскаго моря на протяженіи болѣе 700 верстъ. Кромѣ городковъ Гурьева, Кулагина, Калмыкова, Илека и Яицкаго городка (Уральска), она имѣла четыре крѣпости^{д)}: Чернорѣченскую, Татищеву, Нижне-озерную и Разсыпную и 19 казачьихъ форпостовъ^{е)}.

Сакмарская линія получила свое начало и устройство при Неплюевѣ^{ж)} и состояла, кромѣ Сакмарскаго городка, изъ двухъ крѣпостей: Предтеченской и Воздвиженской, и двухъ редутовъ: Никитскаго и Желтаго. Эта линія служила какъ-бы соединительнымъ зве-

^{а)} Кр. Переволоцкая впоследствии была отчислена къ Нижне-яицкой линіи: „понеже отъ нея (говорить Рычковъ) къ Яику рѣкъ до Татищевой пристани только 20 в., а до Сорочинской крѣпости, гдѣ Самарской дистанціи командиръ находится, около 80 верстъ“. Топ. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 305.

^{б)} См. выше стр. 149.

^{в)} Зимній путь лежалъ чрезъ поѣмныя мѣста, чрезъ которыя во время разлива Урала нельзя было ѣздить; почему лѣтняя дорога шла черезъ горы и была на 10 вер. длиннѣе зимняго прямого тракта.

^{д)} У Рычкова, кромѣ этихъ 4 крѣпостей, къ этой же линіи отнесена и Переволоцкая крѣпость, включенная нами въ Самарскую дистанцію, въ вѣдѣніи которой она первоначально и состояла.

^{е)} См. выше стр. 258 и 259.

^{ж)} См. выше стр. 179.

номъ между внутренними крѣпостями Башкиріи, основанными еще при Кирилловѣ^{а)}, и военными поселеніями по рѣкамъ Яику и Самарѣ, входя такимъ образомъ и въ связь съ городами: Уфой, Мензелинскомъ, Бирскомъ и Осой.

Верхне-яицкая линія заключала въ себѣ 9 крѣпостей и 16 редутовъ, расположенныхъ на протяженіи 561½ версты. Направляясь отъ Оренбурга на востокъ и частію склоняясь къ юго-востоку, соотвѣтственно теченію р. Яика, она отъ Орской крѣпости, какъ и самая рѣка, круто, почти подъ прямымъ угломъ, поворачивала на сѣверъ и шла въ такомъ направленіи до Верхне-яицкой крѣпости. Верхне-яицкая линія крѣпостей раздѣлялась на двѣ дистанціи: Красногорскую и Орскую; первую составляли слѣдующія укрѣпленія^{б)}: редуты Нѣжинскій и Вязовый, крѣпость Красногорская, р. Гирьяльскій^{в)}, крѣпость Озерная, р. Никольскій, кр. Ильинская, р. Подгорный, кр. Губерлинская и ред. Разбойный. Въ составъ Орской дистанціи входили крѣпости: Орская, редуты Калпацкій и Тераклинскій, кр. Таналыцкая, Урдасымская, ред. Орловскій^{д)}, Березовскій, Урдасымскій^{е)}, Грязнушинскій^{ж)}, кр. Кызыльская, ред. Сыртенскій и Ангельскій^{з)}, кр. Магнитная и редуты Вехне-кызыльскій и Спасскій, отъ котораго до Верхне-яицкой крѣпости считалось 15 верстъ. Всѣ эти укрѣпленные мѣста были устроены Неплюевымъ, за исключеніемъ 4 крѣпостей: Красногорской, Озерной, Губерлинской и Верхне-яицкой, основанныхъ его предшественниками.

Уйская линія шла на протяженіи 753 верстъ и заключала въ себѣ 9 крѣпостей и столько же редутовъ; она начиналась съ Верхне-яицкой крѣпости и оканчивалась Звѣриноголовской, за которой въ 59 верстахъ находилась первая изъ Сибирскихъ крѣпостей, Прѣсногорьковская^{и)}. Эта линія раздѣлялась, какъ и Верхне-яицкая, на двѣ дистанціи: Верхне-

^{а)} Мы разумѣемъ крѣпости: Табынскую, укрѣпленную Кирилловымъ, Ель-дяцкую, Красноуфимскую и Нагайбацкую.

^{б)} Мы приводимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они шли отъ Оренбурга къ Верхне-яицкой крѣпости.

^{в)} У Н. А. Ойрсова ред. Гирьяльскій названъ ошибочно Гильярскимъ. См. Ино-родческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и проч.; стр. 334.

^{д)} У Н. А. Ойрсова этотъ редутъ пропущенъ, хотя онъ значится и въ „Топогр. Оренб. губ.“ Рычкова, и на „Ландкартахъ“ Красильникова, составл. въ 1755 г. См. карт. 9. Предъ ред. Гирьяльскимъ Н. А. Ойрсовъ показалъ редутъ Володимірскій, котораго мы не нашли ни у Рычкова въ его „Топографіи Ор. губ.“, ни въ „Ландкартахъ“ Красильникова.

^{е)} У Красильникова его нѣтъ, въ „Топогр. Оренб. губ.“. Рычкова, (изд. 1887 г., стр. 336—337) сказано не ясно.

^{ж)} У Н. А. Ойрсова: „Грязноминскій“.

^{з)} У Н. А. Ойрсова: „Яйгельскій“, у Красильникова: „Янгельскій“.

^{и)} У Красильникова: „Прѣсногорская“.

уйскую и Нижне-уйскую: первую составляли 8 укрѣплений: крѣп. Верхне-яицкая, ред. Свіяжскій, кр. Уклы-Карагайская, ред. Ерзединскій, кр. Петропавловская и Степная, редуты Подгорный и Санарскій; въ вѣдомствѣ же Нижне-уйской дистанціи находилось 10 укрѣпленныхъ мѣстъ. крѣпость Троицкая, ред. Ключевской, крѣп. Каракульская, ред. Березовскій, кр. Крутоярская, р. Луговой, кр. Усть-Уйская, р. Кагардыцкій и Озерной, и кр. Звѣриноголовская, отошедшая отъ Сибири къ Оренбургской губерніи въ 1753 году. За исключеніемъ крѣпостей Уклы-Карагайской и Звѣриноголовской, остальные укрѣпленія по этой линіи были заведены Неплюевымъ.

Отъ Верхне-яицкой крѣпости, кромѣ Уйской линіи, шла еще другая вѣтвь военныхъ поселеній, которая, захватывая съ одной стороны рѣчку Увелку^{а)} и близъ лежащія озера^{б)}, а съ другой р. Міасъ, соединялась черезъ нее съ укрѣпленными мѣстами какъ по рѣкѣ Міасу, такъ и по р. Исети, а чрезъ послѣднюю, принимающую въ себя съ правой стороны Міасъ и впадающую съ лѣвой—въ Тоболъ, входила въ связь съ укрѣпленіями по р. Тоболу и съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ. Важнѣйшими укрѣпленными мѣстами по р. Міасу считались: Челябинскъ, какъ главный пунктъ всей Исетской провинціи, к. Міасская, Окуневскій острогъ, съ приписными къ нему слободами^{в)}, и крѣпость Усть-Міасская, а по р. Исети: Исетскій острогъ, Мехонскій, Красногорскій, Масленскій, Шадринскъ, монастыри: Рафанловъ и Далматовъ, и слободы: Бешкильская, Ингалинская, Терсюцкая и Борневская. Суммируя всѣ вышеприведенныя числовыя данныя, мы узнаемъ, что во всемъ Оренбургскомъ краѣ при Неплюевѣ было около 114 укрѣпленныхъ мѣстъ, изъ нихъ болѣе половины были основаны, устроены и заселены, благодаря инициативѣ, заботамъ и энергіи этого замѣчательнаго дѣятеля. Неплюевъ, видно, хорошо сознавалъ горькую истину: *«если желаешь мира, будь готовъ къ войнѣ»*, а башкирскіе бунты, продолжавшіеся около двухъ вѣковъ, еще болѣе должны были убѣдить его въ необходимости этой предосторожности. Въ 1755 году, по случаю башкирскаго бунта, какъ увидимъ дальше, Неплюевъ долженъ былъ признать, что и этихъ крѣпостей было недостаточно, для удержанія башкиръ

^{а)} Лѣвый притокъ р. Уя. На Увелкѣ наход. кр. Кичигина, а при впаденіи Коелги въ Увелку крѣпость Коельская.

^{б)} Озеро Эткуль съ кр. Эткульской; озеро Чебаркуль съ кр. Чебаркульской.

^{в)} Карачевской, Чумляцкой (на р. Міасѣ), Теченской (р. Течь, впад. въ Исеть съ правой стороны), Песчанской (на озерѣ Песчаномъ) и Буткинской (на р. Будкѣ).

въ покорности, и потому на рѣкѣ Зелаирѣ, впадающей въ Сакмару, заложилъ новую крѣпость, названную по имени рѣки Зилаирскою.

Для заселенія укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ были назначены ландмилицкіе полки, оберегавшіе ранъше старую Закамскую линію, а также—Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки и Оренбургскіе казаки. Ландмилицкихъ полковъ было четыре: Шешминскій, Биларскій, Сергіевскій и Алексѣевскій; они были скомплектованы въ силу указа 19 февраля 1731 года. Первые два полка, Шешминскій и Биларскій, были сформированы изъ служилыхъ людей Закамскихъ при-городовъ: Старо-шешминска, Ново-шешлинска, Биларска, Ерыклинска, Тиннска и Алексѣевска; число ихъ простиралось до 5000 душъ; всѣ способные изъ нихъ къ службѣ были поверстаны въ эти полки поголовно, а на будущее время положено пополнять ихъ дѣтьми служащихъ въ нихъ солдатъ. Другіе два полка: Сергіевскій и Алексѣевскій были организованы изъ *«изъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей»*, которые были ранъше городовыми дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами и копѣйщиками, а въ 1724 г. названы государственными крестьянами и положены въ подушный окладъ^{а)}; съ 1731 г., когда велѣно было сформировать изъ нихъ два ландмилицкіе полка, приказано высочайшимъ указомъ: „государственными крестьянами ихъ не писать и не называть, а быть имъ, по-прежнему, въ службѣ“^{б)}. Сначала всѣ четыре ландмилицкіе полка предназначались для охраны Черемшанской, или Ново-закамской линіи, которой положено было начало въ 1730 г., подъ наблюденіемъ тайнаго совѣтника Наумова^{в)}; но съ учрежденіемъ Оренбургской линіи, эта линія была признана не нужною. Тогда эти полки положены было перевести на Самарскую и Яицкую линіи, водворивъ ихъ тамъ съ семьями и позволивъ возвращаться на прежнія мѣста только оставшимъ изъ полковъ Алексѣевскаго и Сергіевскаго. По проекту Татищева, какъ мы знаемъ, предполагено было заселить ландмилицкими полками и Нижне-яицкую линію; но Неплюевъ, ввѣривъ охраненіе нижняго теченія Яика, Яицкому войску, нашелъ наиболѣе полезнымъ воспользоваться ими для заселенія и обороны крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ, Сакмарѣ, верхнему теченію Яика, Ую и др. мѣстамъ. Кромѣ ландмилицкихъ полковъ, другимъ матеріаломъ для заселенія укрѣпленныхъ пунктовъ въ странѣ служили Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки, сформированные, по предста-

^{а)} П. С. Зак., № 9399. Указъ Сената отъ 5 мая 1747 г.

^{б)} Всѣхъ ихъ было болѣе 29000 душъ; въ службу брали одного изъ 30.

^{в)} О напр. этой линіи см. въ „Топогр. Ор. губ.“, ч. II, стр. 110; и Татищева: „Лексиконъ Россійскій“, ч. III, 12.

вленію Кириллова, въ 1735 и 1736 г. изъ городскихъ служилыхъ людей Уфы, Бирска и Мензелинска, а также изъ сибирскихъ недорослей. Но при Кирилловѣ и Татищевѣ переселеніе ландмилицкихъ и горнизонныхъ полковъ, по причинѣ башкирскихъ бунтовъ, шло чрезвычайно медленно и туго, при томъ-же и сами служилые люди, изъ которыхъ сформированы были эти полки, весьма неохотно оставляли свои прежнія жилища. При Урусовѣ, согласно его представленію, высочайше повелѣно было поселить означенные полки въ теченіи трехъ лѣтъ на новыхъ мѣстахъ; исполнителемъ этого повелѣнія пришлось быть Неплюеву, чѣмъ онъ и занялся немедленно, по прибытіи въ Оренбургскій край: „все годные къ службѣ поселены по линіи, а престарѣлые и увѣчные и отставные разселялись по другимъ мѣстамъ Оренбургской губерніи, а самые малолѣтніе опредѣлялись въ школы^{b)}“ учрежденныя въ Бирскѣ и Мензелинскѣ, въ которыхъ должны были обучаться на коштѣ отцовъ. Шешминскій ландмилицкій полкъ, какъ мы уже знаемъ^{c)}, былъ поселенъ въ крѣпостяхъ по Сакмарской линіи, а для Исетской провинціи Неплюевъ сформировалъ, на подобіе ландмилицкихъ полковъ, особую пѣхотную роту изъ дѣтей отставныхъ драгунъ и служилыхъ людей, жившихъ въ предѣлахъ этой провинціи и неположенныхъ въ подушный окладъ. Обязанности этой роты состояли въ содержаніи карауловъ, въ конвоированіи денежной казны и въ отправленіи другихъ внутреннихъ службъ; она должна была пополняться дѣтьми записанныхъ въ нее служилыхъ людей и волонтерами изъ казачьихъ дѣтей^{d)}. Но Неплюевъ встрѣтилъ затрудненіе относительно содержанія ландмилицкихъ и горнизонныхъ полковъ. По штату 1736 года, на содержаніе четырехъ ландмилицкихъ полковъ велѣно отпускать 46,196 рублей въ годъ, а два драгунскіе полка, въ силу указа 31 мая 1740 года, предписано содержать „изъ провіантской суммы на счетъ собираемаго съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ и иновѣрцевъ провіанта“. Но содержаніе, назначенное для ландмилицкихъ полковъ, какъ оказалось, было недостаточно, а главное—высылалось изъ Штатс-конторы неаккуратно; что же касается драгунскихъ гарнизонныхъ полковъ, то влѣдствіе того, что сборъ провіанта съ ясачныхъ и черносошныхъ крестьянъ указомъ 15 октября 1742 года велѣно было „оставить“, они нѣкоторое время, за неимѣніемъ другихъ источниковъ содержанія, вовсе оставались безъ пособія отъ казны. Влѣдствіе этого, Неплюевъ въ 1743 году просилъ Сенатъ объ устраниніи такого ненормальнаго положенія

^{a)} П. С. Зак., № 9399.

^{b)} Н. А. Опрсовъ. „Историч. населеніе преж. казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г.“ и проч., стр. 338.

^{c)} П. С. Зак., № 8783.

^{d)} Тамъ же, № 9447.

въ продовольствіи полковъ, и Сенатъ опредѣлилъ: „производить имъ остзейское жалованье, кромѣ тѣхъ командъ, кои будутъ по Самарѣ внутри Башкиріи, до тѣхъ поръ, пока оныя команды въ тѣхъ имъ назначенныхъ ко всегдашнему жительству крѣпостяхъ обселятся и прямыми гарнизонами быть стануть и отъ тамошняго довольства земель и всякихъ угодій и прочаго къ содержанію своему удовольствіе получать“^{а)}. Въмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ распорядился, чтобы эта прибавка жалованья, какъ и ординарное гарнизонное содержаніе, была производима и доставляема Неплюеву изъ доходовъ Казанской губерніи. Прошло три года, а Неплюевъ не получалъ ни содержанія для Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ, ни прибавки къ жалованью ландмилицимъ полкамъ; приходилось такъ или иначе самому найти источникъ для содержанія этихъ полковъ. Обративъ на расходы по содержанію полковъ осмигривенный сборъ съ тептарей и бобылей, равнявшійся ежегодно 22,909 руб. 60 коп., а также 2072 руб. 40 коп. годового подушнаго сбора съ сходцевъ изъ разныхъ уѣздовъ, поселенныхъ на новой Московской дорогѣ, и часть пошлинныхъ, откупныхъ и другихъ доходовъ,—имѣя въ виду этотъ источникъ, Неплюевъ въ 1747 году снова просилъ Сенатъ о высылкѣ къ нему за прежніе годы и напредъ прибавки къ обыкновенному жалованью, которая была опредѣлена Сенатомъ и которой Неплюевъ не нашелъ возможнымъ производить изъ мѣстныхъ доходовъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу, Сенатъ затребовалъ отъ Неплюева соображеній, какія изъ командъ, расположенныхъ въ Оренбургской губерніи, наиболѣе нуждаются въ прибавкѣ къ жалованью, которая бы уравнила ихъ содержаніе съ остзейскими гарнизонами. Неплюевъ не замедлилъ донести Сенату, что, по его мнѣнію, означенная добавка къ жалованью необходима для вѣхъ командъ Оренбургской губерніи, какъ по отдаленности ея отъ центральной Россіи, такъ и по причинѣ происходящей отъ того дороговизны на хлѣбъ и другіе необходимые предметы къ содержанію; что „безъ этой додачи они, находясь во всегдашнихъ трудахъ и осторожностяхъ, претерпѣваютъ крайнѣйшія нужды“. Неплюевъ допускалъ исключеніе только для Оренбургскаго и Уфимскаго полковъ, расположенныхъ и поселенныхъ по Уфимской линіи: „ибо оныя отъ хлѣбныхъ мѣстъ не въ дальности, и къ хлѣбопашеству на весьма добрыхъ мѣстахъ находятся“. Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, согласно представленію Неплюева^{б)}.

Съ увеличеніемъ числа укрѣпленныхъ мѣстъ въ Оренбургскомъ краѣ, оказалось недостаточнымъ для заселенія и обороны ихъ четырехъ ландми-

^{а)} П. С. Зак., № 9447.

^{б)} П. С. Зак., № 9484.

лицкихъ и двухъ драгунскихъ полковъ. Поэтому приходилось наряжать, въ помощь имъ, регулярные полки изъ внутреннихъ губерній Россіи; но ихъ пребываніе въ Оренбургской губерніи не могло быть постояннымъ: они нужны были и внутри государства и на другихъ его окраинахъ, особенно на западной границѣ. Неплюевъ сознавалъ, что необходимо было создать такую военную силу, которая бы могла быть водворена на постоянное жительство въ пограничныхъ крѣпостяхъ Оренбургскаго края, — такой силой, по его мнѣнію, могло быть Оренбургское казачье войско, на которое онъ и обратилъ свое вниманіе.

Вопросъ о началѣ и происхожденіи Оренбургскаго казачьяго войска принадлежитъ къ числу мало разработанныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ въ исторіи Оренбургскаго войска, которое оказало не мало услугъ для Россіи, въ военномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, какъ внутри, такъ и внѣ Оренбургскаго края. Полковникъ Хорошхинъ относитъ начало образованія Оренбургскаго казачьяго войска ко времени управленія краемъ Неплюева, именно къ 1755 году; въ своемъ трудѣ о казачьихъ войскахъ онъ говоритъ: „въ 1755 году Оренбургскій корпусъ доведенъ до тысячнаго состава и всѣ казаки, находящіеся въ Оренбургской губерніи, подчинены одному атаману, чѣмъ и положено собственно начало Оренбургскому казачьему войску“ ^{а)}. Другіе, на основаніи показаній Рычкова, утверждаютъ, что „начало Оренбургскому казачеству положилъ Кирилловъ, когда въ основанныя имъ крѣпости сталъ принимать на житье и на службу разнаго рода охотниковъ, большею частію, изъ сходцевъ или бѣглыхъ какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія“ ^{б)}. Считаю мнѣніе г. Хорошхина не выдерживающимъ исторической критики, мы не можемъ безусловно принять и втораго мнѣнія, то есть, что Оренбургскіе казаки зачались съ Кириллова. Извѣстно, что всѣ казачьи общины возникали не искусственно, а добровольно, являясь надежнымъ оплотомъ противъ враговъ на окраинахъ Россіи, по своей личной инициативѣ. Оренбургское казачье войско, безъ сомнѣнія, образовалось изъ тѣхъ же элементовъ, кои послужили основаніемъ и для прочихъ казачьихъ общинъ. Съ подчиненіемъ Московскому государству въ 1552 г. Казани и въ 1554 г. — Астрахани, Россія приобрѣла въ свое владѣніе все теченіе рѣки Волги съ прилежащими къ ней землями, обитателями которыхъ были племена финскаго и тюркомонгольскаго происхожденія. Первыми поселенцами изъ русскихъ на бере-

^{а)} Казачьи войска. Опытъ военно-статист. описанія 1881 г., стр. 37.

^{б)} Н. А. Ойрсовъ. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г., стр. 340. Слич. Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 166. — См. также рапортъ генераль-маіора Жуковскаго, поданный Оренб. генераль-губернатору Перовскому 25 марта 1852 г. за № 183.

гахъ Волги были казаки, въ собственномъ значеніи этого слова^{а)}, которые долго противились законной власти Московскаго правительства и водворенію гражданственности въ Поволжье. Извѣстно, что они нерѣдко занимались грабежомъ на Волгѣ частныхъ и казенныхъ торговыхъ судовъ, отправлявшихся съ товарами въ Астрахань, почему правительство нашло необходимымъ давать въ провожатые торговымъ караванамъ вооруженныхъ стрѣльцовъ. Такъ посолъ Савастьянъ, отправленный въ 1551 г. къ астраханскому царю, доносилъ, что на ихъ караванъ на пути изъ Казани въ Астрахань, „противъ Иргизскаго устья, въ стругѣхъ пришелъ князь Василій Мещерскій да казакъ Личюга хромой, путивлецъ“, которые овладѣли Ямгурчовымъ судномъ и убили при этомъ всѣхъ, находившихся на немъ, людей^{б)}. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный не разъ посылалъ для усмиренія и наказанія воровскихъ казаковъ регулярныя войска, но казаки не унимались.

Дѣйствуя подъ русскимъ знаменемъ, казаки особенно были страшны для ногайцевъ. Еще въ малолѣтство Грознаго ногайскіе князья и мурзы жаловались въ своихъ грамотахъ къ Московскому Царю, что мещерскіе и касимовскіе казаки нападаютъ на нихъ и *«ежегодъ отгоняютъ отъ нихъ и крадутъ животину, деньги и людей»*^{в)}. Жалобы эти повторяются и послѣ, съ указаніемъ на число уведенныхъ казаками и севрюками лошадей и людей („паробковъ“), причемъ ногайцы^{д)} просятъ Государя *«унять»* казаковъ. Въ 1577 году ногайскій князь Тинахметъ жаловался русскому послу, что „въ Сарайчикъ приходили государскіе люди и *надъ его мертвымъ отцомъ изругались*“^{е)}. Въ 1581 г.^{ж)} казаки снова напали на Сарайчикъ и, овладѣвъ имъ, перебили жителей, сожгли городъ и даже разорили ногайскія кладбища^{з)}. Послѣ этого погрома, ногайцы стали говорить, что имъ самимъ и „животинѣ“ ихъ отъ русскихъ казаковъ „на Яику и на Волгѣ добръ тѣсно“^{и)}. Московское правительство, которое нерѣдко и само терпѣло непріятности отъ казаковъ, старалось утилизировать ихъ набѣги на ногайцевъ и другія кочующія орды

^{а)} Слово „козакъ“, а не „казакъ“, какъ теперь говорятъ и пишутъ, чисто татарское и первоначально означало вольнаго, бездомнаго бродягу, а потомъ — низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ бродягъ. Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 10.

^{б)} Росс. Вивлюинка, ч. XXIX, стр. 190 и 210. Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.“, стр. 285.

^{в)} Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в.; Москва, 1877 г., стр. 304.

^{д)} Росс. Вивл. ч. XXVII, стр. 249, 291, 308, 314 и 320; ч. XXVIII, стр. 33, 50, 255.

^{е)} Тамъ же, ч. XXXI, стр. 179.

^{ж)} А не въ 1580 году, какъ показано въ книгѣ Старикова: „Откуда взялись казаки“, стр. 94.

^{з)} Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в., стр. 305.

^{и)} Тамъ же.

въ свою пользу. Такъ, когда крымскіе царевичи, вмѣстѣ съ 15 тысячами ногайцевъ, вторглись въ русскіе предѣлы и произвели опустошеніе, Московскій Царь пригрозилъ имъ русскими казаками. Къ Урусѣ была послана изъ Москвы грамота, въ которой, между прочимъ, было сказано: „Мы за такія ваши неправды и грубость предъ нами позволимъ васъ самихъ воевать и ваши улусы *казакамъ* астраханскимъ, и волжскимъ, и донскимъ, и казанскимъ, и мещерскимъ, и надъ вами надъ самими и не таковую досаду учинять; и *намъ* уже нынеча *своихъ казаковъ унять немочно*“ ^{а)}. Эта угроза тѣмъ болѣе должна была имѣть значеніе, что защиточные изъ ногайцевъ были недовольны своимъ *нурадыномъ* ^{б)} Урусомъ за то, что онъ „переграбилъ русскихъ пословъ, отстаетъ отъ Государя и хочетъ завоеваться съ нимъ; „а только (говорили они) *государь велитъ казакамъ* отнять у насъ Волгу, и Самару, и Яикъ—и *намъ, до, всѣмъ отъ казаковъ пропасти*: улусы наши, и женъ, и дѣтей поемлютъ и намъ гдѣся дѣти“ ^{в)}.

Московское правительство, не желая допускать перехода ногайцевъ въ Крымъ, давно было озабочено устройствомъ крѣпостей въ низовьяхъ Волги; того же желалъ и ногайскій ханъ Измаилъ, такъ-какъ усиленіе крымскаго хана новыми улусами было противно его интересамъ. Не располагая самъ достаточными для того средствами, Измаилъ просилъ московскаго государя еще въ 1555 году, чтобы онъ приказалъ поставить «*на всѣхъ перевозныхъ* (черезъ Волгу) *по двести человекъ*», дабы враги «*не пришли воднымъ путемъ*». Въ слѣдующемъ году Измаилъ обратилъ вниманіе Грознаго и на тѣ пункты на Волгѣ, въ которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало построить города и поставить воеводъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы враждебные ему мурзы, «*отъѣхавшіе*» отъ него, не переходили черезъ Волгу ни съ правой стороны на лѣвую, ни обратно; Измаилъ указывалъ на устье р. Самары, на Переволокъ (отъ Волги къ Дону) и на р. Иргизъ ^{д)}. Желаніе Измаила вполне отвѣчало и стремленіямъ Московскаго правительства, которое, помимо огражденія ногайскихъ интересовъ, близкихъ въ это время и для Москвы, надѣялось чрезъ построеніе городовъ въ отмѣченныхъ мѣстахъ ослабить, если не вовсе прекратить, грабежи казаковъ, нападавшихъ на торговые караваны и суда, шедшіе изъ Казани въ Астрахань и обратно. Поэтому Грозный отвѣчалъ

^{а)} Тамъ же, стр. 306.

^{б)} Нурадинъ—второе лицо послѣ хана въ ногайской ордѣ; сановникъ же, слѣдующій за нимъ, назывался кехковатъ.

^{в)} Тамъ же, стр. 305 и 306.—Ср. Арх. Мин. И. Д., рук. № 9, л. 157; № 10, л. 140 и 265.

^{д)} Росс. Вивл., ч. XXIX, стр. 190—210.

Измаилу, что онъ «*въ тѣхъ мѣстахъ, учиня крепости*, велить многимъ людямъ^{а)} стоять и беречи бѣглыхъ мурзъ накрѣпко“. Но начавшаяся съ Ливоніей война отвлекла вниманіе Грознаго,—и постройка городовъ на Волгѣ была отложена на неопредѣленное время. На волжскую Переволуку былъ посланъ атаманъ Ляпунъ Филимоновъ, а на р. Иргизъ стрѣлецкій сотникъ Степанъ Кобелевъ «*со многими людьми*», которымъ было приказано стоять на Волгѣ до осени и „беречи Нагаи отъ русскихъ казаковъ и отъ крымскихъ...“, чтобъ имъ лиха не было“; помогать Измаилу въ его борьбѣ съ непріятелями и перевозить пословъ^{б)}. Но казаки—разбойники, обманомъ заманивъ къ себѣ Ляпуна Филимонова съ его товарищами, всѣхъ перебили ихъ^{в)}. Послѣ этого Грозный еще болѣе убѣдился въ необходимости построения городовъ на Волгѣ; но и на этотъ разъ ему помѣшала война съ Швеціей и Польшей. На Волгѣ и по нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ были пока учреждены сторожи съ *станичными головами*, вожами, а позднѣе съ *стоялыми* головами, „которые своими разъѣздами должны были обхватывать все пространство отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца“^{д)}. Но всѣ эти палліативныя мѣры не достигали желаемой цѣли.—Въ послѣдніе годы царствованія Грознаго казачьи разбои и грабежи усилились до того, что отъ нихъ терпѣли не только торговныя суда, а и царскіе послы^{е)}.

Вскорѣ, по завоеваніи Казани и Астрахани, на берегахъ средней Волги возникаютъ русскіе городки: Чебоксары, Кокшайскъ^{ж)}, Козмодемьянскъ, Тетюши, а нѣсколько позднѣе—Цивильскъ, Царевококшайскъ и др.^{з)}; на нижней же Волгѣ не было ни какихъ укрѣпленій, которыя бы сдерживали набѣги кочующихъ здѣсь ордъ и мѣшали грабежамъ воровскихъ казаковъ. Самымъ любимымъ и наиболѣе безопаснымъ мѣстопробы-

^{а)} Тамъ же, стр. 215—216. Слич. Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.“, стр. 285—286.

^{б)} Тамъ же, стр. 286. Ср. Ник. лѣт. VII, 1557 г., стр. 278—279; Росс. Вивл. ч. XXIX, стр. 253—254.

^{в)} Тамъ же, стр. 286—287.

^{д)} И. Д. Бѣляевъ: „О станичной и сторожевой службѣ“. См. Чт. Общ. Ист. и Др. 1846 г., IV, стр. 21—22.

^{е)} См. выше стр. 283.

^{ж)} Городъ Кокшайскъ, основанный въ 1574 году, не должно смѣшивать съ Царевококшайскомъ. Кокшайскъ находится на мѣстѣ нынѣшняго села Кокшайскаго Больше-Шигаевской волости, Царевококшайскаго уѣзда. Село Кокшайское расположено на луговой сторонѣ Волги, ниже Маринскаго Посада, верстъ на 5; верстъ на пять ниже Кокшайскаго впадаетъ въ Волгу р. Малая Кокшага, а на полверсты выше села—Большая Кокшага; отъ села до Волги также не болѣе полуверсты. До Царевококшайска отъ села Кокшайскаго считается 60 верстъ по прямой линіи на СВ.

^{з)} Основаніе Чебоксаръ относятъ къ 1555 г. а основ. Козмодемьянска и Тетюшъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго. Въ разрядныхъ книгахъ впервые упоминается о Тетюшахъ подъ 1578 годомъ. См. Поволжье въ XV и XVI в., Перетятковича, стр. 237—239 и 241. Ср. Древніе города и др. булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. С. М. Шпилевскаго, стр. 96 и 322.

ваніемъ казаковъ-разбойниковъ сдѣлались Жегулевскія горы, составляющія правый берегъ Волги отъ деревни Морквашъ и села Жегулей^{а)} до Самары. Въ чащѣ лѣсовъ и въ глубинѣ пещеръ этихъ живописныхъ горъ, воровскіе казаки находили надежный и удобный для себя пріютъ, а съ вершинъ ихъ величавыхъ и высокихъ утесовъ они могли наблюдать за появленіемъ на Волгѣ торговыхъ каравановъ и царскихъ судовъ. За мѣтивъ идущія по Волгѣ суда, они спѣшили къ своимъ легкимъ челнамъ и плыли на нихъ по р. Усѣ^{б)} до того мѣста, гдѣ нынѣ находится село Переволовка^{в)}; затѣмъ *переволкивались* на Волгу и неожиданно нападали на царскія и купческія суда и грабили ихъ.

Мѣстные жители селъ и деревень, находящихся въ Самарской луцѣ, и понинѣ указываютъ на нѣкоторые притоны казаковъ-разбойниковъ; такъ крестьяне селеній Ермаковки и Кольцовки указываютъ тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ Ермакъ Тимофеевичъ, завоеватель Сибири, и его сподвижникъ Иванъ Кольцо, о которомъ не разъ упоминается въ своихъ грамотахъ и Грозный, какъ объ особенно энергичномъ атаманѣ воровскихъ казаковъ^{д)}.—Въ виду столь важнаго значенія для воровскихъ казаковъ этой мѣстности, Московское правительство и обратило свое вниманіе прежде всего на Самарскую луку. Въ 1586 г., при устьи р. Самарки, положено было основаніе городу Самарѣ^{е)}; затѣмъ вскорѣ возникаютъ города Царицынъ^{ж)} и Саратовъ^{з)}, а въ XVII в. Симбирскъ и Сызранъ^{и)}.

^{а)} Деревня Моркваша находится на правомъ берегу Волги версты на двѣ выше г. Ставрополя, а въ пяти верстахъ отъ Морквашъ—село Жегули. Деревня „Моркваша“ не нужно смѣшивать съ селомъ „Моркваша“, находящемся также на правомъ берегу Волги, верстѣ на 12 выше Казани. Село Моркваша очень древнее: о немъ упоминается въ лѣтописяхъ еще въ концѣ XIV в. См. Полн. Собр. Лѣт., т. VIII, стр. 21, подъ 1374 г. Ср. „Поволжье“. Перетятковича, стр. 241 и 244.

^{б)} Рѣка Уса впадаетъ въ Волгу въ сѣверной части Самарской луки, близъ села Усолъя; она перерѣзываетъ Самарскую луку почти поперекъ и въ южной ея части приближается къ Волгѣ.

^{в)} Переволовка—большое село, Сызранскаго уѣзда, находящееся на правомъ берегу Волги, верстѣ на 90 ниже Самары.

^{д)} Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI в., стр. 312. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, рук. № 10, л. 163 и 258. Ср. Гор. пос. Росс. Импер. IV, стр. 540.

^{е)} Тамъ же, стр. 314. Крымскія дѣла 1586—1587 г., въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, л. 11, 13, 36. Ср. И. Гос. Росс. Карамзина, т. X, пр. 40.

^{ж)} Время основанія Царицына, построеннаго на мѣстѣ татарскаго городка Сарычинъ (желтый песокъ), съ точностію не извѣстно; но несомнѣнно, что онъ возникъ вскорѣ послѣ Самары и раньше Саратова, основаніе котораго относятъ къ 1590—1592 г.

^{з)} Первоначальный Саратовъ находился на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Саратовки, верстѣ на десять или двѣнадцать выше нынѣшняго Саратова, основаннаго въ 1605 году. См. „Илюстр. Спутникъ по Волгѣ“, С. Монастырскаго. Казань, 1884 г., ч. II, стр. 232.

^{и)} Годъ основанія этихъ городовъ тоже съ точностію не опредѣленъ; несомнѣнно одно, что Симбирскъ старше Сызрана лѣтъ на 40. Перетятковичъ въ своемъ изслѣдованіи: „Поволжье въ XV и XVI в.“ относитъ основаніе Симбирска къ 1646 г. (стр. 321), то къ 1648 г. (стр. 317), равно какъ и основаніе Сызрана—то къ 1683 г. (стр. 317), то къ 1685 г. (стр. 242).

Устройство русскихъ городовъ на берегахъ Волги и ея притокахъ^{а)}, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало недовольство со стороны коренныхъ обитателей края, особенно со стороны ногайцевъ. Въ сентябрѣ 1586 года ногайскій нурадынь князь Урусъ отправилъ въ Астрахань къ русскимъ воеводамъ и крымскому царевичу Муратъ-Гирею, жившему въ Астрахани^{б)}, своихъ пословъ съ грамотами, въ которыхъ онъ, вмѣстѣ съ ногайскими мурзами, настаиваетъ на томъ, чтобы русскіе снесли городъ Самару, угрожая въ противномъ случаѣ его разореніемъ^{в)}. — Муратъ-Гирей, по просьбѣ русскихъ воеводъ, пригласилъ пословъ Уруса къ себѣ на обѣдъ и заявилъ имъ о власти, данной ему русскимъ Государемъ надъ рѣками Терекомъ, Дономъ, Яикомъ и Волгою. Указывая на вновь построенные русскими города на Волгѣ и ея притокахъ, Муратъ-Гирей, по внушенію воеводъ, заявилъ, что тѣ города построены „по его къ Государю челобитью“. Муратъ-Гирей, обратившись къ посламъ Уруса, сказалъ: „писалъ ко мнѣ Урусъ князь, что ему отъ воровъ, отъ казаковъ—великая тѣснота, и я Государю билъ челомъ, и Государь для моего челобитья и оберегаючи Уруса князя и всѣхъ мурзъ, и хотя видѣти князя Уруса такъ, какъ Измаила князя, *да велѣлъ поставити города на Самарѣ и на Бѣлой Воложкѣ* на Уфѣ; да и впредь Государю городъ ставити... гдѣ ему надобѣ. И для чего Урусъ князь велитъ города разрушити?... отъ государевыхъ городовъ убытковъ ему нѣтъ, а прибыли много: казаки его ничѣмъ не тронуть... Говорю вамъ правду по своей вѣрѣ по мусульманской. Не дуруй, князь Урусъ да и вы... государевымъ жалованьемъ есть у насъ здѣсь многая рать огненнаго бою... который будетъ не въ правдѣ—и къ Государю не отпишу да велю разорити“^{д)}. Послы отвѣчали царевичу: „вѣдаетъ Государь, Богъ да ты, что Государь ни повелитъ да и вы, такъ и сдѣлаемъ, буди повелѣнье Государево и ваше“^{е)}. — Надѣливъ пословъ Уруса „царскимъ жалованьемъ“, Муратъ-Гирей отправилъ съ ними отъ себя грамоты къ Урусу и къ ногайскимъ мурзамъ^{ж)}.

Въ то же время ногайскіе послы являлись и къ Московскому царю,

^{а)} Въ 1557 г. на берегахъ Камы былъ основанъ Лаишевъ, а въ 1586 г., одновременно съ Самарой, на р. Бѣлой—г. Уфа.

^{б)} Муратъ-Гирей, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Саадатъ-Гиреемъ, бѣжалъ изъ Крыма, спасаясь отъ своего родственника, который, съ помощью Турецкаго султана, овладѣлъ Крымскимъ ханствомъ. Въ Россіи ихъ приняли хорошо; Муратъ-Гирей былъ водворенъ въ Астрахани, гдѣ окружили его большимъ почетомъ, взявъ съ него обѣщаніе помогать Московскому царю противъ Крыма и другихъ его непріятелей. См. въ изслѣдованіи Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.“, стр. 315.

^{в)} Тамъ же, стр. 314.

^{д)} Тамъ же, стр. 316 и 316. Арх. М. Иностр. Дѣл. Крымскія дѣла 1586 г., л. 12—18.

^{е)} Тамъ же, стр. 316.

^{ж)} Тамъ же.

съ изъявленіемъ своего неудовольствія на заведеніе новыхъ городовъ на Волгѣ. Отпуская ихъ изъ Москвы, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отправилъ съ ними и нѣсколько боярскихъ дѣтей, во главѣ съ Ѳеодоромъ Гурьевымъ, и 23 сентября 1586 г., между прочимъ, писалъ: «*въ новый Самарскій городокъ*» воеводѣ князю Григорію Осиповичу Заеѣкину: „И какъ Ѳеодоръ Гурьевъ съ товарищи и съ погайскими послы въ Самарскій городокъ прїѣдутъ, и ты бы ихъ отпустилъ къ Астрахани“ ^{а)}.

Итакъ, мы имѣемъ несомнѣнные доказательства того, что Самара была основана не позже 1586 г.; тогда же были поселены въ Самарскомъ городкѣ и «*служилые жалованные люди*»: 200 казаковъ, 65 иноземцевъ и 33 ч. дворянъ ^{б)}. Эта горсть храбрыхъ людей, увеличиваясь постепенно въ своемъ составѣ, оберегала не только Самарскій городокъ, но и смежныя съ нимъ земли отъ набѣговъ и грабежей кочевниковъ. Въ концѣ XVII вѣка Самарскіе казаки были награждены за свои заслуги землями, а въ 1735 году получили и особое знамя ^{в)}. Кирилловъ, отправляясь въ Оренбургскую экспедицію, безъ сомнѣнія, воспользовался Самарскими казаками для рекогносцировокъ заранѣе хорошо имъ извѣстной мѣстности, при выборѣ удобныхъ для крѣпостей пунктовъ, въ топографическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ: самъ Кирилловъ, конечно, не могъ бы такъ хорошо и быстро оріентироваться въ совершенно неизвѣстномъ ему дотолѣ краѣ, какъ справедливо замѣтилъ С. Н. Севастьяновъ въ своемъ рефератѣ: «*Къ вопросу объ образованіи Оренбургскаго казачьяго войска*» ^{д)}. Съ построеніемъ первоначальнаго Оренбурга, или нынѣшняго Орека, Самарскіе и Алексѣевскіе казаки были переведены на службу въ Оренбургъ, сдѣлавшись, такъ сказать, ядромъ Оренбургскаго казачьяго войска, на что, между прочимъ, указываютъ и вещественные памятники старины: въ числѣ знаменъ, хранящихся въ штабѣ Оренбургскаго казачьяго войска, имѣются пять знаменъ и одиннадцать значковъ, пожалованныхъ Самарскимъ и Алексѣевскимъ казакамъ въ 1734 и 1735 годахъ ^{е)}. Въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска также вошли Уфимскіе, Исетскіе, Донскіе ^{ж)} и частію Яицкіе казаки ^{з)}, съ примѣсью татаръ, башкиръ, мещеряковъ и калмыковъ. 27 іюля 1744 года состоялся высо-

^{а)} Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 167—168.

^{б)} Рычковъ. Топогр. Оренб. губ. Изд. 1887 г., стр. 309.

^{в)} Указы 15 мая и 16 іюля 1735 г.

^{д)} Оренб. Листокъ за 1889 г., № 6. Протоколъ I очереднаго засѣданія Оренб. ученой арх. комиссіи, 31 января 1889 г.

^{е)} Волжскій Вѣстникъ 1889 г., № 104, стр. 3.

^{ж)} Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 173, 174.

^{з)} Самарскій городокъ и Верхнеозерная крѣпость были заселены добровольцами изъ Яицкаго войска.

чайшій указъ о зачисленіи въ Оренбургское казачье войско всѣхъ пришельцевъ, поселившихся въ крѣпостяхъ Оренбургской губерніи; сюда же были переселены казаки съ Закамской линіи изъ редутовъ: Липовскаго, Тархановскаго, Хорошевскаго и фельдъ-шанцевъ: Кичуйскаго, Черноярскаго, Шешминскаго и друг. Казаки, жившіе по крѣпостямъ, назывались крѣпостными и управлялись комендантами, а тѣ, которые жили въ городахъ и слободахъ, имѣли выборное начало и управлялись атаманами и старшинами.

Въ 1755 году высочайше былъ утвержденъ штатъ Оренбургскаго казачьяго войска, составленный Неплюевымъ; тогда же причислены были къ Оренбургскимъ казакамъ и Исетскіе казаки, въ количествѣ тысячи человекъ^{а)}, кромѣ отставныхъ и малолѣтковъ. По штату 1755 года въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ считалось всего 5597 чел., изъ нихъ 1797 чел. были на жалованьи^{б)}. Во главѣ управленія былъ поставленъ войсковой атаманъ, имѣвшій тѣ же права и обязанности, какъ и атаманъ Яицкаго войска, подчиненный непосредственно Оренбургскому губернатору^{в)}. Въ 1756 г. даны были особые военные значки и знамена Оренбургскимъ казакамъ. Въ штабѣ Оренбургскаго войска доселѣ хранятся: одно войсковое знамя, одно полковое, пожалованное Оренбургскому непремѣнному полку 21 мая 1756 г., и девять военныхъ значковъ, данные тогда же^{д)}. Такимъ образомъ мы видимъ, что Оренбургское казачье войско не было создано искусственно чьей-либо административной рукой, а что оно постепенно слагалось изъ тѣхъ же смѣлыхъ и предприимчивыхъ людей, какъ и прочія казачьи общины, имѣя въ своей сѣдой старинѣ кровное родство и съ Донскими казаками, и съ подвижниками Ермака Тимофеевича, отъ которыхъ произошли Исетскіе казаки, вошедшіе въ составъ Оренбургскаго войска; но до построения Оренбурга Оренбургскіе казаки были извѣстны подъ другими именами; названіе же (а не люди) «*Оренбургскіе казаки*» впервые является при Кирилловѣ; Неплюевъ даетъ Оренбургскимъ казакамъ правильную военную организацію, но не онъ de facto полагаетъ начало этому войску, какъ думаетъ г. Хорошхинъ.

Дѣятельность Неплюева, по устройству крѣпостей и оборонѣ края, не осталась безъ вліянія и на проведеніе Сибирской линіи укрѣпленій. Сознавая необходимость соединенія Оренбургской линіи крѣпостей съ Сибирью, Неплюевъ вскорѣ, по прибытіи въ Оренбургъ, вошелъ въ соглашеніе съ сибирскимъ

^{а)} Стариковъ: „Откуда взялись казаки“, стр. 174.

^{б)} А не 1000 чел., какъ утверждаетъ полковникъ Хорошхинъ, см. выше стр. 282.

^{в)} Рябининъ: „Уральское казачье войско“. Приложение № 5. Указъ В. Колл. 14 апрѣля 1755 г.

^{д)} „Волжскій Вѣстникъ“ 1889 г., № 104, стр. 3.

губернаторомъ Сухаревымъ^{а)}, относительно этого соединенія, и въ 1743 году представилъ въ Сенатъ особое мнѣніе, въ которомъ говорить о необходимости устройства крѣпостной линіи отъ р. Тобола, начиная съ стараго Утяцкаго форпоста, на Коркину Слободу, а отсюда—къ Иртышу на Чернолуцкую Слободу^{б)}, съ цѣлю *«закрытія сибирскихъ мѣстъ отъ набѣговъ съ киргизъ-кайсацкой стороны»*. Сенатъ предписалъ генераль-маіору Сухареву, чтобы онъ лѣтомъ 1744 года лично осмотрѣлъ означенную мѣстность и назначилъ, гдѣ „крѣпостямъ и между оными редутамъ и маякамъ быть, и всему оному расположенію чрезъ геодезистовъ учинить карту“. Сухаревъ, вмѣсто личного осмотра мѣстности, поручилъ это дѣло капитану Новоселову, который, при помощи командированныхъ съ нимъ геодезистовъ, составилъ описаніе и ландкарту осмотрѣнныхъ имъ мѣстъ и 32 плана предположенныхъ къ устройству крѣпостей и редутовъ; губернаторъ Сухаревъ данныя, добытыя Новоселовымъ, препроводилъ въ Сенатъ. Такъ-какъ Новоселовъ въ своемъ описаніи мѣстности совершенно умалчалъ о качествѣ почвы и ея пригодности, для устройства укреплений; то Сенатъ, указывая на этотъ важный пробѣлъ, писалъ Неплюеву: „и затѣмъ на осмотрѣ того капитана съ геодезистами^{с)} утвердиться и въ дѣло той линіи^{д)} вступить не можно“. Въ виду этого, Сенатъ, 11 сентября 1744 года, постановилъ: командировать къ Сухареву изъ Москвы подполковника Кутузова, которому дана была особая инструкція, а Сухареву предписано дать Кутузову въ помощь *«инженерныхъ служителей пристойное число,»* а въ случаѣ, если бы ихъ не оказалось, — *«офицеровъ, то искусство знающихихъ»*. Кутузовъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на то, какая гдѣ земля и *«можно-ль изъ оной то крѣпостямъ и линіи^{е)} строеніе дѣлать,»* а также—удобна-ли означенная мѣстность для осѣдлой жизни, сколько и какого тамъ лѣса, каковы луга, воды и т. п. По выполненіи порученія, Новоселовъ, согласно данной ему Сенатомъ инструкціи, обязанъ былъ явиться въ Тобольскъ и, совмѣстно съ Сухаревымъ, обсудить результаты собранныхъ имъ данныхъ, а губернаторъ долженъ былъ представить дѣло въ Сенатъ, съ приложеніемъ своего мнѣнія, указавъ въ немъ, чрезъ какія мѣста удобнѣе было-бы вести страте-

^{а)} У Старикова Сухаревъ названъ почему-то Рыкачевымъ. См. его кн. *«Откуда взялись казаки»*, стр. 162.

^{б)} Сенатскій указъ Неплюеву отъ 4 декабря 1745 г. за № 1494. См. въ Тург. Обл. Арх.; ст. указовъ 1746 г., л. 13 и далѣе.

^{с)} Въ подлинномъ указъ: „згеодезистами“.

^{д)} Въ подл. „вдѣло“.

^{е)} Въ подл. „линіи“.

гическую линію; сколько это будетъ стоить; въ какой срокъ и при помощи какихъ людей можно ее устроить и сколько потребуется войска, для безопаснаго содержанія линіи отъ непріятеля. Кутузовъ 11 іюля 1745 г. выѣхалъ изъ Тобольска, для осмотра мѣстности, въ сопровожденіи капитана Новоселова. Между тѣмъ, генераль-маіоръ Киндерманнъ, находившійся въ верховьяхъ Иртыша, еще 14 мая 1743 года доносилъ изъ Тары въ Сенатъ, что онъ, по предварительномъ сношеніи съ Неплюевымъ, командировалъ маіора Олонецкаго драгунскаго полка Сташкѣева и геодезиста поручика Шишкова, при одной гренадерской ротѣ и 500 Яицкихъ казаковъ, для осмотра мѣстности отъ р. Тобола до р. Ишима и отъ Ишима до Омской крѣпости. Сташкѣевъ, 8 іюля того же года, изъ Омской крѣпости донесъ Киндерманну о результатахъ своей экспедиціи, изслѣдовавшей мѣстность отъ урочища „Звѣриная Голова“ до Омской крѣпости, на протяженіи 621 версты и 400 сажень. Сообщая Киндерманну о привольности и удобствѣ этихъ мѣстъ къ осѣдлой жизни, Сташкѣевъ представилъ и описаніе тѣхъ мѣстъ, которыя были избраны имъ для устройства 11 крѣпостей и 31 редута. Сташкѣевъ, между прочимъ, находилъ необходимымъ устроить крѣпости на р. Верхней Алабугѣ, впадающей съ правой стороны въ Тоболъ, и на озерахъ Кабаньемъ и Камышномъ, какъ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ отъ нападенія киргизовъ. Правительствующій Сенатъ, имѣя въ виду доношеніе Киндерманна, приказалъ: „для наискорѣйшаго по данной подполковнику Кутузову инструкціи вышеписанныхъ мѣстъ осмотру и описанія, одного подполковника Кутузова поручить вемотрѣніе^{а)} и полную диспозицію ему генераль-маіору Киндерманну“^{б)}. Кутузовъ долженъ былъ составить ландкарту осмотрѣнной мѣстности, избрать мѣста для крѣпостей, редутовъ и маяковъ и, согласно инструкціи Сената, „накрѣпко смотрѣть, чтобъ настоящихъ нужныхъ и угодныхъ мѣстъ за линію не осталось, напротивъ же того и внутри киргизскихъ земель не вдаваться, чтобъ тѣмъ не подать имъ причинъ и претензій, а паче, при нынѣшнихъ съ зюнгорцами обстоятельствахъ, и къ возмущенію“^{в)}. Сообщая объ этомъ Неплюеву, Сенатъ присовокупляетъ: „для лучшаго о томъ изъясненія имѣть ему (Кутузову) сношеніе и съ вами господиномъ тайнымъ совѣтникомъ, и гдѣ по тому сношенію оная линія назначена будетъ, оныя всѣ мѣста, наложивъ на карту, съ приобщеніемъ своего мнѣнія какъ о той линіи, такъ и прочемъ... прислать въ Сенатъ съ нимъ подполковникомъ

^{а)} Правоп. удержано подлинника.

^{б)} Тамъ же, л. 17 на оборотѣ.

Кутузовымъ".—Сенатъ, между прочимъ, желалъ знать мнѣніе Неплюева о томъ, откуда можно на ту линію и въ предположенныя крѣпости доставлять провіантъ и какимъ путемъ, сухимъ или воднымъ, и кѣмъ заселять тѣ крѣпости^{a)}.—Неплюевъ представилъ относительно этого особый проэктъ въ Сенатъ, который и былъ утвержденъ. Пограничнымъ пунктомъ Оренбургской линіи съ Сибирской стороны была избрана рѣка Тоболъ, начиная съ урочища „Звѣриная голова“^{b)}, на которомъ въ 1753 году была построена пятиугольная цитадель, обнесенная заплотами, надолбами и рогатками^{c)},—такъ возникла крѣпость Звѣриноголовская, соединявшаяся съ Оренбургской линіей крѣпостями Бакланской, Куртамышской и Утяцкой.—Устроивъ линію военныхъ поселеній, крѣпостей и редутовъ, Неплюевъ не оставлялъ ихъ безъ присмотра и послѣ: онъ или самъ навѣщалъ ихъ, или же поручалъ надзоръ за ними надежнымъ и опытнымъ сослуживцамъ. Командировавъ въ 1754 г. капитана Назимова, для осмотра всѣхъ крѣпостей отъ Оренбурга до Гурьева, Неплюевъ самъ отправился вверхъ по Уралу и далѣе въ Троицкую крѣпость, съ цѣлю личнаго знакомства съ построенными, по его распоряженію, крѣпостями. Между прочимъ, въ эту поѣздку онъ заложилъ въ Троицкѣ домъ для городской канцеляріи и каменный храмъ, во имя Св. Троицы. Но Неплюевъ сознавалъ, что для спокойствія края не достаточно однихъ укрѣпленій; нужно было дать его обитателямъ прочное административное устройство, улучшить пути сообщенія, развитъ торговлю и промышленность въ краѣ, чтобы чрезъ то привести къ покорности средне-азиатскіе народы и проложить путь торговому и политическому вліянію Россіи на Среднюю Азію.

^{a)} Тамъ же, л. 18.

^{b)} По преданію, на этомъ мѣстѣ была найдена звѣриная голова необыкновенной величины,—не была-ли та голова мамонта?

^{c)} Записки Поспѣлова въ Пам. кн. Оренб. губ. 1870 г., отд. IV, 83. Перепечат. въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1870 г., № 6.

ГЛАВА XI.

Проектъ Неплюева о внутренней реорганизаціи Яицкаго войска.—Порученіе В. Коллегіи Неплюеву и его поѣздка въ Яицкій городокъ.—П. И. Рычковъ и отношенія къ нему Неплюева.—Положеніе и укрѣпленіе Яицкаго городка.—Штатъ Яицкаго войска, проектированный Неплюевымъ.—Очередная служба и наѣмка казаковъ съ точки зрѣнія Неплюева.—Извлеченія изъ проекта Неплюева.—Отношеніе В. Коллегіи къ проекту Неплюева.

„Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ чело-
вѣкъ, прилежаніемъ и искусствомъ подобный Рыч-
кову“.

(Миллеръ).

Стараясь обезопасить Оренбургскій край отъ вѣншихъ враговъ, Неплюевъ обратилъ особенное вниманіе на внутреннее устройство новой губерніи: онъ неуспинно и настойчиво старается установить и упрочить въ ней болѣе раціональный порядокъ вещей и улучшить взаимныя отношенія властей къ подчиненнымъ, русскихъ поселенцевъ края къ инородцамъ и инородцевъ—магометанъ и язычниковъ къ обратившимся изъ нихъ въ православіе. Но особенно его беспокоило отсутствіе единодушія и должнаго административнаго устройства среди Яицкаго казачьяго войска. Отдавая полную справедливость смѣтливости, храбрости и боевымъ способностямъ Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ видѣлъ, что храбрые сына „Яика-Горыныча“ нуждаются въ реорганизаціи ихъ внутренняго строя и быта, и потому рѣшился ввести нѣкоторыя преобразованія въ завѣтное вѣковое устройство Яицкаго войска. Въ главѣ IX настоящей монографіи мы представили древневѣчевой характеръ Яицко-казачьяго самоуправления; мы видѣли, когда и почему начались несогласія среди Яицкихъ казаковъ, раздѣлившія ихъ на двѣ противныя партіи: народную и старшинскую, которыя, благодаря взаимной враждѣ, подали поводъ Московскому правительству вмѣшаться въ дѣла Яицкаго войска и желать ограниченія его стариннаго самоуправления. Различныя слѣдователи и фискалы, отправлявшіеся на Яикъ, своею недобросовѣстностью еще больше усилили взаимную

вражду партій въ Яицкомъ войскѣ. Со времени подчиненія Яицкаго войска Военной Коллегіи, старшинская партія беретъ перевѣсъ, благодаря своей солидарности съ стремленіями Военной Коллегіи и видами правительства; но внутренніе беспорядки, по прежнему, продолжали раздѣлять Яицкое войско на два враждебные лагеря, когда оно поступило въ составъ Оренбургской губерніи и было поручено заботамъ и непосредственному наблюденію Неплюева. Между тѣмъ Военная Коллегія, вѣрная своимъ стремленіямъ, предписала Неплюеву собрать и представить слѣдующія свѣдѣнія: 1) „На какомъ основаніи сперва Яицкіе казаки поселены, какія имъ даны вольности и жалованныя грамоты и генерально обо всемъ томъ, что данныхъ казаковъ касается, разсмотрѣвъ, и впредь ихъ на какомъ надежномъ основаніи съ собственною ихъ пользою содержать, о всемъ ономъ представить въ вышерѣченную Коллегію со мнѣніемъ; 2) на какомъ основаніи и въ какомъ числѣ людей войско Яицкое содержать надлежитъ, и почему имъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго и прочаго опредѣленнаго въ годъ производить, со станицы зимовья и легкія присылать отъ того войска надобно-ль, понеже нынѣ все оное войско въ главной командѣ хотя и въ Государственной Военной Коллегіи, однакожь наиболѣе по близости подъ указами и ордерами его тайнаго совѣтника состоитъ“.—Въ указѣ, полученномъ Неплюевымъ, также замѣчено, что „о *Яицкомъ войскѣ*, когда и какъ оное въ здѣшнихъ мѣстахъ завелось и утвердилось и на какомъ основаніи содержится, *обстоятельныхъ извѣстій* не бывало и *нѣтъ*, что чрезъ одну переписку съ тѣмъ войскомъ исправить весьма невозможно^{а)}“.

Не легкое порученіе давала Военная Коллегія оренбургскому губернатору, если принять при этомъ во вниманіе внутреннюю борьбу партій въ Яицкомъ войскѣ и заклятую ненависть казаковъ ко всякаго рода новшествахъ, особенно же къ штатамъ. Но Неплюевъ, какъ увидимъ, менѣе всѣхъ встрѣтилъ протеста со стороны казаковъ, что объясняется добросовѣстностію его отношеній къ нимъ. Держась всегда русской пословицы, что „свой глазъ—алмазъ“, Неплюевъ 20 августа 1748 г. донесъ Военной Коллегіи, что онъ считаетъ необходимымъ посѣтить лично Яицкій городокъ „и, разсмотря всѣ до того принадлежащія окрестности Государственной Военной Коллегіи единожды такое представленіе учинить, чтобы оное къ высокому той Коллегіи разсмотрѣнію, елико можно, было достаточно и къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ

^{а)} Указы 9 декабря 1745 г. и 22 іюля 1748 г. Сравни. въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова (по описи № 3) копію изъ Арх. В. Колл., кн. Казачьяго Пов., № 141, стр. 3 и д. См. „Русск. Архивъ“ за 1878 г., кн. 2, стр. 9.

благонадежно, также бы и съ состояніемъ онаго войска сходственно“. Получивъ дозволеніе на выѣздъ изъ Оренбурга въ Яицкій городокъ, Неплюевъ, отправляясь туда, взялъ съ собою и Петра Ивановича Рычкова, сдѣлавшагося правою рукою своего начальника, а потому мы считаемъ совершенно умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ трудолюбивомъ и энергичномъ человѣкѣ, который оставилъ по себѣ вѣчную память въ исторіи Оренбургскаго края своими научно-литературными трудами.

Петръ Ивановичъ Рычковъ, сынъ вологодскаго хлѣботорговца, родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года, а скончался въ Екатеринбургѣ 15 октября 1777 года, 65 лѣтъ отъ роду, переживъ Неплюева почти на четыре года. Онъ погребенъ въ селѣ Спасскомъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи, въ трапезѣ имъ самимъ устроеннаго храма; здѣсь же покоится и прахъ его сына, Андрея Петровича, бывшаго коммendanтомъ Симбирской крѣпости и убитаго подъ Корсуномъ 25 августа 1774 года въ битвѣ съ отрядомъ Пугачева^{а)}. Отецъ П. И. Рычкова, занимаясь сплавомъ хлѣба по рѣкамъ Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ къ Архангельску, для отпуска за границу, нерѣдко имѣлъ личныя сношенія съ иностранцами, что не осталось безъ вліянія и на его сына. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, Рычковъ-отецъ переселился со своимъ семействомъ въ Москву и постарался, при содѣйствіи другихъ, обучить своего малолѣтняго сына, умѣвшаго уже читать и писать по-русски, арифметикѣ, бухгалтеріи, вѣншней торговлѣ и голландскому языку. Даровитый мальчикъ, изучая голландскій языкъ, въ достаточной степени овладѣлъ и нѣмецкимъ языкомъ. Знаніе двухъ живыхъ иностранныхъ языковъ, составлявшее въ то время весьма рѣдкое явленіе между русскими, скоро доставило молодому Рычкову выгодное мѣсто. Въ 1730 г., имѣя 18 лѣтъ отъ роду, Петръ Ивановичъ чрезъ своего отца познакомился въ Петербургѣ съ англичаниномъ Эльмсенемъ^{б)}, который былъ директоромъ казенныхъ ямбургскихъ и жабинскихъ стекляннихъ заводовъ. Имѣя въ числѣ своихъ рабочихъ не мало иностранцевъ, незнающихъ русскаго языка, Эльмсенъ былъ очень радъ знакомству съ русскимъ юношей, который зналъ два иностранные языка и предложилъ ему мѣсто управляющаго означенными заводами. Рычковъ согласился и прослужилъ при Эльмсенѣ около трехъ лѣтъ. Затѣмъ, когда рѣшено было перевести заводы въ другія мѣста, Петръ Ивановичъ отправился въ Петербургъ, для пріисканія себѣ

^{а)} Смотр. въ приложеніи № 28.

^{б)} Сравн. выше стр. 76, гдѣ говорится объ англійскомъ купцѣ Виллимѣ Эльмселѣ.

новой службы и, благодаря оберъ-секретарю Сената Ив. К. Кириллову, получилъ мѣсто переводчика въ таможенѣ. Кирилловъ, отправляясь въ Оренбургскую Экспедицію, взялъ съ собою, въ качествѣ бухгалтера, и П. И. Рычкова, который съ этого времени всецѣло посвятилъ себя и свои труды устройству и преуспѣванію Оренбургскаго края, въ теченіе сорока лѣтъ, начиная съ Кириллова и до Рейнсдорпа включительно. При первыхъ начальникахъ края Рычковъ былъ употребляемъ, по его собственному выраженію: „къ самонужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ“, управлялъ ихъ канцеляріей и находился при нихъ безотлучно. Припомните, что писалъ о немъ князь В. А. Урусовъ В. Н. Татищеву, своему предшественнику по управленію Оренбургскимъ краемъ, по поводу введенной Татищевымъ татаро-калмыцкой школы въ Самарѣ ^{а)}. Съ прибытіемъ въ Оренбургскій край Неплюева, для трудолюбиваго Рычкова открывается самое широкое поле дѣятельности, какъ увидимъ это дальше. Петръ Ивановичъ, полный силъ и энергіи, невольно былъ увлеченъ примѣромъ Неплюева и работалъ, если можно такъ выразиться, изъ всѣхъ силъ, для счастья и благоденствія излюбленнаго имъ края. Нельзя не пожалѣть о томъ, что всегда откровенный Рычковъ, находясь безотлучно при Неплюевѣ, умалчиваетъ въ своей автобіографіи о служебныхъ заслугахъ и занятіяхъ во время управленія краемъ Неплюева, а только, какъ бы мимоходомъ, замѣчаетъ: „сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я употребляемъ, сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ Оренбургской Коммисіи, а потомъ Губернской Канцеляріи останется вѣдомо. “Дѣйствительно, какъ бы въ уваженіе къ плодотворной дѣятельности Рычкова, всеразрушающее время пощадило письменное свидѣтельство его трудовъ: въ Оренбургскихъ архивахъ, особенно въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, сохранилось не мало бумагъ за подписью П. И. Рычкова, свидѣтельствующихъ объ его служебной дѣятельности и его занятіяхъ по части устройства и изученія обширнаго края и сопредѣльныхъ съ нимъ Среднеазиатскихъ странъ съ ихъ обитателями. Изъ этого архивнаго имущества, между прочимъ, видно, что Рычковъ почти постоянно сопровождалъ И. И. Неплюева во всѣхъ его поѣздкахъ, имѣвшихъ цѣлю улучшенію и благоустроеннаго ему края.—Такъ въ 1744 году Неплюевъ беретъ Рычкова съ собою въ Москву, гдѣ разсматриваются и утверждаются различныя предположенія Неплюева, касательно открытія и устройства Оренбургской губерніи. Рычковъ сопровождаетъ Неплюева и въ Яицкій городокъ (ны-

^{а)} См. выше стр. 176.

нѣшній Уральскѣ), гдѣ Неплюевъ вмѣстѣ съ нимъ осматриваетъ городъ; знакомится, при его содѣйствіи, съ бытомъ Яицкихъ казаковъ; собираетъ свѣдѣнія о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска и составляетъ обширный проектъ объ его преобразованіи, который потомъ, какъ увидимъ, и былъ представленъ Неплюевымъ на разсмотрѣніе Военной Коллегіи. Въ 1751 г. Неплюевъ, находясь въ Петербургѣ, совместно съ Рычковымъ, составляетъ проектъ о торговлѣ Россіи съ Индіей, который, впрочемъ, не имѣлъ успѣха. Вообще, Неплюевъ, умѣвшій подобно своему учителю, Петру Великому, узнавать людей, любилъ Петра Ивановича, цѣнилъ его способности и трудолюбіе и всегда дорожилъ его мнѣніемъ, какъ—человѣка, хорошо изучившаго край. Стараясь поощрить Рычкова, онъ въ 1743 году испрохоталъ ему землю въ Оренбургскомъ краѣ, а въ 1751 году представилъ его къ чину коллежскаго совѣтника, котораго Рычковъ и былъ удостоенъ въ двѣнадцатый день послѣ представленія о томъ Неплюева. На сколько было пріятно и дорого Рычкову такое вниманіе со стороны его ближайшаго начальника, можно судить изъ того, что онъ, на память дѣтямъ, оставилъ не только указъ на полученіе имъ чина коллежскаго совѣтника, но и самый докладъ по этому дѣлу Неплюева. Не смотря на разнообразіе и сложность своихъ занятій по канцеляріи начальника края, Рычковъ находилъ время и для излюбленныхъ имъ литературныхъ занятій, благодаря которымъ онъ особенно и сдѣлался извѣстенъ въ исторіи Оренбургскаго края: «*Описаніе города Оренбурга*», составленное имъ въ 1744 г., и «*Краткое извѣстіе о татарахъ*»^{а)} были первыми литературными опытами Рычкова, который потомъ сдѣлался членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ^{б)} и сотрудникомъ „Трудовъ Вольнаго Экономическаго общества“^{в)} и журнала, издаваемого Миллеромъ: «*Ежемесячныя Сочиненія и Переводы*». Но самымъ важнымъ историческимъ трудомъ Рычкова, безспорно, нужно признать его: «*Топографію Оренбургской губерніи*», напечатанную первоначально въ журналѣ Миллера: «*Ежемесячныя Сочиненія и Переводы*» за 1762 г., а потомъ изданную отдѣльно. Біографъ Рычкова, покойный академикъ Пекарскій замѣчаетъ, что появленіе въ свѣтъ „*Топографіи Оренбургской губ.*“ Рыч-

^{а)} Рукопись хранится въ Русск. отд. Импер. Академіи Наукъ.

^{б)} Рычковъ первый получилъ это почетное званіе и дипломъ на него, до того не существовавшіе: „Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея (академіи) сія честь отдается“,—писалъ Рычкову Миллеръ. См. „Жизнь и литерат. перев. П. И. Рычкова“. Пекарскаго, стр. 43.

^{в)} Въ „Трудахъ“ этого общества, между прочимъ, были напечатаны слѣдующія статьи Рычкова: „Объ оренбургской кашенили“ (см. ч. VI, 1767 г.; ч. IX, 1768 г.; ч. XV, 1770 г.; ч. XVIII, 1771 г.); „Опытъ о козьей шерсти“ (1766 г., ч. II); „Опытъ виннаго куренія на домашній расходъ“ (1767 г., ч. V); „О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и верблюжьей шерсти“ (1766 г., ч. II); тамъ же встрѣчаются его статьи о выдѣлкѣ нефти, о мѣдныхъ рудахъ, о земледѣліи, о человѣкодствѣ и др.

кова было для своего времени событіемъ, замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнали разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ извѣстенъ не только большинству публики, но и самому правительству^{а)}. Въ Россіи смутно знали, что въ Оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ внутреннихъ губерній, что тамъ—безпрерывныя возстанія; что туда требуются войска и т. д. При такомъ состояніи Оренбургскаго края, трудъ о немъ Рычкова былъ важною новостью для современниковъ; на него обратили вниманіе и европейскіе ученые: Шлѣцеръ сдѣлалъ изъ него подробное извлеченіе на нѣмецкомъ языкѣ и напечаталъ въ „göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen“^{б)}; а послѣ того „*Топографія Оренб. губерніи*“ Рычкова два раза была переведена на нѣмецкій языкъ вполне: одинъ изъ переводовъ, не чуждый промаховъ и неточностей, принадлежитъ Христіану Гейнриху Газе^{в)}, бывшему пасторомъ въ Зульцѣ, а другой, появившійся въ печати въ 1772 году подъ заглавіемъ: „Orenburgische Topographie“ былъ изданъ Родде. Кромѣ того, „*Топографію*“ Рычкова началъ было переводить и профессоръ Палласъ, извѣстный путешественникъ XVIII в., но появленіе въ печати переводовъ Газе и Родде заставило его прекратить начатую имъ работу. Въ настоящее время „*Топографія Оренбургской губерніи*“, конечно, не имѣетъ уже той цѣны; но все-таки и до сихъ поръ она считается необходимой справочной книгой, безъ которой не возможно обойтись, какъ скоро заходитъ рѣчь объ исторіи Оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи^{д)}. Вообще, Рычковъ сдѣлалъ много, много полезнаго для исторіи Оренбургскаго края и проложилъ путь его позднѣйшимъ изслѣдователямъ: Палласъ, Лепехинъ, Ловичъ, Крафтъ, Эйлеръ, Фалькъ и другіе, лично знакомые съ Рычковымъ, во многомъ обязаны ему своими свѣдѣніями по исторіи этого края. Если Пушкинъ назвалъ Н. М. Карамзина „Колумбомъ древней Руси“, то Рычкова, безъ преувеличенія, можно считать «*Колумбомъ Оренбургскаго края*», съ исторіей котораго русское интеллигентное общество впервые познакомилось изъ „*Топографіи*“ Рычкова и его другихъ трудовъ. Миллеръ, сознавая всю важность мѣстной исторіографіи и трудовъ Рычкова, справедливо сказалъ: „*Подробное описаніе Россіи возможно будетъ только тогда, когда во всякой губерніи будетъ человекъ,*

^{а)} Жизнь и литер. пер. П. И. Рычкова, стр. 66.

^{б)} Band. 1, 1766, ss. 217—230, 249—254, 284—288.

^{в)} Magazin für die neu Historie und Geographie, 1771, Band. V, 457 sq. и B. VI, 475 sq.

^{д)} Въ 1887 г. Оренбургскій отдѣлъ Императорскаго Русск. Геогр. Общества издалъ „*Топографію*“ Рычкова на средства покойнаго О. И. Базилевскаго. Оренбургъ. Типографія Б. Вреслина, стр. 405.

прилежаніемъ и искусствомъ подобный Рычкову“. Даже Рейнедорфъ, питавшій личную ненависть къ Рычкову и называвшій его „Menschen-Feinder“ и „unsinn Rytschkow“,—и тотъ, отправляя свои бранныя письма о Рычковѣ къ Миллеру, говоритъ: „впрочемъ, я отдаю справедливость его хотя и невоздѣланному уму“^{а)}. По нашему искреннему убѣжденію, было бы несправедливостью, говоря о Неплюевѣ, совершенно умолчать о Рычковѣ, какъ ближайшемъ и главномъ его помощникѣ по управленію и устройству обширнаго Оренбургскаго края, которому Рычковъ посвятилъ всю свою жизнь, а потому мы и сочли долгомъ вспомнить о немъ въ настоящемъ трудѣ.

Въ ноябрѣ 1748 года Неплюевъ прибылъ въ Яицкій городокъ. Собравъ здѣсь свѣдѣнія, какія только было можно, частію на основаніи бумагъ, сохранившихся въ Войсковой Избѣ, частію по изустнымъ рассказамъ стариковъ, Неплюевъ представилъ ихъ въ В. Коллегію, вмѣстѣ съ изложеніемъ своихъ мѣръ и соображеній, касательно переустройства Яицкаго войска. Послѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, онъ говоритъ, между прочимъ, о самомъ Яицкомъ городкѣ, что „жительства въ немъ дворовъ около 3000; построены больше по старому теченію р. Яика, что у нихъ называется Старица, да по р. Чагану, тутъ же при городкѣ впадающей въ Яикъ, а отчасти по Яику; имѣеть нынѣ четыре церкви деревянныя да вновь строится соборная каменная^{б)}; улицы въ немъ, по большей части, узкія, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ тѣсны, что двумъ телѣгамъ разѣхаться почти невозможно^{в)}. Что же до крѣпости принадлежить, то въ прошломъ 1747 году все жило съ одну сторону отъ р. Чагана къ старому теченію Яика двойнымъ плетнемъ онесено, между которымъ земля насыпана, и укрѣплена столбами, а снаружи оной плетень обмазанъ глиной и вокругъ всего того сдѣланъ ровъ, что черезъ посланныхъ изъ Оренбурга инженеровъ, сколько можно, по инженерной регулѣ сдѣлано, а съ прочихъ сторонъ, все жъ селеніе окружая, содѣлываетъ тотъ городокъ къ р. Яику мысомъ означенная Старица и р. Чаганъ, такъ что оный городокъ по его ситуаци и по нынѣшнему укрѣпленію во всякомъ случаѣ мнится довольно оборонителенъ и артиллерію имѣеть достаточную“.

Далѣе Неплюевъ перечисляетъ службы Яицкихъ казаковъ въ прежнее и въ его время; говоритъ о числѣ и составѣ войска, о жалованьѣ деньгами

^{а)} См. въ „Оренбургскомъ Листкѣ“ (1878 г. №№ 20—23) мою статью: „Петръ Ивановичъ Рычковъ и его значеніе въ исторіи Оренбургскаго края“.

^{б)} По всей вѣроятности, Михайло-Архангельскій соборъ, находящійся въ настоящее время на самомъ ЮЮВ. концѣ города, близъ Старицы, или прежняго русла Урала. Слич. „Топ. Оренб. губ.“ Рычкова, ч. 11, 80.

^{в)} Послѣ такъ называемаго Шилихина пожара, бывшаго 10 авг. 1751 г., ширина улицъ опредѣлена не менѣе 12 саж. (Рябининъ: „Уральск. каз. войско“, ч. 1, стр. 38).

и натурой, объ отпускѣ вина съ симбирскихъ казенныхъ заводовъ и пороху изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, о рыболовствѣ, объ управленіи войска и о составѣ должностныхъ лицъ, о казачьихъ кругахъ и вольностяхъ, гдѣ, между прочимъ, замѣчаетъ: „нынѣ тѣ казачьи вольности пообузданы, ибо хотя бѣ кто вопреки что атаманскаго и старшинскаго мнѣнія въ Кругу и заговорилъ, но атаманъ со старшинами, не взирая на то, какъ надлежитъ, по указамъ исполняетъ; равномѣрно-жъ и атаманская власть и старшины нынѣ въ лучшее состояніе приведены, ибо напредъ сего бывало то, что они казаковъ сами собою и за малыя вины смертію казнили^{а)}, нынѣ жъ, кромѣ что, привязавъ къ кольямъ, бьютъ плетми, ни какихъ другихъ штрафовъ не бываетъ.“ Затѣмъ Неплюевъ говоритъ о составѣ корпуса Яицкихъ казаковъ, о Сакмарской и Илецкой станицахъ, Кулагинской и Калмыковской крѣпостяхъ, о доходахъ и расходахъ войска^{б)}, и т. п.

Изъ намѣченныхъ нами пунктовъ ознакомленія Неплюева съ внутреннимъ бытомъ Яицкихъ казаковъ, ихъ административнымъ и военнымъ устройствомъ, думаемъ, можно вывести до нѣкоторой степени понятіе о томъ, какъ добросовѣстно старался этотъ человѣкъ выполнять порученія правительства. Представляя въ В. Коллегію данныя, собранныя имъ въ самомъ центрѣ Яицкаго казачества, Неплюевъ, какъ мы замѣтили, вмѣстѣ съ тѣмъ, препроводилъ и свое мнѣніе, относительно переустройства казацкой общины. Изъ этого мнѣнія видно, что различные беспорядки и несогласія въ войскѣ, раздѣленіе казаковъ на два враждебные лагеря зависѣли отъ того, что въ войскѣ не было ни штата, ни правильно организованныхъ административныхъ учреждений, ни строго опредѣленнаго круга дѣятельности должностныхъ лицъ,—все зависѣло отъ произвола выборныхъ казаковъ и основывалось на прежнихъ казачьихъ обычаяхъ: приходо-расходныхъ книгъ, не смотря на указъ 1740 г., не велось; съ казаковъ брали должные и недожные поборы; о производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ никакихъ письменныхъ документовъ не было и т. п. „Того ради“,—говоритъ Неплюевъ,—„для приведенія сего нерегулярнаго и въ здѣшнихъ мѣстахъ нужнаго корпуса въ лучший порядокъ, нынѣ учиненъ примѣрный штатъ съ такимъ жалованьемъ, которымъ бы оное войско, при имѣющихся нынѣ и впредь будущихъ рыбныхъ промыслахъ, безъ нужды содержаться могло, и казаки бы къ службѣ Ея Императорскаго Величества въ лучшей

^{а)} Это подтверждается, на примѣръ, разстрѣломъ казаковъ: Елпсѣева, Мордвикина и др. На Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе, что у Яицкихъ казаковъ наказаніе за кражу огурца состояло въ томъ, что виновнаго выводили въ поле и, закопавъ въ землю по шею или по поясъ, разстрѣливали его, на страхъ собравшемуся народу.

^{б)} Слич. Рабининъ, ч. II, прилож. XXVI, 65—68.

и всегдашней исправности могли быть, а старшины бы, имѣя опредѣленное жалованье во всемъ, а паче съ подчиненными, справедливо и безкорыстно поступали, и когда наряды случаются, то бы съ казаковъ тѣхъ указомъ^{а)} запрещенныхъ поборовъ не собирали“.

По штату, проектированному Неплюевымъ, полагалось двое войсковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ, должны были присутствовать при производствѣ дѣлъ войсковымъ атаманомъ; кромѣ того, полагалось 2 есаула и нѣсколько общихъ служителей, а казачій корпусъ былъ раздѣленъ на 7 полковъ, или станицъ, по 500^{б)} въ каждой; на каждый полкъ полагались: одинъ полковой старшина, или станичный атаманъ, писарь, полковой есаулъ и 5 сотниковъ безсѣнно. Полки назывались: первый, второй, третій^{в)} и т. д.; каждый полкъ долженъ былъ имѣть особое знамя и „учинить“ списки въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ долженъ храниться въ Войсковомъ Приказѣ, а другой въ Полковой Избѣ у полковаго писаря; при этомъ должны быть переписаны и калмыки, которые заявятъ желаніе къ службѣ, но списки ихъ предположено вести отдѣльно и хранить у себя каждому станичному атаману. Полки обязывались нести внутреннюю постоянную службу, которая состояла главнымъ образомъ въ оборонѣ линіи отъ вторженія киргизовъ и въ прегражденіи переправы калмыковъ за Уралъ, и внѣшнюю, заключающуюся въ частныхъ командировкахъ въ степь противъ хищниковъ, также на войну, въ содержаніи карауловъ и разъѣздовъ по Сибирской линіи^{д)}, смотря по надобности правительства. Жалованья на весь штатъ полагалось 7901 руб. 41^{1/2} коп., въ томъ числѣ на 3500 чел. рядовыхъ казаковъ, на каждого по рублю пятидесяти коп. въ годъ^{е)}. Вообще, по мнѣнію Неплюева, необходимы были коренныя преобразованія въ Яицкомъ войскѣ, и онъ написалъ обширный проектъ^{ж)}, которому, впрочемъ, не было суждено осуществиться вполнѣ. Проектъ этотъ былъ представленъ Неплюевымъ въ В. Коллегію, откуда онъ не имѣлъ дальнѣйшаго хода. Можетъ быть, какъ замѣчаетъ Рябининъ, причиною этого было то, что вниманіе всѣхъ занято было въ это время войною съ Пруссіей.

Впрочемъ, старанія Неплюева не остались совершенно безслѣдными

^{а)} П. С. З., т. XI, № 8215.

^{б)} Рычковъ говоритъ въ „Топ. Ор. губ.“ (ч. II, 81), что въ каждомъ полку было по 508 чел.; но онъ включаетъ, безъ сомнѣнія, въ это число и особо назначенныхъ въ каждый полкъ: старшину, есаула, писаря и 5 сотниковъ.

^{в)} Эти названія сохранились доселѣ въ Уральскомъ войскѣ.

^{д)} Рябининъ въ „Ур. каз. войско, ч. II, въ прил. № XII, стр. 36—41.

^{е)} По прежнимъ указамъ на все войско опредѣлено и велѣно было отпускать деньгами 4138 р. и 1598 четв. хлѣбомъ, за который выдавалось деньгами отъ 600—1000 р., до 100 вед. вина съ симбирскихъ заводовъ, такъ что всего въ годъ приходилось до 5000 р. См. Рычковъ: „Топ. Ор. губ.“, ч. II, стр. II, 86, 87. Слич. выше стр. 300.

^{ж)} Проектъ этотъ былъ сообщенъ мною въ редакцію „Русскаго Архива“, гдѣ онъ и напечатанъ (за 1873 г., кн. II, стр. 11—33). Самому проекту Неплюева предпослано составленное мною предисловіе (стр. 1—10).

въ исторіи Лицкихъ казаковъ: его мысль нашла отголосокъ въ учрежденіи ненавистнаго казакамъ штата, который, по проэкту Неплюева, въ нѣкоторомъ отношеніи касался и основныхъ правъ общиннаго самоуправленія. Такъ, напримѣръ, въ пунктѣ 2 его проекта читаемъ: „Всѣхъ старшинъ ко всякому въ Войсковомъ Приказѣ производимому дѣлу не сзывать, а вмѣсто того при атаманѣ у всѣхъ дѣлъ присутствовать двумъ старшинамъ, которыхъ именовать войсковыми старшинами, чего для и въ учиненномъ штатѣ, кромѣ полковыхъ при атаманѣ, особо и съ особливымъ жалованьемъ два положены, которыми у того присутствія быть безпремѣнно да сверхъ того присутствовать изъ полковыхъ старшинъ, или станичныхъ атамановъ по одному съ переменною погодно, дабы они чрезъ то всѣ были къ правленію понятны и, при случившейся вакансіи, къ пополненію мѣсть удобны. А буде кто изъ нихъ старшинъ явится въ явномъ преступленіи и буде малое дѣло, то атаману того штрафовать арестомъ, а буде въ чемъ учинить великое преступленіе; то его отъ команды и засѣданія отрѣша, судить и со мнѣніемъ, какого наказанія достойны, съ дѣломъ къ главной командѣ (Оренбургской) представлять“.

Войсковому атаману, по мнѣнію Неплюева, надлежитъ быть „богобоязненну, заслуженну; отъ него особливо требуются совѣстные и справедливыя поступки, наибольшая храбрость и искусство; вездѣ и во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ долженъ вести себя такъ, чтобы его всѣ старшины и рядовые, какъ главнаго своего командира, любили, почитали и боялись, а при томъ всѣмъ толь скромнымъ себя показывать, чтобы каждому былъ къ нему свободный приступъ, наипаче же быть правдиву, безпристрастну и нелакому, вспомогательну въ народныхъ нуждахъ и некичливу въ ихъ прошеніяхъ“^{а)}. Между многими другими обязанностями, *войсковой атаманъ долженъ былъ имѣть постоянное попеченіе о томъ, «чтобы всѣ старшины и казаки въ страхъ Божіи пребывали, въ праздничные и воскресные дни прилежали бы къ церкви Божіей, удаляясь отъ пьянства и всякихъ безчинствъ, чрезъ что на всѣ дѣла, — замѣчаетъ Неплюевъ, — Божеское благословеніе происходитъ»*^{б)}. Войсковые старшины, или станичные атаманы, подражая во всемъ хорошему главному войсковому атаману, обязаны были каждодневно докладывать своему начальнику словесно чрезъ посредство есаула о состояніи и комплектѣ своего полка, и разъ въ мѣсяцъ подавать о томъ письменные рапорты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ лежала обязанность строго смотрѣть за отношеніемъ сотниковъ къ рядовымъ казакамъ, чтобы они не

^{а)} Пунктъ 1.

^{б)} Тамъ же.

обижали своихъ подчиненныхъ и въ нарядахъ соблюдали строгую очередь. Станичный атаманъ смотрѣлъ также за исправностью лошадей, сбруею, за выдачей жалованья и, вмѣстѣ съ есауломъ, производилъ судъ и расправу по жалобамъ казаковъ его полка; если же случалось какое важное дѣло или одинъ изъ недовольныхъ принадлежалъ ни къ его командѣ, то въ такомъ случаѣ жалующіеся, послѣ неудавшейся попытки къ примиренію ихъ, передавались въ распоряженіе Войскового суда^{a)}. Каждый казакъ, по мнѣнію Неплюева, долженъ быть смѣлымъ и хорошимъ наѣздникомъ, имѣть не меньше двухъ надежныхъ и сытыхъ лошадей, саблю, турку со всѣми принадлежностями или, вмѣсто турки, сайдакъ и копье, а кто можетъ — и панцырь. Во время „знатныхъ походовъ и при знатныхъ оказіяхъ“, панцырники, раздѣлясь по-ровну, должны были ѣхать впереди полковъ „для лучшей полковой парады“^{b)}.

Войсковой Кругъ Неплюевъ хотя и допускалъ, но согласія казаковъ дозволялось спрашивать только на одни ихъ домашнія дѣла, напримѣръ, когда и какъ имъ собираться и идти на рыбные и другіе промыслы, относительно постройки и ремонта общественныхъ зданій и т. п. Что же касается дѣлъ служебныхъ и различныхъ распоряженій со стороны атамана, по силѣ высочайшихъ указовъ или предписаній различныхъ командъ; то велѣно было только объявлять о томъ въ Кругу чрезъ есауловъ, не спрашивая мнѣнія казаковъ.

Вмѣсто службы по найму, Неплюевъ проэктировалъ очередную службу, какъ то повелѣвалось въ указѣ 1740 года. Ссылаясь на этотъ указъ, Неплюевъ говоритъ: „того ради всѣ напередъ сего, въ противность оной грамоты, по мірскимъ приговорамъ, на форпосты и въ партіи командруемымъ въ кругахъ отъ всего войска бывшіе наймы и подмоги, и на то съ каждаго казака сборъ (на что сбирывались великія деньги) совершенно отрѣшить, и впредь сего отнюдь не чинить, ибо изъ того можно было видѣть разныя несходства, а служить всѣмъ и наряжать отъ войска какъ старшинъ, такъ и рядовыхъ во всѣ наряды поочередно, не обходя никого, кому очередь дойдетъ, и тѣмъ по очереди наряжаемымъ никакихъ наймовъ и подмогъ не чинить, и на то съ оставшихся сборовъ ни по чему не собирать“^{c)}. Но проэктируя очередную службу, Неплюевъ не отвергалъ совершенно и службу по найму. Сознавая, что при наѣмкѣ можетъ образоваться классъ неслужилыхъ казаковъ и нѣкоторыя другія неудобства, Неплюевъ также очень хорошо понималъ и то, что и отъ очередной службы могутъ пострадать общественные интересы, а гдѣ только дѣло шло объ общемъ благѣ,

^{a)} Пунктъ 8.

^{b)} Пунктъ 9.

^{c)} Пунктъ 14.

{ „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. II.

тамъ онъ не только частные, но и свои собственные интересы приносилъ въ жертву общественнымъ. Вообще заботы объ общемъ благѣ составляли отличительную черту въ характерѣ Неплюева: жить въ обществѣ, по его мнѣнію, значило дѣйствовать для общаго блага, а не въ пользу частныхъ или только личныхъ интересовъ; онъ сознавалъ, что общее благосостояніе начинается съ частнаго; что когда будетъ, по возможности, хорошо каждому, — хорошо и всемъ. Выходя изъ этого убѣжденія и смотря на отбываніе казаками военной повинности въ связи съ экономическимъ устройствомъ Яицко-казацкой общины, Неплюевъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „понеже, во всякомъ обществѣ торговые, промышленные и мастеровые люди есть и всемъ столь потребны, что безъ нихъ никому содержать себя невозможно, ибо отъ одного промышленного и заводнаго человѣка многіе свои извороты, а убогіе, нанимаясь въ работы, и пропитаніе свое получаютъ, что паче по состоянію Яицкаго войска уважать надлежитъ, яко однимъ денежнымъ ихъ жалованьемъ казаку содержаться неможно, а промыслы ихъ такіе, что кто больше капиталу имѣетъ, тотъ не только свой доходъ лучше получить, но около его и другимъ, а паче маломочнымъ, разные способы бывають, чѣмъ ихъ все общество состоитъ и къ Ея Императорскаго Величества лошадей и всякую свою справу получаетъ; и для того ежели когда при такихъ очередныхъ нарядахъ дойдетъ очередь до такого казака, который имѣетъ знатной капиталъ, торги и разные промыслы производить; то имъ яко нерегулярнымъ людямъ, свѣдома своего полковаго старшины, позволяется вмѣсто себя, сына или родственника и свойственника, съ подмогою отъ себя отправить, также и изъ казаковъ неочереднаго, а хотя и изъ калмыкъ, надежнаго добровольно нанять, чтобы онъ вмѣсто него очередь отслужилъ, и сколько таковыхъ при командированіи явится, о тѣхъ полковымъ старшинамъ войсковому атаману иманныя вѣдомости подавать, который долженъ самъ пересматривать, надежны-ль они къ службѣ, исправныхъ-ли имѣютъ лошадей, ружье и всякую сбрую, чтобы никто въ службѣ ненадежный и недостаточный не былъ“^{а)}. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Неплюевъ, проектируя очередную службу, поставляетъ этотъ вопросъ въ самую тѣсную связь съ экономическимъ и матеріальнымъ благосостояніемъ Яицкой общины; имъ руководятъ при этомъ главнымъ образомъ два побужденія: 1) установленіе возможной равномѣрности въ отбываніи воинской повинности Яицкими казаками; и 2) улучшеніе экономического положенія казаковъ, посредствомъ уничтоженія бывшихъ до того сборовъ для наѣмки съ каждаго казака. Руководясь желаніемъ перваго

^{а)} Тамъ же, стр. 23—24.

рода, Неплюевъ предписываетъ всѣмъ атаманамъ и войсковымъ старшинамъ строго наблюдать за тѣмъ, „чтобы чрезъ то (т. е. позволеніе нанимать за себя другаго) богатые и семейные люди дѣтей своихъ, которыя у нихъ въ казаки записаны, отъ службы не отлучали и тѣмъ не только ихъ, но и весь корпусъ въ слабость не приводили, а старшинамъ служить всѣмъ поочередно, развѣ кого за болѣзнію командировать будетъ нельзя“. Выходя изъ втораго воззрѣнія на наѣмъ и зная, какъ много собиралось съ идущихъ на службу казаковъ должныхъ и недолжныхъ поборовъ, Неплюевъ положительно запрещаетъ подобныя сборы и предоставляетъ это дѣло на полную волю и доброжелательство казаковъ, устраняя притомъ всякое вмѣшательство со стороны старшинъ: „а ежели командировка какая малая“,—говоритъ онъ,—„что по немногу съ полку, слѣдственно и съ роты достанется, и пожелають казаки которой роты добровольно командированнымъ подмочь деньгами, того за преставленными отъ войска Яицкаго резонами не запрещать, однакожь дабы то казаки собою сами въ своей ротѣ, а не въ другихъ чинили, и старшинамъ въ тотъ сборъ и договоръ, по прежнему, не мѣшались“^{а)}. Такимъ образомъ, Неплюевъ не отрицаетъ и существующей у казаковъ подмоги идущимъ на службу; но и въ этомъ случаѣ онъ не стѣсняетъ казаковъ. Никто, разумѣется, лучше самого же казака не зналъ его матеріальныхъ средствъ, и никто также болѣе сочувственно не могъ отнестись къ нуждамъ идущаго на службу казака, какъ самъ же казакъ; поэтому не удивительно, если Неплюевъ рассчитывалъ на добровольную подмогу со стороны казаковъ, остающихся въ предѣлахъ войска. Въ Яицкомъ войскѣ, какъ извѣстно, изстари вѣковъ и понинѣ пользованіе землею, лугами, рыбными и другими соединенными съ природными богатствами страны промыслами—общинное; поэтому казакъ, уходившій на вѣншнюю службу, не имѣя у себя опредѣленнаго участка земли и луговъ, несъ чрезъ то явный убытокъ, лишаясь возможности получить извѣстную долю прибыли въ пользованіи войсковыми угодьями, тогда какъ остающіеся дома, на „льготѣ“ или на внутренней службѣ, оттого выигрывали, особенно въ хорошій годъ и при значительныхъ командировкахъ. Понятно, что при такомъ общинномъ порядкѣ пользованія войсковыми угодьями, уходящій на службу долженъ быть вознагражденъ со стороны остающихся, которые пользуются и долей уходящихъ на службу и своей собственной частью въ войсковыхъ угодьяхъ. Вслѣдствіе этого, Неплюевъ и не хотѣлъ отмѣнить права казаковъ, поступающихъ въ составъ различныхъ командъ, на полученіе за то подмоги,

^{а)} Тамъ же.

иначе бы пришлось измѣнить самый порядокъ пользованія войсковыми угодьями, выработанный болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ еще до него. Кромѣ того казаки, уходившіе на службу по очереди, если они не имѣли женъ и дѣтей, имѣли право продавать багренье кому либо изъ остающихся „на льготѣ“^{а)}. Такимъ образомъ, строго говоря, Неплюевъ не вводилъ очередной службы въ смыслѣ солдатства^{б)}, а только видоизмѣнилъ самый способъ „наёмки“, придавъ ей иной видъ, иное назначеніе и ограничивъ извѣстными опредѣленными условіями, зависящими отъ экономическаго устройства Яицкой общины и обусловливаемыми историческою необходимостью. — Яицкій казакъ, по проекту Неплюева, имѣлъ право нанимать вмѣсто себя и другаго, если только онъ самъ былъ необходимъ въ общинѣ, какъ торговецъ, мастеровой, промышленникъ и т. п. Это право „наёмки“ — право добровольно располагать собою имѣло и имѣетъ очень важное значеніе какъ лично для торговаго и промышленнаго казака, такъ и вообще для экономическаго благосостоянія цѣлой общины. Для того, чтобы добыть отъ земель, водъ и отъ другихъ природныхъ угодій существенную пользу, необходимо право располагать своимъ трудомъ, своей судьбой, а безъ этого и большой капиталъ ни къ чему послужить не можетъ. Вотъ почему дорога для казака наёмка, не говоря уже объ историческомъ освященіи ея вѣками. Она даетъ возможность каждому самостоятельному и трудолюбивому казаку располагать собою, по своему желанію и усмотрѣнію. Извѣстно, что ничего такъ энергично не отстаивали Яицкіе казаки, какъ это право „наёмки“: ни кнутъ, ни каторга не могли заставить казаковъ разстаться съ этимъ правомъ; правительство два раза^{в)} отменяло наемку и затѣмъ каждый разъ возстановляло её. Но замѣчательно, что штатъ, проектированный Неплюевымъ, и очередная служба въ указанной формѣ не вызвали ни малѣйшаго недовольства со стороны казаковъ: во все время пребыванія въ Яицкомъ городкѣ Неплюева и послѣ его отъѣзда, среди Яицкихъ казаковъ все было тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, мы не нашли указаній на недовольство казаковъ ни у самого Неплюева, ни у сопровождавшаго его на Яикъ Рычкова. Между тѣмъ, какихъ стоило послѣ правительству хлопотъ, борьбы и трудовъ введеніе штатовъ и, какъ мы знаемъ, не всегда съ успѣхомъ. Все это, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что сильный своею опытностью и добросовѣстностью Неплюевъ сумѣлъ разъяснить казакамъ пользу вводимыхъ имъ

а) Пунктъ 11.

б) Желающимъ ознакомиться съ „наёмкой“ Яицкихъ казаковъ можно указать на „Воен. Сборникъ“ (1866 г. № 2 и 1873 г. № 3), гдѣ помѣщены объ этомъ обстоятельстве свѣдѣнія.

в) Въ 1766 году и въ 1803 г. наёмка была отменяема, а въ 1806 г. снова была возстановлена, вопреки проекту генераль-лейтенанта Медера.

преобразованій, для благоустройства ихъ общины. Зная о раздѣленіи казаковъ на два враждебные лагеря,—на атаманскую или старшинскую партію и партію народную,—онъ не присоединяется ни къ той, ни къ другой сторонѣ, стараясь, по возможности, угодить обѣимъ и примирить интересы враждебныхъ партій, чтобы чрезъ то приготовить благопріятныя для своихъ реформъ условія, достигнуть главной цѣли: спокойствія на Яикѣ, экономического благосостоянія и болѣе прочнаго устройства казацкой общины въ административно-военномъ отношеніи. Такъ умѣлъ примирять частные интересы съ общественными этотъ достопамятный дѣятель!

Неплюевъ обратилъ также вниманіе и на установленіе общественнаго порядка и благочинія въ Яицкомъ городѣ, на недостатокъ городскихъ доходовъ, на развитіе грамотности въ войскѣ и многія другія стороны внутренняго быта казаковъ. Чтобы видѣть, чего, по его мнѣнію, не доставало для внутренняго благосостоянія Яицкой общины, мы приведемъ еще небольшія извлеченія изъ его проекта, удерживая подлинную рѣчь Неплюева, такъ—какъ собственное его свидѣтельство, хотя бы оно было выражено и въ немногихъ словахъ, лучше длинныхъ разсужденій знакомить насъ съ стариной и болѣе опредѣляетъ характеръ времени и самого Неплюева.

Въ пунктѣ 17: „*О городскомъ порядкѣ и о всякомъ благочиніи*“ Неплюевъ говоритъ: „Войсковой атаманъ и старшины должны всегдѣшнее попеченіе имѣть и стараться о добромъ порядкѣ въ полиціи ихъ, наблюдать, чтобы въ ихъ городѣ все спокойно и порядочно чинилось, а особливо—бъ простой народъ обоего пола въ торжественные и праздничные дни къ церкви Божіей прилежали, о чемъ атаману всегда наканунѣ тѣхъ дней въ полковыя команды приказами подтверждать; смотрѣть, чтобы, прежде нежелъ божественная литургія отойдетъ, пьянства и питейной продажи и крику не было; имѣть попеченіе, чтобы всѣ торги и промыслы порядочно и вѣрно происходили, пріѣзжающимъ и отъѣзжающимъ купцамъ удержанія, обидъ и грабежа отнюдь не было, чего ради въ пристойныхъ мѣстахъ, когда и гдѣ нужно, имѣть постоянные караулы и смотръ, а притомъ всѣмъ пешихъ и о доброй городской экономіи: заводить и умножать также заводы и промыслы, которые по состоянію здѣшняго мѣста учреждены и предъ нынѣшнимъ въ лучшее состояніе приведены быть могутъ; наблюдать, чтобы берегли лѣсъ, въ которомъ здѣсь недостатокъ; впредъ всякъ строился бы порядочно и такихъ тѣсныхъ улицъ, какія нынѣ есть, не дѣлать; тако же и сего смотрѣть, чтобы на торгу всѣмъ и всякія мѣры были справедливы, цѣна на хлѣбъ и все харчевое держанье умѣренная, и такая, чтобы изъ того народной тягости, тако же и ни

въ чемъ бы никакихъ обмановъ не было; для безопасности же отъ пожарныхъ случаевъ, имѣть особое учрежденіе и надлежащія къ тому инструменты“^{а)}.

Что касается городскихъ доходовъ, то, кромѣ откупныхъ кабацкихъ, вѣсовыхъ и поведенныхъ, у Яицкихъ казаковъ никакихъ другихъ доходовъ и сборовъ не было; „но и сихъ всѣхъ въ годъ,“—замѣчаетъ Неплюевъ,—„больше 435 руб. не бывало“, именно съ каждаго кабака положено было по 15 руб., а такъ-какъ всѣхъ кабаковъ было 15, то кабацкій сборъ равнялся 225 р., вѣсовыхъ доходовъ приходилось на годъ отъ 120 до 140 р., поведенныхъ, полагая по рублю съ бочки, отъ 30 до 40 руб., такъ-что общій городской доходъ простирался отъ 405 до 435 р. въ годъ. Деньги эти шли на общіе городскіе расходы, какъ-то: на отправленіе ко Двору презента, на вырубку и сгонъ учужнаго лѣса, на прогоны посылавшимся отъ войска лицамъ въ Оренбургъ, Астрахань и другія мѣста, на содержаніе и награды пріѣзжавшихъ пословъ, на покупку лошадей для поѣздки съ экстренными порученіями въ Киргизскую орду, на церковныя и канцелярскіе расходы, и т. п. Всѣ эти расходы простирались иногда на сумму свыше 2000 руб., а на приходъ, какъ мы уже знаемъ, поступало максимумъ 435 р., „отъ чего“,—говоритъ Неплюевъ,—„во время нарядовъ и другихъ въ томъ войскѣ общихъ нуждъ и малыхъ посылокъ не только напредъ сего, но еще и нынѣ чинять по міру, т. е. съ казаковъ, разные поборы“^{б)}. Не смотря на эти поборы съ казаковъ, иногда Яицкое войско дѣйствительно входило въ такіе долги, что не имѣло даже возможности уплатить занятыхъ на войсковыя нужды денегъ, какъ это видно изъ указа В. Коллегіи къ Неплюеву, отъ 12 декабря 1745 г. Правда, что у казаковъ былъ еще одинъ источникъ общихъ доходовъ, это были такъ называемыя „домоспдныя деньги“, которыя собирались со всѣхъ казаковъ, участвовавшихъ „въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багренья“; но эти деньги шли не на общіе городскіе расходы, а поступали въ пользу священниковъ съ причтомъ, на служащихъ по письменной части при Войсковомъ правленіи, повѣренныхъ, войскового толмача, на канонировъ и кузнецовъ въ замѣнъ того, что имъ въ прежнія времена не позволялось участвовать въ упомянутомъ багреньѣ, (хотя въ другихъ рыболовствахъ могли и они участвовать, если только это не отвлекало ихъ отъ служебныхъ обязанностей). Сумма *домоспдныхъ денегъ* равнялась въ 1754 г. =

^{а)} Русск. Архивъ 1878 г., кн. II, стр. 26.

^{б)} Тамъ же, стр. 26—28, п. XVII.

1312 руб., въ 1756 г.=484 р.^{а)} 50 к., въ 1757 г.=2070 руб., въ 1758 г.=1884 р.^{б)} 50 к., въ 1759 г.=1784 р. 50 к., въ 1760 г.=4593 р., въ 1761 г. за севрюжный караулъ 18 р., а всего въ семь лѣтъ 12352 р.^{в)}

Въ числѣ лицъ, получавшихъ домосѣдныя деньги, кромѣ указанныхъ выше, были также атаманы, старшины, муллы, отставные казаки и малолѣтки; число такихъ лицъ иногда простиралось до 60 и 70 чел.^{д)} Такимъ образомъ, „домосѣдныя деньги“, довольно значительныя по тому времени, не могли пополнять суммъ на общіе городскіе расходы, а между тѣмъ пополненіе этихъ суммъ было необходимо. Посмотримъ, что сдѣлалъ для этого Неплюевъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ. До этого времени Яицкіе казаки, вслѣдствіе опредѣленія Сената, отъ 6 октября 1732 г., должны были покупать вино „на домовые расходы и на продажу между собою въ Самарѣ или Сызранѣ, гдѣ имъ способнѣе, на кружечныхъ дворахъ, по указаннымъ цѣнамъ и брать выписки, а ежели они вино будутъ покупать не съ кабаковъ“,—говорится въ указѣ,—„и въ томъ изболѣчены будутъ, за то у нихъ то вино отбирать безденежно“^{е)}. По окладной книгѣ Камеръ-коллегіи 1723 г. значится, что съ Яицкихъ казаковъ кабацкаго сбора взималось 708 р. 49 к. окладъ этотъ причисленъ былъ къ доходамъ Сызранской Ратуши, такъ какъ казаки покупали вино въ Сызранѣ. Неплюевъ чрезъ Воен. Коллегію предложилъ Сенату, съ вѣдома Оренбургской губернской канцеляріи, водочную продажу въ Яицкомъ городкѣ отдать на откупъ, какъ это было въ Оренбургѣ, въ Волжскомъ и Донскомъ казачьихъ войскахъ.—Надѣясь чрезъ то увеличить городской доходъ, Неплюевъ видѣлъ въ томъ и облегченіе для народа, такъ-какъ водка и вино могли тогда продаваться дешевле; въ то время какъ въ Оренбургѣ ведро простаго вина стоило рубль и меньше, въ Яицкомъ городкѣ оно продавалось почти по два рубля^{ж)}. Кромѣ того, казаки, покупая вино на заводахъ бочками или ведрами, могли производить розничную и чарочную продажу по заключенному съ откупщикомъ контракту. Сенатъ, вслѣдствіе отношенія В. Коллегіи, отъ 8 декабря 1749 г., и согласія войска, въ лицѣ атамана Ильи

^{а)} У Данилевскаго (Рыболовство въ Россіи, ч. III, стр. 65) показано подъ 1756 г. 404 р. 50 к.; но мы удержали тѣ цифры, которыя приведены въ указѣ, отъ 15 декабря 1756 г. Яицкому войску. См. чернов. бумаги І. И. Желѣзнова, по описи № 67, стр. 8.

^{б)} У Данилевскаго за 1758 г. показано 1890 р.

^{в)} Слѣдовало бы ожидать 12146 руб. 50 коп., но такъ, хотя, м. б., и ошибочно показано въ указѣ, отъ 15 декабря 1765 г.

^{д)} Указъ 15 декабря 1765 года.

^{е)} П. С. З., т. XIII, № 9601, стр. 164, ст. I.

^{ж)} Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Оренб. губ. вино продавалось еще дороже, напр. въ Исетской провинціи ведро стоило 2 р. П. С. З., т. XIV, № 10497.

Меркурьева и старшины Бородина, ежегодно вносить въ казну 708 р. 49 к. акцизнаго сбора, опредѣлили: „дозволить Яицкому войску въ ихъ казачьи городки вино и водку брать съ позволительныхъ винокуренныхъ заводовъ, и отъ того Яицкаго войска съ будущаго 1750 года 708 руб. 49 к. платить повсягодно сполна, бездомочно, и въ исправномъ по тому числу въ каждомъ годѣ платежѣ отъ того Яицкаго войска взять надлежащее обязательство, или оное имъ зачитать въ положенное годовое жалованье, по сношенію Камеръ-коллегіи съ Штатсъ-конторою и Яицкаго войска съ атаманомъ и старшинами“^{а)}. При этомъ казакамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, подѣ опасеніемъ жестокаго штрафа, „изъ тѣхъ Яицкихъ казацкихъ городковъ вина и водки въ великороссійскіе города, и гдѣ будутъ поселены великороссійскіе служилые люди, и нигуда, въ русскія поселенія, не отвозить и не пропускать“^{б)}.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ указалъ казакамъ и на другой источникъ увеличенія общихъ городскихъ доходовъ: онъ предложилъ брать съ пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ иногороднихъ жителей поземельнаго и прорубнаго сбора по 3 коп. съ воза, а съ лавокъ по полтинѣ. Принимая во вниманіе то, что число пріѣзжавшихъ иногородцевъ въ Яицкій городокъ, особенно въ зимнее время, было весьма значительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этотъ незначительный самъ по себѣ сборъ могъ достаточно восполнять сумму на городскіе расходы. Чтобы пресѣчь различнаго рода злоупотребленія и возможность къ неправильному расходу войсковыхъ суммъ, Неплюевъ постановилъ, чтобы все городскіе доходы были записываемы на приходъ въ особыя шнуровыя и за печатью книги, указавъ при этомъ точно самыя статьи расхода, какъ-то: на канцелярскія потребности: на бумагу, сургучъ, свѣчи и дрова, также на посылку курьеровъ и прогоны, въ церковь на свѣчи и ладонъ, на содержаніе пріѣзжихъ и плѣнныхъ киргизъ и калмыковъ и т. п. О всѣхъ расходахъ войско ежегодно должно было представлять особыя вѣдомости въ Оренбургскую губернскую канцелярію. Для контроля за правильнымъ употребленіемъ войсковыхъ суммъ, положено было избрать, по общему приговору, особыхъ блюстителей изъ отставныхъ или служащихъ казаковъ „добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ“, которые, по истеченіи каждаго года, обязаны были отдавать отчетъ въ расходованіи войсковыхъ суммъ, будучи повѣряемы двумя выборными членами изъ старшинъ. Постоянный контроль надъ такими блюстителями войсковыхъ суммъ былъ порученъ войсковому атаману и старшинамъ^{в)}.

^{а)} П. С. З., т. XII, № 9691, стр. 164, ст. 2.

^{б)} Тамъ же, стр. 165, ст. 1.

^{в)} П. 18. „Русск. Архивъ“ 1878 г., кн. 2, стр. 28.

Забываясь о сбереженіи и должномъ употребленіи войсковыхъ суммъ, Неплюевъ также постановилъ, чтобы командируемымъ на службу казакамъ жалованье выдавалось подъ поручительствомъ надежныхъ и состоятельныхъ лицъ „и ежели кто, не заслужа треть^{а)}, бѣжить или умереть, то оное жалованье взыскивать съ тѣхъ ихъ поручителей, а буде кто, не получа заслуженнаго жалованья, умереть, то заслуженное жалованье выдавать жёнѣ его и дѣтямъ и другимъ законнымъ наслѣдникамъ, по разсмотрѣнію и опредѣленію Войскового суда“^{б)}.—Запрещая отпускать старшинъ со службы болѣе чѣмъ на мѣсяць, Неплюевъ прибавляетъ: „а ежели который за собственною нуждою болѣе мѣсяца пробудеть, таковымъ на все то время, сколько онъ отъ команды въ отпускѣ, жалованье не отдавать и удержанное записывать“^{в)}. О всѣхъ остаткахъ суммъ велѣно было „въ Оренбургскую губернскую канцелярію по третямъ года рапортовать, и безъ указу ни въ какіе расходы ихъ не употреблять, записывая въ книгу“^{д)}. Раньше Яицкіе казаки отправляли въ Петербургъ четыре станицы въ годъ, одну зимовую и три мелкія, на что отъ Военной Коллегіи была ассигнована особая сумма въ 2638 руб. 30 к.; деньги эти шли на награды атаманамъ, есауламъ, старшинамъ и казакамъ, пріѣзжавшихъ въ станицахъ, для чего выбирались всегда заслуженныя и оказавшія особыя услуги лица. Неплюевъ, въ виду увеличенія окладнаго жалованья, уничтожилъ легкія станицы, оставивъ одну зимовую и назначивъ на нее сумму въ 1217 р. 41¹/₂ к., да, сверхъ того, на чрезвычайные расходы, т. е. на ковши, сабли и знамена, 100 р., а всего 1317 р. 41¹/₂ коп. Вся сумма распределялась слѣдующимъ образомъ: „атаману 80 р., а буде пріѣдетъ войсковой, то 100 рублей, при немъ есаулу 60, старшинѣ—50, рядовымъ семнадцати человѣкамъ—каждому по 35 руб., остальные деньги шли на расходы по поѣздкѣ и на чрезвычайные расходы. Если бы въ войскѣ не нашлось особенно предъ другими заслуженныхъ и достойныхъ лицъ, то велѣно было назначать въ зимовую станицу старшинъ и есауловъ по очереди“^{е)}. Не оставилъ безъ вниманія Неплюевъ и отсутствіе школъ въ войскѣ. Изъ 218 казачьихъ дѣтей грамотныхъ было только 26 чел., а изъ взрослыхъ не болѣе 5 человѣкъ: войсковой атаманъ, писарь да человѣкъ три старшинъ, но и тѣ“,—по выраженію Неплюева,—„знаютъ недостаточно“. „Почему войсковому атаману съ товарищами его“,—говоритъ

а) Жалованье выдавалось по третямъ впередъ.

б) П. 11. Тамъ же, стр. 20.

в) П. 11.

д) Тамъ же.

е) Пунктъ XII. См. „Русск. Арх.“ 1878 г., кн. 2, стр. 20—21. Слич. П. С. З. № 8128; 8209; 8407; 10121; 10824 и др.

Неплюевъ, — „такоежъ и полковымъ старшинамъ надлежитъ имѣть попеченіе, чтобы не только ихъ старшинскіе, но и знатныхъ казаковъ дѣти обучаемы были грамотѣ и чистому письму, а при томъ не излишне бы для нихъ было и сіе, ежели бы кто зналъ изъ нихъ хотя первыя части ариметики и прилежалъ бы въ церквахъ чтенію и пѣнію“^{а)}. Если бы въ войскѣ не нашлось для обученія дѣтей кого-либо изъ свободныхъ и способныхъ церковно-служителей, то, по мнѣнію Неплюева, „можно-бы на войсковой коштѣ построить въ пристойномъ мѣстѣ особые покои и содержать особаго же одного или двухъ учителей, употребляя на то деньги изъ остающейся отъ неполнаго комплекта войсковой суммы; и чтобы каждаго къ тому потребному и полезному обученію поохотить и понудить, для того отнынѣ грамотныхъ людей, ежели состоянія добраго, хотя бы службою и моложе былъ, въ произвожденіяхъ предпочитать, а впредь, какъ грамотные умножатся, выше урядничья и хорунжія чина безграмотныхъ не производить, развѣ по особливымъ заслугамъ“^{б)}. Что въ числѣ Яицкихъ казаковъ дѣйствительно было мало грамотныхъ, особенно изъ взрослыхъ, это подтверждается и другими официальными данными, такъ напримѣръ, въ войсковомъ приговорѣ о выборѣ въ атаманъ Андрея Бородина въ 1755 году встрѣчается нѣсколько разъ подпись дѣтей, вмѣсто отцовъ, и подпись простыхъ казаковъ вмѣсто старшинъ и есауловъ^{в)}, которые желая, вѣроятно, скрыть свое безграмотство, заставляли росписываться за нихъ нерѣдко „по приказу“, а не „по просьбѣ“ такогото, но въ это время встрѣчается уже болѣе грамотныхъ, чѣмъ за семь лѣтъ, когда Неплюевъ былъ въ Яицкомъ городѣ и настаивалъ на учрежденіи школъ.

Отъ Неплюева, какъ добросовѣстнаго труженика и врага всякаго дармоуядства, не скрылось и обыкновенное явленіе нашихъ городовъ, составляющее и понынѣ^{д)} большое зло въ общественно-экономической жизни Русскаго народа, — мы разумѣемъ нищихъ“^{е)}.

Въ пунктѣ XX его проекта читаемъ: „ежели-жъ есть и будутъ шататься по міру малолѣтнія сироты, отцевъ и матерей неимущія, тако-

^{а)} Р. Арх. 1878 г., кн. II, стр. 28, пунктъ XIX.

^{б)} Тамъ же.

^{в)} Напр. „вмѣсто войсковаго старшины Ив. Митрясова, по его приказу, сынъ его Алексѣй Митрясовъ подписался; вмѣсто старшинъ Петра Абонимова, Михаила Бородина, Федора Иванаева, Федота Матвѣева, по ихъ прошенію, подписался канцеляріи войсковыхъ дѣлъ писарь Степанъ Ивановъ; вмѣсто сотниковъ Михаила Елизарова, Сергѣя Юдина, Ив. Солдатова, Петра Милехина и Кирилы Поднарѣшкова, по ихъ прошенію, казакъ Романъ Котелковъ подписался“ и т. д. См. черновыя бумаги Г. И. Желѣзнова, по описи № 1.

^{д)} См. въ газетѣ: „Волжско-Камское Слово“ за 1882 годъ мои статьи: 1) „Нищенство и нищія“ (№№ 108, 110 и 111) и 2) „Меры къ ослабленію нищенства“ (№№ 123, 126 и 127).

^{е)} П. С. З., т. XIV, № 10460.

выхъ до возраста отдавать родственникамъ и свойственникамъ ихъ, а буде сихъ не будетъ, то и постороннимъ".— Лица, принявшія къ себѣ кого-либо изъ сиротъ на прокормленіе, обязывались подпиской, что они, когда принятому ими мальчику исполнится 16 лѣтъ, объявятъ о томъ въ Войсковомъ Приказѣ для зачисленія его въ службу. Взятые на содержаніе сироты не могли оставлять самовольно своихъ кормильцевъ до означеннаго возраста; онѣ обязаны были служить своему благодѣтелю и помогать въ работѣ до зачисленія ихъ въ службу; если же имъ приходилось слишкомъ жутко, то предоставлялось право жаловаться и, по разсмотрѣніи ихъ жалобъ въ Войсковомъ Судѣ, если онѣ оказывались справедливыми, ихъ брали и передавали на прокормленіе другимъ, при соблюденіи тѣхъ же условій съ обѣихъ сторонъ.

Но мало было и другихъ сторонъ быта Яицкихъ казаковъ, на которыя обратилъ свое вниманіе Неплюевъ: такъ онъ съ подробностію опредѣлилъ права и кругъ дѣятельности всѣхъ служащихъ лицъ, начиная съ атамана и кончая простымъ казакомъ; съ неменьшею подробностію изложилъ онъ и свое мнѣніе объ учрежденіи полковъ или станицъ, объ устройствѣ походной и городской артиллеріи; опредѣлилъ окладъ жалованья для служащихъ, порядокъ въ содержаніи форпостовъ, командировки и наряды на службу; излагаетъ свои соображенія о бѣглыхъ, объ отношеніи къ бѣглымъ и безпаспортнымъ^{а)} казаковъ, говоритъ о рыбныхъ и другихъ войсковыхъ промыслахъ; Неплюевъ также указалъ, какъ должны вообще относиться казаки къ кочевавшимъ близъ ихъ городка калмыкамъ и, въ частности, къ желавшимъ принять изъ нихъ крещеніе^{б)}; упоминаетъ объ отношеніи къ нимъ татарскихъ муллъ; опредѣляетъ штатъ Илецкой и Сакмарской станицъ, показавъ въ точности ихъ отношеніе къ Яицкому войску, и заканчиваетъ свой проектъ правомъ апелляціи недовольныхъ. Не входя во всѣ подробности этого обширнаго проекта, мы думаемъ, что и приведенныхъ нами извлеченій достаточно, чтобы судить о томъ, насколько близки были Неплюеву интересы Яицкой общины и какъ дорого цѣнилъ онъ силы этой „сбродной вольницы“, стараясь дать ей правильный строй и улучшить экономическое положеніе войска. Неплюевъ видѣлъ тѣ богатые задатки Яицкихъ казаковъ, которые потомъ обнаружили они въ борьбѣ съ киргизами и другими средне-азиатскими хищниками; еще Кирилловъ писалъ о нихъ Бирону: „они люди дѣльные и здѣшнихъ мѣстъ всѣ степи знаютъ“^{в)},—и правъ былъ, по нашему мнѣнію, Кирилловъ, потому что

^{а)} Слич. П. С. З., т. XI, № 8359.

^{б)} Объ этомъ будетъ сказано въ главѣ о калмыкахъ.

^{в)} Русск. Бесѣда за 1860 г., II, стр. 199. Письмо Кириллова къ Бирону, 30 ноября 1734 г.

ура́льскій казакъ (мы не говоримъ объ исключеніяхъ) *въ степи не замѣнимъ*. Но заботясь о внутреннемъ благосостояніи и устройствѣ быта Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ не забываетъ при этомъ интересовъ и другихъ обитателей края, что не могло иногда мирить казаковъ съ безкорыстными стремленіями Неплюева. Приведемъ одинъ изъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе. До 1750 года Яицкіе казаки пользовались рубкой лѣса по рѣкамъ Сакмарѣ и Самарѣ, а также и по Яику между Оренбургомъ и Разсыпной крѣпостью^{а)}; но въ 1750 году Неплюевъ, желая удовлетворить существеннымъ нуждамъ мѣстныхъ жителей, запретилъ Яицкимъ казакамъ въ означенныхъ мѣстахъ рубить лѣсъ. Вслѣдствіе этого возникаетъ длинная переписка между войскомъ, В. Коллегіей и Неплюевымъ. Въ своемъ доношеніи В. Коллегіи, отъ 29 декабря 1755 года, Яицкое войско, между прочимъ, писало: „Указомъ Ея Императорскаго Величества, присланнымъ отъ 27 марта сего года, господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ и Оренбургскій губернаторъ Ив. Ив. Неплюевъ, между прочимъ, изъяснилъ, чтобъ между крѣпостей, состоящихъ вверхъ по Яику рѣкѣ, какъ для запора учуга, такъ войску Яицкому и на хоромное строеніе и прочее, отъ Илецкаго городка^{б)}, не доѣзжая до Разсыпной крѣпости за три версты, выше оной лѣсъ рубить запретить, а понеже оного лѣса какъ отъ самаго Яицкаго городка, такъ и до Разсыпной крѣпости нынѣ не только на заборъ учуга или хоромное строеніе, но и дровяного самое малое дѣло, и въ томъ войско Яицкое имѣетъ себѣ крайнюю нужду и недостатокъ, ибо повсягодно оной лѣсъ Яицкимъ войскомъ положено готовить къ лову рыбы, которая на обиходъ ко двору Ея Императорскаго Величества презентомъ въ зимовой станицѣ посылается, да по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему, присланному, отъ 14 числа декабря 1753 года, изъ Главной Дворцовой Канцеляріи указу велѣно ежегодно, до осьми сотъ осетровъ и бѣлугъ и икры, лова, въ оную Дворцовую Канцелярію присылать свѣжею и просольною, и отправляется,—такое иззатого и войско Яицкое довольствуясь и весь корпусъ на томъ содержится, не требуя казеннаго кошта, какъ-то Государственной Военной Коллегіи есть не безызвѣстно, а ежели-же оного учуга заперто при войскѣ хотя одинъ годъ не будетъ, то Яицкомъ рѣкою вся предписанная рыба вверхъ пройти можетъ, и уже иззатого не только чтобъ войска Яицкаго корпусъ содержаться можетъ, но и предписанной какъ презентъ или въ Дворцовую Канцелярію той рыбы ловить будетъ негдѣ, и послѣдуетъ

^{а)} Разсыпная крѣпость въ 101 вер. отъ Оренбурга, внизъ по теченію Урала. Рычковъ. „Топ. Ор. губ.“, ч. 11, стр. 93.

^{б)} Отъ Илецкаго городка до Разсыпной крѣпости всего 25 верстъ. См. тамъ же.

въ томъ остановка, и войско Яицкое принуждено понести крайнее раззореніе и недостатокъ; а понеже оной лѣсъ до полученія оного указа повсягодно вверхъ по р. Яику между Татищевой^{а)} и Разсыпной крѣпостей рубленъ былъ“ и пр.^{б)} Далѣе идетъ исчисленіе, сколько и какого рубилось лѣса, указывается на другія казачьи нужды и, наконецъ, все сводится къ тому, „дабы повелѣно было предписанной лѣсъ отъ устья Сакмарскаго, что пала въ рѣку Яикъ ниже Оренбурга, до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ какъ на запорѣ вышенисаннаго учуга, такъ и войску Яицкому на хорошее строеніе и прочее рубить дозволить, чтобъ по вышенисанному довольному резону ко двору Ея Императорскаго Величества презенътъ и въ Главную Дворцовую Канцелярію рыбы означенное число безостановочно отправляемо было“.

В. Коллегія отвѣчала:^{в)} „Для вышеозначенныхъ потребностей о дозволении вамъ, Нашему войску, въ рубкѣ лѣсу отъ устья Сакмарскаго, что пала въ рѣку Яикъ ниже Оренбурга, до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ, какъ на запорѣ учуга, такъ и вамъ, Нашему войску, на хорошее строеніе и прочее“.... „помянутому дѣйствительному тайному совѣтнику, при нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ по тамошнимъ васъ Нашего войска, противъ прочихъ отѣмнымъ службамъ, какое удовольствіе вамъ, Нашему войску, учинить разсмотрѣніе и представить въ Коллегію со мнѣніемъ,— а между тѣмъ для предписанныхъ потребностей въ показанныхъ отъ васъ, Нашего войска, мѣстахъ отъ устья Сакмарскаго ниже Оренбурга до Разсыпной крѣпости внизъ по Яику рѣкѣ иной лѣсъ рубить по усмотрѣнію не больше вашей, Нашего войска, надобности дозволить, чтобъ какъ вы, Наше войско, представляете самокрайней въ томъ нужды не имѣли“. Въ томъ же смыслѣ писала В. Коллегія и Неплюеву, который еще въ 1748 г., въ бытность свою въ Яицкомъ городѣ, относительно этого постановилъ слѣдующее: „на учужную забойку и на будары потребный лѣсъ, ежели оного въ назначенныхъ имъ мѣстахъ доставать будетъ невозможно, то современемъ позволять изъ Сакмары рѣки доставать, токмо для береженія, чтобы Оренбургъ лѣсомъ не скудить, смотрѣть, дабы оныя на другія потребы излишняго тамъ не рубили“^{д)}. Въ отвѣтъ на отношеніе В. Коллегіи Неплюевъ писалъ 26 мая 1757 г., что „Яицкимъ

^{а)} Отъ Оренбурга прямою дорогою до Татищевой 54 версты, а отъ Разсыпной 47 вер. См. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова по описи № 16, стр. 8 и 9. Правовисаніе удержано подлинника.

^{б)} Тамъ же.

^{в)} См. грамоту Андрею Бородину и Яицкому войску, отъ 15 іюля 1756 года, за № 5992, послѣ слова „опредѣлено“, въ пункт. 6. Сл. выписку въ черновыхъ бумагахъ І. И. Желѣзнова, по описи № 16, стр. 10.

^{д)} См. пунктъ 16 его проекта: о рыбныхъ и прочихъ войсковыхъ промыслахъ Р. Арх. 1878 г., кн. 2, стр. 25.

казакамъ рубить лѣсъ между Оренбургомъ и Разсыпной крѣпостію дозволить нельзя, по той причинѣ, что на тѣхъ мѣстахъ застроены крѣпости и другіе поселены служилые люди“. Въ заключеніе своего доношенія Неплюевъ говоритъ: „А понеже въ оныхъ крѣпостяхъ живутъ люди, какъ выше упомянуто, все военные, того ради я Государственной Военной Коллегіи о вышеписанномъ представить въ должности нашелся, а они, войско Яицкое, вмѣсто того вверхъ до Разсыпной крѣпости и внизъ даже до Гурьева—Яицкаго городка, по Яику лѣсомъ пользуются,—да сверхъ того имъ же въ свободный изворотъ отдана Илекъ-рѣка со всѣмъ лѣсомъ, котораго будетъ по той рѣкѣ верстѣ на полтараста, чего ради самый тотъ Илецкій городокъ хотя съ прочими новыми крѣпостями отъ Оренбургской Коммиссіи заведенъ и людьми населенъ, а войску Яицкому ничѣмъ не принадлежалъ, однакожь отъ меня въ войска Яицкаго вѣдомство отданъ и ихъ станицею именуется, дабы тако прилежація къ нему угодыя въ собственной власти ихъ были, и они-бъ ими свободнѣе пользоваться и беречь могли,—итакъ у нихъ Яицкаго войска, и кромѣ вышеозначенныхъ новыхъ крѣпостей, какъ Илекъ, такъ и Яикъ рѣки съ прочими впадающими въ нихъ рѣчками и съ имѣющимися въ нихъ лѣсами и прочими угодыями *сотъ на семь верстъ* въ ихъ владѣніи“.

Изъ высочайшей грамоты къ Яицкому войску, отъ 31 августа 1757 года, видно, что В. Коллегія, раздѣляя мнѣніе Неплюева, позволила Яицкимъ казакамъ нарубить въ указанныхъ мѣстахъ лѣсу только на запоръ одного учуга, „впредь же войсковому атаману (говорилось въ грамотѣ) никакихъ ордеровъ отъ себя не посылать, а требовать отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (Неплюева) повелѣнія, и быть вамъ, Нашему войску, въ силѣ предпосланныхъ изъ Нашей Военной Коллегіи грамотъ ему дѣйствительному тайному совѣтнику послушнымъ и по посланнымъ отъ него ордерамъ исполненіе чинить безъ отрицанія“. Такимъ образомъ Неплюевъ въ данномъ случаѣ отстоялъ свое мнѣніе, что, конечно, не правилось казакамъ. Но, стараясь оберегать интересы всѣхъ поселенцевъ края, Неплюевъ заботился и о томъ, чтобы не возстановить противъ себя Яицкое войско, склонное ко всякаго рода протестамъ, когда только задѣвались его интересы. При помощи и содѣйствіи лучшихъ и вліятельныхъ лицъ изъ среды самихъ же казаковъ, онъ старался проводить свои преобразованія въ Яицкое войско, которое мало-по-малу, не смотря на свое „*невѣжество и пьянство*“, замѣченный въ немъ Неплюевымъ, всасывало ихъ въ свой организмъ и постепенно выходило на лучшую дорогу изъ своего первобытнаго патріархальнаго состоянія. Но Военная Коллегія, какъ видно, не торопилась примѣнить къ Яицкимъ казакамъ преобразованій Неплюева во всей ихъ полнотѣ и силѣ, выжидая, можетъ быть, того времени, когда

войсковой атаманъ и другіе чиновные люди, сдѣлавшіеся самостоятельными, подготовить казаковъ къ воспріятію реформъ, согласныхъ съ видами правительства. Не смотря на то, Неплюевъ энергично работалъ надъ реорганизаціей Яицкаго войска, желая дать ему лучшее устройство. Изъ архивныхъ дѣлъ Казачьяго повѣтя и бывшей при В. Коллегіи Военской Коммиссіи видно, что въ 1453—1756 годахъ Неплюевъ все еще хлопоталъ за Яицкое войско. Въ 1753 году онъ былъ приглашенъ въ Военную Коллегію, гдѣ, „по его вчинанію“, былъ составленъ полный штатъ: „о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ, въ какомъ числѣ предъ тѣмъ оныя были и, по нынѣшнему (1753 г.) Военной Коллегіи разсмотрѣнію, впредь сколько ихъ и на какомъ основаніи быть надлежить, при чемъ и онъ дѣйствительный тайный совѣтникъ присутствовалъ“^а).

Въ этомъ новомъ проектѣ опредѣлялось число казаковъ, ихъ содержаніе, обязанности и т. п. Военная Коллегія 17 мая 1753 г., представила этотъ проектъ въ Сенатъ, а 26 мая того же года въ Сенатскомъ журналѣ было записано, что „впущенъ былъ Военной Коллегіи членъ, бригадиръ Суворовъ^б) и подалъ отъ оной Коллегіи доношенія, при которыхъ приложены штаты о нерегулярныхъ Оренбургской губерніи войскахъ и о *Яицкомъ войскѣ, приказали*: оныя доношенія и штаты, принявъ, предложить къ слушанію *впредь*“^в). Прошло почти два года со времени представленія этого проекта, а со стороны Сената не было никакого по нему рѣшенія; по этому Военная Коллегія 31 марта 1755 г. внесла въ Сенатъ новое и весьма пространное доношеніе по тому же вопросу. Но Сенатъ почему-то и на этотъ разъ оставилъ запросъ Военной Коллегіи безъ отвѣта. Наконецъ 19 апрѣля 1756 года въ Военной Коллегіи состоялось слѣдующее постановленіе: „по отпискѣ войска Яицкаго отъ 29 ноября 1755 г., этому войску, до будущато въ учрежденной при Военной Коллегіи Коммиссіи обо всѣхъ нерегулярныхъ войскахъ, остаться на такомъ основаніи, какъ и прежде оныя состояли, а въ нарядахъ и командированіяхъ быть въ командѣ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Неплюева, какъ и до нынѣ были“^д). Такъ кончились всѣ благія начинанія Неплюева по реорганизаціи Яицкаго войска, въ чемъ, конечно, не его вина. Судьбы Яицкаго войска, какъ будто по закону исторической необходимости, готовились для ужасныхъ явленій Пугачевщины. — Перейдемъ теперь къ вопросу о бѣглыхъ и къ отношенію къ нимъ со стороны Неплюева.

^а) Русск. Архивъ за 1878 г., кн. I, стр. 487.

^б) Отецъ генералиссимуса А. В. Суворова.

^в) Тамъ же, стр. 488.

^д) Дѣло Военск. Комм. 1753 г., оп. 121, св. 28, № 15. См. Р. Арх. 1878 г., кн. I, стр. 488.

ГЛАВА XII.

Причины побѣговъ изъ внутренней Россіи на ея окраины и отношеніе Неплюева къ бѣглымъ на Яикъ и раскольникамъ.—Тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.—Стремленія Петра Великаго къ ограниченію крѣпостнаго права.—Усиленіе крѣпостнаго права послѣ Петра.—Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными.—Волненія среди посессионныхъ крестьянъ.—Крестьянскія войны.—Общественно-экономическія условія податнаго класса.—Тяжелое положеніе духовенства въ царствованіе Анны Іоанновны.—Побѣги за рубежъ и въ украины.—Бѣгле на Яикъ и Иргизъ.—Преслѣдованіе раскольниковъ и отношеніе къ нимъ Военной Коллегіи, епископа казанскаго Луки Конашевича и Неплюева.—Значеніе Яицкаго войска въ исторіи Россіи и общій взглядъ на его судьбы до переименованія его въ Уральское.

„Пахарь, соху ведучи иль оброкъ считая,
Не однажды превздохнетъ, слезы стирая“.

Кантемиръ.

„Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей“.

Полновъ.

„Яицкіе казаки люди дѣльные и здѣшнихъ мѣстъ все стешки знаютъ“.

Кирилловъ.

Оренбургскій край, подобно другимъ украинамъ, издавна былъ приютищемъ бѣглыхъ людей, но особенно бѣжавшіе сюда изъ внутренней Россіи полюбили берега привольнаго Яика, гдѣ ихъ охотно принимали и старались укрыть отъ сыскныхъ командъ Яицкіе казаки. Причины побѣговъ изъ центральной Россіи въ общихъ чертахъ были уже нами отмѣчены выше^{а)}, остановимся теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, чтобы лучше уяснить себѣ громадный наплывъ бѣглыхъ и пришлыхъ людей въ предѣлы Оренбургскаго края. Обстоятельства внутри Россіи какъ нельзя болѣе благоприятствовали частному, тайному и безконтрольному поселенію бѣглыхъ на ея окраинахъ. Причины побѣговъ были весьма сложны и различны; но особенно жутко приходилось въ XVIII ст. крѣпостнымъ крестьянамъ. Приверженецъ и любимецъ правительницы Софьи, князь В. В. Голицынъ, мечтавшій, по свидѣтельству Невилла^{б)}, объ освобожденіи крестьянъ съ зе-

^{а)} См. выше стр. 129.

^{б)} De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1699 г., 175—178. См. соч. В. И. Семевского: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“ Спб. 1888 г., т. I, стр. 2.

мельнымъ надѣломъ, не только не осуществилъ своей смѣлой мысли, но даже не успѣлъ ничего и предпринять для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ^{а)}. Между тѣмъ сами крѣпостные считали свое горькое положеніе временной бѣдой, устроенной помѣщиками помимо царской воли. Народъ какъ бы инстинктивно сознавалъ, что рано или поздно слово освобожденія раздастся съ высоты царскаго престола, — это убѣжденіе было выражено крѣпостными еще при Петрѣ Великомъ. Въ своей челобитной боярскіе люди писали: „просимъ и молимъ и умильно вопіемъ, да Ты на милость приклонимъ о свободѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отрадиѣ было. На семъ нашемъ приношеніи къ Тебѣ, Великому Государю, сановники твои *бояре* и князи Тебѣ, Великому Государю, *станутъ возбранять*, чтобы намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ, мучиться, яко *львы* зубы, челюсти своими пожираютъ и, якоже *зміи* ехидныя, развирѣя, напрасно попираютъ и, якоже *волцы* свирѣпы, біютъ насъ, яко не милостивые *пилаты*: Великій Государь, смилуйся пожалуй!“^{б)} — Заботясь о своемъ народѣ, какъ попечительный отецъ, Петръ Великій сдѣлалъ первый попытку къ тому, чтобы нѣсколько ослабить развитіе крѣпостнаго права: онъ сознавалъ необходимость мѣръ для ограниченія продажи крестьянъ безъ земли; уничтожилъ право помѣщиковъ ставить за себя на правѣхъ крестьянъ; имѣнія помѣщиковъ — разорителей велено было отдавать въ опеку ихъ ближайшихъ родственниковъ, до исправленія самихъ владѣльцевъ; крестьянамъ, занимавшимся торговлей на извѣстную сумму, дозволено было приписываться къ городамъ, даже вопреки желанію ихъ владѣльца, не лишавшагося, впрочемъ, права взиманія съ нихъ оброка наравнѣ съ остальными крестьянами; а дворовые люди могли поступавъ въ военную службу, не спрашивая на то согласія своего господина^{в)}. Но съ другой стороны, уравненіе Петромъ крестьянъ съ холопами въ отбываніи государственныхъ повинностей послужило и къ усиленію крѣпостнаго права: до ревизіи холопы получали свободу, въ случаѣ смерти своего господина, теперь же они лишились этого права. Кромѣ того не всѣ мѣры Петра Великаго были приведены въ исполненіе, оставаясь, по большей части, мертвою буквою на бумагѣ. Умный и правдивый крестьянинъ Посошковъ, предвидѣвшій за полтараста лѣтъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, такъ изображаетъ ихъ безотрадное положеніе: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобносымыя; ибо есть такіе безчеловѣчныя

^{а)} Тамъ же, стр. 3.

^{б)} См. въ приложеніи къ XVIII т. Исторіи Россіи С. М. Соловьева. М. 1868 г., стр. 356.

^{в)} В. И. Семеvскій. Крестьянскій вопросъ въ XVIII в. и перв. полов. XIX в. т. I, стр. 4.

дворяне, что въ рабочую пору не дають крестьянамъ своимъ одинаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряють у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положеніе забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняють, и который крестьянинъ станетъ мало-мальски насытѣе быть, то на него и подати прибавляютъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: *крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу, догола*; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обирають, что у инаго и *козы не оставляютъ*. Отъ таковыя нужды дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ понизовыя мѣста, иные же въ *украины*, а иные и въ зарубешныя; тако чужія страны населяють, а свою пусту оставляють^{а)}. Посошковъ указываетъ и на причины такого отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и на необходимость охраненія послѣднихъ, со стороны Государя: „Крестьянамъ *помѣщики не вѣковые владѣльцы*“, говоритъ онъ: „того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель всероссійскій Самодержецъ, а они *владѣютъ временно*. Итого ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, *но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить*, чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не нищими; *понеже крестьянское богатство—богатство царственное*“^{б)}. Но смѣлый и энергичный заступникъ за поработенный народъ, какъ извѣстно, поплатился тюрьмою за свое правдивое и безстрашное слово: покуда живъ былъ Петръ, любившій правду и откровенность въ своихъ подданныхъ^{в)}, Посошковъ былъ безопасенъ; не стало Петра—Посошкова тотчасъ же заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ въ 1726 г. и умеръ. „Послѣ Посошкова“,—замѣчаетъ Семевскій,—„наступаетъ полное затишье въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Смѣлые голоса изъ народа „о положеніи крестьянъ“ раздались „только въ Екатерининской комиссіи, для составленія Новаго Уложенія“^{д)}.

Со смертію Петра Великаго, который все-таки старался сдерживать порывы владѣльческой алчности и безчеловѣчія^{е)}, произволъ и жестокость помѣщиковъ достигаютъ крайнихъ предѣловъ: крестьянинъ былъ низведенъ на степень вьючнаго безгласнаго скота. Послѣ Петра крѣпостное и посес-

^{а)} Соч. Ив. Посошкова, изд. Погодина, Москва 1842 г. I, 182—183. Сл. соч. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“, М. 1860 г., стр. 286.

^{б)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 5.

^{в)} См. выше стр. 46.

^{д)} Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 7.

^{е)} Временникъ, кн. XII, стр. 12 и д.

сіонное право усиливается и крѣпчаетъ, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ въ своемъ распространеніи. Пожалованіе населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ и приписка по ревизіямъ увеличиваютъ число крѣпостныхъ крестьянъ. Въ періодъ времени съ 1682 по 1710 годъ, было пожаловано разнымъ лицамъ изъ однихъ дворцовыхъ волостей 45,655 дворовъ съ населеніемъ болѣе 170 тысячъ душъ; со смерти же Петра до Екатерины II число пожалованныхъ въ помѣстья и вотчины крестьянъ достигло нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ, хотя большая часть этихъ пожалованій дѣлалась изъ конфискованныхъ имѣній. Всѣ вольноотпущенные, неизбавшіе опредѣленныхъ занятій въ жизни, непомнящіе родства, пріемыши, сироты, заштатные церковно-служители, незаконнорожденные, плѣнные, бродяги и т. п. записываемы были или въ крѣпостные или посессионные (принадлежащіе къ фабрикамъ) крестьяне^{а)}. Одновременно съ распространеніемъ и ростомъ крѣпостнаго права въ жизни, идетъ усиленіе его и со стороны закона: 20 сентября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ, запрещающій принимать въ военную службу дворовыхъ людей боярскихъ и крестьянъ, „которые въ подушный окладъ написаны и которые хотя и не написаны, въ солдаты и матросы, и ни въ какую службу волею ихъ не принимать и не записывать“^{б)}. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Императрица Елизавета не только подтвердила это постановленіе, но и приказала подвергать наказанію тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые самовольно будутъ просить о принятіи ихъ въ военную службу. Помѣщики такъ свыклись съ мыслью о крѣпостничествѣ, что даже наиболѣе образованные изъ нихъ и патріоты по своимъ убѣжденіямъ, какъ напримѣръ А. П. Волинскій и В. Н. Татищевъ, не шли дальше различныхъ проэктовъ и инструкцій объ управленіи крестьянами, возлагая на самого помѣщика заботы о всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ крестьянъ^{в)}, и считали невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостнаго права: „оное“, — замѣчаетъ Татищевъ, — съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуется, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно“^{г)}. Въ экономическихъ запискахъ Татищева^{е)} крестьянинъ связанъ, какъ говорится, по рукамъ и ногамъ властію помѣщика, который мучитъ его трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать имѣніе и ненужныхъ для него поросятъ и курицу; помѣщикъ требуетъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ извѣстное число коровъ, лошадей, овецъ, оловянныхъ

^{а)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 9.

^{б)} Указы, состоявш. съ 1725 генвар. съ 28 числа по 1730 г. Спб. 1743 г. стр. 283—284.

^{в)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи т. I, стр. 8.

^{г)} Примѣч. къ § 88 „Судебника“, изд. Татищевымъ.

^{е)} Временникъ, кн. XII, стр. 12—30.

ложекъ, блюдь, тарелокъ, ножей, вилокъ, скатертей, стакановъ, солонокъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдастъ его въ батраки, даже безъ всякаго вознагражденія за его трудъ. Такого рода посягательства на крестьянина, по замѣчанію Бѣльева, прежнимъ помѣщикамъ и въ голову не приходили ^{a)}. Если такой передовой и образованный человѣкъ своего времени, какъ В. Н. Татищевъ, при томъ же сравнительно добрый и попечительный помѣщикъ ^{b)}, смотрѣлъ не иначе на крестьянъ, какъ на безправную и безгласную собственность; то что можно было ждать отъ другихъ его современниковъ, грубыхъ и необразованныхъ сатраповъ?! — Даниловъ рассказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что онъ жилъ у такой человѣколюбивой и мягкосердечной вдовы-помѣщицы, которая, какъ только начинала кушать свои любимыя щи, приказывала „людямъ съѣчь батожьемъ немилоседно кухарку“, приготовлявшую тѣ щи, „и покуда съкутъ и кухарка кричитъ“, — передаетъ Даниловъ, — „вдова не перестаетъ щи кушать, что было введено во всегдашнее обыкновеніе“ ^{c)}, какъ бы для возбужденія аппетита. Но самодурство этой любительницы щей и страстной охотницы до порки своей кухарки ничто въ сравненіи съ звѣрствомъ Дарьи Салтыковой, принадлежавшей по мужу къ весьма знатной фамиліи, и кн. Козловской. Извѣстно, что и мужъ Салтыковой весьма жестоко обращался съ людьми: по его приказанію, была застрѣлена до смерти одна женщина ^{d)}, но жена превзошла своего мужа въ звѣрскомъ и кровожадномъ обхожденіи съ крѣпостными. Овдовѣвъ въ 1756 году, Салтыкова, какъ дикій разъяренный звѣрь, набрасывается на своихъ крѣпостныхъ и мучаетъ ихъ въ теченіи 12 лѣтъ, пока Императрица Екатерина II ни засадила ее въ подземную тюрьму. По приказанію Салтыковой, конюхи били дворовыхъ людей, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, ѣзжалыми кнутыями, плетьюми, батогами и розгами. Истязанія эти вызывались самыми мелочными несправедливостями, напр. когда не такъ хорошо было вымыто бѣлье, не чисто подмыть полъ и т. п. Чистоплотная помѣщица нерѣдко начинала свои внушенія неопрытнымъ крестьянамъ собственноручно ударами полѣномъ, палкой, валькомъ и т. п., конечно, по чему и какъ попало. Иногда и это не удовлетворяло звѣрскихъ инстинктовъ чистоплотной барыни, — и тогда она обращалась къ другимъ, по-истинѣ, инквизиторскимъ средствамъ истязанія, которымъ бы, кажется, позавидовалъ самъ Торремадо: она била несчастныхъ головою объ стѣну; обливала

^{a)} Крестьяне на Руси, изд. 1860 г. стр. 308 и 311.

^{b)} См. его „Духовную“, изд. А. Н. Островскимъ. Казань, 1886 г.

^{c)} Записки артиллер. майора Данилова. М. 1842 г. стр. 42 и д.

^{d)} В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I стр. 199, зам. 2.

лицо и голову кипяткомъ; дергала ихъ за уши раскаленными щипцами; налила на ихъ головѣ волосы; морила голодомъ, надѣвала колодки и заставляла въ нихъ работать, а зимою, послѣ жестокаго наказанія, выставляла людей босыми на морозъ и т. п. Возвращаясь съ богомолья^{а)} изъ Кіева, Салтыкова забила до смерти въ одномъ изъ своихъ имѣній дворовую дѣвушку Петрову за нечистое мытье половъ. Другая женщина, будучи беременной, во время наказанія ея розгами и батогами, по приказанію Салтыковой, разрѣшилась мертворожденнымъ младенцемъ, а вслѣдъ затѣмъ умерла и сама. Когда забили батогами до смерти Прасковью Ларионову и повезли тѣло ея изъ Москвы въ село Троицкое, Салтыкова приказала посадить на трупъ убитой, по ея приказанію, женщины груднаго младенца покойницы, который во время пути и замерзъ на изуродованномъ и окоченѣломъ тѣлѣ своей страдальцы-матери. Иногда Салтыкова принуждала своихъ крестьянъ побоями и къ совершенію преступленій^{б)}. Убитыхъ Салтыковой и умершихъ отъ истязаній, если соглашался священникъ, хоронили какъ-бы скончавшихся отъ болѣзни, въ противномъ случаѣ ихъ ночью увозили въ глухой лѣсъ, прикрывъ сѣномъ или чѣмъ-нибудь другимъ, и здѣсь зарывали въ землю безъ всякаго отпѣванія, а управляющій обыкновенно объявлялъ, что „тѣ люди сбѣжали“. Если кто изъ дворовыхъ Салтыковой осмѣливался доносить на нее, то обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что его же, какъ ложнаго доносчика, наказывали кнутомъ и ссылали въ Сибирь или возвращали къ той же „Салтычихѣ“ на новыя истязанія. И все это творилось ни гдѣ-нибудь въ глуши, а или въ самой Москвѣ, гдѣ Салтыкова жила большую часть года, или близъ „златоглавой“ и „бѣлокаменной“ столицы, въ пригородномъ селѣ Троицкомъ, куда Салтыкова обыкновенно выѣзжала на лѣто.

До какой степени недобросовѣтна была тогдашняя администрація, и какъ мало обращала вниманія на всѣ ужасныя истязанія, которыя приходилось испытывать крѣпостнымъ отъ своихъ господъ,—можно судить по тому, что *двадцать одинъ* разъ начиналось дѣло о Салтыковой и всякій разъ прекращалось безъ всякихъ для нея послѣдствій, благодаря начальнику полицмейстерской канцеляріи Молчанову и служащимъ при немъ въ полиціи: надв. сов. Вельяминову-Зернову, прокурору Хвощинскому, актуаріусу Пафнутьеву и полковнику Ярову, по-

^{а)} Нѣкоторые помѣщики даже самую религію любви,—религію Распятаго за насъ Господа Нашего Іисуса Христа обращали въ предлогъ для мученія своихъ крестьянъ: графъ П. А. Румянцевъ приказывалъ бить плетью тѣхъ, кто вовсе не говѣлъ въ Великій постъ, а „которые не причастятся, тѣхъ съѣхъ розгами, давая по 5000 разъ нещадно“. См. соч. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царств. Императр. Екатерины II“, т. 1, стр. 182.

^{б)} Тамъ же, стр. 200, замѣч. 2.

вѣренному Салтыковой, которые за взятки, получаемыя ими отъ звѣроподобной помѣщицы, научали крѣпостныхъ давать показанія въ пользу Салтыковой и скрывали концы въ воду. Люди Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ или въ смерти „отъ побой“ 75 человекъ; Юстицъ-коллегія *положительно обвинила Салтыкову въ убійствѣ 38-ми чел.*, оставила въ подозрѣніи въ убійствѣ 26-ти лицъ, оправдала по одному случаю и не приписала ей смерти 10-ти человекъ. Въ числѣ 38 убитыхъ Салтыковой лицъ было двѣ дѣвочки въ возрастѣ отъ 11—12 лѣтъ и только трою мужчинъ, остальные все—женщины и дѣвушки^{а)}.

На слѣдствіи Салтыкова ни въ чемъ не созналась; назначенный къ ней для увѣщанія „знающій“ священникъ также не имѣлъ никакого успѣха; страшныя пытки надъ преступникомъ въ ея глазахъ тоже не произвели на нее желаемого впечатлѣнія, — тогда Юстицъ-коллегія *при- судила: отсѣчь Салтыковой голову и тѣло положить на колесо.* Сенатъ съ своей стороны предложилъ сослать Салтыкову, по наказаніи ея кнутомъ, въ каторжную работу; но императрица Екатерина II, 2 октября 1768 г., замѣнила этотъ приговоръ слѣдующимъ: лишить Салтыкову дворянскаго званія и называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ на эшафотъ къ столбу съ надписью *«мучительница и душегубица»*, продержать ее въ такомъ положеніи цѣлый часъ; затѣмъ—надѣть на нее оковы и отвезти въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, гдѣ подлѣ какой-нибудь церкви посадить въ нарочно сдѣланную темную подземную тюрьму и содержать ее тамъ до конца ея жизни. Имѣніе ея приказано было передать дѣтямъ. Салтыкова была заключена въ подземную темницу при Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ она просидѣла 11 лѣтъ; затѣмъ въ 1779 г. перевели ее въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ церкви; здѣсь она прожила еще 21 годъ и даже родила ребенка отъ приставленнаго къ ней караульнаго. Passenans, авторъ книги „La Russie et l'esclavage“ видѣлъ ее въ этомъ заключеніи уже семидесятилѣтнею старухой^{б)}. Массонъ говоритъ, что помѣщицы въ Россіи вообще

^{а)} См. списокъ ихъ въ статьѣ г. Студенкина („Русск. Старина“ 1874 г., т. X, стр. 526—528). Ср. соч. В. И. Семева: „Крестьяне въ царств. имп. Екатерины II“, т. I, стр. 202.

^{б)} В. И. Семева: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“, т. I, стр. 203. Подробности о звѣрскомъ обращеніи Салтыковой съ крѣпостными смотри въ „Русск. Архивъ“ (1865 г., стр. 247—256 и 1871, 1281—1286; въ „Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс.“ (1872 г., т. I, стр. 38—44); въ „Русск. Старинѣ“ (1874 г., т. X, 497—546); въ журналѣ: „Зритель“ (1863 г., № 35 и 36); „Восемнадцатый Вѣкъ“ Бартенева (т. IV, стр. 84—96); „Записки Шаховскаго“ (изд. 1872 г., стр. 247 и 248); „Русск. Достопамятности“. М. (1862 г., выпускъ V, стр. 17); „Сборн. Русск. Истор. Общ.“ (т. X, 311—312); въ „Сенат. Арх., кн. № 142, л. 205, и въ ст. Снегирева: „Лубочныя картины русск. народа“, М. 1861 г., стр. 67.

были кровожаднѣе, чѣмъ помѣщики, что, по его мнѣнію, обуславливалось большою сравнительно невѣжественностію первыхъ предъ послѣдними. В. И. Семевакій замѣчаетъ по этому поводу, что „мужчины дѣйствительно были не такъ невѣжественны, какъ женщины, потому что большинство изъ нихъ провело часть жизни на службѣ; помѣщицы же обыкновенно весь свой вѣкъ жили среди людей, которыхъ онѣ привыкли считать своею собственностью, съ которыми имѣли возможность расправляться, какъ имъ угодно“ ^{а)}. Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ Массонъ о поступкахъ кн. Козловской, которая можетъ быть поставлена въ параллель съ Салтыковой: „кн. Козловская олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнусностяхъ. Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали, какъ она, въ припадкахъ бѣшенства и изступленія, заставляетъ *служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго, и направляетъ собакъ грысть несчастнаго: или же приказываетъ женщинамъ сечь его, причемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истязуемаго по... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла...* соединяя, такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства.. Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались муки для подвластныхъ женщинъ; но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего несчастныя жертвы подвергались безошадному сѣченію *на-голо*; затѣмъ свирѣпая госпожа нерѣдко, для утоленія своей лютости или даже личной мести, *заставляла класть трепещущія груди на холодную мраморную доску стола и собственноручно, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, сткла эти нѣжныя части тѣла*. Я самъ видѣлъ (продолжаетъ Массонъ) одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала подобнымъ образомъ и въдобавокъ еще изуродовала: *вложивъ пальцы въ ротъ, она розодрала ей губы до ушей*. Я видѣлъ эту злополучную дѣвушку, обезображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ прочіе слуги изъ состраданія давали ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣдняжки заключалась въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ“ ^{б)}.

^{а)} Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I, стр. 189.

^{б)} Masson. Memoires secrets sur la Russie. Amst. 1800—1803, t. II, pp. 115—117; t. IV, p. 203.—Въ изданіи Барьера (1863 г.) мемуаровъ Массона это мѣсто опущено; оно потомъ было переведено въ журналъ: „Русская Старина“ за 1874 г., т. IX, стр. 386—387. Слич. соч. В. И. Семевакаго: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II, т. I, стр. 179—180. Сравни тамъ же стр. 189.

Въ П. С. Зак. также находится не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о деспотизмѣ помѣщиковъ, изъ которыхъ иные понесли должное возмездіе за свои жестокости надъ крѣпостными. — Поручикъ Нестеровъ былъ сосланъ на поселеніе за то, что и самъ и, по его приказанію, слуги его *«били и жгли огнемъ»* одного человѣка за побѣгъ и кражу и посадили его въ подполье, гдѣ онъ и умеръ^{а)}. Другой помѣщикъ Лазаревъ былъ преданъ церковному покаянію за жестокое обращеніе съ своимъ крестьяниномъ: избитый имъ крестьянинъ умеръ. По медицинскому осмотру трупа убитаго оказалось, что „на головѣ кожа пробита; на лядвяхъ и по стегнамъ-синева; спина вся избита и черна, а подлѣ уха на правой сторонѣ оцараплено“^{б)}. Жену генералъ-экипажъ-мейстера Зотову велѣно было постричь въ монахини за то, что она подвергала пыткамъ своихъ людей, которые не хотѣли признать принятаго ею чужаго младенца за ея сына^{в)}. Но, не смотря на это, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже и безвыходиѣ становилось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Одинъ помѣщикъ, по словамъ Болтина, въ пьяномъ видѣ ни за-что, ни про-что всѣхъ дворовыхъ подвергъ тѣлесному наказанію^{д)}; одна барыня приказываетъ высѣчь сразу 80 женщинъ за то, что онѣ не набрали земляники, когда это было имъ приказано; былъ и такой случай, когда помѣщикъ приказалъ жечь углями подошвы ногъ двороваго человѣка за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ *щенковъ*, которыхъ велѣно было *выкормить* его женѣ *своею грудью*^{е)}.

Въ проектѣ, составленномъ въ Елизаветинской комиссіи для новаго уложенія, помѣщикамъ давалась почти неограниченная власть надъ крестьянами: „Дворянство“, — сказано тамъ, — „имѣетъ надъ людьми и крестьянами своими мужскаго и женскаго полу и надъ имѣніемъ ихъ *полную власть безъ изыятія, кромѣ отнятія живота и наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ*. И для того воленъ всякій дворянинъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, на волю вѣчно и для промысла и для прокормленія на время, а вдовъ и дѣвокъ для замужества за постороннихъ отпускать и съ деревень въ другія свои деревни по нижеписанному порядку переводить и разнымъ художествамъ и мастерствамъ обучать, мужескому полу жениться, а женскому

а) П. С. Зак., № 11450.

б) Тамъ же, № 11291.

в) Тамъ же, № 11436. Ср. главу VII въ сочин. В. И. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1881 г., т. I.

д) См. т. IV, стр. 365.

е) В. И. Семевскій: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“, т. I, стр. 177.

замужъ идти позволить и по изволенію своему въ услуженіе, работы и посылки употреблять и всякія, кромѣ вышеписанныхъ наказаній, чинить или для наказанія въ судебныя правительства представлять и, по разсужденію своему, прощеніе чинить и отъ того наказанія освобождать“^{а)}.— Такимъ образомъ указъ Петра Великаго, которымъ онъ въ 1721 году предписалъ Сенату обратить вниманіе на необходимость прекращенія продажи людей въ розницу и безъ земли, не былъ осуществленъ, хотя въ Комиссіи 1741 года, для составленія новаго уложенія, и разсуждали о немъ, предполагая запретить „продажу людей безъ земли вовсе и безусловно“^{б)}.— Напротивъ, чѣмъ больше становилось число крѣпостныхъ батраковъ, тѣмъ дешевле цѣнился этотъ живой товаръ. Вотъ что говоритъ объ отношеніи помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ А. Я. Полѣновъ^{в)}, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей XVIII вѣка: „Бѣдственное состояніе крестьянъ на такую степень возшло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей, какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ, не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе пренеполненное бѣдствіе, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ видимъ... Наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей. Итакъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества вывести производимый человеческою кровью безчестный торгъ. Мы въ семъ случаѣ не дѣлаемъ никакой разницы между неодушевленными вещами и человѣкомъ и продаемъ нашихъ ближнихъ, какъ кусокъ дерева, и больше жалѣемъ нашъ скотъ, нежели людей“^{д)}. Одинъ сельскій священникъ

^{а)} Латкинъ. Законодательная Комиссія въ Россіи въ XVIII в. Спб. 1887 г., т. I, стр. 155—156. Ср. Крестьянскій вопросъ въ Россіи В. И. Семевского, т. I, стр. 10, пр. 1-е.

^{б)} Тамъ же. См. въ „Др. и Нов. Россіи“ (1876 г. № 9, стр. 70): „Журналъ комиссіи для составленія законовъ“.

^{в)} Біографія А. Я. Полѣнова помѣщена въ „Русск. Архивъ“ за 1865 г., стр. 445—470 и 703—736.

^{д)} В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в., т. I, стр. 83—84. А. Я. Полѣновъ, какъ извѣстно, въ числѣ другихъ представилъ сочиненіе на тему, предложенную Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ на конкурсъ, по инициативѣ Императрицы Екатерины II: „Что полезнѣе для общества, — чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираются должны?“— А. Я. Полѣновъ получилъ за свой трудъ медаль въ 12 червонцевъ, но самый трудъ былъ напечатанъ только въ 1865 г. Подроб. смотр. въ отмѣч. соч. В. И. Семевского, т. I, главы V и VI.

разсказываетъ, что *бывали случаи, когда за одну борзую собаку отдавали цѣлыя деревни крестьянъ*. Одинъ продавалъ двѣушекъ — невѣсть по 25 руб., другой въ то же время покупалъ борзыхъ щенковъ по 3000 руб.; слѣдовательно, даже щенокъ, а не собака, цѣнился въ 120 разъ ^{а)} дороже человѣка, или *120 двинъ равнялись по цѣнѣ одной собакѣ*. Въ царствованіе Елизаветы Петровны, обыкновенною цѣною за крестьянскую душу, по свидѣтельству Болтина, была 30 р. ^{б)}.

Вторая ревизія, послѣдовавшая при Елизаветѣ Петровнѣ, заботясь объ исправномъ сборѣ казенныхъ податей, „ломаетъ“, по выраженію Бѣляева, „всѣ права“ податныхъ людей, если только не видитъ никакого обезпеченія въ исправномъ платежѣ подушныхъ денегъ, и отдаетъ ихъ въ кабалу всякому, заявившему желаніе вносить за нихъ подати и могущему обезпечить этотъ платежъ. Манифестомъ 25 ноября 1741 г. отъ крестьянъ даже не требовали и присяги на вѣрноподданство ^{в)}; слѣдовательно, они какъ бы не признавались уже и членами Русскаго государства, а между тѣмъ деспотизмъ помѣщиковъ не переставалъ заявлять себя своими жестокостями. Слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что крѣпостные и дворовые люди толпами уходятъ отъ своихъ помѣщиковъ и добровольно просятся въ военную службу, даже лично утруждаютъ своими просьбами Императрицу Елизавету Петровну, какъ это видно изъ указа 2 іюня 1742 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ сего 1742 года, многіе помѣщичьіе люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали, и затѣявъ собою, яко бы помѣщичьихъ людей повелѣно записывать въ вольницу, били челомъ о запискѣ себя въ военную службу и о томъ подавали самой Императрицѣ чалобитныя, согласясь немалымъ собраніемъ и порознь. Другіе же о запискѣ себя въ военную службу хотя челобитенъ не подавали, но, смотря на другихъ свою братію, отъ помѣщиковъ своихъ *бѣжали жъ, желая записаться въ военную службу* и, по поданнымъ отъ своей братіи объ ономъ челобитнымъ, якобы указа ждали“. За это, какъ видно изъ того же указа, всѣмъ охотникамъ до военной службы „учинено на площади съ публикою жестокое наказаніе“, а именно: которые подавали челобитныя „не малымъ собраніемъ“, тѣ биты кнутомъ, и изъ нихъ „пущіе къ тому заводчики“ сосланы въ Сибирь на казенные заводы „въ работу вѣчно“, а которые подавали челобитныя порознь, тѣ, вмѣсто кнута, биты плетью, а прочіе —

^{а)} „Русск. Старина“ 1880 г., № 1, стр. 68; № 3, стр. 493. Ср. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Спб. 1881 года, т. I стр. 153.

^{б)} Тамъ же. См. примѣчаніе на Леклерка, т. II, стр. 222.

^{в)} П. С. Зак., № 8473.

„багоги“ и, по наказаніи, за исключеніемъ сосланныхъ въ Сибирь „отданы помѣщикамъ ихъ въ услуженіе по прежнему“^{а)}. Тѣмъ же указомъ предписывалось, чтобы „впредь помѣщичьіе люди, отбывая отъ помѣщичьихъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ ихъ въ военную службу нигдѣ не просили“, въ противномъ случаѣ имъ угрожалось наказаніе кнутомъ и ссылка въ каторгу. Вслѣдствіе этого указа, служившаго подтвержденіемъ указа 20 сентября 1727 г., крѣпостные и дворовые люди потеряли и прежнее право на добровольное вступленіе въ военную службу, въ которой положеніе ихъ было несравненно лучше, чѣмъ у помѣщика,—не даромъ сказалъ въ своей V сатирѣ и А. Д. Кантемиръ, намекая на повинности крѣпостныхъ крестьянъ:

„Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,

Не однажды превздохнеть, слезы отирая:

За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?“

Но и въ солдатахъ крестьянину приходилось жутко. Изъ указа 24-го марта 1727 года видно, что „многіе рекруты, не хотя быть въ службѣ Ея Величества, сами себя злодѣйски портятъ, и отеѣкаютъ у рукъ и ногъ пальцы и растравливаютъ раны, и прочія различныя вымышленно приключаютъ себѣ болѣзни“. Дѣлая внушеніе, что подобныя поступки составляютъ „тяжкій грѣхъ“, указъ однакожъ не отрицаетъ того, что „новоприверстаннымъ рекрутамъ чинятся великіе непорядки отъ наборщиковъ и приводцевъ, и оттого рекруты бѣгали и умирали“.—Несмотря на то, виновныхъ въ добровольномъ изуродованіи себя, съ цѣлью избавиться отъ военной службы, велѣно: „изъ десяти одного съ жеребья повѣситъ, а прочихъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ поздри, ссылатъ въ вѣчную работу на каторгу, а плательщикамъ, кои такихъ воровъ сами приведутъ, зачитать въ рекруты“^{б)}. Такимъ образомъ, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ становилось все хуже и безнадежнѣе и по мѣрѣ того, какъ отнимались и стѣснялись права крѣпостныхъ людей, усиливались и внутренніе мятежи среди нихъ, оканчивавшіеся въ результатѣ, по большей части, побѣгами^{в)}. Кромѣ болотистыхъ и лѣсистыхъ уѣздовъ внутри Россіи, степей южныхъ и юговосточныхъ, Сибири и Башкиріи, бѣглецы находили пріютъ на фабрикахъ и заводахъ. Сознавая свое безвыходное положеніе, они соглашались работать за всякую плату, почему нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ охотно нанимали ихъ, чтобы безконтрольно эксплуатировать

^{а)} П. С. З. № 8577. Ср. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“, стр. 281.

^{б)} Указы Екатерины I и Петра II, изд. 1743 г. Сиб., стр. 235—236.

^{в)} П. С. Зак., №№ 10791 и 10870.

ихъ трудъ въ свою пользу. Многіе заводчики и фабриканты изъ стремленія къ наживѣ, принимали къ себѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ крестьянъ: Демидовы, Осокины и другіе дѣлали это открыто, а иногда трудомъ бѣглыхъ пользовались даже въ производствѣ казенныхъ работъ; извѣстно, напримѣръ, что генералъ Люберасъ, при постройкѣ Кронштадтскаго канала, по преимуществу употреблялъ на работы безпаспортныхъ и бѣглыхъ^{а)}. Съ теченіемъ времени заводчики и фабриканты, не желая лишиться рабочихъ рукъ, обязались вносить подать за приписанныхъ къ ихъ заводамъ и фабрикамъ крестьянъ, вслѣдствіе чего послѣдніе встали въ крѣпостное отношеніе къ первымъ; на практикѣ эти приписные къ заводамъ и фабрикамъ крестьяне сдѣлались каторжниками: фабриканты и заводчики знали только свои права, игнорируя вполне свои обязанности по отношенію къ крестьянамъ. При такихъ условіяхъ, конечно, нельзя было разсчитывать на спокойствіе среди посессионныхъ крестьянъ; открылись мятежи, которые пришлось усмирять вооруженной силой: крестьяне съ дубьемъ и кольями въ рукахъ шли на пушки и солдатскіе штыки; одни погибали въ неравномъ бою, другіе разбѣгались. Такъ въ 1749 г. фабриканты Болотинъ и Докучаевъ жаловались, что изъ 1000 рабочихъ у нихъ осталось только 120 чел., и что крестьяне работать не хотятъ, почему просили силой принудить ихъ работать: взрослыхъ — кнутомъ, а подростковъ — плетью. Крестьяне, въ свою очередь, подали на Болотина жалобу самой Императрицѣ. Результатомъ этого дѣла было слѣдующее постановленіе Сената: „пущихъ заводчиковъ десятого бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ въ каторжную работу, а другихъ наказать плетми и принудить къ работѣ“. Расправа съ крестьянами была произведена въ день праздника Казанской Божіей Матери, что огорчило Государыню. На представленіе Сената по этому дѣлу послѣдовала высочайшая резолюція: „впредь въ праздничные и вѣкторіальные дни никакихъ экзекуцій никому не чинить“^{б)}. Но не такъ было легко справиться съ волненіемъ фабричныхъ крестьянъ статскаго совѣтника Демидова и ассесора Гончарова, вспыхнувшимъ въ 1752 году въ Ромодановской волости Калужской губерніи; на этотъ разъ въ волненіи крестьянъ приняло участіе и мѣстное духовенство. Священники и причетники изъ всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень собрались съ иконами и хоругвями въ селѣ Ромодановкѣ и, по совершеніи молебна, привели всѣхъ крестьянъ къ присягѣ съ клятвой

^{а)} Тамъ же № 7225.

^{б)} П. С. З. № 9643 и № 9646. Ср. стр. 471 въ сочиненіи В. И. Семевского: „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“. Спб. 1881 г., т. I.

въ томъ, что никто изъ нихъ не отстанетъ отъ общаго дѣла; священники и причтъ также цѣловали крестъ и евангеліе, обѣщаясь поддерживать крестьянъ.—Въ то же время крестьяне фабриканта Гончарова, собравшись въ пустомъ срубѣ, прикладывались къ образу и мѣдному кресту, чтобы имъ указа не слушать и у Гончарова въ командѣ не быть, и ежели ихъ станутъ брать силою, то-бъ имъ не даваться“. Въ Петербургъ была отправлена отъ крестьянъ депутація съ жалобой на помѣщика; но челобитчиковъ наказали кнутомъ и немедленно отправили въ Ромодановскую волость особый полкъ солдатъ, подъ командою полковника Ольмюца. Вскорѣ Сенатъ узналъ, что Ольмюцъ попался въ руки крестьянъ, которые, впрочемъ, не сдѣлали ему никакихъ оскорбленій; но оказалось, что одного полка было недостаточно для подавленія мятежа. Тогда Военная Коллегія, по предписанію Сената, командировала въ Калугу еще три драгунскіе и два пѣхотные полка съ артиллерією, подъ начальствомъ бригадира Хомякова, которому было приказано: *«жилища крестьянъ жечь и, не допуская къ сраженію, налить по нимъ изъ пушекъ»*. Крестьяне, собравшіеся въ числѣ 3000 чел., запаслись на этотъ разъ, кромѣ ножей и топоровъ, ружьями и даже пушками.—Между тѣмъ начались волненія и въ другихъ мѣстахъ: въ Вышегородской волости Арнейскаго уѣзда, въ селѣ Сороколѣтовѣ Бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Павловѣ Московскаго уѣзда, въ Коростенской волости Новгородскаго уѣзда и другихъ деревняхъ, расположенныхъ по близости къ центральнымъ пунктамъ крестьянскихъ мятежей. Владѣльцы этихъ крестьянъ: графъ Шуваловъ, фабрикантъ Лучининъ и графъ Ягужинскій обратились съ просьбою о помощи къ правительству. Видя, что волненіе охватило большой районъ, Хомяковъ не рѣшался вступать въ открытый бой съ крестьянами, и старался подѣйствовать на недовольныхъ посредствомъ переговоровъ и увѣщаній; но крестьяне твердили одно и то же: „Ея Императорскому Величеству мы не противники, а за Демидовымъ не хотимъ быть“; въ томъ же духѣ отвѣчали и крестьяне Шувалова и Ягужинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне передали Хомякову новую челобитную, которую просили его препроводить въ Петербургъ, гдѣ, какъ оказалось, были недовольны миролюбивыми дѣйствіями Хомякова, почему послѣдній вынужденъ былъ обратиться къ военной силѣ внушеній. *Начались крестьянскія войны*. Крестьяне дѣйствовали энергично, единодушно и храбро: Хомяковъ два раза потерпѣлъ неудачу, почему Сенатъ потребовалъ отрѣшенія Хомякова и преданія его военному суду. Но Военная Коллегія оказалась безпристрастнѣе Сената: она видѣла, что здѣсь былъ виноватъ не Хомяковъ, а непредусмотрительность лицъ, которыя такъ легко взглянули на крестьянскій бунтъ; что

нужно было усилить военныя средства и силы Хомякова, и тогда дѣла могли принять другой оборотъ. Поэтому Военная Коллегія, вмѣсто исполненія требованій Сената, отправила подъ начальство Хомякова еще нѣсколько полковъ, съ прибытіемъ которыхъ на мѣсто крестьяне должны были уступить въ сопротивленіи: 300 человекъ было захвачено, остальные разбѣжались и мятежъ утихъ, но не вовсе. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ пробрались въ Петербургъ и лично падали Государынѣ жалобу на помѣщика. Императрица приказала *допросить* крестьянъ, *но не пытать*. Крестьяне обвиняли Демидова въ жестокомъ обращеніи съ ними и въ разореніи ихъ имущества; но Сенатъ оправдалъ Демидова и настоялъ на учрежденіи особой слѣдственной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Апочинина^{а)}. Намъ неизвѣстно, какъ дѣйствовала эта комиссія, но цѣль не была достигнута. Жестокія наказанія виновныхъ въ мятежѣ, имѣвшія цѣлю утвердить другихъ въ повиновеніи, не приводили къ желаннымъ результатамъ: волненія крестьянъ не только не прекратились, но стали повторяться все чаще и чаще, хотя для усмиренія ихъ не жалѣли ни пороха, ни пуль, ни кнутовъ, ни плетей. Иногда случалось и такъ, что военная команда, отправленная для усмиренія крестьянъ, не знала должнымъ образомъ мѣста своего назначенія и, явившись совершенно въ другую деревню, начинала экзекуцію, не взирая на правдивыя заявленія крестьянъ, что они и не думали жаловаться на своего помѣщика, что и онъ ими доволенъ; команда, какъ бы презирая всѣ доводы несчастныхъ и мирныхъ поселянъ, стрѣляла и рубила ихъ безъ всякой пощады, а между тѣмъ послѣ оказывалось, что крестьяне дѣйствительно были правы; что команда должна была идти въ другую деревню съ тѣмъ же названіемъ, но въ другомъ уѣздѣ или на другой рѣкѣ, а не въ ту, которую она тамъ безжалостно разорила и опустошила^{б)}. Ошибки подобнаго рода тѣмъ болѣе были возможны, что Сенатъ не зналъ даже числа городовъ: „Когда я требовала реестра городамъ“,—говоритъ Екатерина II,—„то признались въ невѣдѣніи оныхъ. Даже карты всей Имперіи Сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ^{в)}“. Такимъ образомъ многимъ, какъ говорится, приходилось испытывать „въ чужомъ пиру похмѣлье“.—Н. А. Ойрсовъ говоритъ по этому поводу: „Въ то время, какъ мы поражали нашихъ внѣшнихъ враговъ, одерживали надъ ними болѣе или менѣе громкія побѣды, столь подробно

^{а)} См. подробности въ „Чт. Моск. Общ. Исторіи и др. Росс.“ за 1863 годъ, кн. II, Смѣсь, стр. 18—40.

^{б)} Вѣляевъ. Крестьяне на Русѣ, стр. 299. См. въ П. С. Зак. указъ 13 августа 1760 г.

^{в)} „Русск. Архивъ“ 1865 г. Записки Екатерины II о первыхъ годахъ ея правленія.

описанныя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ, и столь краснорѣчиво воспѣтыя нашими тогдашними стихотворцами,—у насъ дома, внутри государства, шла, не прерываясь, мало историковъ и поэтовъ занимавшая, братоубійственная борьба,—шла, постоянно усиливаясь въ размѣрахъ своихъ и жестокостяхъ. Борьба эта засвидѣтельствована почти каждой страницей актовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ и разсѣянныхъ по другимъ изданіямъ.... Мы видимъ постоянно, что и правительство, и чиновники, и помѣщики, фабриканты и заводчики усердно гоняются за рабочей силой, стараются употребить ее такъ или иначе въ свою пользу: и на границахъ Имперіи и внутри ея—заставы, снабженныя вооруженными отрядами; партіи солдатъ разсылаются въ русскіе города, села и деревни, какъ-бы въ непріятельскую землю, со всеми военными снарядами,—это затѣмъ, что нужно собрать недоимку съ податныхъ, забрать потребное количество рекрутъ, переловить бѣглыхъ, заставить рабочаго человѣка покориться безусловной волѣ господской^{a)}. На сколь справедливы эти строки почтеннаго профессора, можно отчасти судить изъ приведенныхъ нами выше данныхъ о волненіи крѣпостныхъ и посессионныхъ крестьянъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно было встрѣтить отраднаго въ положеніи крѣпостнаго человѣка въ то время грубой чувственности, когда помѣщикъ и фабрикантъ или заводчикъ смотрѣли на своего рабочаго, какъ на живой товаръ, изъ котораго они могли извлекать выгоды для своего обезпеченія, чтобы весело и не трудясь жить въ столицѣ?—Что могло привязать и расположить къ своему владѣльцу обижаемыхъ на каждомъ шагу и обиравшихъ „до-гола“ крестьянъ, насилуемыхъ и растлѣваемыхъ помѣщиками крестьянскихъ женъ и дочерей ихъ?—Право сильнаго, тѣлеснаго наказанія и низведеніе человѣка на степень вьючнаго скота!—„Страшно за бѣдняковъ“,—замѣчаетъ Вѣляевъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ изученію быта русскихъ крестьянъ: „ихъ ничто не спасаетъ отъ неволи, къ нимъ нѣтъ ни довѣрія, ни пощады; ихъ не спрашиваютъ, будутъ-ли они платить подушную подать, а прямо требуютъ, чтобы они шли въ крѣпость къ тому, кто ихъ приметъ и обяжется платить подушную подать! Самое рабство они должны считать милостью: имъ негдѣ и головы приклонить; законъ торжественно отрицаетъ ихъ личность и свободу, какъ будто-бы тѣсна сдѣлалась пространная русская земля; какъ будто-бы ужъ такъ много было рабочихъ рукъ, что все промыслы и занятія были разобраны, что вольному человѣку и подушныхъ негдѣ заработать — и волей-неволей бѣднякъ изъ-за платежа подушныхъ долженъ

^{a)} Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. Казань, 1869 г., стр. 105. Сравни. Вѣсти. Евр. 1870 г., № 6, стр. 863—864.

былъ идти или въ солдаты, или искать, какъ милости, чтобы кто-нибудь взялъ его къ себѣ въ вѣчное рабство и обязался платить за него подать^{а)}. Мы уже знаемъ, что крестьяне лишены были права добровольнаго поступленія въ военную службу; жутко было имъ и у тѣхъ, кто обязывался вносить за нихъ подушныя подати, а за челобиты наказывали кнута и ссылками въ каторгу, — что же оставалось дѣлать? — Едва ли въ такомъ положеніи можно было крестьянамъ придумать что-либо другое, кромѣ безусловной покорности своему помѣщику, каковъ бы онъ ни былъ, или же побѣговъ, — и вотъ „малодушный и робкій духомъ“, по выраженію профессора Ешевскаго, „покорно склоняется подъ условія крѣпостнаго права, а смѣлый и энергичный уходилъ въ астраханскія степи, на заводы пермскіе, въ Оренбургъ“^{б)}. Нужно замѣтить, что положеніе всего податнаго класса въ Россіи было крайне тяжелое, не смотря на сознаніе правительства, что „главная государственная сила состоитъ въ народѣ, положенномъ въ подушный окладъ“^{в)}. Петръ Великій завѣщалъ своимъ преемникамъ, чтобы народъ былъ охраняемъ отъ всякихъ неправдъ, чтобы „никто отъ надлежащаго болѣе другаго уволенъ или отягченъ не былъ“; за неисполненіе этого Преобразователь угрожалъ гнѣвомъ Божиимъ на все государство, въ особенности „на учинителей неправдъ народу“, и строгимъ взысканіемъ съ послѣднихъ со стороны Государя^{д)}. Правительство Екатерины I, а также и Анны Іоанновны не разъ заявляло о своемъ желаніи улучшить общественно-экономическое положеніе податнаго населенія Россіи, но народу не было отъ того легче. Мы уже знаемъ, что чѣмъ рѣшительнѣе и смѣлѣе раздавались голоса въ защиту крѣпостныхъ крестьянъ, тѣмъ тяжелѣе становилось ихъ положеніе на практикѣ, въ жизни. Такое же противорѣчіе слова и дѣла замѣчается и по отношенію вообще къ податному классу: чѣмъ чаще и яснѣе возвѣщалась истина о великомъ значеніи податнаго населенія въ государствѣ, тѣмъ податнымъ приходилось больше терпѣть и сносить невзгодъ и притѣсненій. *Прямые и косвенные налоги, составлявшіе одно изъ самыхъ неблагоприятныхъ условий для матеріальнаго благосостоянія народа*, по смерти Петра Великаго, осложнялись и увеличивались особыми хлѣбными^{е)} и денежными сборами^{ж)}. Возвышеніе цѣны на соль^{з)} и вино^{и)}

а) Крестьяне на Руси, стр. 283—284.

б) См. выше, стр. 129.

в) П. С. Зак., №№ 10164; 10370.

д) Тамъ же, № 3466, стр. 765.

е) П. С. З. № 7480. Сл. № 8638.

ж) Тамъ же, № 8745.

з) При Петрѣ Великомъ соль продавалась по 12 и 16 алтынъ, а въ 1756 году цѣна на соль была увеличена до 50 к. за пудъ, что равн. 5 пудамъ муки. См. „Истор. финансовъ учреждений Россіи“ графа Д. А. Толстаго. Спб. 1848, стр. 176 и д.

и) Въ царств. Елизаветы, до замѣны казенной продажи въ 1755 г. откупомъ, вино продавалось въ крупныхъ мѣрахъ по 1 руб. 88½ коп. за ведро, а въ кружкахъ по 1 р. 98½ к. См. тамъ же, стр. 148. Ср. П. С. З., № 9711.

породило кормчество: воровская продажа соли и вина развилась въ громад-ныхъ размѣрахъ. Открылась формальная война противъ этого зла, проистекавшего изъ финансовыхъ распоряженій самого правительства^{а)}. Откупщики получили право держать съ этою цѣлю особыя военныя команды, для поимки и наказанія виновныхъ „съ пристрастіемъ“, т. е. съ наказаніемъ кошками и батогами. Развелось много ложныхъ доносчиковъ; вооруженныя корчемныя команды, канцеляріи, конторы и агенты ихъ дѣйствовали какъ-бы въ непріятельской странѣ, врываясь иногда и въ дома частныхъ лицъ для обыска и допросовъ: такъ въ 1752 г. корчемные сыщики явились неожиданно въ домъ одного посланника, къ немалому удивленію послѣдняго^{б)}. Начались допросы виновныхъ, сопровождавшіеся пытками^{в)}. Обвиненные въ корчемствѣ, по наказаніи кнутомъ, ссылались на поселеніе въ *Оренбургскій край*. Мѣры, принятія правительствомъ къ искорененію воровской продажи соли и вина, не достигая желаемыхъ результатовъ, были крайне обременительны для простаго народа, особенно тяжело было податному населенію. Отъ свободнаго занятія старинными промыслами податной классъ устранился монополіями^{г)}; обработка и обсеменение полей не давали большой прибыли по дешевизнѣ хлѣба, который въ отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Вятской губерніи, бесполезно сгнивалъ еще въ скирдахъ, по причинѣ плохого состоянія въ то время путей сообщенія. О тяжести рекрутской повинности, которую должны были нести податные, можно отчасти судить потому, что съ 1719—1735 г. было взято въ военную службу 201,346 душъ, а съ 1736—1741 г.—206,485 душъ^{е)}. Не считая расходовъ, которые соединялись съ поставкою рекрутовъ, податное населеніе почти навсегда лишалось въ нихъ своихъ работниковъ. Между тѣмъ подушныя деньги и прочіе сборы взымались съ показаннаго въ ревизскихъ сказкахъ числа душъ, а нарождающееся поколѣніе, конечно, не могло вдругъ восполнить эту убыль рабочихъ силъ, достигшую весьма значительныхъ размѣровъ: въ теченіе 17 лѣтъ, послѣ первой ревизіи, изъ числа всѣхъ переписныхъ и обложенныхъ податью крестьянъ умерло, взято въ солдаты и матросы, сослано въ каторгу, бѣжало и выбыло разными другими случаями 2,100,469^{ж)}

^{а)} Н. А. Ойрсовъ „Историч. насел. прежняго Казанскаго царства“ и проч., стр. 48 и д.

^{б)} П. С. З. № 9975.

^{в)} Тамъ же, № 9914.

^{г)} Напр. графъ П. И. Шуваловъ, скорбѣвшій о нуждахъ народныхъ и писавшій разные проекты объ улучшеніи его быта, получилъ въ свое владѣніе всѣ природныя богатства Сѣвера на 20 лѣтъ съ пособіемъ отъ казны въ 6000 руб. (П. С. З. № 9515), а потомъ онъ же получилъ въ монополію тюлений промыселъ на Каспійскомъ морѣ (П. С. З. № 9837), обязавшись вносить въ казну ежегодно только 264 р. 70³/₄ к.

^{е)} Н. А. Ойрсовъ. Историч. населеніе прежн. Казанск. царства, стр. 43.

^{ж)} Тамъ же, стр. 44.

душъ муж. пола. Не смотря на это, правительство болѣе настойчиво, чѣмъ когда-либо, взыскивало накопившуюся на податныхъ недоимку. Къ началу царствованія Елизаветы Петровны убыль сосчитанныхъ первою ревизіею плательщиковъ достигла 2,877,767 душъ м. пола, почему и было рѣшено произвести новую генеральную перепись ^{a)}. Но и послѣ второй ревизіи, народъ, по-прежнему, былъ не въ состояніи уплачивать казнѣ полностью наложенныя на него подати, и правительство Елизаветы было вынуждено не разъ слагать съ податныхъ накопившуюся на нихъ недоимку: въ 1752 году было прощено подушнаго сбора 2¹/₂ милліона рублей ^{b)}; въ 1753 году велѣно скостить со счетовъ еще свыше милліона накопившейся за податными недоимки ^{c)}. Присоедините ко всему этому недородъ хлѣба ^{d)}, скотскіе надежи ^{e)}, пожары ^{f)}, повальные болѣзни, при отсутствіи надлежащей медицинской помощи ^{g)}, страшные разбои ^{h)}, произвольное повышение и пониженіе цѣнности монеты и, вслѣдствіе того, непомерное скопленіе мѣдныхъ денегъ и отсутствіе золотой и серебряной монеты надлежащаго достоинства ⁱ⁾; не забудьте и взятокъ чиновниковъ, даже за приводъ къ присягѣ ^{k)}, и притѣсненіе со стороны „конной и пѣшей бѣды“ ^{l)}, — примите все это въ соображеніе, и вамъ будетъ понятно, почему народъ бѣжалъ и за границу, и на окраины государства: въ Остзейскія провинціи, въ Малороссію, на Донъ, Яикъ, въ Башкирію и далекую Сибирь. Бѣгле находили по всюду пріютъ и пристанище; ихъ укрывали не только корыстолюбивые помѣщики, заводчики, фабриканты и старосты, но и свой же братъ — крестьяне и даже священники, чрезъ которыхъ производилась въ церквяхъ публикація разныхъ указовъ и въ томъ числѣ указовъ о недержаніи бѣглыхъ ^{m)}. Духовенство тѣмъ охотнѣе принимало бѣглецовъ, чѣмъ болѣе стѣснялись его права и положеніе. Особенно много пришлось испытать невзгодъ русскому духовенству отъ нѣмецко-придворной партіи Бирона: у духовныхъ отнимали дѣтей и брали ихъ въ солдаты ⁿ⁾; нерѣдко и сами отцы

^{a)} Тамъ же, стр. 44 — П. С. З., № 8619. О народн. переписяхъ ст. Артемьева въ „Русск. Вѣстн.“ 1857 г.

^{b)} П. С. З., № 10061.

^{c)} Тамъ же, № 10674.

^{d)} Напр. въ 1734 г. (П. С. Зап., № 6569 и 6653), въ 1741 г. (П. С. З. № 8430), въ 1748 и 1749 г. (П. С. З. №№ 9507, 9668, 9590, 9652, 9615, 9630. 9035).

^{e)} П. С. З., №№ 10432; 10581; 11282.

^{f)} Тамъ же, № 7245; 10345; 10586.

^{g)} См. о разбояхъ въ отмѣч. соч. Н. А. Опрсова, стр. 111 — 123.

^{h)} П. С. З., №№ 7032, 7033, 7035, 7061, 7270, 7272, 7304, 7343, 7390, 7405, 7803, 7857, 8523, 9503, 9505, 9526, 10014, 10139, 10245, 10324 и др.

ⁱ⁾ Тамъ же, стр. 50 — 51.

^{k)} П. С. Зак., № 11616.

^{l)} „Конной бѣдой“ народъ называлъ начальника, проѣзжавшаго въ повозкѣ, а „пѣшей бѣдой“ всякаго оборванца въ старомъ мундирѣ или въ какомъ-нибудь кафтаникѣ съ краснымъ воротникомъ. См. у Опрсова, стр. 101, пр. 3.

^{m)} П. С. З., № 7903.

ⁿ⁾ П. С. З., т. X, №№ 8198, 7385, 7389, 7734, 7749 и 7790: т. XI, № 8291 и др.

принуждены были идти въ военную службу^{a)}, подѣ плети или въ каторгу съ вырѣзанными ноздрями^{b)}, оставляя свои дома и семьи на волю Божию. Помимо своихъ прямыхъ обязанностей, духовные должны были отправлять пожарную повинность и ходить на караулы къ рогаткамъ и заставамъ^{c)}. Губернаторы, воеводы и богатые вотчинники, вопреки указу Петра Великаго^{d)}, по которому духовенство освобождалось отъ зависимости свѣтскихъ властей, забирали духовныхъ лицъ въ канцеляріи, на свои дворы, держали ихъ подѣ арестомъ и не рѣдко безъ всякой вины подвергали ихъ побоямъ и пыткамъ^{e)}. Занимаясь очищеніемъ верхнихъ слоевъ іерархіи, *правительство разстригало даже архіереевъ, било ихъ кнутомъ и ссылало въ тюрьмы отдаленныхъ монастырей^{f)}*. Вообще регенство Бирона было временемъ самымъ тяжелыхъ испытаній для бѣлаго и чернаго духовенства на Руси, кромѣ духовенства привеллигированныхъ областей, какъ-то: Малороссіи, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые, выдѣляя духовныхъ лицъ изъ своей же среды, умѣли отстоять ихъ законныя права и преимущества^{g)}. Вслѣдствіе такого тяжелаго положенія, многіе изъ духовныхъ лицъ сами стали уходить въ украинныя мѣста Россіи и за рубежъ, находя пріютъ у гонимыхъ крестьянъ, раскольниковъ и даже у „знатныхъ персонъ“. Въ опустѣлыхъ селахъ и деревняхъ некому было посѣщать богослуженіе, совершавшееся въ церквахъ, а гдѣ и оставались желающіе помолиться и найти себѣ отраду и успокоеніе, по крайней мѣрѣ, въ религіи, — некому было придти къ нимъ на помощь съ словомъ духовнаго утѣшенія и совершать богослуженіе и необходимыя требы: новорожденных некому было крестить, умирающихъ — напутствовать, а надѣ умершими — совершить отпѣваніе. Оказалось, что въ четырехъ только епархіяхъ: Архангелогородской, Тверской, Вологодской и Новгородской 182 храма остались совершенно безъ причтовъ. Св. Синодъ заявилъ, что для замѣщенія праздныхъ мѣстъ требовалось 1286 чел., въ томъ числѣ 611 священниковъ^{h)}; „изъ прочихъ епархій“ — замѣчаетъ Синодъ, — „сколько праздныхъ мѣстъ священнаго чина и церковнослужительскихъ, объ этомъ вѣдомости еще не присланы, а чаемъ, что число не малое есть, но опредѣлить на праздныя мѣста некого“ⁱ⁾. Послѣдующія распоряженія правительства^{k)}

a) Тамъ же, №№ 7158 и 7533.

b) Тамъ же, т. X, № 7634; т. XI, № 8548.

c) Тамъ же, №№ 8412 и 8546.

d) Указъ 15 марта 1721 г.

e) П. С. З., т. XII, № 9079, стр. 278.

f) П. В. Знаменскій. Приходское духовенство въ Россіи, стр. 213.

g) П. С. Зак., т. X, № 7144 и № 7331.

h) П. С. Зак., №№ 7646 и 7799.

i) Тамъ же.

k) Тамъ же, №№ 7790; 7836; 8040; 8105; 8130; 8148; 8412; 8546 и др.

обнаружили, что оно, наконецъ, само увидало и сознало непрактичность и суровый характеръ своихъ мѣръ, но поправить дѣло было уже трудно^{а)}.

Такимъ образомъ изложенныя нами данныя, основанныя преимущественно на „Полномъ Собраніи Законовъ“, убѣждаютъ насъ въ томъ, что внутри Россіи было слишкомъ много различныхъ причинъ, вызывавшихъ собою побѣги на окраины государства. Восточныя и юго-восточныя окраины Россіи, какъ наиболѣе удаленныя, привольныя и изолированныя отъ центра, особенно сдѣлались любимыми и привлекательными для всѣхъ, кому становилось невыносимо на родинѣ, особенно же для жителей средняго поволжья какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Сюда бѣжали господскіе, государственные и др. крестьяне, солдаты, матросы и разные преступники, чтобы избавиться господскаго деспотизма, тяжести возросшей недоимки, суровыхъ внушеній военной дисциплины или же заслуженнаго наказанія. Число бѣглыхъ увеличилось еще болѣе, когда было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ, которые большими партіями уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и землю Яицкихъ казаковъ; берега рѣкъ: Большаго и Малаго Иргиза, Камелика, Чагры, Чижей и Узеней сдѣлались главнымъ притономъ раскольниковъ. Обширныя пространства при-уральскихъ степей, гдѣ теперь можно встрѣтить только одинокіе пни подрубленныхъ подъ корень деревьевъ, въ то время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Яика (Урала), берега Узеней и всѣхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Уралъ, а также и склоны Общаго Сырта представляли тогда собою непроходимую тущобу^{б)}, въ которой легко было укрываться отъ сыщиковъ. Въ самомъ Яицкомъ городкѣ была особая раскольниковъ слобода, или, такъ называемый, Шацкій монастырь^{в)}, въ которомъ всякій бѣжавшій раскольникъ могъ найти себѣ пріютъ, да и въ самомъ Яицкомъ городкѣ можно было свободно креститься двоеперстно, носить бороду, имѣть старопечатныя книги и совершать по нимъ церковную службу. Яицкіе казаки, какъ мы знаемъ^{д)}, весьма охотно принимали бѣглыхъ всякаго званія и сословія и, ради собственныхъ выгодъ, посылали ихъ въ разныя командировки, даже по нарядамъ правительства, и не только безъ всякой подмоги отъ войска, а съ нихъ же брали деньги, какъ это мы видѣли изъ процесса атамана Меркурьева по „извѣту“ на него казака Гузикова^{е)},—и бѣглые охотно давали

^{а)} Подробности см. въ соч. П. В. Знаменскаго: „Приходское духовенство въ Россіи со времени Петра Великаго“. Казань, 1873 г., стр. 211—242.

^{б)} Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г. № 20, стр. 2, ст. 3.

^{в)} Тамъ же, стр. 3, ст. 1.

^{д)} См. выше гл. IX.

^{е)} Тамъ же.

взятки, лишь бы навсегда избавиться отъ прежнихъ тяжелыхъ условій ихъ жизни. Неудивительно поэтому, что пріемъ бѣглыхъ издавна сдѣлался обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди Яицкаго войска. Служебное и зависимое положеніе бѣглыхъ отъ коренныхъ казаковъ было въ высшей степени выгодно для послѣднихъ, почему Яицкое войско, не смотря на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставало принимать всѣхъ, кто только искалъ его покровительства и защиты. Между тѣмъ правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика податей, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на заработкахъ осѣдлаго населенія; слѣдовательно, правительство не могло относиться равнодушно къ этому явленію; поэтому предпринимаются различныя мѣры противъ побѣговъ и къ возвращенію бѣжавшихъ на прежнія мѣста, но эти мѣры не достигаютъ цѣли. Мѣры противъ бѣглыхъ на Яикъ отчасти уже были отмѣчены нами и выше^{а)}: припомните слѣдствіе по дѣлу Карташева и по „извѣту“ Гузикова, командировку на Яикъ полковника Захарова, майора Алекина и др. Въ ноябрѣ 1727 года состоялся указъ, которымъ повелѣвалось послать изъ Казанскаго гарнизона одного штабъ-офицера съ конвоемъ на Яикъ, чтобы, взявъ оттуда 100 ч. казаковъ, идти въ Сакмарскій городокъ, который былъ заселенъ также Яицкими казаками и считался притономъ заводскихъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и дворцовыхъ крестьянъ. Всѣхъ, скрывавшихся тамъ бѣглыхъ, приказано было переловить и отправить въ Уфу, а оттуда подъ конвоемъ разослать ихъ въ прежнія мѣста жительства^{б)}. Чтобы пополнить число рабочихъ и мастеровыхъ во вновь устроенныхъ городахъ и крѣпостяхъ Оренбургскаго края, правительство предписало въ 1736 году Кириллову: „разглашать подъ рукой“, что всѣ вышедшіе съ Яика бѣглецы будутъ записаны на службу въ Оренбургъ^{в)}. Когда такихъ охотниковъ набралось много, ихъ раздѣлили на партіи и разослали подъ конвоемъ, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ были выданы за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи. Вскорѣ послѣ того, въ Самарѣ и Сызранѣ были устроены крѣпкія заставы, на которыхъ приказано наблюдать, чтобы люди, отправлявшіеся на Яикъ, возвращались въ прежнія мѣста жительства всѣ сполна^{г)}. Въ февралѣ 1738 г. состоялся новый указъ о непріемѣ пришлыхъ на Яикъ изъ великороссійскихъ людей^{д)}; но число бѣглыхъ не уменьшалось, а увеличивалось: къ началу царствованія Елизаветы Петровны, число бѣглыхъ простиралось

^{а)} Глава IX.

^{б)} П. С. З., т. VII, № 5197.

^{в)} Пам. кн. Уфим. губ. 1873 г. ч. II, стр. 144, § 9.

^{г)} П. С. З., т. IX, № 6893. Сл. „Уральское войско“, Рябинина, ч. I, стр. 50.

^{д)} П. С. З., т. X, № 7514; н. З.

до 200,000 чел. Въ апрѣлѣ 1747 года послѣдовалъ сенатскій указъ о высылкѣ съ Дона и Яика пришлыхъ изъ другихъ мѣстъ бѣглыхъ людей, которыхъ велѣно было доставить въ Воронежъ и Казань, гдѣ „учинить имъ по законамъ наказаніе и роздать помѣщикамъ и старостамъ съ росписками, а казакамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы они впредь никакихъ бѣглыхъ принимать не дерзали, подѣ опасеніемъ жесточайшаго наказанія и платежа помѣщикамъ по указу пожилыхъ денегъ“^{а)}. Но всѣ эти распоряженія, какъ и прежнія, не достигали цѣли: народъ бѣжалъ толпами на Яикъ и въ другія мѣста. Въ предѣлы Яицкаго войска особенно стремились раскольники, противъ которыхъ при Елизаветѣ было воздвигнуто преслѣдованіе со стороны военно-гражданской и духовной власти, къ чему теперь и перейдемъ.

Зная, какъ энергично Яицкое войско охраняло свои права и привилегіи, освященныя народнымъ обычаемъ, Неплюевъ почти по каждому своему распоряженію спрашивалъ мнѣнія казачьяго Круга, если только это не противорѣчило общегосударственнымъ цѣлямъ и выгодамъ правительства. Онъ привлекалъ войско къ участию въ обсужденіи вопросовъ, касавшихся его бытового и административнаго устройства и заручился сильнымъ вліяніемъ на дѣла казачьей общины и довѣріемъ Яицкаго войска, что, безъ сомнѣнія, много способствовало введенію нѣкоторыхъ реформъ, направленныхъ имъ къ преобразованію войска; оттого при Неплюевѣ на Яикѣ не происходило никакого волненія среди казаковъ, хотя поводовъ къ этому было достаточно, особенно со стороны приверженцевъ старой вѣры, а такими были почти всѣ Яицкіе казаки. Не смотря на множество запретительныхъ указовъ, число пришлыхъ на Яикъ не уменьшалось: войско, по прежнему, давало пріютъ бѣглымъ, особенно старовѣрамъ. Являясь на Яикъ, они рассказывали о воздвигнутыхъ противъ нихъ гоненіяхъ и всѣми силами старались подорвать значеніе духовной власти въ глазахъ Яицкихъ казаковъ. Недовѣріе къ духовенству, зародившееся внутри Россіи, проникло и въ среду казачества, приверженнаго къ старинѣ, а послѣдующія событія обратили это недовѣріе въ открытую вражду. Мы видѣли, что время управленія Неплюева Оренбургскимъ краемъ было самое счастливое и во многомъ полезное для Яицкаго войска; но жутко было тогда старовѣрамъ, пришедшимъ на Яикъ, вслѣдствіе строгихъ мѣръ преслѣдованія, воздвигнутыхъ на нихъ со стороны свѣтской и особенно духовной власти. Сыски и розыски „извѣтчиковъ“, подобныхъ Карташеву и Гузикову, теперь замѣнились розыскомъ старовѣровъ и ихъ укрывателей. Причина этихъ гоненій кроется не

^{а)} П. С. З., т. XI, № 8359.

въ *личныхъ* отношеніяхъ къ нимъ Неплюева, а въ распоряженіяхъ Военной Коллегіи и епархіальной власти; Неплюевъ же, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, и въ этомъ случаѣ былъ крайне остороженъ, сдерживая, насколько это было умѣстно и возможно, суровыя мѣры епархіальной власти.

Въ 1736 г. Яицкое войско обратилось къ казанскому архіепископу Гавріилу съ просьбою о дозволеніи перебрать церковь, во имя свв. Апостоловъ Петра и Павла, и построить новую, въ честь св. Алексѣя, митрополита Московскаго, на мѣстѣ прежней, пришедшей въ совершенную ветхость. Гавріилъ въ своемъ письмѣ, отъ 12 марта 1736 г., къ атаману Меркулеву, соглашався на желаніе войска, высказываетъ неудовольствіе по случаю самовольнаго принятія Яицкими казаками священника села Хрящевки^{а)}, бывшаго прежде на Яикѣ дьякономъ. Гавріилъ замѣчаетъ, что этотъ священникъ былъ рукоположенъ митрополитомъ Сильвестромъ^{б)} въ Хрящевку съ условіемъ, чтобы онъ въ другую церковь безъ благословенія архіерейскаго отнюдь не переходилъ, а потому (пишетъ Гавріилъ) „хотя и молитвы исправлены отъ священника и были, и тѣ неправильно, и благодать Св. Духа присутствовать при этомъ не можетъ“^{в)}. Между тѣмъ хрящевскій священникъ, по настоянію Яицкаго войска, отправился въ Казань, въ сопровожденіи другихъ ставленниковъ, съ просьбою о назначеніи его къ вновь строившейся на Яикѣ церкви. По прибытіи ставленниковъ въ Казань, Гавріилъ уступилъ желанію войска, но замѣтилъ, чтобы „впредь такой противности, подъ страхомъ гнѣва Божія, отнюдь не чинили“. Этотъ случай указываетъ на желаніе Яицкаго войска имѣть священниковъ по своему выбору или изъ среды казаковъ же, или и другихъ, но извѣстныхъ войску лицъ. Слѣдуетъ замѣтить, что архіепископъ Гавріилъ, по свидѣтельству Платона Любарскаго, и самъ отличался нерасположеніемъ къ новизнѣ, „вмѣняя въ добродѣтель все прежде небывалое въ Россіи истреблять безъ остатку“. Поэтому Яицкимъ казакамъ легко было имѣть съ нимъ дѣло^{д)}. Не такъ сговорчивъ былъ преемникъ Гавріила Лука Коношевичъ, управлявшій Казанскою епархіею 18 лѣтъ сряду, основатель въ Казани духовныхъ училищъ и семинаріи. Онъ получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи и отличался прямымъ и дѣятельнымъ характеромъ; но, какъ миссіонеръ, Лука иногда дѣйствовалъ не столько кротостію и убѣжденіемъ, сколько „силою и прещеніемъ“,

^{а)} Хрящевка теперь село Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда; она находится на лѣвомъ берегу Волги, верстѣ на 50 выше Ставрополя.

^{б)} Сильвестръ управлялъ Казанскою епархіею послѣ митрополита Тихона III, съ 1725 по 1731 г.; за нимъ слѣдовалъ архіепископъ Иларіонъ Рогалевскій (1732—1736), а потомъ упоминаемый здѣсь Гавріилъ.

^{в)} Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г., № 13.

^{д)} „Православный Собесѣдникъ“ 1858 г.; т. 2, стр. 571.

почему Яицкому войску трудно было имѣть дѣло съ такимъ энергичнымъ и рѣшительнымъ пастыремъ. Когда войско обратилось къ нему съ просьбою о назначеніи священника Максима Павлова на должность закащика (по нынѣшнему благочиннаго) и о посвященіи въ іереи казаковъ Петра Денисова и Ивана Желѣзнова, то Лука писалъ войску: „Мы всякое тщаніе прилагали и въ священники наискорѣе произвести желали, и въ чтецы и діаконы обоихъ и произвели было; но понеже въ самомъ томъ произведеніи церемоніи усмотрѣно отъ насъ, что они не православнымъ троесперстнымъ, честно и просто Троицу Святую изображающимъ, но *злочестивымъ раскольническимъ и армянскимъ*, съ Аріемъ проклятымъ и отъ Святой Троицы Христа Спасителя Нашего отдѣляющимъ, двоесперстнымъ крестомъ крестятся; ихъ, яко явныхъ *клятвопреступниковъ и богомерзскихъ раскольниковъ*, отъ даннаго имъ благословенія обнажая, доколѣ исправятся и отъ такой *богомерзской* ереси своей истинное покаяніе сотворять, въ дома ихъ отпустили“.—При этомъ Лука замѣчаетъ, чтобы Яицкое войско на будущее время представляло кандидатовъ, воспитанныхъ въ истинномъ благочестіи, христіанствѣ и непричастныхъ расколу, а если таковыхъ мало, то „дайте намъ волю, и мы во всемъ томъ, нелицемѣрно спасенія вашего желающе, общаемся“. Если принять во вниманіе, что всѣ почти казаки крестились двоесперстно, то можно судить, какъ умѣстна и цѣлесообразна была ревность архипастыря.—Очевидно, что избранныя имъ средства были плохо рассчитаны и, вмѣсто желаемой пользы, могли принести лишь вредъ.—Впрочемъ, неблагоприятныя послѣдствія отъ такого необдуманнаго и рѣзкаго поступка ослаблялись нѣсколько тѣмъ, что Лука не только уступилъ желанію войска относительно священника Максима Павлова; но (какъ онъ самъ выражается) *«ради честнѣ издревле пресловутаго войска Яицкаго»*, нарекъ его протоіереемъ, вмѣнивъ войску въ обязанность быть послушнымъ и воздавать должную честь новопоставленному протопопу, а сему послѣднему „наставлять и оберегать отъ всего противнаго и еретическаго, а наипаче раскольническаго, которое, какъ слышно, многія души простыхъ и грамотѣ неискусныхъ людей вредитъ и погубляетъ, о чемъ зѣло болѣзнуемъ и тяжело вздыхаемъ“.

Въ 1741 году является на Яикъ маіоръ Дурасовъ, которому поручено было произвести розыскъ старообрядцевъ. Всѣ старцы и бѣльцы, жившіе въ Шацкомъ монастырѣ^{а)}, были схвачены и арестованы. На допросахъ они показали, что среди Яицкаго войска находится не мало

^{а)} Шацкимъ монастыремъ называлась раскольническая слобода въ Яицкомъ городкѣ.

и другихъ имъ подобныхъ. Послѣдовало распоряженіе: „наискрѣпчайше изслѣдовать это дѣло, безъ упущенія, подполковнику Шумаеву, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ Казанской духовной консисторіи протопопомъ Иваномъ Θεодоровымъ“. Въ распоряженіе этихъ лицъ отдана была и конвоировавшая протопопа команда, состоявшая изъ 20 чел. Самарскихъ казаковъ и дворянъ. Наказному атаману^{а)}, старшинамъ и всему войску предписано не только „быть послушными, но чинить всякое вспоможеніе“ подполковнику и протопопу. Расходы на путевыя издержки протопопа Θεодорова были отнесены на счетъ войска. Подробности этого розыска раскольниковъ намъ неизвѣстны; но знаемъ, что Шацкій монастырь былъ уничтоженъ и кельи монастыря проданы за 46 рублей и 10 копѣекъ, изъ которыхъ 3 руб. и 7½ коп. велѣно выдать за три подводы протопопа отъ Самары до Яицкаго городка, а остальные 43 руб. и 2½ к. представить въ канцелярію Оренбургской комиссіи^{б)}. Въ половинѣ ноября 1746 года Неплюевъ получилъ изъ Военной Коллегіи указъ, которымъ предписывалось отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера „съ пристойною командою, которому бѣглыхъ, всякаго званія служилыхъ и другихъ чиновъ шатающихся тамъ людей, кромѣ природныхъ казаковъ, кои въ томъ войскѣ съ 203 года (1695) въ казакахъ служатъ (которыхъ какъ съ Дону, такъ и съ Яика высылать не велѣно), сыскивать и высылать съ конвоемъ на войсковомъ коштѣ, помѣщиковыхъ къ ихъ помѣщикамъ, а служилыхъ людей опредѣлять по прежнему въ полевые и гарнизонные полки“^{в)}.

Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ измѣющейся у него выписки видно, что еще въ 1722 году полковнику Захарову велѣно было „всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ и прочихъ чиновъ включить въ перепись и велѣть имъ служить въ казакахъ по прежнему“, а въ 1734 году, когда помѣщики стали жаловаться на побѣги крестьянъ и ихъ укрывательство въ Яицкомъ войскѣ, Сенатъ распорядился, чтобы дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова, были выведены, — „итакъ“, — замѣчаетъ Неплюевъ, — „не опискою-ли означенный въ полученномъ указѣ 203 годъ разумѣется?“ — При этомъ Неплюевъ проситъ Военную Коллегію разъяснить, съ какого именно года „онный сыскъ и высылку чинить, съ 203, какъ въ указѣ изображено, или съ 1722 г., какъ сказано въ выпискѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ

^{а)} На казныи атаманами въ описываемое время назывались лица, исправлявшія должность атамана, но окончательно неутвержденныя въ этомъ званіи; при утвержденіи же они получали титулъ войскаго атамана.

^{б)} Впослѣдствіи деньги были возвращены, а кельи отданы въ награду тѣмъ изъ казаковъ, которые оказали особенную ревность при розыскѣ.

^{в)} Уральскіе В. Вѣд. 1870 г., № 13.

просилъ, чтобы ему была выслана копія съ переписи Захарова, приводя въ основаніе, что безъ нея „производить розыскъ и разбирать, могущія встрѣтиться, затрудненія будетъ не возможно“.—Въ началѣ марта 1747 г., Неплюевъ, извѣщая Яицкое войско^{а)} о вышеизложенномъ распоряженіи Военной Коллегіи, предупреждаетъ атамана и старшинъ, чтобы они „учинили все должное исполненіе, какъ означенные въ той выпискѣ указы повелѣваютъ“. Войсковой атаманъ вскорѣ донесъ Неплюеву, что все пришлое на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, въ силу указа 1743 года, отвезены, куда слѣдовало, на коштъ держателей. Что же касается тѣхъ, которые во время переписи Захарова, находились уже въ войскѣ, но за отлучкою не вошли въ списки, какъ о томъ они сами показали; то положительно увѣриться въ этомъ, за неимѣніемъ въ войскѣ переписныхъ книгъ Захарова, не возможно. Неплюевъ, получивъ такой отвѣтъ, обратился въ Военную Коллегію съ просьбою о наставленіи, какъ поступать ему въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ войсковое начальство въ слѣдующемъ году, донося о произведенной на Яикѣ переписи, представило самые списки вошедшихъ въ перепись лицъ; въ числѣ записанныхъ оказались и такіе, которые при Захаровѣ были уже на Яикѣ, но вошли-ли тогда въ перепись,—не помнятъ. Изъ этихъ вѣдомостей, представленныхъ Неплюеву, оказывается: 1) вошедшихъ въ перепись Захарова и рожденныхъ послѣ того дѣтей въ Яицкомъ войскѣ, въ Сакмарской и Илецкой станицахъ, считалось 4037 душъ; 2) бывшихъ въ казакахъ, но не вошедшихъ въ перепись Захарова за отлучками, на Яикѣ и въ Сакмарскѣ числилось 176 чел.; 3) во всѣхъ трехъ мѣстахъ явившихся послѣ переписи, посадскихъ, дворцовыхъ, ясачныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и изъ ямщиковъ было 194 чел.; синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ 42 чел., помѣщичьихъ 81, разночинцевъ 149, недопрошенныхъ на Яикѣ и въ Сакмарскѣ 53, всего же 519 чел., а со включеніемъ 176, невошедшихъ въ списки за отлучками, было 695 человекъ. Замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе самого Неплюева. Стараясь о колонизаціи Оренбургскаго края, весьма еще малолюдного, онъ, вопреки стремленіямъ и желанію Военной Коллегіи, высказывается за оставленіе бѣглыхъ на Яикѣ. „Государственной Военной Коллегіи не безызвѣстно, какой важный военный корпусъ есть упомянутое Яицкое войско не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ, но и для другихъ государственныхъ пользъ, и какая не малая потребность всегда того наблюдать,

^{а)} Чрезъ полковника Палъчикова, который въ это время находился въ Яицкомъ городкѣ.

дабы оный въ добромъ состояніи содержать, который что люднѣе, то лучше“, — писалъ онъ въ Петербургъ. Коллегія почему-то смолчала на это, и дѣло о розыскѣ раскольниковъ, пріютившихся на Яикѣ, было на время забыто.

Бѣгле и раскольники особенно облюбовали устье р. Иргиза, гдѣ и свили себѣ гнѣздо надолго. 2 сентября 1752 г. Тевкелевъ написалъ Неплюеву, находившемуся въ то время въ С.-Петербургѣ, что на Иргизѣ собралось *до трехъ тысячъ* человѣкъ разнаго званія людей; то же подтвердилъ въ своихъ письмахъ къ Неплюеву и Рычковъ. Неплюевъ немедленно донесъ объ этомъ скопищѣ бѣглыхъ Сенату, приложивъ и экстрактъ изъ писемъ къ нему Тевкелова и Рычкова. Въ своемъ доношеніи Неплюевъ, между прочимъ, писалъ: „На самарской степи, на рѣкѣ Иргизѣ, впадающей въ Волгу, по причинѣ тамъ рыбныхъ ватагъ, умножилось бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и раскольниковъ, такъ-что уже поселенія учинили, какъ то въ Оренбургской губернской канцеляріи открылось чрезъ одного пойманнаго ссыльнаго, также и чрезъ пристани моего былаго человѣка, — и проба тому имѣлась, ибо когда въ прошломъ 1750 году калмыки разбили купеческій караванъ съ серебромъ, тогда посланная въ погоню партія, на оной рѣкѣ ихъ достигши, то серебро отбила и въ томъ мѣстѣ нѣсколько живущихъ раскольниковъ переловила; а понеже нынѣ показываютъ оныхъ число велико, якобы всякаго званія тамо людей до трехъ тысячъ, — слѣдственно, и командированіе учинить надобно знатное, и хотя то нужно, яко представляютъ, что ссыльныхъ въ Оренбургѣ удержать будетъ не возможно; но я собою на то поступить не дерзнулъ для того, что тамъ оброчныя ватаги и тѣ ватажные — главные пристанищники; потому если пристуитъ сильною рукою, то разобрать будетъ не возможно ватажныхъ съ бѣглыми“^{а)}. Сенатъ 19 октября 1752 года предписалъ Неплюеву „крайнее стараніе приложить, чтобъ появившихся на Самарской степи на р. Иргизѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ и при нихъ раскольниковъ всѣхъ переловить и то воровское ихъ пристанище искоренить“^{б)}. Съ этою цѣлію Сенатъ приказалъ Неплюеву отправить на Иргизъ „команду съ добрыми штабъ-офицеры и старшиною“; въ случаѣ сопротивленія бѣглыхъ, велѣно было поступить съ ними, „какъ съ злодѣями, военною рукою, а пущихъ заводчиковъ и пытать“. Неплюевъ 24 октября того же года написалъ Тевкелеву, чтобы онъ „искусно всячески развѣдывалъ, сколько тѣхъ злодѣевъ нынѣ тамо находится; но при

^{а)} См. въ Тург. обл. прав. указы по „Секретной Экспедиціи“ за 1752 г., № 25, л. 173—174.

^{б)} Тамъ же, л. 175—176. Указъ Сената за № 7913; 19 окт. 1752 г.

всемъ томъ“, — замѣчаетъ Неплюевъ, — „скромность потребна и секретъ, но паче разглашать, что хотя то гнѣздо и худо, но не въ нашей командѣ, того ради яко-бы и дѣлать нечего, и яко бы тамъ, по причинѣ оброчныхъ водъ, людямъ жить заказать не возможно, а разобрать трудно въ пустыхъ мѣстахъ и лѣсахъ, — ибо ваше высокоблагородіе сами понять можете, что ежели они увѣдаютъ, какое наше къ искорененію ихъ намѣреніе, то всѣ разбредутся или, какое иное мѣсто сыскавъ, совокупятся, о чемъ тогда вскорѣ и узнать будетъ не возможно“^{a)}. Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ предлагаетъ Тевкелеву слѣдующія мѣры къ опредѣленію числа бѣглыхъ на Иргизъ: 1) „съ ссыльными Чижомъ накрѣпко разыскивать и того у него допрашиваться, тоже разумѣется и о другихъ такихъ ссыльныхъ, которые по полугодовомъ или годовомъ побѣгѣ пойманы будутъ, чинить; 2) буде человекъ мой Михайла пойманъ будетъ, то и имъ накрѣпко-жъ розыскивать и огнемъ жечь, того-жъ допрашивая; 3) призвавъ атамана Могутова (ибо Яицкіе по причинѣ расколу къ тому употреблены быть сумнительны), открыть ему въ секретѣ и рекомендовать, чтобъ онъ нашелъ такого вѣрнаго человека изъ оренбургскихъ и самарскихъ казаковъ, служилыхъ или отставныхъ, которой-бы смыслилъ и вѣрность сохранилъ, и *притворился-бы бѣглецомъ и, побывавъ тамо на Иргизѣ, высмотрѣлъ* и о числѣ ихъ и состояніи людей, поелику возможно, развѣдалъ, т. е., сколько раскольниковъ, сколько ватажныхъ, и сколько бѣглыхъ ссыльныхъ и воровъ, а на дорогу такому человеку велѣтъ дать десять рублей и вѣще по услугѣмъ обнадежить, которыя деньги современемъ Могутову изъ казны отдать, а того человека и предъ себя не брать, чтобы Могутовъ такъ секретно могъ дѣлать, дабы показать, якобы вправду бѣжалъ, будто отъ *налога* или для расколу, къ чему надъ тѣмъ человекомъ такіе и виды Могутову показать не трудно, а когда тотъ человекъ возвратится и чрезъ него или по розыскамъ вышесказанныхъ плутовъ что откроется, о томъ меня увѣдомлять, якожъ и о всемъ, что важно или сумнительно по Губернской канцеляріи найдется, а время терпѣть можетъ, ко мнѣ-жъ доносить“^{b)}. Въ заключеніе своего письма къ Тевкелеву, Неплюевъ говоритъ: „съ человекомъ моимъ Нестеромъ и съ прочими въ томъ дѣлѣ причившимися благоволите приказъ учинить по указамъ, а жену бѣглаго Михайлы безъ наказанія освободить, *яко отъ жены на мужа въ такомъ дѣлѣ, яко побѣгъ, доносу требовать нельзя*, развѣ какому злодѣйству мужню участника явится, тогда должна и въ наказаніи или истязаніи участіе имѣть“^{c)}. Одновременно

^{a)} Тамъ же, л. 171.

^{b)} Тамъ же, л. 171—172.

^{c)} Тамъ же, л. 173. Письмо за № 940, отъ 24 окт. 1752 г. — Секретно.

съ этимъ письмомъ, Неплюевъ отправилъ къ Тевкелеву другое съ урядникомъ Сколковымъ, въ которомъ рекомендуетъ, чтобы Тевкелевъ разгласилъ, будто онъ имѣетъ особый указъ о командированіи особаго отряда на р. Илекъ, дабы чрезъ то скрыть отъ поселившихся на Иргизѣ дѣйствительную причину и цѣль этой рекогносцировки отряда. Для поимки бѣглыхъ и раскольниковъ, поселившихся на Иргизѣ, Неплюевъ распорядился командировать драгунъ Билярскаго полка, подъ командою полковника Сергіевскаго полка Родена, и 300 оренбургскихъ казаковъ при атаманѣ Могутовѣ; туда же велѣно было направить и башкиръ, которые „поѣдутъ на охоту за Яикъ“, поручивъ ихъ въ команду маіору Кублицкому. Главнымъ командиромъ всего отряда былъ назначенъ полковникъ Роденъ. Отправившись изъ Оренбурга внизъ по Яику, отрядъ долженъ былъ, согласно инструкціи, между Татищевой и Разсыпной крѣпостями, поворотить въ степь и идти прямо на иргизское устье, а оттуда, раздѣлившись на нѣсколько колоннъ, направиться вверхъ по Иргизу по обѣимъ его сторонамъ и серединою, чтобы окружить и переловить бѣглыхъ. Въ Яицкій городокъ отправленъ былъ маіоръ Озеровъ, которому войсковою атаманъ долженъ былъ дать 300 чел. Яцкихъ казаковъ съ старшиною Мостовщиковымъ. Этотъ послѣдній отрядъ долженъ былъ идти внизъ по Иргизу, начиная съ его верховья, чтобы соединиться съ командою Родена, „и, идучи, тѣхъ плутовъ равномерно ловить“. Яицкому атаману также было предписано, чтобы онъ раскольниковъ и бѣглымъ, которые „прокрадутся къ Яицкому городку“, пристанища не давалъ, а отсылалъ ихъ въ Губернскую канцелярію^{а)}.

Тевкелевъ предъ отправленіемъ отряда долженъ былъ, по распоряженію Неплюева, собрать „Секретный Совѣтъ“, пригласивъ въ него бригадира Бахметева, совѣтника Рычкова, атамана Могутова и назначенныхъ въ сыскную команду штабъ-офицеровъ; о результатахъ Совѣта Неплюевъ просить донести ему и присовокупляетъ: „хотя здѣсь и сумнительно, чтобы такое число тѣхъ плутовъ тамъ въ собраніи быть могло; однакожь то вамъ лучше вѣдомо; потому и о числѣ команды регулярной на ваше разсмотрѣніе полагается, какую отправите. Но хотя-бъ ихъ и такое число было, нечаятельно, чтобы они вооружены были къ сильному отпору. Однакожь я, все сіе предписавъ, вѣще предаю вашему высокородію съ господиномъ брегадиромъ Бахметевымъ на разсмотрѣніе; такъ извольте чинить, какъ засходиѣ и полезнѣе признать изволите, токмо-бъ то плутовское пристанище искоренить, а по искореніи общее-жъ свое мнѣніе

^{а)} Тамъ же, л. 168—169.

миѣ прислать, какимъ образомъ учредить, чтобы впредь тамо пристанища быть не могло^{а)}.

Почти одновременно съ этимъ снова было воздвигнуто гоненіе на раскольниковъ, скрывавшихся въ Яицкомъ городкѣ и въ другихъ мѣстахъ по р. Яику. Пойманный въ Донскомъ войскѣ старецъ Вареоломей указалъ Военной Коллегіи, гдѣ находились главные тогдашніе притоны раскольниковъ^{б)}. На Яикѣ, по его заявленію, скрывалось болѣе 200 раскольническихкихъ старцевъ^{в)} и старицъ. Главное значеніе между ними принадлежало старцу Аврамію, который всѣхъ Яицкихъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей причащалъ и исповѣдывалъ. Этотъ Аврамій въ 1752 г. удалился на Вѣтку, а его замѣнилъ бѣглый попъ Тимоѣей, получившій при постриженіи имя Тихона; по осени этого года пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ казанскій протопопъ, для розыска раскольниковъ, и обязалъ атамана и старшинъ подписками, чтобы впредь такихъ старцевъ и старицъ не держали, причемъ „оному протопопу, чтобы вдаль не разыскивалъ, дали войскомъ сто сорокъ рублей“. Между тѣмъ, атаманъ и старшины скрыли Тихона на одномъ островѣ, гдѣ онъ и жилъ, покуда протопопъ находился въ Яицкомъ городкѣ. Въ то же время раскольники собрались въ келью Іоакима для совѣщанія о томъ, какъ лучше удалиться на Кубань. Совѣтъ состоялъ изъ старцевъ: Евстафія, Іоакима, Никодима, самого Вареоломея и какого то бѣглеца, знавшаго татарскій языкъ, подъ предсѣдательствомъ расколоучителя Тихона.

При обсужденіи вопроса о побѣгѣ на Кубань, мнѣнія раздѣлились: Тихонъ предлагалъ отправиться на Кубань чрезъ Вѣтку, откуда онъ уже проводилъ на Кавказъ одного попа и 3-хъ старцевъ, или же на Харьковъ и Крымъ; Вареоломей же стоялъ за путь чрезъ р. Сарпу, степью. Рѣшено было отправить Вареоломея, для совѣщанія по этому вопросу, къ дубовскимъ раскольникамъ, къ казакамъ Венюкову и Ситникову, пользовавшимся содѣйствіемъ и покровительствомъ атамана Персидекаго. По прибытіи въ Дубовку, Вареоломей былъ арестованъ и 23 декабря представленъ въ Черкасскъ, гдѣ и былъ допрошенъ атаманомъ Ефремовымъ^{д)}, котораго особенно не любили и боялись старообрядцы. Вареоломей въ разговорѣ съ казакомъ

^{а)} Тамъ же, л. 169 на оборотѣ.

^{б)} Смotr. о поникѣ и допросахъ Вареоломея въ Тургайскомъ Архивѣ книгу указовъ за 1752 г., № 25, листы 179-187; тамъ же кн. указовъ за 1753 г., № 26, листъ 28 и далѣе.

^{в)} Нѣкоторыхъ изъ постригшихся старцевъ Вареоломей назвалъ даже по именамъ, и обозначилъ количество жившихъ при нихъ раскольниковъ, напр.: Аврамій съ 10 чел., Іаковъ съ 2, Евстафій съ 3, Іоакимъ съ 10, Арсеній съ 1, Давидъ съ 2, Оаддей съ 3, Ааронъ съ 3, Сергій съ 3-мя.

^{д)} Смotr. черновыя бумаги І. И. Желѣзнова по описи № 41, извлеч. изъ книг. секр. пов. № 6, стр. 32. Слич. Ур. В. Вѣд., 1870 г., № 14.

Григорьевымъ, который былъ главнымъ виновникомъ его ареста, такъ отзывался объ Ефремовѣ: „онъ насъ христіанъ такъ не милосердо гонить, что нигдѣ отъ него и мѣста нѣтъ, и буде гдѣ и въ скрытномъ мѣстѣ отцы живали, то онъ, какъ дьяволъ ему сказываетъ, и тамъ ихъ находить и искореняетъ... Уже нигдѣ отъ него отцамъ скрыться не возможно“^{а)}. Ефремовъ, допросивъ Вареоламея, препроводилъ его показанія въ Военную Коллегію, которая была озадачена намѣреніемъ старообрядцевъ бѣжать на Кубань, и тотчасъ же предписала оренбургскому губернатору, чтобы чрезъ вѣрныхъ и надежныхъ людей наведены были секретныя справки о всѣхъ, скрывающихся на Яикѣ, ересенаставникахъ, и „ежели сыщутся, оныхъ всѣхъ главныхъ тотчасъ забрать подъ крѣпкій караулъ по той ихъ богомерзской ереси и о намѣреніи къ побѣгу на Кубань распросъ, всякими образы истины доискиваться и что явится, также и самихъ ихъ, ежели сыщутся, прислать въ Коллегію, заковавъ руки и ноги, подъ крѣпкимъ карауломъ.“ Въмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрно было секретно разузнать, что за протопопъ и откуда онъ пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ, и кто именно далъ ему 140 руб., чтобы онъ „вдалъ не разыскивалъ“. Неплюевъ въ это время находился въ Петербургѣ. 11-го декабря онъ немедленно препроводилъ этотъ указъ къ бригадиру Тевкелеву, прося его въ своемъ письмѣ обсудить это дѣло вмѣстѣ съ бригадиромъ Бахметевымъ, совѣтникомъ Рычковымъ и атаманомъ Яицкаго войска Меркурьевымъ.—Неплюевъ предлагалъ Тевкелеву или вызвать Меркурьева въ Оренбургъ или же, чтобы дѣло не разгласилось, отправить Рычкова на-легкѣ въ Илекъ и выписать туда атамана, „якобы для нѣкотораго тамошняго важнаго дѣла“.—„Буде атаманъ Меркурьевъ до полученія сего въ Москву отѣхалъ, то чрезъ Митрасова-ль или иного начать, то зависить отъ общаго вашего разсмотрѣнія; а Бородинны, сколько мнѣ извѣстно, хотя люди добрые и въ другомъ во всемъ вѣрные, но вышеозначеннымъ суетвріемъ паче другихъ заражены“^{б)}. Тевкелевъ, какъ видно, медлил отвѣтомъ; между тѣмъ 15 января 1753 года Неплюевъ получилъ вторичный указъ изъ Военной Коллегіи, которымъ настоятельно требовалось, чтобы уже „всѣхъ живущихъ въ Яицкомъ войскѣ раскольниковъ ереси наставниковъ и укрывателей, также какъ и въ войскѣ Донскомъ, забрать подъ крѣпкій караулъ и о той ихъ богомерзской ереси и о побѣгѣ на Кубань распросъ съ пристрастіемъ, прислать въ Военную Коллегію подъ крѣпкимъ карауломъ“^{в)}. Неплюевъ въ тотъ же день писалъ къ Тевкелеву, прося поспѣшить изслѣдованіемъ

^{а)} См. въ Тург. арх. указы 1752 г., кн. № 25, л. 18). Слич. характеристику Ефремова у С. М. Соловьева въ его „Исторіи Россіи“, т. XXIII, стр. 223—224.

^{б)} Указы 1752 г. въ Тург. арх., кн. № 25, л. 176—177.

^{в)} Указы 1753 г. въ Тург. арх., кн. № 26, л. 21—28.

дѣла о раскольникахъ и послалъ ему копію съ допросовъ Вареоламея; о томъ, что будетъ происходить, Неплюевъ просилъ увѣдомлять съ каждою почтою обстоятельно. Такимъ образомъ воздвигнуто было снова гоненіе на старообрядцевъ, скрывавшихся на Яикѣ, — и это гоненіе было едва-ли ни одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ. Тевкелевъ, получивъ второе письмо Неплюева, составилъ особую комиссію, которая отправила 17 февраля въ Яицкій городокъ капитана Ивана Тимашева. — Изъ указа Оренбургской губернской канцеляріи, 28 февраля 1753 года, видно, что Иванъ Тимашевъ не оправдалъ надеждъ комиссіи, почему и былъ отозванъ въ Оренбургъ, и на его мѣсто назначены майоръ Артемьевъ, капитанъ Михаилъ Тимашевъ и поручикъ Полябинъ. Новые сыщики получили неограниченную власть и регулярную команду изъ 120 человекъ солдатъ. Кромѣ того, Яицкому войску было предписано, подъ опасеніемъ строгой ответственности и штрафа, всѣми мѣрами содѣйствовать сыщикамъ въ отысканіи и поимкѣ скрывавшихся на Яикѣ расколоучителей и безпрекословно исполнять всѣ требованія Артемьева. Новые сыщики могли дѣйствовать свободно и вполне самостоятельно; и, дѣйствительно, они оказались гораздо дѣятельнѣе своего предшественника: ими переловлено и вывезено изъ Яицкаго городка, включая и виновныхъ въ укрывательствѣ, 144 человекъ, изъ которыхъ 42 старца были отправлены въ Военную Коллегію, одинъ въ Нижегородскую духовную консисторію, а прочіе опредѣлены на каторжныя работы въ Оренбургъ. Кромѣ того, утонувшихъ и замерзшихъ въ степи было найдено 9 человекъ; нѣкоторые же, находясь подъ арестомъ, *добровольно уморили себя голодомъ*. Гоненіе на старообрядцевъ распространилось въ это время и за предѣлы Яицкаго войска: вскорѣ отправлены были изъ Яицкаго городка съекныя команды въ сосѣднія съ войскомъ степи: на берегахъ рѣкъ Чижей, Большаго и Малаго Иргиза было поймано 243 человекъ обоюго пола. Впрочемъ, не смотря на изворотливость и быстроту дѣйствій сыщиковъ, нѣкоторые изъ старообрядцевъ успѣли скрыться, въ томъ числѣ и бѣглый попъ Тихонъ.

На допросахъ во многомъ не подтвердились показанія Вареоламея; такъ старообрядцы отреклись отъ намѣренія бѣжать на Кубань, а заявили лишь, что попъ Тихонъ звалъ ихъ въ Польшу, на Вѣтку, гдѣ онъ прежде жилъ самъ. Протопопъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Яицкій городокъ изъ Оренбурга, по распоряженію казанскаго архіерея, но денегъ ему никто не давалъ. Вареоламей, какъ намъ извѣстно, показалъ, что Тихонъ всѣхъ старшинъ и казаковъ, ихъ женъ и дѣтей исповѣдывалъ и причащалъ, оговоривъ при этомъ въ укрывательствѣ Тихона и самого войскового атамана; но все это на слѣдствіи не подтвердилось. Вообще, по дѣлу

видно, что изъ природныхъ Яицкихъ казаковъ прикосновенными къ расколу оказались немногіе, разумѣется, *de jure*, а не *de facto*. Въ первой половинѣ марта того же 1753 года Тевкелевъ и Бахметевъ донесли Неплюеву о поимкѣ 65 человекъ, въ томъ числѣ семи ересеначальниковъ, между которыми были Карповъ и Утятниковъ. Въ отвѣтъ на это доношеніе, Неплюевъ, 23 и 26 марта, писалъ: „старшину Карпова, бывшаго комиссара Утятникова и другихъ грамотныхъ, хотя бы изъ простыхъ, выслать въ Военную Коллегію, а казака Логинова и другихъ пристанищниковъ взять на работы въ Оренбургъ до указа, а впрочемъ того слѣдствія въ войскѣ Яицкомъ не расширять: ибо извѣстно, что они тою слѣпотою суевѣрія заражены; токмо имъ указомъ подтвердить, чтобы впредь, подъ опасеніемъ неупустимаго по указамъ штрафа, такихъ лжеучителей и бродягъ не принимали, и никакого пристанища имъ не давали, и сообщенія съ ними не имѣли, а опредѣлили-бы особливыхъ двухъ старшинъ, чтобъ того безпрестанно наблюдали, дабы у нихъ таковыхъ и никакихъ бѣглыхъ въ Яицкомъ городкѣ не было: также и на хуторахъ, и между форпостовъ въ лѣсахъ ежегодно осматривали, и на форпостахъ стоящему атаману накрѣпко подтверждали, чтобъ и онъ того-жъ наблюдалъ“^{а)}. Пойманныхъ на Иргизѣ Неплюевъ предписалъ до указа также взять въ Оренбургъ „и употреблять на казенныя работы скованныхъ съ крѣпкимъ смотрѣніемъ, чтобъ *утечки имѣть не могли*, а между тѣмъ, что произойдетъ, обстоятельно доносить, не мѣшая Иргизскаго дѣла съ Яицкимъ“^{б)}. Изъ письма Неплюева видно, что сыщики, преслѣдуя бѣглыхъ расколоучителей, не оставили въ покоѣ и Яицкаго духовенства: всѣ церковныя ризы, богослужебныя книги и нѣкоторыя другія вещи, показавшіяся имъ почему-либо еретическими, были отобраны и унесены изъ церкви. Неплюевъ предписалъ, чтобы всѣ эти вещи были „до указа“ возвращены и отданы въ соборную церковь подъ особую росписку, а „соборному протопопу съ священники стараться увѣщевать раскольниковъ и къ святой церкви въ общеніе приводить, о чемъ къ нимъ письменно предложить“. Въ заключеніе своего письма Неплюевъ проситъ передать капитану Тимашеву съ командою и казакамъ Пономареву и Харкину, что „за ревнительное и искусное въ томъ дѣлѣ произвожденіе“, они достойны похвалы и награжденія, и что онъ постарается не забыть этого^{в)}. Неплюевъ выражаетъ свое удовольствіе и войсковому атаману Меркурьеву,

^{а)} Въ Тург. арх. указы 1753 г., кн. № 25, л. 49—50.

^{б)} Тамъ же. Слич. Исторію Россіи, т. XXIII, стр. 223. Здѣсь сказано, что всѣхъ „причинныхъ“ людей было поймано 484.

^{в)} Пономаревъ и Харкинъ, какъ подсудимые, были прощены и изъ простыхъ казаковъ произведены въ есаулы; Пономаревъ получалъ, кромѣ того, въ собственность оставшіяся въ Шацкомъ монастырѣ кельи игумена Іоакима и бѣлаго попа Тихона. (См. въ Тург. арх., кн. № 26, л. 54).

замѣчая, что онъ особенно долженъ слѣдить за тѣмъ, дабы „такихъ лже-учителей, и бродягъ, и никакихъ бѣглыхъ въ войскѣ и нигдѣ въ ихъ предѣлахъ не было“. Тевкелевъ, получивъ это письмо, снесся съ войсковымъ атаманомъ, прося его увѣдомить, на кого бы можно было возложить обязанность наблюдать за раскольниками; войсковой атаманъ указалъ на старшину Андрея Мостовщикова и есауловъ Пономарева и Вострякова, какъ оказавшихся особенно дѣтельными въ розыскѣ и поимкѣ раскольниковъ. Тевкелевъ, увѣдомляя объ этомъ Неплюева, спрашивалъ его мнѣнія, а 29 апрѣля того же года Неплюевъ писалъ изъ Москвы: „я со мнѣніемъ вашего высокоблагородія согласенъ, а затѣмъ въ войскѣ Яицкомъ того слѣдствія не распространять; но, какъ возможно, стараться окончить и маіора (Артемьева), ежели другихъ обстоятельствъ нѣтъ, оттуда отозвать“. *Неплюевъ сильно желалъ покончить розыскъ надъ раскольниками въ предѣлахъ Яицкаго войска*, будучи убѣжденъ, что сыски и розыски людей, предпочитавшихъ добровольную смерть голодомъ желаніямъ Военной Коллегіи, ни къ чему хорошему не приведутъ; но, къ сожалѣнію, это дѣло зависѣло не отъ одного губернатора, отличавшагося вѣротерпимостію: впереди его были Военная Коллегія и епархіальная власть.

Въ началѣ мая того же года, Яицкое войско получило изъ Оренбургской губернской канцеляріи указъ, въ которомъ, отъ имени губернатора, высказывается благодарность войсковому атаману за оказанное имъ содѣйствіе въ поимки раскольниковъ; но при этомъ подтверждается, чтобы войско на будущее время никакихъ бѣглыхъ раскольниковъ не держало и никакого общенія съ ними не имѣло; что съ пойманными, равно какъ и съ укрывателями, будетъ поступлено по всей строгости законовъ, какъ съ нарушителями духовныхъ и гражданскихъ постановленій, „ибо ежели такому ихъ заблужденію укорененію пристанищемъ и попусценіемъ поводу тамо давано не было, то-бъ отъ нихъ толь не малаго плутовства быть не могло, какъ тому и здѣшнее мѣсто примѣромъ есть: какъ скоро они въ руки дошли и стараніе объ нихъ употреблено, то не только прельщеніе кругомъ отпало, но и сами, что наипущіе наставники и послѣдователи ихъ, всѣ почти къ Святой Соборной Апостольской Церкви обратились“. Впрочемъ, въ дѣйствительности успѣхъ былъ не такъ блистателенъ: обратившихся было только 40 чел. и тѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлали это изъ боязни пытокъ; прочіе же или добровольно уморили себя голодомъ, или предпочли остаться въ каторгѣ. Коноводы препровождены были въ духовныя консисторіи и Сыскной приказъ. Между послѣдними нашлись такіе, которыхъ ни красно-рѣчье консисторскихъ ораторовъ, ни страшныя пытки Сыскаго приказа не могли поколебать въ ихъ убѣжденіяхъ; таковыми, на примѣръ, оказались

старцы: Досифей, Макарій и Пахомій, пойманные въ Яицкомъ городкѣ и представленные въ Московскую духовную консисторію. Сыскной приказъ, извѣщая о нихъ войскового атамана, замѣчаетъ, что означенные старцы были увѣщаемы „съ достаточными отъ священнаго писанія доводы“, но увѣщаніе не подѣйствовало; „*онѣ старцы и были* присланы въ Приказъ, гдѣ объ оставленіи ими упомянутой ереси и къ обращенію ихъ къ св. Церкви отъ присутствія *увѣщаемы были съ угроженіемъ пытокъ*“; но, аки закоснѣлые отъ той ереси, склонности къ обращенію не показавши и остались надъ предписанномъ суевѣріи^{а)}. Изъ показаній этихъ старцевъ, между прочимъ, выяснилось, что старообрядцы, кромѣ Шацкой слободы, жили при урочищѣ Кошъ-Яикъ^{б)}, на Мергеновой Лукѣ, на рѣчкѣ Барбашевой (вертахъ въ 10 отъ Яицкаго городка) и на нѣкоторыхъ островахъ по рѣкѣ Яику. Мы уже знаемъ, что Неплюевъ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы розыскъ на Яикѣ былъ прекращенъ; однакожъ, не смотря на это, преслѣдованіе раскольниковъ въ Яицкомъ войскѣ продолжалось до 1756 г. Въ предѣлахъ войска поймано и отправлено въ Оренбургъ еще 165 раскольниковъ и бѣглыхъ обоюго пола. На этотъ разъ виновниками въ укрывательствѣ оказались не только казаки, но и нѣкоторые изъ старшинъ. „Хотя“,—писалъ Неплюевъ—они за такіе, въ противность многихъ запретительныхъ указовъ, поступки вѣщшему штрафу подлежали, но, снисходя къ ихъ закоснѣлости, слабости и глубокой старости, старшинъ—однихъ лишитъ чиновъ, другихъ отставить отъ службы, иныхъ арестовать и учинить имъ строгій выговоръ въ Кругу, а рядовыхъ наказать плетью^{в)}. Грозные указы, запрещавшіе пріемъ и укрывательство раскольниковъ, не достигали цѣли. Неплюеву приходилось защищать не только гонимыхъ старцевъ и старицъ, но и все Яицкое войско, и не предъ одной Военной Коллегіей, но и предъ епархіальною властію.

Казанскій архіерей рѣшилъ принять противъ распространенія раскола на Яикѣ рѣшительныя мѣры. Изъ его переписки съ Неплюевымъ видно, что онъ хотѣлъ основать на Яикѣ особое Духовное правленіе. „Понеже его преосвященство“,—говорилось въ промеморіи Казанской духовной консисторіи,—„нынѣ чрезъ присылку изъ Оренбургской духовной консисторіи пойманныхъ въ Яицкомъ городкѣ раскольниковъ извѣстился, что многіе изъ оныхъ Яицкихъ казаковъ тайныя и явныя чинятъ Церкви Святой противности и законопротивныя и христіанству вредныя и весьма соблазнительныя дѣйства, и содержатъ раскольниковъ лжеучителей, въ своемъ

^{а)} Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 15.

^{б)} Кошъ-Яикъ—островъ, находившійся противъ устья рѣки Илека (См. „Книга Больш. Чертежу; Спб., изд. 1838 г., стр. 69), а Кошъ-Яицкій форпостъ былъ расположенъ противъ Индерскихъ горъ, гдѣ и жили старообрядцы. См. выше стр. 258.

^{в)} Доношеніе Неплюева въ В. Коллегію 19 февраля 1756 г.

душенпагубномъ развратѣ сокровенныхъ, отъ нихъ же нѣкіе, враждуя на св. Церковь, отходя въ лѣсные ихъ раскольниковскіе скиты, якобы нѣкіимъ мѣромъ перемазываются и съ женами своими перевѣнчиваются и другія многія, въ хульность православнымъ святымъ таинствамъ и догматамъ, содѣвають безчинства: и того ради его преосвященство, наблюдая по своей пастырской должности, въ прекращеніе таковыхъ, происходящихъ въ томъ Яицкомъ городкѣ, богопротивныхъ и душенпагубныхъ раскольниковскихъ дѣйствъ, намѣренъ учредить въ самомъ томъ Яицкомъ городкѣ особое Духовное Правленіе^{а)}. Лука Конашевичъ предполагалъ послать въ Яицкій городокъ особаго ученаго протопопа, который долженъ былъ завѣдывать духовными дѣлами, а для производства письменной части назначить къ нему одного канцеляриста и одного кописта, съ опредѣленнымъ жалованьемъ каждому, равно какъ и самому протопопу; кромѣ того, протопопъ долженъ былъ получить въ свое распоряженіе нѣсколько отставныхъ солдатъ для присмотровъ и розысковъ, также на жалованьѣ; сумму денегъ, какая должна была идти на протопопа и его служащихъ, епископъ Лука думалъ разложить на Яицкихъ казаковъ, а прежнихъ священниковъ изъ природныхъ казаковъ или изъ пришлыхъ, рукоположенныхъ по желанію войска, замѣнить учеными изъ Казани, „дабы въ заблужденіяхъ они могли преподавать должное наставленіе“.

Спрашивая объ этомъ мнѣнія Неплюева, казанскій архипастырь распорядился, чтобы Яицкое войско, до приведенія задуманнаго имъ плана въ исполненіе, состояло въ вѣдѣніи Оренбургскаго Духовнаго Правленія, а оренбургскому протопопу Василью Иванову предписалъ немедленно отправиться въ Яицкій городокъ и, въ силу высочайшаго указа отъ 4-го февраля 1737 г., „учинить жителямъ того городка поприходно перепись съ именнымъ въ каждомъ дворѣ жительствовавшихъ мужеска и женска пола, даже до сущаго младенца, описаніемъ, и объявить всѣмъ онымъ того Яицкаго городка жителямъ, чтобы въ слѣдующіе дни нынѣшнія Святія Четыредесятницы къ исповѣди церковной и къ пріобщенію Христовыхъ Таинъ пріуготовлялись, не отлучаясь ни за какими партикулярными нуждами; а кто изъ нихъ имѣетъ куда отлучиться, то таковыхъ, прежде исповѣдавъ и пріобщивъ, внести въ реестръ. И того ради, при начатіи первой седмицы поста, приказать, дабы всѣ старшины и казаки съ женами и дѣтьми въ церкви святія къ утрениямъ, часамъ и къ прочимъ службамъ церковнымъ непремѣнное хожденіе имѣли, и кто изъ нихъ ходитъ и кто ходитъ не будетъ, тѣмъ ему протопопу имѣть особливья

^{а)} См. Уральск. В. Вѣд. за 1870 г., № 19.

записи, раздѣля по седмицамъ, по-приходно, ихъ какъ ему протопопу, такъ и тамошнимъ священникамъ исповѣдать и Св. Таинъ причастить, и о всѣхъ бывшихъ и небывшихъ составить должнымъ порядкомъ росписи, приславъ съ нарочнымъ въ Казань^{а)}. Протопопъ обязывался изготавить росписи въ двухъ экземплярахъ: одинъ, за подписомъ своимъ и приходскихъ священниковъ, представить къ архіерею, а другой въ Оренбургское Духовное Правленіе. Неплюевъ, какъ и раньше, не рѣшился въ этомъ случаѣ дѣйствовать самостоятельно, а обратился съ просьбою въ Военную Коллегію, чтобы Оренбургская губернская канцелярія и войсковой Яицкій атаманъ были снабжены на этотъ счетъ указами^{б)}. Военная Коллегія, въ отвѣтъ на это, предписала: „по возвращеніи атамана изъ Москвы, спросить его мнѣнія и, разсмотрѣвъ оное, учинить должное исполненіе“.

Между тѣмъ, епископъ Лука, 17 февраля 1754 г., писалъ Неплюеву, что всѣхъ жителей Яицкаго городка, въ предстоящій же Великій постъ, слѣдуетъ *принудить* къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, для чего изъ Оренбурга и долженъ немедленно отправиться протопопъ, а чтобы предохранить его отъ могущихъ встрѣтиться непріятностей, епископъ Лука просилъ Неплюева отправить съ протопопомъ въ Яицкій городокъ команду, подъ начальствомъ особаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіерей замѣчаетъ, что полезно-бы было учредить въ Яицкомъ городкѣ школу, о чемъ, какъ мы знаемъ, Неплюевъ думалъ еще раньше.— Учителемъ этой школы, по мнѣнію архіерея, могъ быть священникъ изъ казанскихъ ученыхъ или хотя бы и дьяконъ. Но казанскій владыка рѣшился дѣйствовать противъ Яицкихъ старовѣровъ не увѣщаніемъ только, а и силою: онъ желалъ, чтобы командиремый имъ протопопъ *принудилъ* всѣхъ жителей Яицкаго городка къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, подъ охраною команды съ офицеромъ. Это необдуманное рвеніе было своевременно и благоразумно сдержано вначалѣ самимъ Неплюевымъ, а потомъ, вслѣдствіе его же настоянія, и В. Коллегіей. Неплюевъ предлагалъ архипастырю назначить въ Яицкій городокъ постоянного протопопа, посылать же оренбургскаго протопопа, а тѣмъ болѣе—команду съ офицеромъ онъ находилъ излишнимъ. Что же касается духовной переписи, то Неплюевъ совѣтовалъ поручить произвести ее мѣстнымъ священникамъ и только, въ случаѣ ослушанія казаковъ, соглашался на болѣе строгія мѣры.

Преосвященный отвѣчалъ, что „войсковой атаманъ и старшины, при бывшемъ розыскѣ о раскольникахъ, оказались въ наибольшемъ подозри-

^{а)} Тамъ же.

^{б)} Смотр. доношеніе Оренб. губернской канцеляріи въ В. Коллегію отъ 17-го февр. 1754 г.—Слѣч. Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 19.

тельствѣ, и поэтому отъ нихъ надлежащему исполненію того порядка, если принужденія имъ отъ канцеляріи не будетъ, весьма быть нечаятельно". Относительно назначенія особаго протопопа Лука указывалъ на затрудненіе, которое могло встрѣтиться въ назначеніи и отпускѣ ему содержания; а о переписи мѣстными священниками онъ замѣчаетъ, что „у нихъ писцовъ не имѣется, а отъ станичной Войсковой Избы писарей не даютъ, сами же писать мало умѣютъ“^{а)}. Велѣдъ за тѣмъ, преосвященный снова настаиваетъ на томъ, чтобы изъ Оренбурга непременно былъ отправленъ въ Яицкій городокъ назначенный имъ протопопъ и замѣчаетъ, что онъ снабженъ уже отъ него и инструкціей, какъ производить перепись жителей этого городка. Въ заключеніе, Лука просилъ Неплюева дать протопопу подорожную и подводы до Яицкаго городка; „если же того учинить будетъ невозможно, то хотя до крѣпости на церковническихъ подводахъ его отправить“.

Неплюевъ на этотъ разъ рѣшился уступить желанію ревнителя вѣры и 10 марта писалъ къ нему: „отцу протопопу пренятствія никакого не показано; но еще онъ подорожно безъ прогонъ снабженъ“. При этомъ Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя и есть указы, опредѣляющіе мѣру относительно небывающихъ у исповѣди и Св. Причастія; но *что здѣсь дѣло касается не одного и не двухъ человекъ, а цѣлаго общества.*

Между тѣмъ, Яицкое войско, нелюбившее вообще никакихъ переписей, постаралось и на этотъ разъ отклонить задуманное архіереемъ дѣло. Собравшись въ Кругъ, казаки рѣшили: „отправить къ преосвященному казанскому есаула Уфимцева и казака Михаила Севрюгина, и съ ними послать для поклона 400 рублей и просить его преосвященство, не уважить ли онъ, по прежнему обыкновенію, безъ переписи мужеска и женска пола жить, и о небытіи здѣсь Духовной Канцеляріи (Правленія и о небраніи повѣнечныхъ денегъ“^{б)} и проч. Не смотря на то, что посольство израсходовало на консисторскихъ чиновниковъ до 120 р.^{в)} и подарило „краснаго желѣза ружье въ 6 рублей“ дворецкому его преосвященства, епископъ не принялъ 400 рублей войсковыхъ денегъ и просьбы Яицкихъ казаковъ не уважилъ.

Не желая подвергать себя отвѣтственности предъ правительствомъ, Неплюевъ, какъ и раньше, отнесся въ Военную Коллегію, прося снабдить его на этотъ счетъ указами, при чемъ представилъ точныя копіи съ писемъ

^{а)} Уральск. Войск. Вѣд. 1870 г., № 32.

^{б)} Постановленіе Войсковой канцеляріи 27-го марта 1754 г.

^{в)} Секретарю Аванасьеву 100 р., подканцеляристу 10 р., повѣтчику, протоколисту и кописту по 2 р. 50 к. каждому.

къ нему епископа Луки и копіи съ своихъ къ нему отвѣтовъ. Въ своемъ доношеніи, отъ 10 марта 1754 г., онъ писалъ: *„Понеже то дѣло не партикулярное до одного или до двухъ, но до всего общества касается, то Оренбургская губернская канцелярія пока просить и имѣть на то ожидать отъ Государственной Военной Коллегіи опредѣленія; ибо нынѣ преосвященнымъ предположенное слѣдствіе съ легкими способами дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (т. е. имъ Неплюевымъ) не принято, а каковыхъ онъ требуетъ, то безъ указа собою учинить опасно, дабы въ такомъ невѣжественномъ и закоснѣломъ народѣ конфузій не учинить, причины не подать къ побѣгу, или къ такому отчаянію, какъ въ недавнихъ годахъ въ Исетской провинціи случилось, что сами себя жгли“^{а)}*. Въ ожиданіи отвѣта Военной Коллегіи, Неплюевъ вызвалъ къ себѣ войскового атамана Меркурьева, для личныхъ переговоровъ, и показалъ ему экстрактъ изъ своей переписки съ казанскимъ архипастыремъ, требуя, чтобы атаманъ сообщилъ, какія, по его мнѣнію, нужны тутъ мѣры. — Меркурьевъ, не спросивъ объ этомъ войска, заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно хорошо бы было имѣть въ Яицкомъ городкѣ одного ученаго протопопа, какъ предлагалъ Лука, и при немъ одного писца, въ караулъ же могутъ быть назначаемы казаки изъ отставныхъ; а чтобы искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить расколъ въ войскѣ, необходимо дѣйствовать проповѣдью и наставленіемъ. Вопросъ о размѣрѣ жалованья протопопу и вновь назначаемымъ священникамъ Меркурьевъ предоставилъ на благоусмотрѣніе самого губернатора, а „какимъ быть священникамъ въ Яицкомъ городкѣ, изъ тамошнихъ или изъ постороннихъ, это зависитъ болѣе отъ его преосвященства“. При этомъ Яицкій атаманъ сообщилъ губернатору, что въ войскѣ въ это время было четыре священника и протопопъ, которые получали отъ войска особое жалованье: протопопъ 15 р., а священники по 10 р. каждый и что, сверхъ того, они имѣютъ право участвовать въ рыболовствахъ, пользуются мірскими доходами; что „священники, по присланнымъ отъ его преосвященства указамъ, какъ о родившихся, такъ и бракомъ сочетавшихся, умирающихъ, исповѣдывающихся и прочемъ перечневныя вѣдомости сочиняютъ и о всемъ чинятъ исполненіе“.

Неплюевъ немедленно (24 сентября 1754 г.) сообщилъ это мнѣніе войскового атамана въ Казань архіерею, представивъ при этомъ и самый рапортъ къ нему Меркурьева: „изъ онаго рапорта“, — писалъ Неплюевъ, — „изволите усмотрѣть, что помянутый войсковой атаманъ самъ за весьма потребное признаетъ, чтобы быть у нихъ ученому протопопу, а о священ-

^{а)} Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 32.

никахъ предасть на разсмотрѣніе вашего преосвященства, что все и по моему мнѣнію, въ разсмотрѣніи тамошняго народнаго состоянія, на нынѣшній первый случай, кажется не несходно: ибо по тамошней замерзѣлости, о которой ваше преосвященство сами не безъизвѣстны, всего вдругъ превратить неудобно и едва ли возможно, а по мнѣ полезнѣе и надежнѣе *легкими средствами отъ времени до времени и одно за другимъ исправляя, все въ надлежащій порядокъ привести*“. Тутъ же Неплюевъ замѣчаетъ, что хотя денежное жалованье, получаемое протопопомъ и священниками, незначительно: но, участвуя въ рыболовствахъ и пользуясь церковными доходами, они, какъ онъ самъ въ этомъ убѣдился, въ бытность въ Лицкомъ городкѣ, могутъ жить безбѣдно, такъ какъ въ Лицкомъ городкѣ однихъ жалованныхъ^{а)} казаковъ 4000 чел. „да отставныхъ и прѣзжихъ также не малое число наберется“.—Въ случаѣ назначенія протопопа и священниковъ изъ ученыхъ, Неплюевъ полагалъ назначить протопопу 100 р., а священникамъ каждому по 36 р.^{б)} съ условіемъ, чтобы за требы они, кромѣ добровольныхъ приношеній, ничего не брали. Казанскій архипастырь соглашался съ губернаторомъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями: жалованье протопопу онъ считаетъ достаточнымъ въ томъ только случаѣ, если протопопъ, кромѣ того, будетъ получать извѣстную часть хлѣбомъ и рыбою; жалованье же священниковъ считалъ необходимымъ уравнивать съ жалованьемъ служащихъ при Ставропольскомъ соборѣ^{в)}, т. е., вмѣсто 36 руб., назначенныхъ Неплюевымъ, увеличить его до 75 р. Что же касается караула изъ отставныхъ казаковъ, то епископъ согласился на это подъ условіемъ, если они будутъ подчинены вѣдомству Духовной консисторіи, а не войсковой канцеляріи, которая бы ихъ не смѣла мѣнять по своему желанію. Лука просилъ Неплюева, чтобы, для рѣшенія вопроса о содержаніи священниковъ изъ ученыхъ, были присланы къ нему отъ войска челоуѣка два старшины, дабы съ ними „надлежащее опредѣленіе о томъ учинить“, съ ними же казанскій архипастырь предполагалъ отправить въ Лицкое войско и избраннаго протопопа. Неплюевъ, 20 октября 1754 года, отвѣчалъ, что „хотя имъ (Лукою) въ жалованьи священникамъ и прочемъ и сдѣлана, по его благоусмотрѣнію, прибавка, но что онъ (Неплюевъ) на все то согласенъ и что указъ по этому поводу къ Лицкому войску уже посланъ, которымъ предписано, чтобы они избрали изъ среды себя и отправили

^{а)} Состоявшихъ на жалованьи.

^{б)} Вслѣдствіи, по указу 15 декабря 1765 г., жалованья полагалось: протопопу 60 р., священникамъ по 30 р., дьяконамъ по 25 руб., псаломщику и пономарю по 10 р., звонарямъ и сторожамъ по 8 р. и до 100 р. въ годъ на ремонтъ храма.

^{в)} Т. е. при соборѣ г. Ставрополя, бывшаго резиденціею крещенныхъ калмыковъ и находящагося теперь въ Самарской губерніи.

двухъ старшинъ для принятія въ томъ отъ него опредѣленія и наставленія“^{а)}. Между тѣмъ, когда дѣло близилось уже къ концу, оказалось, что атаманъ Меркурьевъ поступилъ самонадѣянно, не спросивъ мнѣнія войска относительно такого важнаго вопроса. Нельзя при этомъ отнестись сочувственно и къ довѣрчивости всегда осторожнаго Неплюева, которому, безъ сомнѣнія, хорошо было извѣстно, что дѣло касается „не одного, не двухъ человекъ“, — какъ онъ самъ выражался, — „а цѣлаго войска“. — Яицкое войско, получивъ указъ Оренбургской губернской канцеляріи о приведеніи въ исполненіе предположенныхъ Меркурьевымъ мѣръ, не только не пожелало отправить въ Казань старшинъ, но открыто заявило, что вовсе не желаетъ принимать ни ученаго протопопа изъ Казани, ни ученыхъ казанскихъ священниковъ, ссылаясь на то, что въ Яицкомъ городкѣ, при соборной церкви, протопопъ имѣется, что и при прочихъ церквяхъ есть священники, которыми войско довольно и которые исполняютъ все предписанное; что въ присылкѣ другихъ войско нужды не видитъ, кромѣ излишняго отягощенія. Казаки собрались въ Кругъ и положили отправить въ Военную Коллегію прошеніе. Меркурьевъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, просилъ Неплюева написать казанскому епископу, дабы тотъ удержался отъ присылки ученаго протопопа и священниковъ, „дабы тѣмъ не придать большее смятеніе и не учинить конфузій“. Меркурьевъ предлагаетъ уладить дѣло такимъ образомъ: такъ какъ Яицкій протопопъ Діонисовъ былъ уже старъ; то, въ случаѣ его смерти, преосвященный можетъ безпрепятственно прислать на его мѣсто новаго, по своему выбору. Неплюевъ немедленно сообщилъ въ Казань о рѣшительномъ нежеланіи войска принять новаго протопопа и священниковъ изъ казанскихъ ученыхъ, замѣтивъ при этомъ, что причины этого можетъ объяснить ему само войско. Вообще видно, что Неплюевъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что, въ то время какъ онъ принималъ съ своей стороны всѣ мѣры къ выполненію плановъ казанскаго архіерея, сей послѣдній, вопреки своему желанію, посвящалъ въ Яицкій городокъ протопопа и священниковъ изъ казаковъ и тѣмъ не менѣе самъ былъ недоволенъ ими и старался замѣнить ихъ другими, — словомъ, епископъ говорилъ и писалъ одно, а дѣлалъ другое.

Получивъ послѣднее письмо Неплюева, Лука счелъ нужнымъ объяснить оренбургскому губернатору, что находящіеся въ Яицкомъ городкѣ протопопъ и священники опредѣлены по необходимости; что они дѣла своего не исправляютъ и что протопопъ имъ уже отрѣшенъ и будетъ вызванъ въ Казань. Неплюевъ лаконически отвѣчалъ, что въ Казань, какъ

^{а)} Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 32.

увѣдомилъ его войсковою атаманъ, отправлены войскомъ два сотника для личныхъ переговоровъ съ преосвященнымъ, и что ему остается только ждать, чѣмъ кончится это объясненіе. Лука, получивъ это письмо, немедленно увѣдомилъ Неплюева, что никакихъ сотниковъ изъ Яицкаго войска въ Казань не являлось. Неплюевъ старался увѣрить архипастыря, что сотники дѣйствительно отправились, но, вѣроятно, находятся еще въ пути,—и что онъ будетъ ждать увѣдомленія, какъ и чѣмъ кончить съ ними преосвященный. вмѣстѣ съ тѣмъ, Неплюевъ предлагалъ Лукѣ слѣдующій планъ дѣйствій, по отношенію къ Яицкому войску: отрѣшеннаго и вызваннаго въ Казань протопопа Неплюевъ совѣтовалъ не отпускать на Яикъ, а вмѣсто него опредѣлить другаго, равно и священниковъ, по случаю, „пристойнымъ образомъ одного за другимъ, хотя черезъ годъ или черезъ два, по разнымъ винамъ выводить и на мѣста ихъ изъ казаковъ не посвящать, а присылать изъ ученыхъ, вслѣдствіе чего, если Яицкіе казаки не окажутся служниками, чего нельзя ожидать, они не имѣя священниковъ, волей-неволей должны будутъ принять назначенныхъ его пресвященствомъ“. При этомъ губернаторъ проситъ архіерея, чтобы онъ строго подтверждалъ поставляемымъ священникамъ за требы ничего не вымогать и „чтобы въ должности своей и людямъ страха не употребляли, но проповѣдію по искусству своему ихъ вразумлять и въ познаніе истины приводить старались, какъ въ томъ и званіе ихъ состоитъ“^{а)}. Казанскій архипастырь, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Неплюева, увѣдомилъ его, что къ нему являлся сотникъ Голубовъ съ просьбою отъ всего Яицкаго войска, чтобы „все то до времени отмѣнить и оставить, какъ ихъ желаніе есть“, на что преосвященный отвѣчалъ, „что если они въ упрямствѣ продолжать себя будутъ, то можетъ воспослѣдовать самимъ имъ безславіе и неполезныя обстоятельства“. Провѣдавъ, что Яицкое духовенство совершаетъ службу по старопечатнымъ книгамъ, Лука предложилъ ему слѣдующіе 6-ть вопросовъ:

1) „Въ ономъ городкѣ въ церкви Св. Богородицы Казанскія, да въ часовнѣ апостоловъ Петра и Павла служба отправляется по какимъ книгамъ: по старопечатнымъ или по новоисправленнымъ?“

2) „Въ Символѣ вѣры во время чтенія въ церквахъ: „и въ Духа Святаго Господа“... прибавленіе читается-ли?“

3) „На утренѣ, въ шестопсалмій и канѣзмахъ по „славамъ“ на часахъ и на вечера „аллилуія“ по дважды или по трижды читается?“

^{а)} См. Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 33.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ“, вмѣсто „безъ сравненія“, вмѣстительная рѣчь „воистину“ употребляется-ли?“

5) „Сложеніе креста какъ онъ протопопъ, такъ и прочіе священники, обрѣтающіеся при церквахъ въ ономъ городѣ, и церковные причетники какъ изображаютъ: двуперстное или трехперстное?“

6) „Служба божественной литургіи въ воскресные и праздничные дни въ церквахъ совершается-ли?“

На всѣ эти запросы духовенство Яицкаго городка отвѣчало:

1) „Въ церквахъ Пресвятыя Богородицы и часовнѣ апостоловъ Петра и Павла службы отправляются по старопечатнымъ книгамъ, которыя, какъ книги, такъ и прочая церковная утварь, войску Яицкому жалованы отъ великаго государя, царя и князя Алексѣя Михайловича и тако оныя съ того времени до нынѣ въ церквахъ имѣются“.

2) „Въ Символѣ вѣры, во время чтенія по тѣмъ старопечатнымъ книгамъ, прибавляется слово „истиннаго““.

3) „Въ сказанныхъ мѣстахъ „аллилуіа“ читается по дважды“.

4) „Въ „Честнѣйшую Херувимъ“ вмѣстительная рѣчь „воистину“ употребляется“.

5) „Сложеніе креста, какъ я нижайшій (протопопъ), такъ и прочіе священники всѣ изображаютъ трехперстное, а не двуперстное“.

6) „Служба божественной литургіи во всѣхъ церквахъ не только во всѣ воскресные и праздничные дни, но и въ рядовые дни совершается, кромѣ того, когда развѣ не достанетъ вина, или за какою священническою богословскою виною“ а).

Такимъ образомъ, „протопопъ и священники сами себя въ томъ противномъ церкви мудрованіи изобличили и порочными признались“, какъ писалъ о томъ преосвященный губернатору. Кромѣ того, Лука вмѣнилъ въ вину Яицкому духовенству и то, что въ представленныхъ имъ духовныхъ росписяхъ почти всѣ казаки показаны бывшими у Св. Причастія; но священники стараются оправдать ихъ подъ разными благовидными и уважительными предлогами. Все это давало преосвященному возможность замѣнить протопопа и священниковъ (опредѣленныхъ на мѣста, какъ онъ объяснилъ Неплюеву, по необходимости) новыми священно-церковно-служителями; но привелъ-ли въ исполненіе свои намѣренія казанскій архипастырь, намъ не извѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы думаемъ, что если Лукѣ и удалось назначить кого-либо изъ казанскихъ

а) Отвѣты Яицкаго духовенства подписаны протопопомъ, четырьмя священниками и тремя дьяконами.

ученыхъ священниковъ въ Яицкій городокъ; то они не могли удержаться въ той общинѣ, которая всегда старалась выдѣлять духовныхъ лицъ изъ своей же среды, какъ и гражданскихъ чиновниковъ, и ревниво охраняла ихъ права и привилегіи, если только они были согласны съ общественными стремленіями и интересами войска; въ противномъ случаѣ община сама низводила ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, поглащая въ себѣ же.

Итакъ мы видимъ, что принудительныя мѣры со стороны епархіальной власти, гоненія и преслѣдованія Военной Коллегіи, направленные противъ старообрядцевъ, не только не достигали цѣли, но еще болѣе способствовали росту и укрѣпленію раскола на Яикѣ. Неплюевъ хорошо понималъ не поколебимую вѣру старообрядцевъ и стойкость ихъ въ убѣжденіяхъ, но не могъ идти открыто противъ распоряженій Военной Коллегіи. Онъ дѣйствовалъ здѣсь вполнѣ благоразумно, вѣротерпимо и осторожно. Замѣчая въ Яицкомъ войскѣ невѣжество и зараженіе расколомъ, онъ старался дѣйствовать чрезъ лучшихъ людей изъ среды самихъ же казаковъ, хотя бы и раскольниковъ, рекомендуя предъ правительствомъ болѣе честныхъ и добросовѣстныхъ изъ нихъ для занятія вліятельныхъ должностей. Такъ, когда, напр., умеръ войсковой атаманъ Илья Меркурьевъ^{а)}, Неплюевъ, указывая на войсковаго старшину Андрея Бородину, замѣчаетъ, что если бы даже и войско отказалось избрать его, Бородину, въ атаманъ: то все-таки, по его мнѣнію, „во всемъ томъ войскѣ лучше Бородину^{б)}, а за нимъ старшины Андрея Миронова и писаря Суетина нѣтъ. *Хотя и они придерживаются раскольническому ученію, однакожь они смышленне и подобострастїе всѣхъ и люди честные, а потому-то,* только при помощи ихъ, можно руководить войскомъ и время отъ времени приводить его въ благочестіе. — А инаково они народъ сумасбродный и къ шалостямъ и къ вольностямъ склонный, а особенно въ раскольническомъ плутовствѣ зараженный, такъ и для руководства своего рады себѣ подобного выбирать, который бы, кромѣ потворства имъ, ничего не смыслилъ, какъ то имъ и нынѣ знатно, ласкаясь надеждою на нихъ о томъ выборѣ, войсковой старшина Митрясовъ, яко также мужикъ сумасбродный и невѣжа безграмотный, больше всѣхъ въ томъ раскольничествѣ угождаетъ, для чего и въ С.-Петербургъ сына своего съ товарищи челобитчикомъ отъ нихъ посылаетъ. А тако ежели-бъ таковаго въ атаманъ выпросить имъ удалось, то оное войско не только въ лучшее состояніе не можно будетъ привести,

^{а)} Меркурьевъ умеръ 5 января 1755 г. См. указъ В. Коллегіи отъ 24 ноября 1749 г. и рапортъ Неплюева въ В. Коллегію, отъ 12 января 1755 г.

^{б)} Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, Бородинъ увлекся властію и не оправдалъ мнѣнія о немъ Неплюева въ глазахъ Яицкаго войска, хотя Военная Коллегія всегда была имъ довольна.

но со временемъ и въ подобное тому легкомысліе можетъ дойти, какъ у нихъ во время полковника Захарова было^{а)}. Вообще нужно замѣтить, что Неплюевъ, живя вблизи Яицкаго войска и имѣя постоянныя сношенія съ нимъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше и вѣрнѣе понималъ строй и духъ общественной жизни на Яикѣ, чѣмъ казанскій архипастырь и Военная Коллегія, а потому и дѣйствовалъ осторожнѣе и благоразумнѣе въ дѣлѣ ослабленія раскола въ Яицкомъ войскѣ.—Будь на мѣстѣ Неплюева такой же ревнитель православія, какъ казанскій епископъ Лука, казаки не удержались бы отъ бунта и если бунта не послѣдовало, то благодаря только опытности и сдержанности, вѣротерпимости и осторожности Неплюева, который, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы преслѣдованіе раскольниковъ на Яикѣ было прекращено. Военная Коллегія, во многомъ раздѣляя мнѣніе Неплюева, тѣмъ охотнѣе согласилась пріостановить гоненія и розыски, что ей предстояла теперь другая важная забота: на западѣ начиналась *Семилѣтняя война*, а въ Оренбургской губерніи въ маѣ 1755 года вспыхнулъ башкирскій бунтъ, подъ руководствомъ мецѣрякского муллы Абдуллы Мязгялдина, отличавшагося фанатическою ненавистью противъ русскихъ властей.

Отстаивая интересы Яицкихъ казаковъ, Неплюевъ старался поставить на видъ и выяснитъ то важное значеніе, которое принадлежало Яицкому войску въ борьбѣ Россіи съ ея внѣшними и внутренними врагами. Чтобы видѣть, на сколько справедливо такое мнѣніе почтеннаго начальника Оренбургскаго края, мы отмѣтимъ въ общихъ чертахъ наряды Яицкихъ казаковъ на внѣшнюю службу^{б)}, съ показаніемъ тѣхъ расходовъ, которыхъ стоила войску большая часть этихъ командировокъ.

Дѣйствительно Яицкіе казаки могли уже и въ то время гордиться своими заслугами, охраняя отъ степныхъ враговъ окраины Россіи и храбро сражаясь въ бояхъ за отечество. Начиная съ 1591 года по 1717 годъ, или въ теченіе 125 лѣтъ Яицкое войско отбыло 24 похода^{в)}, въ которые было командировано въ общей сложности около 12000 казаковъ, кромѣ походныхъ при нихъ атамановъ. Раздѣливъ означенный періодъ времени и количество командированныхъ въ теченіе его казаковъ на число

^{а)} См. рапортъ Неплюева въ Военную Коллегію отъ 18 мая 1755 г. Въ мартѣ 1755 года Бородинъ былъ выбранъ въ наказные атаманы, а въ іюлѣ того же года утвержденъ въ должности.

^{б)} Указаніе на командировки Яицкаго войска мы считаемъ тѣмъ болѣе важнымъ, что Левшинъ, на котораго ссылаются Пушкинъ, Рябининъ и другіе, считаетъ первую службою Уральскихъ казаковъ походъ 1655 противъ Поляковъ, тогда какъ о походахъ 1591, 1629, 1634, равно и о походахъ 1656, 1684, 1685, 1695 и 1697 г. Левшинъ вовсе не упоминаетъ.

^{в)} См. перечень походовъ въ приложеніи подъ № 29.

походовъ, мы видимъ, что чрезъ каждое пятилѣтіе Яицкое войско снаряжало на службу въ среднемъ выводѣ по 500 казаковъ, или по сту человѣкъ ежегодно. Но бывали и такія тяжелыя времена, когда Яицкіе казаки по нѣскольку лѣтъ сряду, а иногда и на одномъ году по два раза должны были снаряжать свои полки для защиты отечества и достиженія цѣлей, намѣченныхъ правительствомъ, по волѣ верховной власти^{а)}. Особенно были часты и значительны по составу командировки изъ Яицкаго войска при Петрѣ Великомъ: въ теченіе только 17 лѣтъ Яицкое войско имѣло одиннадцать походовъ въ составѣ 8170 человѣкъ, при одиннадцати походныхъ атаманахъ. Наболѣе чувствительными и достопамятными были „Свейскіе“ походы^{б)} и экспедиція въ Хиву Бековича Черкаскаго: командированный съ Яика въ Шведскій походъ полкъ Матвѣя Рекунова находился на службѣ болѣе 17 лѣтъ сряду^{в)}, а изъ 1500 Яицкихъ казаковъ, находившихся въ отрядѣ Бековича Черкаскаго, почти все сложили свои головы въ Хивѣ, считавшейся между казаками „заклятой“ до покоренія ея въ 1873 г.^{г)} Не смотря на это, въ томъ же году изъ Яицкаго войска было командировано 1500 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Матвѣя Иванова, въ Украинскій походъ въ отрядъ боярина Апраксина^{д)}. Съ 1724 г. началась служба Яицкихъ казаковъ на Кавказѣ въ Низовомъ корпусѣ, продолжавшаяся до 1774 года, куда войско должно было отправлять отъ 400 до 1000 человѣкъ служилыхъ казаковъ^{е)}. Не говоря уже о значительной потерѣ людей, во время этихъ службъ, отмѣченныя командировки стоили Яицкому войску и весьма значительныхъ денежныхъ расходовъ, такъ-какъ Яицкіе казаки отбывали воинскую повинность на свой счетъ, въ видѣ наѣмки педшихъ на службу и подмоги имъ отъ всего войска. Изъ челобитной Яицкаго войска, поданной Петру Великому 12 октября 1720 г.,^{ж)} отъ имени 2600 казаковъ, видно, что расходы эти были немалые: Чигиринскіе походы въ 1681 и 1682 г. стоили Яицкому войску 5647 р., два Крымскіе похода въ 1685 г.—6945 р., Азовскіе походы 1695—1697 г.—8084 р., четыре Шведскіе похода 1701, 1703, 1704 и 1707 г.г.—32695 р.; походъ въ 1708 г. для усмиренія башкиръ стоилъ 3875 руб., Кубанскій походъ въ 1711 г.—14126 рубл., Харьковскій въ 1713 г.—

^{а)} См. тамъ же.

^{б)} Походы для участія въ войнѣ Россіи съ Швеціей.

^{в)} Уральск. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 36, стр. 6.

^{г)} См. мою статью: „І. И. Желѣзновъ и преданія Уральскихъ казаковъ о Хивѣ“ въ „Др. и Нов. Росс.“, 1880 г., сентябрь.

^{д)} Русск. Архивъ 1879 г., кн. 2, стр. 424.

^{е)} Тамъ же, стр. 425.

^{ж)} Уральск. Войск. Вѣд. 1869 г., №№ 35 и 36.

22642 р., походъ въ Хиву съ Бековичемъ Черкасскимъ—25207 рубл. и т. д. Такимъ образомъ Яицкое войско, начиная только съ 1681 года по 1717 годъ, т. е., въ теченіе 37 лѣтъ, израсходовало на свои командировки, по волѣ верховной власти, 119,221 руб.; раздѣливъ эту сумму на число взятыхъ лѣтъ, мы видимъ, что войско ежегодно расходовало на вѣншія командировки по 3222 р. съ лишкомъ. Если принять при этомъ въ соображеніе цѣнность тогдашняго рубля, превышавшаго настоящій болѣе чѣмъ въ три раза; то ежегодный расходъ Яицкаго войска на вѣншую службу составитъ около 10000 р.;—сумма весьма значительная, если мы не забудемъ и того, что по переписи полковника Захарова число Яицкихъ казаковъ не превышало 5722 челов., включая сюда дѣтей и отставныхъ казаковъ, годныхъ же къ службѣ оказалось только 3196 чел.^{а)} и съ атаманомъ. Присоедините къ этому бывавшій по временамъ недоловъ рыбы, составлявшей въ то время почти единственный источникъ казацкихъ средствъ, угонъ скота сосѣдними киргизами и калмыками, отсутствіе въ Яицкомъ войскѣ земледѣлія въ то время; не забудьте и общихъ городскихъ расходовъ, простиравшихся иногда до 2000 р. въ годъ^{б)}; припомните наѣзды и взятки разныхъ сыщиковъ и фискаловъ въ Яицкій городокъ, ихъ содержаніе на войсковой счетъ и т. п.,—примите все это въ соображеніе и вамъ будетъ понятно, почему Яицкое войско иногда входило въ неоплатные долги^{в)}, имѣло плохую „военную справу“ и почему оно такъ горячо полюбило и воспѣло свой родной Яикъ, назвавъ его „золотымъ доньшкомъ съ серебряной покрывашкой“,—безъ „Яика Горыныча“ Яицкому войску едва-ли-бы снести то, что оно перенесло, и оказать тѣ заслуги отечеству и боевые подвиги, которыми оно можетъ гордиться, не смотря на свои частые протесты видамъ правительства и участіе въ Пугачевщинѣ.

Находя не удобнымъ поддерживать духовную пропаганду въ томъ видѣ, какъ она доселѣ была ведена, подъ наблюденіемъ казанскаго епископа, правительство рѣшилось пріостановить такую пропаганду, а „епископъ Лука“,—какъ замѣчаетъ Любарскій,—„въ томъ-же (1755) г. переведенъ

^{а)} См. выше стр. 236.

^{б)} См. выше стр. 308.

^{в)} Въ настоящее время Уральское войско платитъ въ годъ различныхъ повинностей, включая сюда и натуральныя, 1,736,211 р. 35 к., что составитъ въ среднемъ выводъ 35 р. 50 к. на душу. Къ 1 января 1886 г. за Уральскимъ войскомъ числилось недоимки 1,007,568 р., или по 20 р. 60 коп. на душу.—Изъ 19,342 хозяйствъ, которыя насчитываются въ войскѣ, 51% заним. преимущественно хлѣбопашествомъ, 41,3%—рыболовствомъ, 26%—скотоводствомъ, остальная тысяча хозяйствъ получаетъ средства къ существованію отъ разнообразныхъ занятій, начиная съ торговли и кончая службой. Смотри въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (1889 года, іюнь) статью Н. Бородинъ: „Эконом. перепись населенія земли Уральск. каз. войска въ зиму 1885—1886 г.“.

былъ въ Вѣлгородскую епархію (гдѣ по немногихъ годахъ скончался) — въ предвареніе всеобщаго смятенія, а также въ прекращеніе часто случавшихся по той же причинѣ съ свѣтскими правительствами несогласій^{а)}. Впрочемъ, не смотря на это, мы далеки отъ того, чтобы не признать за энергичнымъ Лукою его заслугъ на пользу Казанской епархіи. Стремленіе этого пастыря къ просвѣщенію духовенства, попеченіе объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи и въ самой Казани новокрещенскихъ школъ, и наконецъ, приобрѣтеніе для церкви нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ^{б)}, обращенныхъ изъ инородцевъ въ православіе, хотя-бы въ большинствѣ случаевъ наружно, — все это заставляеть насъ мириться съ запальчивостью и религіозной нетерпимостью Луки въ его миссіонерской дѣятельности. Любарскій, хорошо знавшій Луку и его дѣятельность, замѣчаетъ о немъ: „Казанская епархія своимъ просвѣщеніемъ, благочестіемъ и должнымъ во всемъ порядкомъ ему первому должна, такъ что сначала архерействованія его Казанская епархія историческій хорошаго нынѣшняго состоянія періодъ начинаетъ^{в)}“.

Такимъ образомъ Неплюевъ, стараясь ограничить произволь Яицкихъ казаковъ, умѣлъ согласовать свои реформы среди нихъ съ обычаями народа, освященными вѣками. Не желая возстановлять противъ себя Яицкаго войска сильной и неумѣстной ложкой ихъ внутренняго строя, онъ чрезвычайно осторожно относился къ ихъ стариннымъ правамъ и порядкамъ, которые особенно для нихъ были дороги. Проектируя штаты и очередную службу въ Яицкомъ войскѣ, онъ отстаиваетъ установившуюся издавна въ немъ наѣмку, сознавая важное значеніе ея въ экономическомъ отношеніи для общины; устраняя казаковъ отъ вмѣшательства въ административныя дѣла и обязанности войскового атамана, онъ оставляетъ казакамъ и Войсковой Кругъ, для обсужденія, такъ сказать, домашнихъ ихъ нуждъ и дѣлъ; усиливая власть и значеніе войскового атамана, онъ строго предписываетъ ему не обижать подчиненныхъ, которые, въ случаѣ „чинимыхъ имъ обидъ“, могли апеллировать на рѣшеніе Войскового Суда въ Оренбургскую губернскую канцелярію; преслѣдуя бѣглыхъ, укрывавшихся отъ податей и государственныхъ обязанностей, не сочувствуя расколу въ его принципѣ, онъ не желаетъ насиловать религіозныхъ убѣжденій силою оружія и т. п. Почти одновременно съ увольненіемъ Неплюева отъ должности

^{а)} См. „Прав. Собесѣд.“ 1868 г., № 8, стр. 103.

^{б)} Въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка крещеныхъ инородцевъ въ Казанской епархіи считалось 15,000 душъ, а въ 1747 г. ихъ было уже болѣе 100,000 душъ (См. „Прав. Собесѣд.“ 1858 г., т. 3, стр. 477), если только эта цифра не была фиктивной, что продолжалось нашими миссіонерами и гораздо послѣ.

^{в)} „Прав. Собесѣд.“ 1858 г., т. 2, стр. 564.

оренбургскаго губернатора, среди Яицкаго войска снова, какъ это было и до Неплюева, начинаются внутренніе безпорядки, которые усиливаются и растутъ весьма быстро, подѣ влияніемъ недовольства народной партіи дѣйствіями атамана и старшинъ. Началась ожесточенная и непримиримая междоусобная борьба старшинской партіи съ народной. Военная Коллегія организуетъ въ Яицкомъ городкѣ особую Слѣдственную Коммиссію и назначаетъ въ нее генераль-маіора Брахвелъта. Въ февралѣ 1763 г. состоялось слѣдующее постановленіе въ Военной Коллегіи: „къ войску Яицкому послать грамоту, которою наискрѣпчайше подтвердить, чтобъ какъ онаго войска войсковой атаманъ, такъ и прочіе старшины и казаки во внутреннихъ ихъ порядкахъ и въ другихъ дѣлахъ между собою во всемъ доброе согласіе имѣли и никакихъ бы безпорядковъ и своевольствъ отнюдь ни отъ кого не происходило; а ежели и за симъ подтвержденіемъ кто въ такихъ продерзостяхъ окажется, и таковымъ казакамъ въ учрежденной при войскѣ Яицкомъ Слѣдственной Коммиссіи чинить наказаніе, по разсмотрѣнію генераль-маіора Брахвелъта, а о старшинахъ, съ прописаніемъ ихъ винъ, представлять Коллегіи и до такихъ своевольствъ и непорядковъ, по самой строгости, отнюдь никого не допускать“^{а)}.

Но ни посланная на Яикъ грамота, ни другія мѣры Военной Коллегіи, почему-то медлившей коренными преобразованіями въ Яицкомъ войскѣ, не умиротворили и не успокоили казаковъ. Слѣдственная Коммиссія только еще больше, какъ и раньше, осложняла и обостряла взаимныя отношенія двухъ враждебныхъ партій, старшинской и народной. Войсковой атаманъ и старшины, хорошо зная свои поступки, старались такъ или иначе расположить членовъ Слѣдственной Коммиссіи въ свою пользу; послѣдніе начинали держать ихъ сторону, вопреки правосудію, или же лавировали между обѣими сторонами. Неудовольствіе народной партіи росло; казаки протестовали и жаловались на несправедливость слѣдователей, обличая атамана и старшинъ въ злоупотребленіяхъ и растратѣ казенныхъ и общественныхъ суммъ. Военная Коллегія мѣняла слѣдователей, но перемѣна лицъ не въ силахъ была измѣнить хода угрожавшихъ событій: дѣйствующія лица или плохо понимали свою роль, или же старались сыграть ее въ угоду меньшинства. Наконецъ 13 января 1772 г. въ Яицкомъ городкѣ разыгралась кровавая братоубійственная драма^{б)}: народники убили атамана Тамбовцева, вырвавъ у него изъ груди сердце; изрубили

^{а)} Воинск. Комм., оп. 121, св. 9, № 21. См. въ „Русск. Архивѣ“ 1878 г., кн. I, стр. 488.

^{б)} Подробности этой рѣзки см. въ моемъ изслѣдованіи: „Яицкое войско до появленія Пугачева“ (Русск. Арх., 1879 г. кн. 3, стр. 439—443) и въ трудѣ Н. О. Дубовина: „Пугачевъ и его сообщники“, Спб. 1884 г., т. I, стр. 67—72.

саблями генераль-маіора Траубенберга, насыпавъ ему, уже мертвому, нюхательнаго табаку въ ротъ и глаза; безчеловѣчнымъ образомъ лишили жизни дьяка Суетина и писаря Іюгунова, бросивъ ихъ трупы въ воду; изуродовали капитана гвардіи Дурново; избили и переранили многихъ старшинъ и казаковъ ихъ партіи, разграбивъ ихъ дома и имущество; дѣла Слѣдственной Коммиссіи были уничтожены; убитые были раздѣты, разуты и выставлены на позоръ страстной до всякихъ зрѣлищъ праздной толпы; озлобленные казаки не хотѣли даже дать мѣста на кладбищѣ для погребенія несчастныхъ жертвъ ихъ мести: они требовали, чтобы священники лишили ихъ церковнаго отпѣванія и желали, чтобы тѣла убитыхъ были вывезены въ степь на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Петребевались энергичныя мѣры для усмиренія бунтовщиковъ; начались розыски и наказанія виновныхъ; многіе разбѣжались; мѣстныя тюрьмы были переполнены, а на горизонтѣ Оренбургскаго края занималась заря ужасной Пугачевщины.— Дѣятельное участіе Яицкихъ казаковъ въ Пугачевскомъ бунтѣ заставило Военную Коллегію разомъ покончить съ казачьимъ самоуправленіемъ. Императрица Екатерина II, 15 января 1775 г., въ Царскомъ Селѣ подписала указъ, которымъ Высочайше повелѣвалось, для совершеннаго забвенія кровавыхъ происшествій на Яикѣ, переименовать рѣку Яикъ—въ Уралъ, Яицкое войско—въ Уральское и Яицкій городокъ—въ Уральскъ. Прежде во всѣхъ указахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, рядомъ съ именемъ атамана, всегда стояло имя всего войска, напримѣръ: «*Нашего Яицкаго войска войсковому атаману Петру Тамбовцеву и всему Нашему войску*»; съ этого же времени всѣ правительственныя бумаги пишутся уже прямо на имя одного атамана, такъ: «*Уральскаго войска войсковому атаману и арміи господину полковнику Бородину*». Такимъ образомъ, самоуправленіе и самое имя Яицкихъ казаковъ рушились безвозвратно и сдѣлались достояніемъ исторіи Русскаго народа, служащаго несокрушимымъ оплотомъ порядка и самодержавной власти своихъ законныхъ государей.— Оставайся въ это время на своемъ мѣстѣ Неплюевъ, мы думаемъ, едвали бы онъ допустилъ Яицкихъ казаковъ до такого звѣрскаго ожесточенія, какое они обнаружили въ январской рѣзнѣ, и до участія ихъ въ Пугачевщинѣ; но тогда на его мѣстѣ были другіе, которые не имѣли ни его ума, ни его административной и политической опытности.

Иногородніе и книгопродавцы могутъ обращаться или въ книжный магазинъ Коммиссіонера Императорскаго Казанскаго университета, **А. А. Дубровина**, (Гостинный рядъ, № 1) или прямо къ автору по слѣдующему адресу: Казань, наставнику Казанской учительской семинаріи и преподавателю словесности въ Маріинской женской гимназіи, **Владиміру Николаевичу Витевскому** (домъ Викторова, на Покровской улицѣ). Книгопродавцамъ другихъ городовъ книга на комиссію не высылается, а лишь—по полученіи отъ нихъ денегъ; уступка—по соглашенію.

Тамъ же можно получить слѣдующее, оставшееся въ самомъ незначительномъ количествѣ, сочиненіе того же автора:

В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, какъ человекъ и наставникъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.
Цѣна 50 коп.

Главный складъ изданій у автора.

Ихъ 12

87

ЦѢНА ВТОРОМУ ВЫПУСКУ 2 РУБЛЯ.